

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Уральский государственный педагогический университет»

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

5(59)'2016

Научный журнал

- Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-34838 от 25.12.2008
- Зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standard Serial Numbering – ISSN) с присвоением международного стандартного номера ISSN 1999-2629 от 14.05.2008
- Материалы журнала размещаются на сайте научных журналов Уральского государственного педагогического университета: journals.uspu.ru
- Включен в каталог Роспечать. Индекс 81955
- Материалы журнала размещаются на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки
- Включен в базу данных European Reference Index for the Humanities (ERIH PLUS), id 485994
- Включен в международный каталог периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory
- Включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук, Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ

Екатеринбург 2016

УДК 409.34
ББК Ш107
П50

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор: доктор филол. наук, проф. А. П. ЧУДИНОВ (Екатеринбург)

Заместители главного редактора:

доктор филол. наук, доцент Э. В. БУДАЕВ (Нижний Тагил)

кандидат филол. наук, доцент М. Б. ВОРОШИЛОВА (Екатеринбург)

Члены редакционной коллегии:

PhD, профессор Р. АНДЕРСОН (Лос-Анджелес, США)

доктор филол. наук, профессор В. Н. БАЗЫЛЕВ (Москва, Россия)

доктор филол. наук, профессор В. М. БРИЦЫН (Киев, Украина)

PhD, профессор АНДЖЕЙ ДЕ ЛАЗАРИ (Лодзь, Польша)

PhD, профессор Д. ВАЙС (Цюрих, Швейцария)

доктор филол. наук, профессор, чл.-кор. РАН В. А. ВИНОГРАДОВ (Москва, Россия)

доктор филол. наук, профессор Е. А. НАХИМОВА (Екатеринбург, Россия)

доктор филол. наук, профессор Э. ЛАССАН (Каунас, Литва)

доктор филол. наук, профессор Н. Б. РУЖЕНЦЕВА (Екатеринбург, Россия)

PhD, профессор П. СЕРИО (Лозанна, Швейцария)

доктор филол. наук, профессор В. В. ХИМИК (Санкт-Петербург, Россия)

доктор филологических наук, профессор У АЙХУА (Пекин, Китай)

PhD, профессор Л. ЦОНЕВА (Велико-Тырново, Болгария)

доктор филол. наук, профессор Е. В. ШУСТРОВА (Екатеринбург, Россия)

PhD, профессор ЯН КЭ (Гуанчжоу, Китай)

Технический редактор: кандидат филол. наук Д. О. МОРОЗОВ

Заведующий отделом перевода: кандидат филол. наук И. С. ПИРОЖКОВА

Политическая лингвистика / гл. ред. А. П. Чудинов ; ФГБОУ ВО
П50 «Урал. гос. пед. ун-т». – Екатеринбург, 2016. – Вып. 5 (59). – 203 с.
ISSN 1999-2629

Журнал призван способствовать обмену новейшей информацией в области политической лингвистики, а также в сфере взаимоотношений языка, культуры и общества. Включает пять основных разделов – «Теория политической лингвистики», «Политическая коммуникация», «Язык – политика – культура», «Лингвистическая экспертиза: язык и право» и «Из истории политической лингвистики». Предназначен для филологов, политологов, социологов и всех тех, кто интересуется проблемами политической коммуникации.

УДК 409.34
ББК Ш107

Благодарим РНФ за материальную поддержку проекта в рамках гранта № 16-18-02102 «Речевое воздействие на русском языке в конфликтных и неконфликтных политических ситуациях и методология его лингвистической экспертизы с использованием современных методик (лингвокогнитивный, лингвориторический, психолингвистический анализ, критический анализ дискурса, комплексный анализ креолизованного текста и др.)».

ISSN 1999-2629

© ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет», 2016

© Политическая лингвистика, 2016

Ural State Pedagogical University

POLITICAL LINGUISTICS

5(59)'2016

Editor-in-Chief

Anatoliy P. Chudinov, Ph.D., Prof. (Ekaterinburg)

Deputy Editors-in-Chief:

Edward V. Budaev, Ph.D., Assoc. Prof. (Nizhniy Tagil)
Maria B. Voroshilova, Ph.D., Assoc. Prof. (Ekaterinburg)

Editorial Board

Richard Anderson Jr., Ph.D., Prof. (Los Angeles, USA)
Vladimir N. Bazylev, Ph.D., Prof. (Moscow, Russia)
Britsyn V. M., Ph. D. (Kiev, Ukraine)
Vasiliy V. Khimik, Ph.D., Prof. (Saint-Petersburg, Russia)
Eleonora Lassan, Ph.D., Prof. (Kaunas, Lithuania)
Andrzej de Lazari, Ph.D., Prof. (Lodz, Poland)
Elena A. Nakhimova, Ph.D., Prof. (Ekaterinburg)
Natalia B. Ruzhentseva, Ph.D., Prof. (Ekaterinburg, Russia)
Elizaveta V. Shustrova, Ph.D., Prof. (Ekaterinburg, Russia)
Patrick Seriot, Ph.D., Prof. (Lausanne, Switzerland)
Lilyana Tsoneva, Ph.D., Prof. (Veliko Tarnovo, Bulgaria)
Viktor A. Vinogradov, Ph.D., Prof. (Moscow, Russia)
Daniel Weiss, Ph.D., Prof. (Zurich, Switzerland)
Yang Ke, Ph.D., Prof. (Guangzhou, China)
Wu Aihua, Ph.D., Prof. (Beijing, China)

Ekaterinburg 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Редакционные принципы журнала «Политическая лингвистика»	8
--	---

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Алферов А. В., Кустова Е. Ю. Пятигорск, Россия Червоный А. М. Таганрог, Россия	Исследование парламентского дискурса 2014—2016 гг.: концептуализация итогов.....	10
Васильев А. Д. Красноярск, Россия	Игры сакральным/профанным в тексте В. В. Набокова	17
Иванова С. В. Санкт-Петербург, Россия	Лингвистическая ресурсная база информационной войны: создание эффекта демонизации.....	28
Купина Н. А. Екатеринбург, Россия	Предвыборная агитационная кампания — 2016: аксиологический консерватизм и идеологический радикализм.....	38
Лу Тинтин Пекин, Китай	Политическая лингвистика в Китае: теория и основные направления.....	46
Стеклова Т. И. Новосибирск, Россия	Декларативность в политическом дискурсе	56

РАЗДЕЛ 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Гольшкина Л. А. Новосибирск, Россия	Структуры аргументации в ритуальной политической речи	63
Закиева Т. М. Рамазанова А. А. Махачкала, Россия	Лингвостилистические стратегии выражения субъективной оценки в корпусе информационно-аналитических текстов	69
Коцюбинская Л. В. Санкт-Петербург, Россия	Метафора «информационная атака» как объект лингвистического исследования.....	77
Крижановская Е. М. Пермь, Россия	Коммуникативные стратегии и тактики публичных выступлений кандидатов в депутаты регионального уровня	82
Милостивая А. И. Ставрополь, Россия	Эвиденциальные конструкции как дейктические маркеры коммуникативного субъекта в газетном нарративе.....	86
Училов П. С. Елабуга, Россия	Дискурсивные практики Президента РФ: историческая роль спичрайтеров.....	92
Химинец Е. М. Пермь, Россия	Анализ эвфемизмов в политическом дискурсе.....	103

РАЗДЕЛ 3. ЯЗЫК — ПОЛИТИКА — КУЛЬТУРА

Демин К. А. Пушкарева И. Н. Тагильцева Ю. Р. Екатеринбург, Россия	Компьютерные игры военного жанра как элемент пропаганды в информационной войне России и США.....	110
Желтухина М. Р., Павлов П. В. Волгоград, Россия	Социальная сеть «Facebook» как социальная структура и инструмент организации современных коммуникаций и политических конфликтов.....	117

Лату М. Н., Раздуев А. В. Пятигорск, Россия	Дискурсивная специфика дефиниции термина (на примере русскоязычных политических терминов).....	124
Ткаченко Ю. Г. Екатеринбург, Россия	Языковая матрица гендерных стереотипов	131

РАЗДЕЛ 4. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА: ЯЗЫК И ПРАВО

Замотина Е. И. Дубровская Т. В. Пенза, Россия	Межнациональные отношения в юридическом дискурсе: репрезентации и топосы (на примере конституций России и США).....	136
Лыкова Н. Н. Тюмень, Россия	Терминология правосудия в старофранцузском и древнерусском языках: сопоставительный аспект	142

РАЗДЕЛ 5. ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

N'Guessan K. G. Abidjan, Côte d'Ivoire	In the name of the author and of the text: writing as (pro)creation.....	150
Стышинский М. Познань, Польша <i>Пер. с английского Э. В. Будаева</i>	Джихадистская пропаганда в Интернете и социальных медиа	158
Эдельман М. США <i>Пер. с английского И. С. Пирожковой, С. М. Полякова</i>	Категоризация, восприятие и политика (2).....	165

РАЗДЕЛ 6. РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА

Будаев Э. В. Екатеринбург, Россия	Метафора и социальный мир.....	172
Плотникова М. В. Екатеринбург, Россия Зеленина Т. И. Ижевск, Россия	Образ современной России во французском политическом дискурсе.....	176
Бабикова М. Р. Ворошилова М. Б. Екатеринбург, Россия	Политическая лингвистика: проблематика, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления	180
Дербишева З. К. Бишкек, Киргизия Пименова М. В. Санкт-Петербург, Россия Цыганкова А. В. Екатеринбург, Россия	Слово о XXII Международной Летней научной школе «Когнитивная лингвистика и концептуальные исследования: русский язык и русская лингвокультурологическая школа» (15—25 августа, Киргизия, Бишкек — Иссык-Куль).....	187

Правила представления авторами рукописей в журнал «Политическая лингвистика»	195
--	-----

CONTENTS

Editorial principles of the journal “Political Linguistics”	8
---	---

PART 1. THEORY OF POLITICAL LINGUISTICS

<p>Alferov A. V., Kustova E. Y. Pyatigorsk, Russia Chervony A. M. Taganrog, Russia</p>	<p>The study of parliamentary discourse 2014—2016: outcomes conceptualization</p>	10
<p>Vasiljev A. D. Krasnoyarsk, Russia</p>	<p>The sacred and the profane in the text by V. V. Nabokov</p>	17
<p>Ivanova S. V. Saint Petersburg, Russia</p>	<p>Linguistic resources employed in an information warfare : demonization effect techniques</p>	28
<p>Kupina N. A. Ekaterinburg, Russia</p>	<p>Election propaganda 2016: axiological conservatism and ideological radicalism</p>	38
<p>Lu Tingting Beijing, China</p>	<p>Political linguistics in China: theory and main trends</p>	46
<p>Steksova T. I. Novosibirsk, Russia</p>	<p>Declarativity in political discourse</p>	56

PART 2. POLITICAL COMMUNICATION

<p>Golyshkina L. A. Novosibirsk, Russia</p>	<p>Argumentation structures in the ritual political speech</p>	63
<p>Zakieva T. M. Ramazanova A. A. Makhachkala, Russia</p>	<p>Lingo-stylistic strategies of expressing subjective evaluation in the corpus of analytical texts</p>	69
<p>Kotsyubinskaya L. V. St. Petersburg, Russia</p>	<p>Metaphor “information attack” as the object of linguistic study</p>	77
<p>Krizhanovskaya E. M. Perm, Russia</p>	<p>Communicative strategies and tactics in regional candidates’ public speeches</p>	82
<p>Milostivaya A. I. Stavropol, Russia</p>	<p>Evidential constructions as deictic markers of communicative subject in newspaper narrative</p>	86
<p>Uchirov P. S. Yelabuga, Russia</p>	<p>Discursive practices of the President of the Russian Federation: the historical role of speechwriters</p>	92
<p>Khiminets E. M. Perm, Russia</p>	<p>The analysis of euphemisms in political discourse</p>	103

PART 3. LANGUAGE — POLITICS — CULTURE

<p>Demin K. A. Pushkareva I. N. Tagiltseva Y. R. Ekaterinburg, Russia</p>	<p>Military genre computer games as an element of propaganda in information warfare between Russia and the USA</p>	110
<p>Zheltukhina M. R., Pavlov P. V. Volgograd, Russia</p>	<p>Social network “Facebook” as social structure and tool of the organization of modern communications and political conflicts</p>	117

Latu M. N., Razduyev A. V. Pyatigorsk, Russia	Discursive features of the term definition (based on Russian political terms)	124
Tkachenko Y. G. Ekaterinburg, Russia	The language matrix of gender stereotypes	131

PART 4. LINGUISTIC EXPERTISE: LANGUAGE AND LAW

Zamotina E. I. Dubrovskaya T. V. Penza, Russia	Interethnic relations in legal discourse: representations and topoi (based on Russian and American constitutions)	136
Lykova N. N. Tyumen, Russia	Comparative aspect of legal terminology in Old French and Old Russian	142

PART 5. FOREIGN EXPERIENCE

N'Guessan K. G. Abidjan, Côte d'Ivoire	In the name of the author and of the text: writing as (pro)creation.....	150
Styszynski M. Poznan, Poland <i>Transl. from English by E. V. Budaev</i>	Jihadist propaganda in the Internet and social media	158
Edelman M. USA <i>Transl. from English by I. S. Pirozhkova, S. M. Polyakov</i>	Categorization, perception, and politics (2)	165

PART 6. REVIEWS. CHRONICLE

Budaev E. V. Ekaterinburg, Russia	Metaphor and social world	172
Plotnikova M. V. Ekaterinburg, Russia	The image of contemporary Russia in French political discourse	176
Zelenina T. I. Izhevsk, Russia		
Babikova M.R. Voroshilova M.B. Ekaterinburg, Russia	Political linguistics: issues, methods, aspects of research and perspectives of the scientific field.....	180
Derbisheva Z. K. Bishkek, Kyrgyzstan	The XXII Summer Scientific School "Cognitive linguistics and conceptual research"	
Pimenova M. V. St. Petersburg, Russia	(August 15—25, Kyrgyzstan, Bishkek — Issyk-Kul).....	187
Tsygankova A. V. Ekaterinburg, Russia		
Manuscripts requirements		195

РЕДАКЦИОННЫЕ ПРИНЦИПЫ ЖУРНАЛА «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА»

Уважаемые авторы и коллеги, в истории развития нашего журнала наступил некий период «зрелой оценки». Мы перестали быть специализированным журналом для узкого круга любителей «политической лингвистики». По результатам 2012 года мы прочно закрепились в числе 10 самых цитируемых лингвистических журналов в России. А значит, расширился круг наших авторов и читателей.

Именно сейчас мы решили сформулировать основные редакционные принципы нашего журнала, что позволит легче вливаться в наш коллектив новым авторам, позволит наладить конструктивное сотрудничество.

Опираясь на наш многолетний опыт, на уже сформировавшиеся традиции нашего журнала, а также на принятые в мировой практике основы редакционной этики (см., например: *Кодекс этики научных публикаций* (<http://publicet.org/code/>), *Code of Conduct and Best Practice Guidelines for Journal Editors* (<http://publicationethics.org/resources/code-conduct>) и др.), мы представляем общие редакционные принципы нашего журнала.

Мы надеемся, что данные принципы будут приняты всеми, кто тем или иным образом участвует в жизни нашего журнала — авторами, рецензентами, редакторами, издателями, распространителями и читателями.

Общие принципы журнала «Политическая лингвистика»

Мы уважаем существующие в каждом государстве национальные особенности политической коммуникации, связанные с историей, культурой и политической системой данного государства.

Мы считаем необходимым соблюдение принципов толерантности и политической корректности, в том числе в статьях, созданных в рамках критического анализа дискурса.

Мы исходим из того, что сам факт анализа политических текстов, созданных политическими экстремистами, вовсе не свидетельствует о том, что автор публикации или редакционная коллегия в какой-либо степени солидарны с позицией соответствующего политического лидера или журналиста.

В сочетании «политическая лингвистика» для нас значимы обе части. И хотя мы считаем наш журнал лингвистическим, стремимся предоставлять трибуну политологам, психологам, социологам и специалистам по иным социально-гуманитарным наукам.

Мы стремимся к общедоступности, поэтому наш журнал представлен в свободном доступе на сайте научных журналов Уральского государственного педагогического университета *journals.uspu.ru*, в Научной электронной библиотеке *E-library*, а также на сайте *cognitiv.narod.ru*, где размещены и иные публикации по проблемам политической лингвистики, преимущественно подготовленные в рамках Уральской школы политической лингвистики.

Мы стремимся к сохранению научных традиций, чему в нашем журнале призван служить раздел «Из истории политической лингвистики», предназначенный для публикации впервые переведенных на русский язык работ, которые, хотя и написаны много десятилетий назад, сохраняют свою значимость для теории и истории науки.

Мы приглашаем к активному сотрудничеству всех, интересующихся проблемами политической лингвистики. В частности, мы будем благодарны за помощь в поиске материалов для раздела «Из истории политической лингвистики»: к сожалению, нам все труднее находить переводчиков-волонтеров, и мы будем благодарны всем, кто либо сам найдет и переведет интересный текст, либо предложит свои услуги в качестве переводчика для текста, подобранного редакцией. Как известно, публикация перевода, в соответствии с решением экспертного совета ВАК, приравнивается для переводчика к публикации научной статьи, что иногда бывает важным при представлении диссертации к защите. Также редакционная коллегия будет благодарна за присланные рецензии на новые интересные работы, соответствующие тематике нашего журнала.

Принципы редактора журнала «Политическая лингвистика»

При принятии решения о публикации наши редакторы руководствуются в первую очередь научной значимостью рассматриваемой работы и новизной представленного материала.

Наши редакторы стремятся оценивать интеллектуальное содержание рукописей вне зависимости от расы, пола, сексуальной ориентации, религиозных взглядов, происхождения, гражданства, социального положения или политических предпочтений авторов. Учитывая специфику журнала, особенно важно последнее: как уже неоднократно сообщалось, мы против политической цензуры, с уважением относимся к политическим взглядам авторов наших публикаций, хотя не всегда и не во всем с ними согласны.

Редактор не должен допускать к публикации информацию, если имеется достаточно оснований полагать, что она является плагиатом. Напоминаем, что с мая 2012 г. все поступающие в редакцию статьи тестируются в системе «Антиплагиат».

Мы настроены на тесный контакт с нашими авторами, поэтому наши редакторы не оставляют без ответа любые вопросы, касающиеся рассмотренных рукописей или опубликованных материалов, а при выявлении спорной ситуации мы стремимся сохранить научное равновесие и дать возможность авторам научно и корректно высказать свою точку зрения.

Принципы автора журнала «Политическая лингвистика»

Авторы статьи должны представлять достоверные результаты проведенных исследований.

Заведомо ошибочные или сфальсифицированные утверждения неприемлемы.

Авторы должны гарантировать, что результаты исследования, изложенные в представленной рукописи, полностью оригинальны. Чрезмерные заимствования, а также плагиат в любых формах, включая неоформленные цитаты, перефразирование или присвоение прав на результаты чужих исследований, неэтичны и неприемлемы.

Необходимо признавать вклад всех лиц, так или иначе повлиявших на ход исследования, в частности, в статье должны быть представлены ссылки на работы, которые имели значение при проведении исследования.

Авторы не должны представлять в журнал рукопись, которая была отправлена в другой журнал и находится на рассмотрении, а также статью, уже опубликованную в другом журнале. Подобные «исследования» мы возвращаем создателям с указанием места первоначальной публикации и добрыми пожеланиями.

В качестве соавторов статьи следует указывать всех лиц, внесших существенный вклад в проведение исследования. Среди соавторов недопустимо указывать лиц, не участвовавших в исследовании.

Если автор обнаружит существенные ошибки или неточности в статье на этапе ее рассмотрения или после опубликования, он должен как можно скорее уведомить об этом редакцию журнала. В таком случае мы публикуем уточняющую информацию в ближайшем номере.

Мы не имеем возможности оплачивать труд литературных редакторов и корректоров, а потому ответственность за подбор и точность цитат или иного рода недочеты несут авторы публикаций.

Контакты.

Почтовый адрес: 620017, Екатеринбург, пр-т. Космонавтов 26, Уральский государственный педагогический университет, кафедра риторики и межкультурной коммуникации (каб. 285).

Телефоны:

(343)3361592 (гл. редактор А. П. Чудинов).

Факс (343) 3361592.

Электронная почта: [ap_chudinov@mail.ru.](mailto:ap_chudinov@mail.ru),

[shinkari@mail.ru.](mailto:shinkari@mail.ru)

С уважением

и надеждой на сотрудничество:

д-р филол. наук, проф.

Анатолий Прокопьевич Чудинов,

д-р филол. наук, доцент

Эдуард Владимирович Будаев,

канд. филол. наук, доцент

Мария Борисовна Ворошилова,

канд. филол. наук

Даниил Олегович Морозов.

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 81'42:81'38:81'27

ББК Ш105.51+Ш105.55+Ш100.621

ГСНТИ 16.21.27; 16.21.55

Код ВАК 10.02.20

А. В. Алферов, Е. Ю. Кустова

Пятигорск, Россия

А. М. Червоный

Таганрог, Россия

ИССЛЕДОВАНИЕ ПАРЛАМЕНТСКОГО ДИСКУРСА 2014—2016 ГГ.: КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ИТОГОВ

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются результаты исследования европейской парламентской коммуникации, проведенной учеными Юга России, на основе аутентичных документов европейских парламентов с применением методов интеракционного картирования, интен- и контент-анализа, в прагматической перспективе. Авторы излагают выработанную стратегию научного исследования парламентского дискурса в статике и в динамике. Определяющим фактором исследования становится анализ речевого поведения политиков по направлениям реализации выделенных авторами интеракционных категорий — интерсубъективности, аргументации и аксиологии, имплицитности, интертекстуальности и дискурсивной когерентности. В работе выводятся два новых для исследуемой области концепта: «ментальная текстуальность» и «текстуальная ментальность», представленные как основополагающие составляющие деятельности европейской парламентской дискурсивной формации в свете современной международной политики. Предлагается стратегия научного исследования парламентского дискурса в статике и динамике, включающая следующие этапы: создание текстового корпуса с жанровой дифференциацией (например, законодательный акт, закон, парламентское обращение, дебаты); разделение жанров на интеракционные, аргументативные (направленные «за» или «против» чего-либо) и конклюдивные (декларативной природы); прагматический анализ парламентских дебатов, позволяющий проследить динамику политического дискурса; анализ речевого поведения политиков по направлениям реализации интеракционных категорий.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: парламентский дискурс; европейская парламентская дискурсивная формация; исследование европейского парламентского дискурса; текстуальная ментальность; ментальная текстуальность.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Алферов Александр Владимирович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры французской филологии и межкультурной коммуникации, директор научно-исследовательского центра интеракционной лингвистики и институционально-правовой коммуникации, Пятигорский государственный лингвистический университет; 357532, г. Пятигорск, пр-т Калинина, 9; e-mail: ale-alfyorov@yandex.ru.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Кустова Елена Юрьевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры французской филологии и межкультурной коммуникации, Пятигорский государственный лингвистический университет; 357532, г. Пятигорск, пр-т Кирова, 63; e-mail: lenakustov@yandex.ru.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Червоный Александр Михайлович, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой немецкого и французского языков Таганрогского института имени А. П. Чехова — филиала Ростовского государственного экономического университета (РИНХ); 347936, г. Таганрог, ул. Петровская, 68; e-mail: skutrik@yandex.ru.

Рассматриваемое в статье исследование парламентского дискурса современной Европы проводилось учеными нескольких вузов Юга России при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект 14-04-00029 «Культурологические и лингвопрагматические аспекты парламентской коммуникации в странах Евросоюза (Великобритания, Германия, Франция. Европарламент)».

Главным теоретическим установлением исследования стало положение о том, что интеракционность парламентского дискурса (ПД) проявляется прежде всего как взаимодействие политических акторов и производных от них политических текстов-дискурсов.

Парламентский дискурс — институционально-центральный в политической коммуникации. Актуальность и необходимость его исследования не только обусловлены узкоспециальным интересом в политической и дискурсивной лингвистике, но и определяются самим обществом по мере того, как

Статья написана при поддержке РГНФ (проект 14-04-00029).

повышается интерес к законодательному процессу: все четче проявляется потребность гражданского общества видеть реализацию своих прав и исполнение социальных запросов в выборных институтах власти. Отсюда возникает необходимость научиться и научить понимать парламентскую коммуникацию. Для этого нужно прежде всего обратиться к имманентным чертам явления «парламентский дискурс», проникнуть в его природу, наметить пути его культурологического и лингвистического исследования.

Идея парламентаризма до сих пор не вошла в социальный менталитет русского человека, в его национальную идентичность. Современные отечественные парламентские институты названы двумя архаическими словами с отрицательной исторической коннотацией — «Дума» и «Сенат». «Боярская дума» — оппозиция Петровскому прогрессу, «Сенатская площадь» — расстрел «революционных декабристов»... Вот и вся традиция... То ли дело в старой доброй Англии — с другой стороны, британский парламент

связан с церемониальностью и чопорностью, граничащей с абсурдностью: обыск подвалов Вестминстерского дворца, выезд королевы в государственной карете из Букингемского дворца в здание Парламента в сопровождении королевской гвардии и красочного эскорта. Герольдмейстер (титул существует с 1350 г.) во время церемонии несет «Черный жезл» (Black Rod) и многое, многое другое [Минаева 2015].

Однако культуроведческий и протокольный аспект европейских парламентских традиций останется в стороне от нашего исследования в силу того исторического момента, который переживает сегодняшняя Европа. Законодательные собрания европейских государств втянуты в мировые геополитические игры, становясь в них еще одной «патетической иглой», очерчивающей давно изъезженную фонографическую дорожку: «Русские идут!» — во все времена и по каждому поводу.

В готовящейся монографии (Европейский парламентский дискурс: прагмалингвистические очерки : коллективная монография / ред. А. В. Алферов, Е. Ю. Кустова, А. М. Червоный; подготовлена к печати) представлены различные аспекты изучения парламентского дискурса как части обширного текстового пространства политической коммуникации. Проводится анализ структуры и функциональности парламентского дискурса, выявляются основные аспекты анализа законодательных текстов и устной парламентской коммуникации. Предлагаются различные подходы и методики исследования стратегий и тактик институциональной коммуникации.

Методологический аппарат исследования составили современные подходы, утвердившиеся в политической лингвистике как у нас в стране, так и за рубежом. Немногочисленные отечественные исследования, посвященные парламентскому дискурсу, отличаются либо углублением в лингвистическую прагматику, где парламентский дискурс рассматривается как точка приложения существующих прагмалингвистических учений [Правикова 2005], либо фокусировка внимания на частных вопросах парламентской коммуникации [Минаева 2015; Селина 2014; Щербинин, Щербинина 2013], либо обсуждение того, «как нам обустроить „российский парламент“ с опорой на исторические традиции [Громыко 2011].

Информативность парламентской коммуникации носит особый характер, который должен рассматриваться в нетривиальном ракурсе дискурсивного анализа. Тексты парламентской коммуникации не обязательно

обладают информативностью в смысле сообщения новой информации. В основе парламентской коммуникации лежит принцип отнесения «положения вещей», событий и реалий, существующих в действительности, к пресуппозиции по отношению к целям и функциям тех или иных парламентских коммуникативных действий (текстов). Парламентская текстовая деятельность направлена прежде всего не на передачу информации как таковой, а на анализ и оценку происходящих событий как основание для регулирования, направления этих событий в то или иное русло социополитического деятельностного континуума. В самом общем смысле коммуникативная функция парламентского дискурса подчинена регулятивной функции не спорадически, но институционально, по определению.

Наличие многочисленных попыток представить теорию дискурса как метод исследования той или иной части текстовой деятельности [Борботько 2011; Дейк 1989; Дридзе 1984] служит основанием предложить еще одну модель концептуализации, на этот раз парламентского дискурса, основываясь на нескольких методологических источниках. Во-первых, это интеракциональная парадигма исследования языка и речи [Актуальные аспекты интеракциональной теории языка 2013], представляющая социологические механизмы речевого взаимодействия и позволяющая рассматривать парламентский дискурс в первую очередь в его регулятивной функции. Во-вторых, это динамическая модель, представляющая дискурс как процесс порождения текста, процесс интенционального превращения плана содержания в план выражения [Кустова 2011]. И, наконец, в-третьих, это интерпретирующий, герменевтический подход [Правикова 2012], постулирующий априорную неоднозначность пропозиционального содержания любого воспринимаемого текста, взаимное проникновение произведенных и будущих дискурсов в едином социокультурном пространстве парламентской коммуникации.

Таким образом, предлагаемую концепцию можно назвать как институционально-интеракциональной, так и интерпретативно-культурологической: в ее основе, помимо лингвопрагматической теории речеактовой социальной интеракции, лежит идея корреляции текста и культуры, окружающей этот текст.

Помимо своей доминирующей регламентирующей, регулятивной функции, парламентская коммуникация не лишена других функций, свойственных любой целенаправ-

ленной коммуникативной деятельности. Можно выделить как минимум пять функциональных планов парламентского дискурса: пропозициональный (информационный), иллюкутивный (интенциональный), аргументативный (воздействующий), интерперсональный (межличностный) и дискурсивный (структурный) [Алферов 2007].

В пропозициональном плане интерпретативную значимость имеет тематика дискурса: та или иная партия предлагает для обсуждения приоритетные для нее события, проблемы, факты; правительство также вносит определенные законопроекты, отличающиеся своими пропозициями: мигранты, экономическая безопасность, внешнеполитические события, их оценка и порождение вытекающих из нее текстов.

В иллюкутивном плане определяется речевая составляющая парламентских дискурсов, преследующих разнообразные коммуникативные цели. Здесь происходит дифференциация дискурсов на реактивные («мир — текст») и проактивные («текст — мир»). К первым относятся тексты, освещающие и комментирующие общеполитический контекст (декларации, заявления, вопросы к правительству и т. д.), ко вторым — тексты, «изменяющие мир», предписывающие и регламентирующие (законы, поправки к законам, постановления и т. п.).

Аргументативный план касается прежде всего диалогичных типов дискурсов, таких как парламентские дебаты, заседания комиссий, обсуждение законопроектов. Здесь можно выделить определенные стратегии и тактики, характерные для той или иной партийной группы или тех или иных парламентариев. Особого внимания заслуживает аргументативная манипуляция, т. е. подмена рационального доказательства различного рода уловками, стратегемами, характеризующими не только тот или иной идиодискурс (персональные высказывания «здесь и сейчас»), но и когнитивно-конативный стиль партии или взаимодействия политика (т. е. способ представления действительности и способ воздействия через свою интерпретацию этой действительности на аудиторию).

Интерперсональный план характеризуется двумя противоположными стратегиями: агональной (противодействие, агрессия) и кооперативной (сотрудничество). В этом плане особое внимание привлекает процесс полилогического взаимодействия дискурсантов и установление коалиций (поддержание или саботирование интенциональностей коммуникативных субъектов).

В дискурсивно-структурном плане парламентский дискурс характеризуется чрез-

вычайной интертекстуальностью, полифонией, взаимопроникновением прецедентных юридических и политических текстов. Формальную сторону этого плана можно наблюдать как в протокольных институциональных дискурсах (ведение собрания, предоставление слова, прекращение дебатов и т. п.), так и на метауровне — в гипертекстовом картировании парламентского дискурса на официальных сайтах национальных законодательных собраний. Дискурс современной парламентской коммуникации — это «дискурс в 3D». Интерактивные технологии позволяют создать многомерное гипертекстовое пространство, когда имя политика в протоколе заседания сопровождается гипертекстовыми ссылками, которые не только позволяют узнать его биографические данные, партийную принадлежность и даже место в зале заседаний парламента, но и связаны с его персональным блогом и твиттером, представляют его персональный мультимедийный дискурс: выступления в СМИ, интервью, статьи, книги, а также позволяют изучить мультимедийный политический дискурс, так или иначе связанный с этим политиком и его партией. Таким образом предоставляется возможность составить многомерный портрет политика, политической партии и получить как информацию о текущей парламентской деятельности, так и доступ к (квази)архивным документам. Это относится и к законодательным документам, снабженным гиперссылками на статьи конституции, поправки к закону и комментарии к ним.

Наша работа строилась в основном на принципах социо- и прагмалингвистического интеракционизма, в основе которого лежит идея о том, что политика — это «борьба за власть», осуществляемая через борьбу идей, борьбу текстов, т. е. перманентное взаимодействие, интеракция между участниками политического процесса. Такая интеракция может носить «прогрессивный» или «регрессивный», кооперативный или антагонистический характер. Целостность политического процесса представляется при этом как динамический баланс би- и полиполярных интеракций. Этот характер определяется прежде всего когнитивным зарядом концептуальных моделей политических акторов, которые в конечном итоге определяют прагматику политического взаимодействия (дискурса). Поэтому мы рассматриваем парламентский дискурс прежде всего как **когнитивно-речевую интеракцию** в ее стратегиях и тактиках.

При этом парламентский дискурс (ПД), или парламентская дискурсивная формация (ПДФ), представляется в трех измерениях:

деятельностном, дискурсивном и текстуальном.

Объектом исследования стал парламентский дискурс современной Европы на примере трех ведущих государств — Франции, Германии и Великобритании в 2014—2016 гг.

Политические события этих лет во многом определили тематическое наполнение исследуемых дискурсов национальных парламентов Европы и Европарламента. Политическим контекстом и предметным содержанием исследуемых ПД стали события на Украине, возвращение Крыма в состав РФ, связанная с этими событиями информационная и политическая блокада России, а также актуальные для ЕС вопросы миграции и борьбы с терроризмом.

Эта общность пропозиции европейской парламентской дискурсивной формации объединяет все части монографии, которые тем не менее отличаются авторской методологией и определенным методологическим параллелизмом.

Несомненно, такое исследование является и культурологическим, и прагмалингвистическим, и дискурсивно-лингвистическим, т. е. оно опирается на корпусы текстов (устных или письменных) как общеполитического, так и институционально-парламентского происхождения, их отражение в СМИ. Оно рисует речеповеденческие портреты отдельных политиков или политических партий, их парламентскую и внепарламентскую риторику, а также позволяет выявлять глобальные (концептуальные) стратегии речевой парламентской практики на основе анализа многообразных взаимозависимых и разнонаправленных речевых (пропозиционных, аргументативных, иллокутивных, дискурсивных и интерперсональных) тактик, являющихся ветвями того дерева, которое мы называем европейской парламентской коммуникацией. Метафора дерева удобна для исследования парламентского дискурса (каковой была всегда для лингвистики в целом). Она отображает и структуру, и жизнедеятельность, и статику и динамику обменных, т. е. интеракционных процессов. Она будет сопровождать многие теоретические построения данной работы.

Культурологический аспект исследования ориентирован прежде всего на концептуальность ПД, его ценностные, метафорические и идеологические (мифотворческие) составляющие.

Когнитивной репрезентацией, представляющей концептуальную модель парламента, может выступить концепт «ТЕКСТОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ» («тексты — листья и кро-

на»). Однако формирование такой «текстовой кроны» происходит прежде всего в виде «ствола — законодательной концептосферы» и пересечений (интеракций) людей (избирателей, налогоплательщиков), соглашающихся с правомочностью издаваемых законов только потому, что вместе они образуют «крону», защищающую их от всяческих угроз. Частыми и модными в пространстве ПДФ становятся концепты УГРОЗА — СТРАХ — ЗАЩИТА: «хотите защиту — платите налоги», а дальше вам все объяснят. Поэтому правильнее было назвать продукт деятельности парламента — ТЕКСТУАЛЬНАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ (далее — ТМ — см. ниже). Формируют ТМ макро- и микроречевые акты, ходы, рокировки, перепрыгивание с одной аргументативной ветки на другую и т. п. То есть то, что называется парламентской дискурсивной формацией (ПДФ).

Субкатегории данной концептуальной модели отражают статику и динамику, процесс и результат осуществляемой парламентской практики. Основной категориальной оппозицией в этой модели является дихотомия ЛЮДИ и ТЕКСТЫ. Люди в своей институциональной структурной организации создают тексты, тексты определяют мировоззрение и поведение людей. Таким образом, люди, с одной стороны, выступают в роли СОЗДАТЕЛЕЙ ТЕКСТОВ, а тексты, с другой стороны, призваны осуществлять две функции: когнитивно-дескриптивную и регулятивную. Парламентарии выступают в роли коллективного АВТОРА, отвечающего за адекватное отражение происходящих в действительности событий (первая функция), и прописывают СОЦИАЛЬНЫЕ НОРМЫ (правила) как основной ориентир жизни и деятельности социального человека (вторая функция). Налицо прототипическая схема коммуникации Р. О. Якобсона: АДРЕСАНТ — ТЕКСТ — АДРЕСАТ. Однако, в отличие от многих других речевых актов, в законодательных актах прописан их перлокутивный эффект — данные речевые произведения (сообщения), будучи декларативными, несут прескриптивный характер. Они призваны изменять действительность, регулировать те или иные ее процессы. Их неисполнение подлежит санкциям со стороны общества (государства).

Тем не менее законодательные тексты, как и всякие знаковые сущности, подлежат интерпретации, что становится основанием для существования такой области, как юриспруденция, а в филологии — юрлингвистика. Такая текстовая деятельность рождает множество противоречий, но только на уровне *динамики* (выработки, обсуждения,

дебатов), которая основана на тех или иных интересах (деятельностный контекст). Как во всякой политической коммуникации, конклюдивным (решающим) адресатом является «целевая аудитория», которая в случае законодательных текстов является «бенефициантом», ведь пресуппозицией таких текстов является «общее благо». Гарантией соблюдения данной пресуппозиции и являются парламентская деятельность (столкновение мнений) и принцип «решающего большинства». Тексты, прошедшие «чистилице» парламентских палат, рассматриваются уже как «статуты», с главной титульной характеристикой — *закон, устав, уклад, свод положений, постановление*, т. е. на уровне статики (эстатики). Здесь **ментальная текстуальность** (МТ) превращается в **текстуальную ментальность** (ТМ) — ту самую сформировавшуюся крону концептов-законов, выход из-под которой чреват неприятностями всякого рода.

Из всего сказанного вытекает следующая стратегия научного исследования парламентского дискурса в статике и в динамике:

1. Создание текстового корпуса ПД с дифференциацией его жанров (законодательный акт, закон, парламентское обращение, дебаты и т. д.).

2. Разделение жанров на интеракционные, аргументативные (направленные 'за' или 'против') и конклюдивные (декларативной природы). Одним из главных направлений исследования становится анализ тематики, определение предметных областей выносимых законодательных актов, их аргументативная база (стратегии и тактики), определение целевой аудитории, «бенефициантов» того или иного законодательного текста (общество в целом / социальная группа, принцип «*Cui prodest?*» и т. п.). Здесь имеет место анализ задействованных концептов и концептуальных метафор как единиц оценки содержания (пропозиции) того или иного ПД, с одной стороны, и аппарат лингвопрагматики — с другой.

3. Интеракционным элементом ПД становится жанр парламентских дебатов [Алферов, Шамугия 2013; Баранов 2007; Борботько 2011; Громыко 2011], прагмалингвистический анализ которого служит отдельной целью исследования — изучение динамики ПД.

4. Наконец, немаловажным, а может быть, и определяющим фактором исследования становится анализ речевого поведения политиков по направлениям реализации следующих интеракционных категорий [Алферов 2007]:

- стратегия интерсубъективности (личностной модальности), включающая такие тактики речевого поведения, как интенциональность (направленность/ненаправленность), эгоцентричность/объективизация, эмотивность/экспрессивность (конативность), аутоориентация/социоориентация, агональность (конфликтность) / миметичность (кооперативность) и т. д.;
- аргументативная и аксиологическая стратегии (система аргументации и оценок, уловки, стратегемы, ценностные ориентиры и проч.);
- стратегия имплицитности/эксплицитности (подразумевания, скрытые пресуппозиции, логические и риторические манипуляции и т. д.);
- стратегия интертекстуальности (цитации, метафоричность, идиоматичность и т. п.);
- стратегия дискурсивной когерентности, релевантности и риторической оформленности.

Такая метастратегическая концепция исследования ПД призвана выявить взаимодействия внутри выделяемых стратегий, их сочетаемость и пертинентность, их доминирование и стратегические амальгамы и т. д., образующие в конечном итоге «концепто-‘крону’» текстуальной ментальности (ТМ). Напомним, что *ментальная текстуальность* порождает тексты на основе определенных глобальных концепций. *Текстуальная ментальность* порождает стиль мыследеятельности, порядок действий на основе устоявшихся (и освященных в парламенте) законов-предписаний.

Исследование взаимодействия категорий ЛЮДИ и ТЕКСТЫ на материале национальных ПД позволит создать речевые портреты политических лидеров и партий на фоне разножанровой европейской парламентской коммуникации. Такие исследования могут проводиться на базе уже существующих подходов:

- политическая метафора (как отражение когнитивной и воздействующей функций) в личностном парламентском дискурсе (ср.: [Чудинов, Будаев 2008]);
- сравнительное исследование речевого поведения того или иного политика в национальном и/или Европарламенте;
- личностный и корпоративный имиджевый (мифотворческий);
- межнациональное и межкультурное vs национальное и корпоративное в ПД и т. д.

Вопросы межпарламентской и межкультурной коммуникации в рамках Европарламента и ПД современной Европы составляют логическую вершину и перспективную цель исследования.

В подготовленной по итогам исследования монографии рассматриваются также два взаимодополняющих подхода к анализу парламентской коммуникации — пропозициональный (содержательно-концептуальный) и модальный (интеракционально-прагматический). Первый позволяет представить процесс формирования и взаимодействия аксиологически полярных концептов, второй предполагает исследование парламентской коммуникации в ее модальных проявлениях на уровне дискурсивных категорий субъективности, тональности и релевантности.

В монографии рассматриваются аксиологические особенности дискурса парламентской оппозиции на материалах выступлений руководителей Партии левых в немецком парламенте (бундестаге) и антиглобалистов в Европарламенте. Анализ проводится на основе методов семантического полевого картирования и ивент-анализа. Авторы приходят к выводу о том, что политическая борьба обеспечивается агональным дискурсом; дискурсу власти противопоставит оппозитивный дискурс, основанный на модально-оценочной интерпретации пропозиции и использующий коннотативно и аксиологически связанные языковые средства. Совокупность таких средств обеспечивает аксиологическую изотопию (когерентность) дискурса в пространстве парламентской и общеполитической коммуникации. Дискурс немецких левых, касающийся событий на Украине, характеризуется эмоционально-оценочной когерентностью, проявляющейся в аргументативном и иллюкативном планах речи. Последовательность в оценке события достигается модальной аксиологической связью между элементами дискурса на различных уровнях языка — фоностилистическом, лексическом, фразеологическом и синтаксическом.

В монографии проводится также исследование парламентской коммуникации в ее модальных проявлениях на уровне дискурсивных категорий субъективности, тональности и релевантности. Подчеркивается

дискурсивный статус рассматриваемых категорий и их использование в парламентском дискурсе в качестве инструмента воздействия на аудиторию. Механизм субъектно-объектной конверсии, имплицитные составляющие тональности дискурса позволяют, по мнению авторов, повысить уровень релевантности парламентской коммуникации для более эффективной реализации преследуемых политических целей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Актуальные аспекты интеракциональной теории языка : моногр. / под ред. А. В. Алферова, Е. Ю. Кустовой. — Пятигорск, 2013. 300 с.
2. Алферов А. В. Когнитивное пространство интеракционального дискурса // Вестн. ПГЛУ. 2007. № 3—4. С. 106—108.
3. Алферов А. В., Шамугия Л. Г. Репликативный дискурс парламентских дебатов (на материале скриптов заседаний Французского Парламента) // Вестн. ПГЛУ. 2013. № 3. С. 107—111.
4. Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику. — М. : Эдиториал УРСС, 2007. 360 с.
5. Борботько В. Г. Принципы формирования дискурса: от психолингвистики к лингвосинергетике. — М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. 288 с.
6. Громько С. А. Язык Российского парламента: становление отечественной парламентской коммуникации в начале XX века // Политическая лингвистика. 2011. № 2 (36). С. 82—91.
7. Дейк Т. А. Язык, познание, коммуникация. — М. : Прогресс, 1989. 312 с.
8. Дридзе Т. М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. — М. : Наука, 1984. 268 с.
9. Кустова Е. Ю. О диалогическом механизме аксиологической (интерпретационной) составляющей семиозиса // Вестн. Пятигорск. гос. лингвист. ун-та. 2011. № 4. С. 144—147.
10. Минаева Л. В. Британский парламентский дискурс как культурный феномен // Преподаватель: XXI век. 2015. № 3. С. 396—405.
11. Правикова Л. В. Язык парламентских дебатов (опыт системного описания дискурса по терроризму в конгрессе США и Парламенте Великобритании) : дис. ... д-ра филол. наук. — Пятигорск, 2005. 425 с.
12. Правикова Л. В. Типология дискурсов, регистры и жанры // Вестн. ПГЛУ. 2012. № 1. С. 135—138.
13. Растье Ф. Интерпретирующая семантика. — Н. Новгород : Деком, 2001. 368 с.
14. Селина К. А. Парламентский дискурс как контекст парламентского конфликта // Березень. 2014. № 3 (107). С. 58—63.
15. Чудинов А. П., Будаев, Э. В. Метафора в политической коммуникации. — М. : Флинта, 2008. 310 с.
16. Щербинин А. И., Щербинина Н. Г. Парламентская культура: коммуникативный аспект // Вестн. Том. гос. ун-та. История. 2013. № 5 (25). С. 68—70.

A. V. Alferov, E. Y. Kustova

Pyatigorsk, Russia

A. M. Chervony

Taganrog, Russia

THE STUDY OF PARLIAMENTARY DISCOURSE 2014—2016: OUTCOMES CONCEPTUALIZATION

ABSTRACT. *The article discusses the results of a study of the European parliamentary communication conducted by the scholars of Southern Russia, based on authentic documents of the European parliaments using the methods of interaction mapping and the intent- and the content analysis in pragma-rhetorical terms. The authors describe the developed strategy of static and dynamic scientific study of parliamentary discourse. Analysis of the verbal behavior of politicians in the areas of implementation of interaction categories identified by the authors – inter-subjectivity, argumentation and axiology, implicitness, intertextuality and discursive coherence – becomes the determining factor of research. The work suggests two concepts new for the given area: “mental textuality” and “textual mentality” presented as fundamental components of the activities of the European parliamentary discursive formations in the light of the contemporary international politics. The article proposes a research strategy of parliamentary discourse in its statics and dynamics, including the following steps: creation*

of a text corpus with genre differentiation (e.g. legislative act, law, parliamentary appeal, debates); separation of genres into the interactional, argumentative (designed "for" or "against" something) and conclusive (declarative in nature); pragma-linguistic analysis of parliamentary debates, allowing the researcher to trace political discourse dynamics; and analysis of the verbal behavior of politicians in the areas of implementation of interaction categories.

KEYWORDS: *parliamentary discourse; European parliamentary discursive formation; research of European parliamentary discourse; textual mentality; mental textuality.*

ABOUT THE AUTHOR: *Alferov Aleksandr Vladimirovich, Doctor of Philology, Professor of the Department of French Philology and Intercultural Communication, Director of Centre of Interactional Linguistics & Law and Institutional Communication, Pyatigorsk State Linguistic University, Pyatigorsk, Russia.*

ABOUT THE AUTHOR: *Kustova Elena Yurievna, Doctor of Philology, Professor of Department of French Philology and Intercultural Communication, Pyatigorsk State Linguistic University, Pyatigorsk, Russia.*

ABOUT THE AUTHOR: *Chervony Alexandr Mikhailovich, Doctor of Philology, Associate Professor, Head of German and French Languages Department of Anton Chekhov State Institute (branch) of Rostov State University of Economics (RSUE), Taganrog, Russia.*

REFERENCES

1. Aktual'nye aspekty interaktsional'noy teorii yazyka : monogr. / pod red. A. V. Alferova, E. Yu. Kustovoy. — Pyatigorsk, 2013. 300 s.
2. Alferov A. V. Kognitivnoe prostranstvo interaktsional'nogo diskursa // Vestn. PGLU. 2007. № 3—4. S. 106—108.
3. Alferov A. V., Shamugiya L. G. Replikativnyy diskurs parlamentskikh debatov (na materiale skriptov zasedaniy Frantsuzskogo Parlamenta) // Vestn. PGLU. 2013. № 3. S. 107—111.
4. Baranov A. N. Vvedenie v prikladnyuyu lingvistiku. — M. : Editorial URSS, 2007. 360 s.
5. Borbot'ko V. G. Printsipy formirovaniya diskursa: ot psikholingvistiki k lingvosinergetike. — M. : Knizhnyy dom «LIBROKOM», 2011. 288 s.
6. Gromyko S. A. Yazyk Rossiyskogo parlamenta: stanovlenie otechestvennoy parlamentskoy kommunikatsii v nachale XX veka // Politicheskaya lingvistika. 2011. № 2 (36). S. 82—91.
7. Deyk T. A. Yazyk, poznanie, kommunikatsiya. — M. : Progress, 1989. 312 s.
8. Dridze T. M. Tekstovaya deyatel'nost' v strukture sotsial'noy kommunikatsii. — M. : Nauka, 1984. 268 s.
9. Kustova E. Yu. O dialogicheskom mekhanizme aksiologicheskoy (interpretatsionnoy) sostavlyayushchey semiozisa // Vestn. Pyatigorsk. gos. lingvist. un-ta. 2011. № 4. S. 144—147.
10. Minaeva L. V. Britanskiy parlamentskiy diskurs kak kul'turnyy fenomen // Prepodavatel': XXI vek. 2015. № 3. S. 396—405.
11. Pravikova L. V. Yazyk parlamentskikh debatov (opyt sistemnogo opisaniya diskursa po terrorizmu v kongresse SSHa i Parlamente Velikobritanii) : dis. ... d-ra filol. nauk. — Pyatigorsk, 2005. 425 s.
12. Pravikova L. V. Tipologiya diskursov, registry i zhanry // Vestn. PGLU. 2012. № 1. S. 135—138.
13. Rast'e F. Interpretiruyushchaya semantika. — N. Novgorod : Dekom, 2001. 368 s.
14. Selina K. A. Parlamentskiy diskurs kak kontekst parlamentskogo konflikta // Berezen'. 2014. № 3 (107). S. 58—63.
15. Chudinov A. P., Budaev, E. V. Metafora v politicheskoy kommunikatsii. — M. : Flinta, 2008. 310 s.
16. Shcherbinin A. I., Shcherbinina N. G. Parlamentskaya kultura: kommunikativnyy aspekt // Vestn. Tom. gos. un-ta. Istoriya. 2013. № 5 (25). S. 68—70.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.

А. Д. Васильев
Красноярск, Россия

ИГРЫ САКРАЛЬНЫМ/ПРОФАНЫМ В ТЕКСТЕ В. В. НАБОВОКОВА

АННОТАЦИЯ. Бинарные семиотические оппозиции типа свой/чужой (сакральный/профанный) традиционно рассматриваются как константный принцип оформления межличностных отношений и становления любых коллективов. При этом противопоставляемые компоненты имеют некий общий субъект, наличие которого, собственно, и делает возможным возникновение его крайних выражений.

Вербальные воплощения таких оппозиций могут быть вариативными. Выбор конкретных лексем обуславливается прежде всего определенными аксиологическими ориентирами, выступающими как некие точки отсчета — начальными моментами квалификации и классификации ценностей и антиценностей. К подобным исходным пунктам обычно относятся обращающиеся в сознании социума либо внедряемые в него кодифицированные умозрительные построения абстрагированного характера. В этой функции способны выступать, например, религиозные учения либо идеологические концепции. Впрочем, последние нередко могут обретать (и обретают) статус доминирующей религии.

Чрезвычайно интересны многочисленные случаи вхождения лексико-фразеологических единиц, первоначально принадлежавших религиозной сфере, в область идеолого-политическую. По-видимому, отчасти это объясняется сакральным ореолом, исконно окружающим такие лексемы, а следовательно — возможностью с их помощью придать требуемый авторитет предмету высказывания в общественном сознании с помощью интенсивной агитации и постоянной пропаганды.

Иллюстрации процессов и результатов таких переходов могут быть обнаружены в различных источниках, в том числе и в литературно-художественных произведениях.

В этом отношении несомненно заслуживают внимания некоторые тексты В. В. Набокова, который, как известно, весьма старательно конструировал миф о своей аполитичности. Однако в его творчестве нередко реализуются мотивы четкой политической ориентации. В статье они анализируются в основном на примере четвертой главы романа «Дар».

Материалы и выводы статьи могут быть использованы в преподавании вузовских курсов политологии, философии, литературоведения, современного русского литературного языка и др.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: семиотическая оппозиция; сакральное/профанное; лексика и фразеология; религия и идеология.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Васильев Александр Дмитриевич, доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания, Красноярский государственный педагогический университет имени В. П. Астафьева (Красноярск); 660049, г. Красноярск, ул. Ады Лебедевой, 89; e-mail: vasileva@kspu.ru; rlc_siberia@kspu.ru.

Известно, что чем левее комментатор, тем питает большую слабость к выражениям вроде «Голгофа революции».

В. В. Набоков

Языковая картина мира на протяжении ряда лет является объектом пристального внимания исследователей, о чем свидетельствует многочисленность публикаций, посвященных этой проблематике. Можно заметить, что в них обычно вычленяются те или иные фрагменты указанного феномена, объединяемые по тематическому (либо, в новейших интерпретациях, — полемому) признаку. Вероятно, в этом аспекте допустимо также обратиться и к некоторым константным семиотическим универсалиям, эксплицируемым в различных лексико-фразеологических единицах. Особый интерес вызывает оппозиция *свой/чужой*, выступающая в варьирующихся номинациях; тем более, что могут трансформироваться не только номинации, но и сами компоненты оппозиции парадоксально способны с течением времени меняться местами.

Полагают, что «главным противопоставлением, теснейшим образом связанным с прагматическими целями коллектива, является различие **положительного и отрицательного** по отношению к коллективу и человеку» (*свой/чужой, старший/младший* и т. п.) [Иванов, Топоров 1965: 63]; эти про-

тивопоставления «со специфически ритуальной точки зрения входят в более общее противопоставление **сакральный/мирской**» [Иванов, Топоров 1965: 64] (в иных терминологических координатах также **сакральный/профанный**).

Такая оппозиция может быть представлена и несколько иначе, но тоже как исключительно важная в контексте возникновения микро- и макросоциумов. «Эту психическую форму мы и выражаем принципом „они и мы“. Данный универсальный принцип психического оформления любых общностей должен с той или иной силой проявляться, чтобы вообще стало возможным складывание в истории и самых детерминированных, глубочайшим образом объективно обусловленных общностей, союзов, групп людей» [Поршнева 1979: 89].

При этом, как уже было сказано, элементы оппозиции на разных этапах истории могут перемещаться вплоть до полной взаимозамены аксиологических полюсов, что свидетельствует об изменениях социально значимых ориентиров — но также и воплощает и стимулирует такие перемены. Это происходит обычно при наличии некоего общего

фундамента. Иначе говоря, «отношение бинарности представляет собой один из основных организующих механизмов любой структуры. Вместе с тем, неоднократно приходится сталкиваться с наличием между структурными полюсами бинарной оппозиции некоторой широкой полосы структурной нейтрализации. Сталкивающиеся здесь структурные элементы находятся к окружающему их конструктивному контексту не в однозначных, а амбивалентных отношениях» [Лотман 1974: 13].

Собственно, об аналогичных феноменах писали уже несколько столетий назад. Например: «Поскольку, таким образом, в одной из противоположных вещей заключено начало другой, все переходы в природе оказываются кругообразными и каждая пара противоположностей имеет общий субстрат» [Кузанский 1980: 119].

В качестве такого общего субстрата в социуме могут выступать религиозные верования. Можно вспомнить хотя бы такие отечественные культурные феномены, как четко систематизированное устройство псевдомонастыря в Александровской слободе при введении опричнины Иваном IV (при глубокой набожности последнего) [Ключевский 1987, 2: 166—167, 174, 182]; появление в XVII веке «Службы кабацких ярыжек» — очевидной пародии на церковную литературу [Адрианова-Перетц 1937: 58 и др.]; учреждение Петром I «всешутейшего и всепьянейшего собора» с тщательно разработанным уставом (что опять же сочеталось с искренними православными чувствами царя) [Ключевский 1989, 4: 36—39]; инициированное тем же государем возведение «грешного» здания театра на Красной площади [Лотман 1996: 202] и т. п. Можно сказать, что это были своеобразные «карнавалы» (по М. М. Бахтину), игры — и в немалой степени игры в слова, — призванные, в конечном счете, развернуть умонастроения этносоциума в выгодном для властителей и/или иных заинтересованных лиц направлении путем смены аксиологических ориентиров либо дискредитации прежних.

Однако, конечно, самые радикальные результаты в указанном аспекте были достигнуты в России в итоге революционных социально-политических катаклизмов после 1917 г., когда, по существу, произошла взаимная замена «сакрального» и «профанного»: ранее «сакральное» было низвергнуто, а прежнее «профанное» возведено в ранг «сакрального». Решительность и масштабность трансформаций общественного сознания начавшегося тогда советского периода отечественной истории достигла высшего,

почти немыслимого уровня (пожалуй, их можно сравнить лишь с феноменами Великой французской революции). Предельно концентрированно это выражено в монологе драматургического персонажа, «бывшего графа»: «<...> Вижу надпись: „Сегодня демонстрируется „бывшая курица““ <...>. Спрашиваю у сторожа: „Скажите, пожалуйста, а кто она теперь, при советской власти?“ <...> „Она таперича пятах“. Оказывается, какой-то из этих бандитов, коммунистический профессор, сделал какую-то мерзость с несчастной курицей, вследствие чего она превратилась в петуха. У меня всё перевернулось в голове, клянусь вам» [Булгаков 1990: 89] (небезынтересно, что здесь описан совершенно реальный случай, см.: [Гудкова 1990: 629]). Неудивительно, что «переворот в голове» в результате перманентных и массивных пропагандистских атак случился чуть ли не у всего социума.

Воцарение новой религии, то есть коммунистической идеологии как единой и единственной государственной, наглядно отразилось, например, в советской массовой поэзии 1920—1930-х гг. Ср.: «Говорит красавец [дуб], / что колхозы / это лучшая / из лучших жизнь, / говорит высокий / ровным шумом / о крестьянской / тягостной судьбе, / что о боге / им не надо думать, / что вся жизнь / не в боге, / а в борьбе». — «Мой дед <...> / И в знак / Воскресшего Иисуса, / Попам / Ручищи целовал <...> / И вместо драки / и пасхи пьяной, / Встречаем / Дружно / Первомай». — [О строительстве промышленного Сталинграда:] «В явь воплощалась / Мечта, / Векам светившая, как факел, / Мечта — / Желанная как Мекка, / Ее недаром свято чтут, / Недаром кожу с человека / Сдирали с мясом / За мечту». — [О революции 1905 г.]: «Дата: / „Год тысяча девятьсот / Пятый“. / Год / революции распятой. / Не на кресте, / А на земле. / Вместо гвоздей / В тело ей / были вбиты / осколки гранаты...» (цит. по: [Козулина, Романенко 2009: 31, 34—35, 43, 59]).

Впрочем, еще ранее в трудах вождей советского государства начинается активное использование слов собственно религиозной сферы применительно к совершенно иным, идеолого-политическим реалиям. А. П. Романенко отмечал: «Во-первых, слова *пропаганда* и *проповедь* начинают употребляться как синонимы. Например, Ленин в 1919 году писал <...>: „Если в прежнее время мы *пропагандировали* общими истинами, то теперь мы *пропагандируем* работой. Это — тоже *проповедь*, но это *проповедь* действием“ [Ленин. Полн. собр. соч. Т. 39: 27]. Во-вторых, и само слово *проповедь* в значении „пропаганда“ приобретает явную пейоратив-

ную окраску. Примеры из Краткого курса истории ВКП(б) 1938 года: „Вести такую *проповедь* — значит вести дело на уничтожение партии“; „Оппортунисты *проповедовали* отказ от революционной борьбы“; „Левые коммунисты» *проповедовали* троцкистские взгляды“ и т. п.» [Романенко 2003: 88] (см. также: [Васильев 2010]).

Таким образом, можно сказать, что в речекоммуникативном советском официозе вышеупомянутая «карнавальная» традиция нашла определенное продолжение. Возникли и становились достаточно устойчивыми широко (за счет интенсивной государственной пропаганды) распространявшиеся феномены метаморфозы вербальных символов из профанных в сугубо сакральные, использования лексико-фразеологических единиц, изначально принадлежавших религиозной сфере, но превращенных в элементы советской (то есть сугубо атеистической) пропаганды. Тем более, что и с точки зрения семиотики оппозиция *свой/чужой* не просто сохраняет актуальность. Более того, полагают, что в эту эпоху «оценки человека структурируются оппозицией „враг / не враг“. Все традиционные для языка противопоставления (чужой — свой, плохой — хороший, зло — добро, вредный — полезный и т. п.) поглощаются этой оппозицией» [Романенко 2003: 114]. Впрочем, к этому надо добавить еще такие действия и реалии ритуального, почти мистического характера, как компартийные собрания, официальные многолюдные митинги, демонстрации и проч. четко кодифицированные акты (ср. с торжественными молебнами и крестными ходами); портреты вождей (включая октябратские звездочки) как чуть ли не полноценные эрзацы икон; своеобразные заместители храмовых зданий (вроде клубов, домов культуры, дворцов политического просвещения) и т. п. — в общем, всё то, что в сумме представляло собой оригинальную квазирелигиозную систему и ее вполне материальное обеспечение.

Однако заметим, что такие социокультурные взаимозамены, семиотические инверсии характерны не только для самого советского государства. Они иллюстративно фигурируют и в текстах его более или менее откровенных неприятелей — например, подобное оказывается возможным в тексте романа В. В. Набокова «Дар», а точнее, конечно, — его четвертой главы, созданной якобы вымышленным писателем Годуновым-Чердынцевым, в котором, несомненно, есть очень много общего с его творцом — выдающимся мастером слова.

Совершенно бесспорно, что «в прозе Набокова действительно много словесной

игры, или, как он сам говорил, ворожбы. Не уверенному в себе читателю, воспитаннику русского классического реализма, порою кажется, что его *водят за нос*. Что ж, ему *правильно* кажется. Сложность набоковской прозы и состоит в том, что надо разобраться в намерениях автора, серьезных и несерьезных одновременно» [Ерофеев 1990: 6]. И хотя чуть выше тот же автор говорит: «Его [Набокова] презрение к искусству как социополитическому феномену было безгранично. Ему претил безумный, с его точки зрения, *гиперморализм* русской литературной традиции» [Ерофеев 1990: 4], многие фрагменты набоковского метаромана заставляют в этом усомниться.

Недаром ведь один из биографов Набокова предостерегает читателя: «Не верьте *лукавому* автору» [Носик 1995: 45]. Возможно, к самому писателю также в какой-то мере относятся оценки, данные вымышленным рецензентом тону и стилю книги такого же «искателя словесных приключений» Годунова-Чердынцева «Жизнь Чернышевского»: «...Строй мыслей Чернышевского приобретает значительность, далеко превышающую смысл тех беспочвенных, ничем не связанных с эпохой шестидесятых годов доводов, которыми орудует господин Годунов-Чердынцев, ядовито высмеивая своего героя. Но издевается он, впрочем, не только над героем, — *издевается он и над читателем*. Как иначе квалифицировать то, что среди известных авторитетов приводится авторитет несуществующий, к которому автор будто апеллирует?» [Набоков 1990, 3: 273—274] (что делает и сам Набоков, ссылаясь на апокрифических авторов).

Хотя ср. парадокс (выраженный устами Кончеева, столь почитаемого Фёдором Константиновичем, в очередной воображаемой Годуновым-Чердынцевым беседе): «Настоящему писателю должно наплевать на всех читателей, кроме одного: будущего, — который, в свою очередь, лишь отражение автора во времени» [Набоков 1990, 3: 305].

Есть, конечно, и еще одна немаловажная особенность подлинно художественного творчества: «...И вот оно, изумительное дело художников: так чудесно схватывает, концентрирует и воплощает человек типическое, рассеянное в воздухе, что во сто крат усиливает его существование и влияние — и *часто совершенно наперекор своей задаче*» [Бунин 1988, 6а: 420] — и это, несомненно, также следует учитывать.

Напомним прежде всего о том, что миф о своей сугубой аполитичности В. Набоков формировал и культивировал для читательской аудитории настойчиво и последова-

тельно, то вкладывая соответствующие декларации в речь близких ему персонажей, то манифестируя такие суждения в собственных высказываниях (авторских репликах, комментариях и проч.).

Так, «Мартын поклялся себе, что никогда сам не будет состоять ни в одной партии, не будет присутствовать ни на одном заседании, никогда не будет тем персонажем, которому предоставляется слово или который закрывает прения и чувствует при этом все восторги гражданственности» [Набоков 1990, 2: 253].

«Он [Фёдор Константинович], для которого так называемая политика (всё это дурацкое чередование пактов, конфликтов, обострений, трений, расхождений, падений, перерождений ни в чём не повинных городков в международные договоры) не значило ничего...» [Набоков 1990, 3: 33].

«А в общем — пускай. Всё пройдет и забудется, — и опять через двести лет самолюбивый неудачник отведет душу на мечтающих о довольстве простаках (если только не будет моего мира, где каждый сам по себе, и нет равенства, и нет властей, — Впрочем, если не хотите, не надо, мне [Фёдору Константиновичу] **решительно всё равно**» [Набоков 1990, 3: 323].

Ср. с вышецитированным: «Я никогда не только **не болел политикой**, но едва ли когда-либо прочел хоть одну передовую статью, хоть один отчет партийного заседания. Социологические задачки никогда не занимали меня, и я до сих пор не могу вообразить себя участвующим в каком-либо заговоре или даже просто сидящим в накуренной комнате и обсуждающим с политически взволнованными, напряженно серьезными людьми методы борьбы в свете последних событий. **До блага человечества мне дела нет**, и я не только не верю в правоту какого-либо большинства, но вообще склонен пересмотреть вопрос, должно ли стремиться к тому, чтобы решительно все были полусыты и полуграмотны» [Набоков 1990, 4: 385]. «Очень скоро я **бросил политику** и весь отдался литературе. Из моего английского каминя заполыхали на меня те червлёные щиты и синие молнии, которыми началась русская словесность. Пушкин и Толстой, Тютчев и Гоголь встали по четырем углам моего мира» [Набоков 1990, 4: 277] — и: «Люди, которые, отложив газету, мгновенно и как-то запросто начинают храпеть в поезде, мне столь же **непонятны**, как, скажем, **люди, которые** куда-то «баллотировались» или вступают в масонские ложи, или **вообще примыкают к каким-либо организациям**, дабы в них энергично раствориться» [Набоков 1990, 4: 193].

Впрочем, сам Набоков весьма откровенен (и безапелляционен) в своих оценках того, что происходит в Советском Союзе, и в инвективах против тех, по чьей вине это происходит. Эти эпизоды метаромана можно условно подразделить на две основные группы: характеристики вождей-правителей и описания всецело подвластных им «народных масс».

Очевидно, что в эпизодах первой группы ведущее место отдано Ленину («самолюбивому неудачнику» [Набоков 1990, 3: 323], который, как вскользь упомянуто, «кое-как скончался» [Набоков 1990, 3: 46]). Стиль его произведений способен вызвать комический эффект как единственно возможный: «Отсюда [от Белинского и Михайловского] был прямой переход к современному боевому лексикону... к слогу Ленина, употреблявшему слова „сей субъект“ отнюдь не в юридическом смысле, а „сей джентльмен“ отнюдь не применительно к англичанину, и достигшему в полемическом пылу **высшего предела смешного**: „...Здесь нет фигового листочка... и идеалист прямо протягивает руку агностику“» [Набоков 1990, 3: 181], или: «...Ленин опровергал теорию, что „земля есть сочетание человеческих ощущений“, тем, что „земля существовала до человека“, а к его [Фейербаха] **торговому объявлению**: „мы теперь превращаем кантовскую непознаваемую вещь в себе в вещь для себя посредством органической химии“ **серьезно добавлял**, что „раз существовал аллизарин в каменном угле без нашего ведома, то существуют вещи независимо от нашего познания“» [Набоков 1990, 3: 218].

Еще более жесткие характеристики Ленина выдает аполитичный Набоков от своего имени — уже в мемуарах. «Говорят [!], что в ленинскую пору сочувствие большевизму со стороны английских и американских передовых кругов основано было на соображениях внутренней политики. Мне кажется, что в значительной мере оно зависело от простого невежества. То небольшое, что мой Бомстон [будущий английский «крупный ученый»] и его друзья знали о России, пришло на Запад из коммунистических **мутных** источников [...]. Я допытывался у гуманнейшего Бомстона, как же он оправдывает **презренный и мерзостный террор**, установленный Лениным, пытки и расстрелы, и всякую другую **полоумную расправу**... [...]. Если бы он [Бомстон] и другие иностранные идеалисты были русскими в России, их бы ленинский режим истребил немедленно [...]. «Гром „чисток“, который ударил в „старых большевиков“... потряс Бомстона до глубины души, чего в молодости, во дни Ленина, не могли

сделать с ним никакие стоны из Соловков и с Лубянки» [Набоков 1990, 4: 275—276, 282].

Впрочем, Набоков не ограничивается описанием Ленина как политика; очевидно, для полноты портрета (карикуры?) мемуарист характеризует и вкусы и пристрастия советского вождя в области искусства: «Особенно меня раздражало отношение Бомстона к самому Ильичу, который, как известно **всякому** образованному русскому, был **совершенный мещанин** в своем отношении к искусству, знал Пушкина по Чайковскому и Белинскому и „не одобрял модернистов“, причем под „модернистами“ понимал Луначарского и каких-то шумных итальянцев; но для Бомстона и его друзей... наш **убогий** Ленин был чувствительнейшим, проницательнейшим знатоком и поборником новейших течений в литературе. ...Я доказывал ему [Бомстону], что... на самом деле, чем радикальнее русский человек в своих политических взглядах, тем обыкновенно консервативнее он в художественных» [Набоков 1990, 4: 276].

Таким образом, Набоков, как и один из духовно близких ему персонажей, вроде бы аполитичный «скромный учитель рисования в провинциальной гимназии» [Набоков 1990, 4: 393], может сказать: «**Смех**, собственно, и спас меня. Пройдя все ступени ненависти и отчаяния, я достиг той высоты, откуда видно как на ладони **смешное**... Я вижу, что, стараясь изобразить его [«тирана»] страшным, я лишь сделал его **смешным**, — и **казнил** его именно этим — старым испытанным способом» [Набоков 1990, 4: 404—405].

Результатом деятельности вождей («тиранов») становится возникновение нового государства и формирование нового типа людей — точнее, наверное, некоей человеческой массы. Наиболее гротескно эти достижения описываются в изображении фантастической и фантазмагорической Зоорландии — страны всеобщего абсолютизированного равенства, или, говоря иначе, универсального и поголовного нивелирования (см.: [Набоков 1990, 2: 256]). Но и повторяющиеся из фрагмента во фрагмент метаромана упоминания о Стране Советов, реальной, или, строго говоря, представляемой Набоковым из его эмигрантского далека, тоже не отличаются бесстрастностью и беспристрастностью.

Метафорическая характеристика повседневного быта во время начала революционных событий и их впечатляющего итога дается в размышлениях Годунова-Чердынцева: «На вокзале была **мерзкая, животная** суета: это было время, когда щедрой рукой сеялись семена цветка счастья, солн-

ца, свободы. Он теперь подрост. **Россия заселена подсолнухами**. Это **самый большой, самый мордастый и самый глупый цветок**» [Набоков 1990, 3: 138]. Следующие оценки весьма напоминают формулировку писателя, одного из участников диалогов «На пиру богов» С. Н. Булгакова: «...Обратите внимание, как изменился даже внешний вид солдата, — он стал каким-то звероподобным, страшным, особенно матрос. Признаюсь вам, что „товарищи“ кажутся мне иногда существами, вовсе лишенными духа и обладающими только низшими душевными способностями, особой разновидностью дарвиновских обезьян — homo socialisticus» [Булгаков 1991: 80]. Ср.: «...Коммунизм действительно создаст прекрасный квадратный мир **одинаковых здоровяков, широкоплечих микроцефалов**» [Набоков 1990, 3: 344] — и: «...Положение, когда вокруг всё время ходит идиотская преждевременная смерть, оттого что хозяйничают **человекоподобные** и обижаются, если им что-нибудь не по ноздре» [Набоков 1990, 4: 269] — или: «Я кстати горжусь, что уже тогда... разглядел признаки того, что с такой страшной очевидностью выяснилось ныне...: тех **одинаковых, мордастых**, довольно бледных и пухлых **автоматов** с широкими квадратными плечами, которых советская власть производит ныне в таком изобилии после тридцати с лишним лет **искусственного подбора**» [Набоков 1990, 4: 276—277].

Сходны и описания официальных советских празднеств, даваемые разными, но симпатичными Набокову персонажами в различных фрагментах метаромана. Ср.: «Вдруг он [Фёдор] представил себе казенные фестивали в России, долгополых солдат, культ скул, исполинский плакат с **оружием общим местом** в ленинском пиджачке и кепке, и среди грома **глупости**, литавров **скуки, рабьих** великолепий, — маленький ярмарочный писк **грошовой** истины. Вот оно, вечное, всё более **чудовищное** в своем радушии, повторение Ходынки¹, с гостинцами — во какими (гораздо больше сперва предлагавшихся) и прекрасно организованным увозом трупов...» [Набоков 1990, 3: 322—323] — и: «За окном разгорался праздник [...] ...Над дальними крышами играл недавно изобретенный гением из народа фейерверк, красочно блистающий и при дневном свете. Народное ликование, алмазные черты правителя, вспыхивающие в небесах, нарядные цвета шествия, вьющиеся через снежный покров реки, прелестные картонажные символы благосостояния отчизны, колыхавшиеся над плечами разнообразно и красиво оформленные лозунги, простая, бодрая музыка, ор-

гия флагов, довольные лица *парнюг* и национальные костюмы *здоровенных девок...*» [Набоков 1990, 4: 403].

Разные черты советского бытия неизменно оцениваются в метаромане как неудачные в силу своей примитивности и даже мертвенности. Например: «Побывали в кинематографе, где давалась русская фильма, причем с особым шиком были поданы виноградины пота, катящиеся по блестящим лицам фабричных, — а фабрикант всё курил сигару» [Набоков 1990, 3: 81]. — «Когда же она [Лужина] обращалась к газетам *потусторонним*, советским, то уже скуке не было границ. От них веяло *холодом гробовой* бухгалтерии, мушиной канцелярской тоской, и чем-то они ей напоминали образ *маленького чиновника с мертвым лицом* в одном учреждении [...] ...Ей было неясно, почему именно его образ мерещился ей, как только она принималась за московскую газету. *Скука и жалость* были, что ли, такого же свойства...» [Набоков 1990: 132].

Отсутствуют признаки творческой, живой мысли и в деятельности советских шахматистов. «Он [Фёдор Константинович] углубился в рассмотрение задач [в советском шахматном журнале «8x8»]... *Добросовестные, ученические* упражнения молодых советских композиторов были не столько „задачи“, сколько „*задания*“: в них громоздко трактовалась та или иная *механическая тема*... без всякой поэзии; это были шахматные *лубки*, не более, и подталкивающие друг друга фигуры делали свое неуклюжее дело с *пролетарской серьёзностью*, мирясь с побочными решениями в *вялых* вариантах и нагромождением *милицейских* пешек [...] ...Зато в одном из советских произведений... нашелся прелестный пример того, как можно дать маху: у черных было д е в я т ь [разбивка В. Набокова. — А. В.] пешек, — девятую по-видимому добавили в последнюю минуту, чтобы заделать непредвиденную брешь [...]» [Набоков 1990, 3: 156—157]. Конечно, Набоков, который «в продолжение двадцати лет эмигрантской жизни в Европе [...] посвящал чудовищное количество времени составлению шахматных задач» [Набоков 1990, 4: 289], и в своих мемуарах также не мог еще раз не высказаться по этому поводу, насчет малоопытных и неразвитых советских шахматных композиторов, причем почти в тех же выражениях, что и один из его любимых собственных персонажей: «...В свое время Россия изобрела гениальные этюды, ныне же *прилежно* занимается *механическим* нагромождением *серых* тем в порядке *ударного перевыполнения бездарных заданий*» [Набоков 1990, 4: 289—290].

Так (вроде бы дробно-эпизодическое, но на самом деле — разноаспектное) описание советской действительности, хотя и знакомой Набокову и большинству его персонажей лишь заочно, логично может быть увенчано констатацией, сформулированной Годуновым-Чердынцевым: «...Отчего это в России *всё* сделалось *таким плохоньким, корявым, серым*, как она могла так *оболваниться и притупиться?*» [Набоков 1990, 3: 157]. И, хотя эта констатация начинается с острой эмоциональной оценки («вдруг ему стало обидно» [там же]), последняя вовсе не снижает и не приглушает обличительного пафоса набоковских инвектив.

Таким образом, миф о некоей «аполитичности» В. В. Набокова — всего лишь миф, правда, старательно (несмотря на вышеупомянутые прямые инвективы) выстраиваемый как самим писателем, так и позднейшими набоковедами. Нередко они (впрочем, следуя логике самого объекта изучения), считая набоковские русскоязычные тексты кристально аполитичными, склонны делать нечто вроде исключения для *анти*-советских суждений и оценок великого стилиста: дескать, *это* всё — в силу врожденного благородства и стремления соблюдать правила хорошего тона, как положено всякому порядочному человеку. Например: «Хотя Набоков и утверждал, что писатель не имеет социальных обязательств, *но* вместе с тем был бескомпромиссен по отношению к тоталитарному режиму в СССР» [Ерофеев 1990: 5] — то есть *это* отношение — *как бы* не в счет.

Снобистское кокетство В. Набокова своей якобы аполитичностью довольно-таки сродни распространенному россиянку увлечению «деидеологизацией» («*деидеологизация* — устранение из различных сфер общественной жизни влияния идеологии (*обычно коммунистической*)» [Толковый словарь 2001: 202]), а точнее, конечно, — *реидеологизацией*.

Поэтому вряд ли можно абсолютно безо всякой коррекции воспринимать как свидетельство лишь духовного ущерба, понесенного писателем от злокозненных большевиков и прочих «человекоподобных микроцефалов», следующее объяснение «лукавого автора»: «В сем месте американской и великобританской версий нынешней книги, в назидание беспечному иностранцу, ...я позволил себе небольшое отступление...: „Мое давнишнее расхождение с советской диктатурой *никак не связано с имущественными вопросами*. Презираю россиянина-зубра, ненавидящего коммунистов потому, что они, мол, украли у него деньжата и деся-

тины. Моя тоска по родине лишь своеобразная гипертрофия тоски по утраченному детству» [Набоков 1990, 4: 169—170]. Не была ли всё-таки эта светлая печаль расцвечена и другими обстоятельствами, например: «Он [В. И. Рукавишников, дядя В. В. Набокова] тогда [в 1914 г.] в последний раз уехал за границу и спустя два года там умер, оставив мне миллионное состояние и петербургское имение Рождествено...» [Набоков 1990, 4: 169].

Тему романа, составляющего IV главу «Дара», подсказывает Годунову-Чердынцеву другой персонаж — Александр Яковлевич Чернышевский: «Написали бы вы, в виде *biographie romanesque* [фр. «романизированная биография»], книжечку о нашем великом шестидесятнике <...>, не морщитесь <...>, он был сущий подвижник»² [Набоков 1990: 37]. И лишь года через три Годунов-Чердынцев, случайно увидев в советском шахматном журнальчике статейку «Чернышевский и шахматы», а также «ученические упражнения молодых советских композиторов» [Набоков 1990: 153, 157], принимает решение такой роман написать [Набоков 1990: 174]: «...вдруг ему стало обидно — отчего это в России всё сделалось таким плохоньким, корявым, серым, как она могла так оболваниться и притупиться? И „что делать“ теперь?» [Набоков 1990: 157]. Причем, по мере знакомства с сочинениями Н. Г. Чернышевского, Годунова-Чердынцева «так поразило и развеселило допущение, что автор, с таким умственным и словесным стилем, мог как-либо повлиять на литературную судьбу России» [Набоков 1990: 175], что он решил написать роман «как бы на самом краю пародии. А чтобы с другого края была пропасть серьезного, и вот пробираться по узкому хребту между своей правдой и карикатурой на нее» [Набоков 1990: 180] (то есть — опять же некоторая игра сакральным/профанным).

Собственно говоря, рожденный воображением Набокова начинающий автор во многом соблюдает критерии, гораздо позднее предложенные М. М. Бахтиным: «<...> Вообще чистой формы биографического романа, в сущности, никогда не существовало. <...> Единственное существенное изменение самого героя, которое знает биографический роман <...>, — это кризис и перерождение героя (биографические жития святых кризисного типа)...» [Бахтин 1986: 206—207].

Лексико-фразеологические единицы, с помощью которых описываются и квалифицируются личность Н. Г. Чернышевского, его деятельность и эпоха, в которую она протекала, по существу, напрямую связаны прежде всего с религиозной, т. е. исконно са-

кральной сферой — иначе говоря, призваны передать отношение *самого* Чернышевского, его читателей и почитателей к столь близким им революционным идеям и их носителям. Ряд примеров: «...В этой эпохе есть нечто *святое*... Родились лучшие *заветы* русского освободительного движения» [Набоков 1990: 178]. — «Вскользь поясняет Чернышевский, но как полно было *священного* значения это в *с к о л ь з ь* [разрядка В. В. Набокова. — А. В.] для читателя „Современника“» [Набоков 1990: 230]. — «Вместо ожидаемых насмешек [т. е. восприятия литературного артефакта как профанного. — А. В.] сразу создалась атмосфера всеобщего *благочестивого поклонения*. Его читали, как читают *богослужебные книги*» [т. е. как сакральные тексты. — А. В.] [Набоков 1990: 248]³. — «Появилась новая *ересь*: нигилизм. „Безобразное и безнравственное учение, отвергающее всё, чего нельзя оцупать“, — содрогаясь, толкует Даль это странное слово (в котором „ничто“ как бы соответствует „материи“)» [Набоков 1990: 223] (в данном примере отклонение от традиционной религии — «ересь» — прямо служит обозначением системы идеолого-политических взглядов).

Но это лишь фон, очевидно призванный акцентировать многократные ассоциации между образом Иисуса Христа — и личностью Н. Г. Чернышевского. Ср.: «...Сам Николай Гаврилович <...> ужасные *мучения* <...> переносил *ради идеи, ради человечества*...» [Набоков 1990: 178]. — «[Чернышевский в детстве] не научился <...> мастерить сетки для ловли малявок: ячейки получались неровные, нитки путались, — уловлять рыбу труднее, чем *души человеческие*» [Набоков 1990: 192] (ср.: «Он увидел двух братьев, Симона, называемого Петром, и Андрея, брата его, закидывающих сети в море; ибо они были рыболовы; И говорит им: идите за Мною, и Я сделаю вас *ловцами человеков*. И они тотчас, оставивши сети, последовали за Ним» [Мф. 4: 18—20]. «Биографы размечают *евангельскими вехами* его [Чернышевского] *тернистый путь*. <...> *Страсти* Чернышевского начались, когда он достиг *Христового возраста*. Вот, в роли *Иуды*, — Всеволод Костомаров; вот, в роли *Петра* — знаменитый поэт, уклонившийся от свидания с узником („имеется в виду Н. А. Некрасов, отговаривавший М. А. Антоновича от свидания с арестованным Чернышевским“ [Дарк 1990: 467]). «Толстый Герцен, в Лондоне сидючи, именует позорный столб „товарищем *Креста*“. И в некрасовском стихотворении — опять о *Распятии*, о том, что Чернышевский послан был „рабам (царям) земли напомнить о *Христе*“.

Наконец, когда он совсем умер, и тело его обмывали, одному из его близких эта худоба, эта крутизна ребер, темная бледность кожи и длинные пальцы ног смутно напомнили „Снятие со Креста“, Рембрандта, что ли.⁴ Но и на этом тема не кончается: есть еще *посмертное надругание*, без коего никакая *святая жизнь* несовершенна <...>. Серебряный венок с надписью на ленте „Апостолу правды от высших учебных заведений города Харькова“ был <...> выкраден из железной часовни, причем беспечный *святоотец* <...> нацарапал осколком на раме имя свое и дату» [Набоков 1990: 193—194].

Параллелизм жизненных событий Христа и Н. Г. Чернышевского обнаруживается и в ряде других обстоятельств.

Так, в Евангелии: «Фарисеи говорили: он изгоняет бесов *силою князя бесовского*» [Матф. 9: 34]. — «Фарисеи же, услышавши сие, сказали: Он *изгоняет бесов* не иначе, как *силою веельзевула, князя бесовского*» [Матф. 12: 24]. — «Ибо таковые *лжеапостолы, лукавые деятели*, принимают вид *Апостолов Христовых*; И не удивительно: потому что сам *сатана* принимает вид *Ангела света*» [2 Кор. 11: 13—14].

Ср.: «Недоброжелатели *мистического* толка говорили о „*прелести*“⁵ Чернышевского, о его физическом сходстве с *бесом*» [Набоков 1990: 225]. Также: «...Вера [Достоевского] в *адское могущество* Николая Гавриловича <...>. Агенты, тоже не без *мистического ужаса*, доносили, что „слышался смех из окна Чернышевского“. Полиция наделяла его *дьявольской изворотливостью*...» [Набоков 1990: 239]. — «*Чары* Чернышевского слабели...» [Набоков 1990: 253].

По евангельской легенде, «собрались первосвященники и книжники и старейшины народа во двор у первосвященника <...>, и положили в совете *взять Иисуса хитростью* и убить» [Мф. 26: 3—4]. И далее: «Первосвященники и старейшины и весь синедрион *искали лжесвидетельства* против Иисуса, чтобы предать его смерти» [Мф. 26: 59].

В отношении же Чернышевского описывается «сложная работа, которую властям пришлось проделать для того, чтобы *создать улики*, которые должны были быть, но которых не было», ибо получилось курьезнейшее положение: «*Юридически не за что было зацепиться*, и приходилось ставить леса, дабы закону влезть и работать» <...>. Дело, затеянное против Чернышевского, было *призраком*; но это был призрак действительной вины <...>» [Набоков 1990: 242].

В Евангелии: «<...> Наконец пришли *два лжесвидетеля* и сказали: «Он говорил: „мо-

гу разрушить храм Божий и в три дня создать его“» [Мф. 26: 60—61].

А «к Чернышевскому власти подобрали отставного уланского корнета Владислава Дмитриевича Костомарова <...>. Для косвенного подтверждения того, что воззвание „К барским крестьянам“ написано Чернышевским, Костомарову было задано, во-первых, изготовить записочку, будто бы от Чернышевского, содержащую просьбу изменить одно слово в этом воззвании; а во-вторых — письмо <...>, в котором находилось бы доказательство деятельного участия Чернышевского в революционном движении. То и другое Костомаров и *состряпал*» [Набоков 1990: 242—243], а «мещанин Яковлев, его [Чернышевского] бывший переписчик, <...> дал важное показание: <...> он *будто бы* слышал, как Николай Гаврилович и Владислав Дмитриевич <...> говорили о поклоне от их доброжелателей барским крестьянам (трудно разобраться в этой *смеси правды и подсказки*)» [Набоков 1990: 250].

В евангельском повествовании о первосвященник сказал Ему: „заклинаю Тебя Богом живым, скажи нам, Ты ли Христос, Сын Божий?“ Иисус говорит ему <...>: „отныне узрите Сына Человеческого...“ Тогда первосвященник <...> сказал „Он богохульствует! *На что еще нам свидетелей?*“ <...>. Они же сказали в ответ: повинен смерти» [Мф. 26: 63—66].

Относительно же Чернышевского «дело подходило к концу <...>. Что же касается воззвания „К барским крестьянам“... тут уже созрел плод на шпалерах *подлогов и подкупов*: полное нравственное убеждение сенаторов, что Чернышевский воззвание сочинил, обращалось в юридическое доказательство письмом к „Алексею Николаевичу“ <...>. Так в лице Чернышевского был осужден его — очень похожий — *призрак: вымышленную вину чудно подгримировали под настоящую*» [Набоков 1990: 250].

«Распявшие же Его <...> поставили над головою Его надпись, означающую вину Его: *Сей есть Иисус, Царь Иудейский*» [Мф. 27: 35—37]. — «Близко стоявшие видели на его [Чернышевского] груди продолговатую дощечку с надписью белой краской: «*государственный преступ*» (последний слог не вышел)» [Набоков 1990: 251].

Если «Иисус же, опять возопив громким голосом, *испустил дух* <...>. И взяв Тело, Иосиф обвил его чистою плащаницею и положил его в новом своем гробе» [Мф. 27: 50, 59—60], а затем «*Он воскрес из мертвых*» [Мф. 28: 7], то «Чернышевского поспешно высвободили из цепей и *мертвое тело* повезли прочь. Нет, — описка: *увы, он был*

жив <...>! „Увы, жив“, — воскликнули мы, — ибо как не предпочесть казнь смертную <...> тем похоронам, которые спустя двадцать пять бессмысленных лет выпали на долю Чернышевского. *Лапа забвения* стала медленно забирать его *живой образ*, как только он был увезен в Сибирь» [Набоков 1990: 251—252].

Пусть автор-рассказчик (он же очевидно — В. Набоков) бегло-иронически, почти вскользь формирует тему «ангельской ясности» («*Христос умер за человечество, ибо любил человечество, которое я* [Чернышевский] *тоже люблю, за которое умру тоже*» [Набоков 1990: 193]), она имеет для главы IV «Дара» ключевое значение, выступая в роли некоего лейтмотива — что подчеркивается фразой: «*Страсти* Чернышевского начались, когда он достиг *Христового возраста*» [Набоков 1990: 193].

Да и последние слова Чернышевского в «Даре» определенно соотносятся с предсмертным восклицанием Христа: «Странное дело: в этой книге ни разу не упоминается о Боге» [Набоков 1990: 268]. — «А около девятого часа возопил Иисус громким голосом: Или, Или! Ламá савахфанí? то есть: Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?» [Мф. 27: 46]. Однако далеко не во всех отношениях Чернышевский может быть уподоблен Христу или как-то сближен с ним.

Так, энтузиастически пафосный призыв, обращенный к Чернышевскому его «лучшим другом»: «Будь вторым Спасителем» [Набоков 1990: 193], по природе своей, скорее, кощунствен. Ведь известно, что Христос как Спаситель абсолютно уникален; хотя бы: «Он есть камень, пренебреженный вами зияющими, но сделавшийся главою угла, и *нет ни в ком ином спасения*; ибо нет другого имени под небом, данного человекам, которым надлежало бы нам спастись» [Деян. 4: 11—12]. Суммируя множество ранее высказанных суждений, позднейший комментатор говорит: «„Боговоплощение“ понимается в христианстве как единичное и неповторимое, не допускающее <...> множественности „спасителей“ и „наставников человечества“» [Аверинцев 1987: 498]. Более того: стать неким «эрзацем» — субститутутом Христа, причем заведомо и исключительно зловредным, способен лишь Антихрист — «космический узурпатор и самозванец, носящий маску Христа, которого отрицает, он стремится занять место Христа, быть за него принятым» [Аверинцев 1987: 85].

При этом «недаром молодой Чернышевский записал в дневнике <...>: «...а что, если мы в самом деле живем во времена Цицерона и Цезаря <...>, и *является новый*

Мессия, и новая религия, и новый мир?...» [Набоков 1990: 222]; опять же очевидно подразумевается: под «новой религией» — некое общеспасительное (но уже вряд ли в сугубо духовном смысле) сакрализованное революционное учение, а под «новым Мессией» — его провозвестник и проповедник. А такие повторы и дублиеры заведомо исключены с точки зрения канонической традиции.

Кроме того, Чернышевский — сугубый материалист, избирающий рационализм в качестве символа веры: «...„Святой Дух“ надобно заменить „Здравым Смыслом“. Ведь бедность порождает порок; ведь Христу следовало сперва каждого обуть и увенчать цветами, а уж *потом проповедовать* нравственность. *Христос второй прежде всего покончит с нуждой вещественной...*» [Набоков 1990: 193]. Ср. : «<...> Вся эта тяга к стиху, созданному *по образу и подобию* определенных социально-экономических богов, была в Чернышевском бессознательна» [Набоков 1990: 217].

* * *

В романе, созданном персонажем В. Набокова (то есть — прежде всего самим Набоковым), на лексико-фразеологическом уровне наблюдаются сложные переплетения религиозных и политических мотивов. Конечно, роман этот написан «как бы на самом краю пародии» — и притом «одним безостановочным ходом мысли» [Набоков 1990: 180] (а потому такие языковые единицы нередко затруднительно структурировать и систематизировать), — однако несомненно, что его своеобразный пафос строится именно на основании ощутимо саркастического травестирования. Вербальные символы традиционно сакрального, православно-христианского свойства используются для описания реалий и ситуаций, совершенно иных по своей природе, — идеолого-политических. Понятно, что в статусе сакральных они и воспринимаются главным героем IV главы, комично, а иногда иронически представляемым рассказчиком в роли самонадеянного новейшего подвижника и мученика. Эффект его высокомерного осмеяния оказывается причиной не только появления в тексте романа в основном отрицательных отзывов, мастерски стилизованных Набоковым, но и отказа публиковать само произведение со стороны вроде бы симпатизировавших автору общественных деятелей (небезынтересно, что и сама IV глава в реальной жизни была отвергнута эмигрантским журналом; см. [Ерофеев] в [Набоков 1990, 1: 6]). Упомянутый эффект строится и на том, что автор-рассказчик *как бы* всерьез воспринимает и воспроизводит трепетное отношение Чер-

нышевского к воодушевлявшим и вдохновлявшим его идеям. Конечно же, именно тонкая игра сакральным/профанным придает рассмотренному тексту В. В. Набокова столь замечательную художественно-образную убедительность (кстати, разрушая миф об «аполитичности» писателя, старательно создававшийся им самим).

Допустимо заключить, что бинарные семиотические оппозиции действительно универсальны и способны обретать различные вербальные модификации, которые с успехом могут быть использованы — в том числе — и в беллетристическом произведении.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. «Ходынка» — катастрофа на Ходынском поле (в сев.-зап. части Москвы, в начале совр. Ленингр. проспекта) 18.05.1896 во время раздачи царских подарков по случаю коронации Николая II. Из-за халатности властей произошла давка: по офиц. данным, погибло 1389 чел., изувечено 1300» [СЭС 1983: 1448].

2. Ср.: «*подвижник* — совершитель великого и трудного дела; подвижник» [Сл. Срезневского 1958, 2: 1033]; «*подвижник* — 1) тот, кто из религиозных побуждений подвергал себя лишениям. Христианские подвижники; 2) высок. Тот, кто самоотверженно борется за достижение высоких целей на каком-л. трудном поприще. *Подвижник революционной борьбы*» [МАС-2 1983, 3: 178]. Собственно, можно было бы сказать, что это слово *уже* выступает как своеобразный камертон IV главы романа «Дар» (см. выше: [Набоков 1990: 37]).

3. Ср.: «Самое неосновательное суждение получает вес от волшебного влияния типографии. Нам всё еще *печатный лист кажется святым*» [Пушкин 1978, 7: 138].

4. О внешнем сходстве тех же двух персонажей см. также: Чернышевский «вид <...> имел хилый, глаза потухли, и от отроческой красоты ничего не осталось <...>; сам же не сомневался в своей непривлекательности» [Набоков 1990: 197]. — «Климент Александрийский <...> говорил о том, что Христос, вочеловечившись, принял образ „невзрачный“ и лишенный телесной красоты...» [Лотман 1996: 55].

Кроме того, внешнее уподобление Чернышевского христианскому аскету раскрывается в нарочито подчеркнутом параллелизме. «Какой он был бедный, какой грязный и безалаберный, как далек от соблазнов роскоши... Внимание! Это не столько пролетарское целомудрие, с которым *подвижник* относится к покусыванию несменяемой *власяницы* и оседлых блох. Однако же и *власяницу* приходится порою чинить» [Набоков 1990: 202]; далее следует детализированно-комичное описание того, как «изобретательный Николай Гаврилович» замышляет штопание своих старых панталон: «Ниток черных не оказа-

лось, поэтому он какие нашлись принялся макать в чернила» и т. д. [Там же].

5. «*Прелесть* — 1. Соблазн, греховное искушение, прельщение, обман <...>. 2. Тот или то, что может прельстить, соблазнить <...>. 4. Ложь, выдаваемая за истину и отвращающая от истинной веры <...>. 6. Козни, обман, коварство <...>. 7. Обманчивая привлекательность, очарование. обольстительность» [СлРЯ XI—XVII вв., 18: 259—260].

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверинцев С. С. Антихрист // Мифы народов мира. Т. 1. — М., 1987. С. 85—86.
2. Адрианова-Перетц В. П. Очерки по истории русской сатирической литературы XVII века. — М.; Л., 1937.
3. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. — М., 1966. 608 с.
4. Бахтин М. М. Роман воспитания и его значение в истории реализма // Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. — М., 1986. С. 199—249.
5. Булгаков М. А. Зойкина квартира // Собр.соч. В 5 т. Т. 3 / М. А. Булгаков. — М., 1990. С. 77—148.
6. Булгаков С. Н. На пиру богов // Наше наследие. 1991. № 1.
7. Бунин И. А. Дневники // Собр. соч. : в 6 т. / И. А. Бунин. — М., 1988. Т. 6.
8. Васильев А. Д. Интертекстуальность: прецедентные феномены. — М., 2013. 342 с.
9. Васильев А. Д. Манипулятивная эвфемизация как атрибут дискурса СМИ // Вестн. Краснояр. гос. пед. ун-та им. В. П. Астафьева. 2010. № 1. С. 150—161.
10. Винничук Л. Люди, нравы и обычаи Древней Греции и Рима. — М., 1988. 496 с.
11. Гудкова В. В. Комментарии // Собр. соч. : в 5 т. / М. А. Булгаков. — М., 1990. Т. 3. С. 620—630.
12. Дарк О. Примечания // Собр. соч. : в 4 т. / В. В. Набоков. — М., 1990. Т. 3. С. 463—479.
13. Ерофеев В. В. Русская проза Владимира Набокова // Собр. соч. : в 4 т. / В. В. Набоков. — М., 1990. Т. 1. С. 3—32.
14. Иванов В. В., Топоров В. Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы (древний период). — М., 1965.
15. Ключевский В. О. Курс русской истории. Ч. 2 // Соч. : в 9 т. / В. О. Ключевский. — М., 1987. Т. 2. 447 с.
16. Ключевский В. О. Курс русской истории. Ч. 4 // Соч. : в 9 т. / В. О. Ключевский. — М., 1989. Т. 4. 398 с.
17. Козулина М. В., Романенко А. П. Советская массовая поэзия : хрестоматия. — Саратов, 2009. 237 с.
18. Кузанский Николай. Берилл // Соч. : в 2 т. / Кузанский Николай. — М., 1980. Т. 2. С. 118—298.
19. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. — М., 1996. 464 с.
20. Лотман Ю. М. Динамическая модель семиотической системы // Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике ИРЯ АН СССР. Предварительные публикации. — М., 1974. Вып. 60.
21. Набоков В. В. Дар // Собр. соч. : в 4 т. / В. В. Набоков. — М., 1990. Т. 3. С. 5—330.
22. Набоков В. В. Другие берега // Собр. соч. : в 4 т. / В. В. Набоков. — М., 1990. Т. 4. С. 133—302.
23. Набоков В. В. Защита Лужина // Собр. соч. : в 4 т. / В. В. Набоков. — М., 1990. Т. 2. С. 5—152.
24. Набоков В. В. Истребление тиранов // Собр. соч. : в 4 т. / В. В. Набоков. — М., 1990. Т. 4. С. 384—405.
25. Набоков В. В. Подвиг // Собр. соч. : в 4 т. / В. В. Набоков. — М., 1990. Т. 2. С. 155—296.
26. Набоков В. В. Собр.соч. В 4 т. Т. 1. — М., 1990. С. 3—32.
27. Носик Б. Мир и Дар Владимира Набокова. — М., 1995. 552 с.
28. Поршнев Б. Ф. Социальная психология и история. Изд. 2-е. — М., 1979.

29. Пушкин А. С. Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений // Полн. собр. соч. : в 10 т. / А. С. Пушкин. — Л., 1978. Т. VII. С. 137—144.
30. Романенко А. П. Образ ратора в советской словесной культуре. — М., 2003. 432 с.
31. Словарь русского языка XI—XVII вв. = СЛРЯ XI—XVII вв. Т. 18. — М., 1992. 288 с.

A. D. Vasiljev
Krasnoyarsk, Russia

THE SACRED AND THE PROFANE IN THE TEXT BY V. V. NABOKOV

ABSTRACT. Binary semiotic oppositions of friend/foe type are traditionally regarded as a constant principle of establishing interpersonal relations and formation of groups. This contrasted components have a common subject, the presence of which, in fact, makes its extreme expressions possible.

The verbal manifestation of such oppositions may be variable. The choice of the words is determined by the definite axiological guidelines, which are starting points for classifying and qualifying the phenomena as values and anti-values.

Among such starting points are abstract phenomena, which circulate or are instilled in the society. This function can be performed by the religious doctrines or ideological concepts. However, the latter can often acquire the status of the dominant religion.

It is extremely interesting to study the numerous cases of transition of lexical and phraseological units, originally belonging to the religious sphere, into ideological and political sphere. Apparently, this is partly explained by a sacred connotation preserved in these expressions, and therefore — the ability to use them to form trustworthiness of the statements in the public mind with the help of agitation and constant propaganda.

The illustrations of the processes and outcomes of these transitions can be found in various sources, including literary and artistic works.

In this respect, it is interesting to study some texts by V. V. Nabokov, who is known to be very carefully spreading the myth of his political apathy. However, the motives of a clear political orientation are often present in his works. In this paper they are analyzed mainly on the basis of the fourth chapter of the novel "The Gift."

The materials and conclusions of the article can be used in higher school political science courses, philosophy, literature, modern Russian literary language, and others.

KEYWORDS: semiotic opposition; sacred/profane; vocabulary and phraseology; religion; ideology.

ABOUT THE AUTHOR: Vasiljev Aleksandr Dmitrievich, Professor of Department of General Linguistics, Doctor of Philology, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafyev, Krasnoyarsk, Russia.

REFERENCES

1. Averintsev S. S. Antikhrist // Mify narodov mira. T. 1. — М., 1987. S. 85—86.
2. Adrianova-Peretts V. P. Ocherki po istorii russkoy satiricheskoy literatury XVII veka. — М.; Л., 1937.
3. Akhmanova O. S. Slovar' lingvisticheskikh terminov. — М., 1966. 608 s.
4. Bakhtin M. M. Roman vospitaniya i ego znachenie v istorii realizma // Estetika slovesnogo tvorchestva / M. M. Bakhtin. — М., 1986. S. 199—249.
5. Bulgakov M. A. Zoykina kvartira // Sobr.soch. V 5 t. T. 3 / M. A. Bulgakov. — М., 1990. S. 77—148.
6. Bulgakov S. N. Na piru bogov // Nashe nasledie. 1991. № 1.
7. Bunin I. A. Dnevnik // Sobr. soch. : v 6 t. / I. A. Bunin. — М., 1988. Т. 6.
8. Vasil'ev A. D. Intertekstual'nost': pretsedentnye fenomeny. — М., 2013. 342 s.
9. Vasil'ev A. D. Manipulyativnaya evfemizatsiya kak atribut diskursa SMI // Vestn. Krasnoyar. gos. ped. un-ta im. V. P. Astaf'eva. 2010. № 1. S. 150—161.
10. Vinnichuk L. Lyudi, nrvay i obychai Drevney Gretsii i Rima. — М., 1988. 496 s.
11. Gudkova V. V. Kommentarii // Sobr. soch. : v 5 t. / M. A. Bulgakov. — М., 1990. Т. 3. S. 620—630.
12. Dark O. Primechaniya // Sobr. soch. : v 4 t. / V. V. Nabokov. — М., 1990. Т. 3. S. 463—479.
13. Erofeev V. V. Russkaya proza Vladimira Nabokova // Sobr. soch. : v 4 t. / V. V. Nabokov. — М., 1990. Т. 1. S. 3—32.
14. Ivanov V. V., Toporov V. N. Slavyanskije yazykovye modeliruyushchie semioticheskie sistemy (drevniy period). — М., 1965.
15. Klyuchevskiy V. O. Kurs russkoy istorii. Ch. 2 // Soch. : v 9 t. / V. O. Klyuchevskiy. — М., 1987. Т. 2. 447 s.
16. Klyuchevskiy V. O. Kurs russkoy istorii. Ch. 4 // Soch. : v 9 t. / V. O. Klyuchevskiy. — М., 1989. Т. 4. 398 s.
17. Kozulina M. V., Romanenko A. P. Sovetskaya massovaya poeziya : khrestomatiya. — Saratov, 2009. 237 s.
18. Kuzanskiy Nikolay. Berill // Soch. : v 2 t. / Kuzanskiy Nikolay. — М., 1980. Т. 2. S. 118—298.
19. Lotman Yu. M. Vnutri myslyashchikh mirov. — М., 1996. 464 s.
20. Lotman Yu. M. Dinamicheskaya model' semioticheskoy sistemy // Problemnaya gruppa po eksperimental'noy i prikladnoy lingvistike IRYa AN SSSR. Predvaritel'nye publikatsii. — М., 1974. Vyp. 60.
21. Nabokov V. V. Dar // Sobr. soch. : v 4 t. / V. V. Nabokov. — М., 1990. Т. 3. S. 5—330.
22. Nabokov V. V. Drugie berega // Sobr. soch. : v 4 t. / V. V. Nabokov. — М., 1990. Т. 4. S. 133—302.
23. Nabokov V. V. Zashchita Luzhina // Sobr. soch. : v 4 t. / V. V. Nabokov. — М., 1990. Т. 2. S. 5—152.
24. Nabokov V. V. Istreblenie tiranov // Sobr. soch. : v 4 t. / V. V. Nabokov. — М., 1990. Т. 4. S. 384—405.
25. Nabokov V. V. Podvig // Sobr. soch. : v 4 t. / V. V. Nabokov. — М., 1990. Т. 2. S. 155—296.
26. Nabokov V. V. Sobr.soch. V 4 t. Т. 1. — М., 1990. S. 3—32.
27. Nosik B. Mir i Dar Vladimira Nabokova. — М., 1995. 552 s.
28. Porshnev B. F. Sotsial'naya psikhologiya i istoriya. Izd. 2-e. — М., 1979.
29. Pushkin A. S. Opyt otrazheniya nekotorykh nелiteraturnykh obvineniy // Poln. sobr. soch. : v 10 t. / A. S. Pushkin. — Л., 1978. Т. VII. S. 137—144.
30. Romanenko A. P. O obraz ratora v sovetskoy slovesnoy kulture. — М., 2003. 432 s.
31. Slovar' russkogo yazyka XI—XVII vv. = SIRYa XI—XVII vv. Т. 18. — М., 1992. 288 s.
32. Slovar' russkogo yazyka = MAS-2. V 4 t. Т. 3. — М., 1983.
33. Sreznevskiy I. I. Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam. Т. 2. — М., 1958.
34. Yung K. G. Nastoyashchee i budushchee // Bozhestvennyy rebenok / K. G. Yung. — М., 1997. S. 177—247.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.

С. В. Иванова

Санкт-Петербург, Россия

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ РЕСУРСНАЯ БАЗА ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ: СОЗДАНИЕ ЭФФЕКТА ДЕМОНИЗАЦИИ

АННОТАЦИЯ. В данной статье освещаются особенности функционирования языковых средств реализации технологии демонизации противника, которая широко используется в ходе информационно-психологической войны. Актуализирующие данную технологию языковые средства в основном принадлежат поверхностному уровню формирования текстового сообщения. Объяснением этому служит сама природа данной технологии: отправитель сообщения хочет добиться стопроцентного попадания и достижения поставленной коммуникативной цели — полной деморализации оппонента за счет полной его дискредитации и низведения до уровня воплощенного зла. Соответственно, демонизируя оппонента, политики активно эксплуатируют общеоценочную лексику негативной направленности. Вместе с тем в ходу оказываются и более тонкие средства дискредитации. Глубинный уровень предполагает использование языковых средств различной уровневой отнесенности, а также их конвергенцию. Среди средств, направленных на демонизацию противника, — прямые и косвенные средства лексического уровня: негативные общеоценочные номинации, клички, использование лексики чужой лингвокультуры. Наряду с этим используются и синтаксические образования: метафорические и компаративные конструкции. Текстовый уровень создания эффекта демонизации оппонента позволяет эксплуатировать возможности отрицательного контекста. Зачастую для полного достижения коммуникативной цели адресант использует единицы нескольких уровней, что многократно усиливает искомый эффект демонизации за счет стимуляции обсуждения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: демонизация; политический дискурс СМИ; политическая коммуникация; информационная война; информационно-психологическая война; технология.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Иванова Светлана Викторовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина; 196605, г. Санкт-Петербург, Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10, к. 207; e-mail: svet_victoria@mail.ru.

Современная политика нераздельно связана с понятием информационной войны. Более того, она зачастую реализуется в форме информационной войны, которую следует понимать как «противоборство сторон, возникающее из-за конфликта интересов и идеологий и осуществляемое путем целенаправленного информационного воздействия друг на друга с использованием специальных технологий для получения определенного преимущества в материальной и/или идеологической сфере и защиты собственной информационной безопасности» [Сковородников, Копнина 2016: 42]. Информационные войны ведутся на разных фронтах, с разной степенью интенсивности, с разной масштабностью, с использованием самого разнообразного «негорячего» оружия, которое тем не менее, по известному выражению знаменитого литературного героя, «страшнее пистолета». В арсенале политиков, ведущих такого рода войны, в ходу как старые, испытанные средства, так и новые виды информационно-психологического оружия, которые позволяют вести противоборство, являющееся результатом конфликта интересов и осуществляемое «путем намеренного, прежде всего речевого, воздействия на сознание противника (народа, коллектива или отдельной личности) для его когнитивного подавления и/или подчинения» [Сковородников, Копнина 2016: 43]. Демонизация противника является одним из главных методов такой войны. Эффект демонизации заключается в намеренном создании негативного, а еще более желательного — отталкивающего образа оппонента, в резуль-

тате чего последний выступает во всех своих проявлениях как абсолютное зло. Естественно предположить, что этот прием наиболее востребован в рамках информационно-психологических войн, ибо он «заточен» на разрушение образа противника посредством придания ему черт, несовместимых с разделяемыми мировым сообществом ценностями. Попраение общечеловеческого представления о добре и зле — а именно таким предстает противоборствующий агент политики — выводит его за пределы человеческих норм, принятых цивилизованным сообществом, что в конечном итоге должно привести к полной психологической деморализации противника за счет создания вокруг него неизменно отрицательного поля смыслов и ассоциаций. Таким образом, демонизация представляется наивысшей формой дискредитации оппонента в ходе информационно-психологической войны и, несомненно, заслуживает самостоятельного рассмотрения.

Понимание современной политической коммуникации как максимально технологизированного процесса [Иванова 2008, 2011; Иванова, Сподарец 2010] позволяет рассматривать демонизацию не только как коммуникативную стратегию или суперстратегию, но прежде всего как технологию, т. е. некое ноу-хау по достижению поставленной цели, базирующееся на совокупности последовательных методов, взаимодополняющих приемов и целенаправленных действий, предпринимаемых агентами политики.

Цель данного исследования состоит в выявлении языковых ресурсов, целенаправ-

ленно и последовательно используемых в политической коммуникации, которые, затрагивая поверхностный и глубинный уровни формирования текстового сообщения, способствуют созданию эффекта демонизации. В качестве материала исследования служат публикации последнего времени, увидевшие свет в средствах массовой информации США и Великобритании и относящиеся к сфере внешней и внутренней политики этих стран.

Нельзя не согласиться с Н. Б. Руженцевой, что авторы политических текстов не затрудняют себя доказательствами, а в основном прибегают «к убеждению или уверенности, воздействуя и на рациональную, и на эмоциональную сферу читателя» [Руженцева 2004: 12]. Технология, направленная на создание эффекта демонизации, отнюдь не является исключением в этом отношении и, соответственно, предполагает обращение как к языковым средствам аксиологической природы, так и к логическим построениям или их подобию.

Одним из самых простых способов реализации эффекта демонизации является использование номинаций, обозначающих общепринятого носителя зла, по отношению к политическому оппоненту. Номинативный способ принадлежит к поверхностному уровню формирования сообщения и осуществляется посредством нескольких приемов. Самый простой из них — использование общеоценочных языковых единиц по отношению к объекту демонизации. Так, при освещении Олимпиады-2016 в Рио-де-Жанейро зарубежные средства массовой информации не гнушались никакими дискредитирующими российских спортсменов именованиями, включая существительные общей отрицательной оценки. К примеру, *USA Today* назвала российскую пловчиху Юлию Ефимову злодейкой / негодяйкой (*villain*, согласно словарю *American Heritage*, означает *a wicked or evil person*, таким образом, денотативное значение этой лексической единицы содержит сему «зло»): *Russian swimmer Yulia Efimova, who became the villain of the Rio Olympics swimming competition, took a parting shot at fierce rival Lilly King on Saturday night, insisting the American 19-year-old was immature and had turned the event into “a war”. / Российская пловчиха Юлия Ефимова, которая стала злодейкой / негодяйкой Олимпийских игр в Рио, напоследок сделала резкое заявление в адрес своей соперницы Лилли Кинг, подчеркнув, что девятнадцатилетняя американка еще многого в жизни не понимает и потому превратила соревнования в войну* [Rogers].

Наряду с эксплуатацией прямых номинаций, содержащих отрицательную оценку в денотативном компоненте значения, у «рядовых» и «генералов» информационных войн популярностью пользуются коннотативы. Для обеспечения правильного понимания коннотативов их сопровождают эпитетами отрицательной оценки, чтобы читатель не ошибся при интерпретации сообщения. Так, ничтоже сумняшеся Дэвид Сеттер (*David Satter*) в своей статье *The Bloody Czar*, посвященной гипотезе о связи между террористическими актами в Москве (подрыв московских домов в 1999 г.) и президентством В. В. Путина, именует российского президента *кровавым царем*, таким образом уже в заголовке объявляя его воплощением зла [Satter 2016: 24]. *Czar* трактуется как (1) *an emperor or king*, (2) *the former emperor of Russia*, (3) *an autocratic ruler or leader* или (4) *any person exercising great authority or power* [Random House 2010]. В данном случае эпитет *bloody* является семантическим идентификатором, выступающим для читателя в виде семантического навигатора, направляющего к пониманию этой лексической единицы в ее третьем значении, актуализирующим семы «тиран» и «авторитарный правитель». Таким образом, читатель не может ошибиться в интерпретации языковой единицы: направление оценочного вектора задано однозначно и недвусмысленно.

Другим простым, но весьма эффективным приемом создания эффекта демонизации является использование кличек и прозвищ. Этот прием стар как мир, но частота и интенсивность его использования доказывает неизменность и эффективность его воздействующего потенциала. Так, в статье о Дональде Трампе и его избирательной кампании небольшой эпизод посвящен тому, как Трамп высказывается о своих оппонентах из демократической партии. Кандидат в президенты не мелочится, выбирая самые хлесткие прозвища (*узурпаторы, преступники, бессердечные подельники тех, кто убивает невинных американцев*) для своих политических противников: *...an insurrection designed to depict the Democrats not as political adversaries, but as usurpers, criminals, and callous accomplices to the murder of innocent Americans* [Guttenplan 2016: 8]. Сродни этому приему употребление номинации, цель которой состоит в том, чтобы просто обозвать противника. Весьма показательным примером в этом плане является статья *The Week* о новостях за неделю в журнале *National Review*. Первым из объяснений, почему многие республиканцы обозлились на то, как Тед Круз повел себя в рамках избирательной

кампании 2016 г., оказывается то, что он *придурок (a jerk): A lot of Republicans got very mad at Ted Cruz for pointedly declining to endorse Donald Trump at the Republican convention. There were three lines of criticism. 1) He was a "jerk", says Peggy Noonan, who argues that you don't go to a party and punch the host* [The Week 2016: 6]. / Многие республиканцы рассердились на Теда Круза за то, что тот намеренно отказался поддержать кандидатуру Дональда Трампа на конвенции республиканцев. Его критиковали по трем линиям. Прежде всего, он придурок, говорит Пегги Нунан, которая поясняет, что никто же не будет бить хозяина, придя на его вечеринку. Не менее красочным является и пример освещения съезда Республиканской партии в том же журнале. Пасаж начинается с весьма очевидного в своей оценочности высказывания: *The Cleveland Republican convention was a schizophrenic affair, well suited to a party in the act of transforming itself* [The Week 2016: 14]. / Съезд Республиканской партии в Кливленде проходил в шизофреническом духе, который вполне соответствует духу партии, находящейся в состоянии перестройки. Такого же рода прием используется и в статье о предвыборной кампании Дональда Трампа *Trump in the Dumps* в достаточно серьезном журнале *Economist*, где кандидата-республиканца просто именуют миллиардером-демагогом (*billionaire demagogue*) [Trump in... 2016: 19].

Данного рода приемы «наглядно, грубо, зримо» эксплицируют демоническую природу референта. Казалось бы, они настолько просты, что на их удочку не должен попадаться грамотный адресат. Однако предпринимаемая в ходе информационно-психологической войны стимуляция обсуждения, которая обеспечивает мощный сигнал на выходе социального усилителя [Почепцов 2000], вполне объясняет эффективность такого простого и лишнего всякой амбивалентности приема.

Вместе с тем поверхностный уровень проведения информационной войны далеко не всегда оказывается достаточным, более того, зачастую он все же представляется чрезмерно грубым для искушенного современника. Соответственно, требуются такие способы, которые работали бы более тонко и затрагивали бы более глубокие уровни формирования текстового сообщения. Необходимо заметить, что и на уровне номинации есть такого рода приемы — прежде всего к таковым относятся компаративные номинативные конструкции. Суть компаративной номинации состоит в приравнивании оппо-

нента к некоей силе, олицетворяющей злое начало. Компаративная конструкция при всей ее транспарентности все же не настолько нарочита, как другие перечисленные выше номинативные техники. Так, президент Обама, характеризуя действия своих политических оппонентов из Республиканской партии США, приравнивает их действия к действиям иранских радикалов, требующих смерти Америки: *Iranian hardliners chanting 'Death to America' have common cause with GOP* [Key]. / Иранские приверженцы жесткой линии, скандирующие «Смерть Америке», сродни Республиканской партии [Key]. Все же сравнение и сопоставление, которые задействованы в компаративных номинациях, относятся к логическим операциям и отстоят от сугубой оценочности.

Вместе с тем компаративные номинации часто сопровождаются противопоставлением, которое имеет целью оттенить негатив, таким образом усиливая отрицательную оценочность. Так, рассуждения о том, насколько плоха кандидатура Дональда Трампа, опосредуются противопоставлением кандидата Рональду Рейгану и увенчиваются упоминанием президента Путина, образ которого для американцев, как это явствует из материалов американских СМИ, должен символизировать силы зла: *Ronald Reagan is dead, even as a memory. The man who spoke of liberty, the vise of big government, the right to life, and the Evil Empire has been replaced by a man devoted to strength, statism, Planned Parenthood, and Putin* [The Week 2016: 14]. / Рональда Рейгана нет даже как памяти. Человека, который говорил о свободе, неповоротливости большого правительства, праве на жизнь, а также об империи зла, заменили личностью, идеализирующей силу, государственность, планирование семьи и Путина. В таком же ключе «сработан» и следующий фрагмент статьи о Трампе: *Trump's bombastic manner, the theatrical pauses in his delivery, his sideways poses and disapproving little pouts all owe more to Mussolini than to Hitler* [Guttenplan 2016: 8]. / Показная манера Трампа, театральные паузы при произнесении речей, его позы, когда он стоит подбоченившись, и надувание губ делают его больше схожим даже не с Гитлером, а с Муссолини.

Разновидностью номинативного способа является реляция к большим ценностям, которыми референт не обладает. Можно назвать данный прием «взывание к добродетели». Показательным в этом плане является часть статьи о миграционной политике Ангелы Меркель, в которой говорится о том, что бремя ежедневных забот, связанных с

необходимостью сосуществования с чужими культурами и решением бытовых проблем на фоне «понаехавших» беженцев, легло на рядовых граждан. Неудивительно, что они стали выражать свой протест, в отличие от тех, кто эти судьбоносные решения принимал, но кто не испытал, будучи «наверху», никаких неудобств жизни, доставшихся простому человеку: в результате люди из эшелонов власти остались гуманистами, сочувствующими и борцами за права человека. Тех же, кто выразил недовольство, назвали расистами, ксенофобами и узколобыми: *When the working and middle class pushed back in shocked indignation, the people on top called them “xenophobic”, “narrow-minded”, “racist”. The detached, who made the decisions and bore none of the costs, got to be called “humanist”, “compassionate”, and “hero of the human rights”* [Noonan 2016: A13]. / Когда представители рабочего и среднего класса отшатнулись в состоянии шока и возмущения, люди наверху назвали их ксенофобами, узколобыми, расистами. Те же, кто далече, кто принимал решения и не испытал на себе их последствий, заслуживают быть названными гуманистами, сочувствующими людьми, защитниками прав человека. Данный прием не знает границ и не обусловлен партийной принадлежностью: им пользуются все. Апелляция к большим ценностям, которые противопоставляются их отсутствию, маркирует «чистых» и «нечистых» и не оставляет места для сомнений, что те, кто не разделяет общегуманитарных ценностей, подлежат беспощадному бичеванию и составляют стан ЧУЖИХ.

Одним из хорошо зарекомендовавших себя приемов, направленных на создание эффекта демонизации, служит толкование лексических единиц чужого языка, языка оппонента. И. В. Зыкова отмечает высокий потенциал культуросной лексики в плане выражения этической и эстетической информации за счет образования общекультурной модальности. В такого рода лексических единицах онтологически заложена обобщенная возможность выражения аксиологических отношений в виде 'одобрение — неодобрение' [Зыкова 2014: 328]. В качестве яркого примера подобного рода служит следующий фрагмент из *New York Post: Recent Russian efforts to magnify its Middle East influence have been accompanied by a seeming surge in Kremlin “reasonableness.” In fact, Russian calls for new Syrian elections and sharing intelligence with Western powers are nothing more than exercises in “maskirovka,” Russia’s classic technique for disguising its real objectives* [Bolton 2015]. / Недавние попытки

России усилить свое влияние на Ближнем Востоке сопровождались кажущимся ростом благоразумия Кремля. На самом деле призывы России к проведению новых выборов в Сирии и обмену секретной информацией с западными державами являются не чем иным, как “маскировкой”, классическим русским приемом для сокрытия истинных целей. Автор статьи в уважаемой американской газете использует транслитерированный вариант русского слова «маскировка», определяя тактику российского руководства по отношению к западным державам в том, что касается сирийского вопроса. По утверждению автора статьи, Кремль на самом деле маскирует свои намерения. Посыл автора таков: вот видите, у них в русском языке даже есть специальное слово для подобного рода действий. Как известно, наличие слова в словарном запасе языка свидетельствует о том, что данная практика осмыслена языковым сообществом, она концептуализирована и вошла в языковое сознание. Довольно точно это выразил Эдуард Сепир: если общество не имеет понятия о теософии, то и слово это ему не нужно [Sapir 1949: 219]. Но даже если бы намерения российской стороны были таковы, то для чего вводить русское слово, непонятное англоязычному читателю, если в английском языке есть эквивалентные лексические единицы? Сам автор использует в заголовке лексему *ruse*, однако в тексте статьи заменяет ее русскоязычной лексемой. Можно было бы использовать и другие англоязычные синонимы: *trick, disguise*. Но использование русского слова показывает, что такая тактика настолько характерна для россиян, что они ее зафиксировали в языковой картине мира, а вот в английском языке такого меткого слова все же нет. Не располагая такого рода идеями и словами, Запад, по словам автора, может легко пасть жертвой хитроумного Кремля: *Gullible Westerners, following a long-established pattern, are falling for the ruse.* / Легковерный Запад, следуя своей давней практике, попадает на эту удочку. Все предложения российского президента лишь маскируют истинные цели и намерения России: *Putin’s offers of “cooperation” are aimed at weakening Western resistance to Russia’s rising influence in the region and more broadly. Russia’s increasing confidence is also reflected in its worldwide interest in critical undersea communications cables, implicitly threatening their destruction in time of war.* / Предложения Путина о сотрудничестве нацелены на ослабление сопротивления усилению влияния России в регионе и в мире в целом. Возрастающая уверенность

России также отражается в ее широко-масштабных интересах, заключающихся в прокладывании подводных коммуникационных путей, которые менее уязвимы в военное время.

Совершенно очевидно, что русскоязычное слово в его транслитерированной форме в данном случае служит одному — подчеркиванию отрицательной демонической природы России как агента политики: злодейство России закреплено в ее языковой картине мира.

Еще более наглядным примером подобного рода является фрагмент текста с использованием слова *рейдерство / rading*. Как известно, в русском языке оно появилось как калька с английского. Тем не менее в англоязычной статье неожиданно встречается транслитерированное русское слово английского происхождения: *...there were good reasons to be nervous. Under Putin, a practice of reyderstvo ("rading") became common, in which rivals would conspire to take over private companies using the instruments of the state. Police might be paid to investigate the main shareholder and threaten him with criminal persecution if he did not sell his shares cheaply. Or the raiders might bribe tax authorities to present exorbitant bills for back taxes, forcing the company into bankruptcy, from which it would emerge in the raider's hand* [Triesman 2011: 236]. / ...для нервозности были все основания. При Путине практика рейдерства стала повсеместной: для захвата частной компании соперники используют инструменты государства. Полиция может получить свою долю с той целью, чтобы она провела расследование по поводу основного акционера и угрожала бы ему уголовным преследованием при его несогласии продать акции задешево. Или рейдеры могут дать взятку властям, чтобы представить большие счета по налогам, таким образом ввергая компанию в банкротство, из которого она уже неизменно попадает в руки рейдеров. Этот пример очень доказательно свидетельствует о том, что лексические единицы чужой культуры являются мощным средством подтверждения «особого» менталитета политического противника, что находит фиксацию и в когнитивной базе его лингвокультуры. И разве задумается читатель о том, что слово «рейдерство» было заимствовано в русский язык из английского?

С такой же целью транслитерированное русское слово используется и в следующем примере: *Then there was Russia's humanitarian aid convoy of 260 trucks, which was widely decried in the west as a Trojan horse, "almost*

certainly" carrying arms and men deep into Ukraine. In fact, it proved to be less a Trojan than a Potemkin horse, half-empty inside and designed to impress — and perhaps to divert attention from the real military subterfuge going on elsewhere [Roxburgh 2014]. Описывая гуманитарный конвой, который Россия направила на Украину в самый разгар украинского кризиса, автор статьи называет его не столько троянским конем, сколько конем потемкинским, обыгрывая известное русское выражение «потемкинские деревни», которое используется как синоним «очковтирательства», служащего сокрытию неблагоприятных дел [Серов 2003]. Надо заметить, что подобного рода социальная практика существует во многих странах и имеет давнюю традицию, свидетельством чему является картина Питера Брейгеля «Вавилонская башня» (версия 1563 г.), на которой изображено, как инспектирующим показывают лучшую сторону разрушающейся постройки. Использование же кальки с русского языка подчеркивает, что подобного рода действия — прикрыть то, что не предназначено для просмотра, — исключительно российской практика. Таким образом, использование якобы безэквивалентной лексики в транслитерированном виде служит подчеркиванию таких качеств объекта описания, которые являются лингвокультурными уникалиями и не свойственны для других лингвокультур. Транслитерированная лексическая единица в данном случае указывает на то, что укоренившаяся в том или ином обществе социальная практика характеризует результаты когнитивного освоения мира, отличающие данное лингвокультурное сообщество от других.

Еще одним приемом из арсенала лингвокультурологических средств демонизации является использование культурно обусловленных знаков с отрицательной оценочностью, восходящих к прецедентным именам: так, в статье о Дональде Трампе и его избирательной кампании его последователи именуются *Trumpkins*, что сразу же навеивает воспоминания детства и напоминает имя *munchkins* из классической книги Фрэнка Л. Баума о приключениях Дороти и ее друзей и их встрече с Волшебником из страны Оз. Известно, что жевуны (*munchkins*) были забиты и послушны, и Злая Ведьма Запада держала их в полном подчинении, превратив в рабов. Не таков ли электорат Трампа: *But there is little evidence for these shy Trumpkins — or that Mr Trump believed his shtick* [Trump in... 2016: 19]?

Совершенно простым, но чрезвычайно удачным приемом демонизации с точки зре-

ния достижения коммуникативной цели является именование референта через его этнос. Это эффективный прием актуализации лингвокультурологической категории «СВОЙ — ЧУЖОЙ». Чужой помечается черной меткой, притом что эта метка, на первый взгляд, не выражает ничего плохого, а всего лишь служит именованию национальности того, кого говорящий выводит за рамки «своего» круга. Однако сила данного приема велика. Не зря статья о Трампе в журнале *The Nation* называется *Un-American Activities* [Guttenplan 2016: 4] / *Неамериканские действия*. Все, что делает этот кандидат, никак не может квалифицироваться как действия американца, и, соответственно, он не может быть признан СВОИМ. Собственно, точно такая же тактика отмечалась и у западных журналистов, писавших о российской пловчихе Юлии Ефимовой во время Олимпийских игр в Рио. Апогеем этого отношения является лозунг на заправке в г. Эвансвилле, родине соперницы Ефимовой Лилли Кинг: *beat that Russian doper's ass*. Для чего введено в данном призыве указание на этническую принадлежность? Дело в том, что это тонкий инструмент разведения СВОИХ и ЧУЖИХ, и его эффективность прямо пропорциональна характеризующей его простоте.

Другим приемом, способствующим реализации эффекта демонизации, является такой поворот изложения, при котором положительное приобретает черты отрицательного, производится авторская энантиосемия: *But Hitler had underrated not merely the size of Russia, but the awesome resilience of its people. For every army that was shattered, another took its place. Even in defeat, many soldiers of the Red Army fought to the death with a stubborn animal courage that astonished — and alarmed — the Germans* [Hastings 2015]. / *Но Гитлер недооценил не только масштабы России, но и необыкновенную стойкость ее людей. За каждой разбитой дивизией вставала новая. Даже на грани поражения многие солдаты Красной армии сражались на смерть с упрямым мужеством животного, что поражало и тревожило немцев*.

Характерно, что даже высокие качества в устах журналиста в данном случае наделяются отрицательной коннотацией, которая незаметно вкрадывается за счет определения *a stubborn animal courage*. Может вводиться отрицательная оценочность по отношению к таким сторонам жизни той или иной страны, которые обычно признаются как положительные. Так, высокая оценка российского балета (*красота в ее чистейшем виде*) несколько меркнет, так как российские танцоры уподобляются во всем контроли-

руемым роботам — на их лицах ничего не выражающие улыбки, их движения автоматизированы, как движения метронома: *The Bolshoi dancers are over-controlled, with metronome efficiency and bland smiles ... But to watch her dance today, with the world and her life before her, is to see beauty at its truest, and truth at its most beautiful* [Jennings 2013] (оба примера заимствованы из более ранней статьи автора [Иванова, Салимова 2015] — И. С.). В глаза бросается выбор специфических атрибутивных прилагательных. Если речь идет о величайшем мастерстве танцоров балета, которое признает автор, то далее это мастерство характеризуется как чрезмерно контролируемое и излишне точное, стойкость русского народа сравнивается со звериной стойкостью. В результате все положительное приобретает зримые отрицательные очертания. Демонический образ создан: зло оппонента настолько всемогуще, что даже положительное перерастает в отрицательное. Налицо эффективное использование приема создания отрицательного контекста для реализации технологии демонизации образа оппонента.

Кроме отрицательного контекста, используется также абсурдно-иронический контекст: *No one can be wrong about everything, not even Donald Trump* [Galston 2016: A9]. / *Никто не может ошибаться всегда, даже Дональд Трамп*. На самом деле речь дальше идет о Хиллари Клинтон и политике США по отношению к Тихоокеанскому торговому пакту. Однако такое ироническое начало плюс использование частицы *even* превращает Дональда Трампа в смехотворную личность с демоническими способностями все делать не так. Точно такой же абсурдно-иронический контекст используется в политическом эссе Кристины ван Огтроп *Dear Mr. Putin: Here's why you should help save my beloved BlackBerry* [Ogdrop 2016: 60]. / *Дорогой мистер Путин: Вот почему Вы должны мне помочь спасти мой любимый „блэкберри“*. Комический эффект создается за счет абсурдного контекста: автор обращается к мистеру Путину, поскольку только он может спасти ее телефон фирмы «Блэкберри», ведь только русские хакеры и их президент способны совершить невозможное. Эссе начинается такими словами: *Perhaps it's too much to ask, but I'm hoping that somehow, some way, the Russians can save my BlackBerry*. / *Возможно, я прошу слишком много, но я надеюсь, что каким-то образом, как-то русские спасут мой „блэкберри“*. Далее автор поясняет: *I love my BlackBerry the way Vladimir Putin no doubt loves his role in this nutty U.S. election* [Ogdrop 2016: 60]. / *Я люб-*

лю свой „блэкберри“ точно так же, как, наверняка, Владимир Путин любит ту роль, которую он играет в сумасшедших выборах в США. Для чего вводится упоминание российского президента? Только «для красного словца», а точнее для того, чтобы еще раз упомянуть дьявольские способности политического оппонента.

Ярчайшим примером детонирующего эффекта [Иванова 2012: 31—37], или синергии всех средств, благодаря которым создается отрицательно окрашенный контекст, смешивающий положительное и отрицательное, нарушающий все границы между добром и злом, является следующий отрывок из журнала *Forbes* за ноябрь 2015 г.: *Russia's president continues to prove he's one of the few men in the world powerful enough to do what he wants — and get away with it. International sanctions set in place after he seized Crimea and waged war-by-proxy in the Ukraine have kneecapped the Ruble and driven Russia into deepening recession, but haven't hurt Putin one bit: In June his approval ratings reached an all-time high of 89 %. In October, he bombed ISIS forces in Syria and then met face-to-face with President Assad, making the U.S. and NATO look weak in the region, and helping rebuild Russian influence abroad.* / Президент РФ продолжает доказывать свою влияние в мире, подтверждая, что он один из тех немногих в мире людей, кто может получить что хочет и остаться безнаказанным. Международные санкции, наложенные в результате его захвата Крыма и развязанная война на Украине уронили рубль ниже плинтуса и привели Россию к углубляющейся депрессии, но не затронули Путина ни на йоту: в июне его рейтинги достигли рекордных 89 %. В октябре он бомбил силы ИГИЛ в Сирии и затем встретился лично с президентом Асадом, ослабляя позиции США и НАТО в регионе и способствуя восстановлению влияния России за рубежом (ИГИЛ — запрещенная в России организация. — Ред.). Парадоксальность данного текста не может не заставить читать его вновь и вновь: контекст избилует лексикой с отрицательной оценочностью (*wage a war, kneecapped, war-by-proxy, weak, get away with*) наряду с лексическими единицами, служащими обозначению отрицательных явлений действительности, которые связываются с субъектом текста (*war, seize*). Кроме того, общий тон статьи явно критический: авторы недвусмысленно выражают неодобрение действиями президента Путина. Таким образом, остро критический контекст иррадирует отрицательную оценочность на лексическую

единицу *powerful*, которая в данном контексте начинает порождать отрицательный смысл и знаменует злобное могущество. В результате президент Российской Федерации предстает демонической личностью, наделенной неведомыми демоническими способностями обращать зло себе во благо.

Большим потенциалом для актуализации технологии демонизации обладает модальность эвиденциальности, интерпретируемая как указание на источник информации, которую сообщает говорящий, а также как маркирование оценки, которую говорящий дает сообщаемому [Жеребило; Постева, Кудряшов 2014]. Данный прием, к примеру, предполагает использование слов *так называемый / alleged, what they call, the so-called*. Так, в статье *Washington Post* от 9 ноября 2015 г. о политике президента Обамы освещаются моменты, связанные с Ираном и снятием санкций с Ирана в связи с согласованием вопросов, касающихся иранской ядерной программы. При этом употребляется именно данная конструкция, которая служит отстранению оппонента и немедленному его переводению в стан чужих: *Having allowed reformist president Hassan Rouhani to negotiate the nuclear deal with Obama, Ayatollah Ali Khamenei and the Revolutionary Guard intend to pocket the \$100 billion or so in proceeds while forcibly preventing what they call the “penetration” of Western influence that Obama hopes for* [Kerry talks 2016: 36]. / Позволив президенту-реформатору Хасану Рухани вести переговоры по ядерной сделке с Обамой, аятолла Али Хаменеи и Революционная гвардия намерены прикарманить примерно 100 миллиардов долларов выручки, одновременно всеми силами предотвращая то, что они называют „проникновением“ западного влияния, на которое надеется Обама. Сродни данным лексическим единицам использование кавычек (подобная практика описана в книге [Чудинов 2003: 16]) для этих же целей: *Meanwhile, the Assad regime has opened “humanitarian corridors”* [Kerry talks 2016: 36]. / А между тем режим Асада открыл „гуманитарные коридоры“.

К модальности эвиденциальности приемыкает использование других модальных планов, например, модальности возможности. В этом отношении нельзя не обратить внимания на размышления и результаты исследования социального психолога Джеймса Пенбейкера, который останавливается на модальных, или, как он их называет, глаголах несоответствия (*discrepancy verbs*). Эти глаголы позволяют говорить о том, что могло бы быть или должно бы быть. Благодаря им в сознание адресата привно-

сится мысль о том, что существует некое несоответствие между миром действительности и миром возможности и т. п.: *Discrepancy verbs are used when people suggest some kind of subtle discrepancy between how the world is and how it could, should, or ought to be* [Pennebaker 2011: 165]. Дж. Пенбейкер добавляет, что такими словами избытует текст, который нацелен на то, чтобы дезориентировать слушающего, при этом в тексте отсутствует открытая ложь. Кроме того, подобного рода лексика позволяет говорящему дистанцироваться от того, о чем он говорит [Pennebaker 2011: 166]. Написанный с использованием глаголов несоответствия, передающих модальность возможности, текст в определенный момент читается как описание реальности. Так написана вся колонка Бруса Шнейера (Bruce Schneier) *Putin's next cyberattack on democracy / Еще одна кибератака Путина на демократию* [Schneier 2016: 14]. Колонка начинается со слов *Warning: Russia is trying to influence our presidential elections, said security expert Bruce Schneier / Предупреждение: Россия пытается повлиять на наши президентские выборы, сказал эксперт по безопасности Брус Шнейер*. Далее описывается то, что российские хакеры имеют доступ к электронным письмам Демократического национального комитета. Автор переходит к интерпретации событий: *Clearly, Putin intends to disrupt "the very core of our democratic process" — "and our election systems and our voting machines could be vulnerable to a similar attack". / Ясно, что Путин хочет подорвать самую сердцевину нашего демократического процесса, а наши системы обеспечения выборов и машины для голосования уязвимы для подобной атаки*. Затем автор разворачивает ужасающую картинку будущего, и всё это выполнено в рамках модальности возможности: *To sow chaos before or on Election Day, hackers could also delete electronic voter records and paralyze polling places. "October surprises" of leaked emails or personal information may also be coming. / Чтобы посеять хаос перед днем голосования, хакеры могли бы удалить электронные списки и парализовать работу избирательных участков. Вполне возможны „октябрьские сюрпризы“, то есть утечка электронных писем и личной информации*. И наконец, статья завершается угрожающим пассажем: *We also have to make it clear to Putin that "we will not tolerate this kind of interference". The integrity of our presidential election may depend on it. / Мы должны дать знать Путину, что мы не потерпим такого рода вмешательства. От этого зави-*

сит целостность наших президентских выборов. Таким образом, демонические возможности России и ее президента полностью обрисованы. Между тем модальность возможности остается за кадром восприятия. Ужасающая картинка, выполненная посредством ресурсов модальности возможности, воспринимается как реальность.

Соответственно, демонизация выступает как технология и обрабатывается как технология: появляющиеся новые образцы языкового «летального оружия» проходят испытания, при необходимости дорабатываются до нужной кондиции и принимаются на вооружение или, при обнаружении дефектов или неэффективности, отбрасываются. Обращает на себя внимание, что эффект демонизации создается как самими простыми средствами, к которым принадлежат номинативные единицы, содержащие общую отрицательную оценку в денотате, так и коннотативами. Наряду с этими средствами, участники информационной войны широко используют транслитерированные культуроспецифические лексические единицы из языка оппонента, задействованные для того, чтобы подчеркнуть изначальную отрицательную природу оппонирующей стороны; атрибутивные элементы с отрицательной оценочностью, которые меняют знак оценки следующей за ней лексической единицы; сравнительные конструкции, когда в качестве предмета сравнения выступает общепринятый носитель зла. Востребованными оказываются потенциал модальности: эвиденциальность, позволяющая автору текста отстраниться от того, кого он описывает, и прочертить хорошо осязаемую границу между своими и чужими, а также возможность, которая позволяет смешать действительное и воображаемое. Таким образом, в рамках данной технологии используются семантические, лексические, морфологические и синтаксические ресурсы языковой системы, которые могут как работать самостоятельно, так и конвергировать в сочетании с другими, создавая мощный детонирующий эффект, служащий многократному усилению сообщения, призванному актуализировать эффект демонизации противника.

ИСТОЧНИКИ

1. Bolton J. Obama just fell for a classic Russian ruse. URL: <http://nypost.com/2015/10/26/obama-just-fell-for-a-classic-russian-ruse/>.
2. Forbes. 1.11.2015. URL: www.forbes.com/profile/vladimir-putin.
3. Galston W. A. Read Hillary's Lips: No Pacific Trade Deal // The WSJ. 2016. Aug. 17. P. A9.
4. Guttenplan D. D. Un-American Activities // The Nation. 2016. Vol. 303, № 7&8, Aug. 15/22. P. 4, 8.
5. Hastings M. A Blood Debt to Russia and a Moral Dilemma to Britain // Daily Mail. 06.05.2015. URL: <http://www.dailymail.com>.

co.uk/news/article-3071118/A-blood-debt-Russia-moral-dilemma-Britain-Despite-fact-27-million-Russians-died-defeating-Hitler-Government-snobbing-Moscow-s-VE-Day-parade-Sadly-Putin-left-no-choice.html.

6. Jennings L. Bolshoi Jewels; Swan Lake — Review // Guardian. 2012. 18.08. URL: <https://www.theguardian.com/stage/2013/aug/18/bolshoi-jewels-olga-smirnova-review>.

7. Kerry talks while Aleppo burns // Economist. 2016. Aug. 6. P. 36.

8. Key P. Obama: Iranian Hardliners Chanting 'Death to America' Have Common Cause with GOP. URL: <http://www.breitbart.com/video/2015/08/05/obama-iranian-hardliners-chanting-death-to-america-have-common-cause-with-gop/>.

9. New York Post // National Review. 2016. Aug. 15. P. 24—27.

10. Noonan P. How Elites Forsake Their Countrymen // WSJ. 2016. Aug. 13—14. P. A13.

11. Ogtrop van K. Dear Mr. Putin: Here's why you should help save my beloved BlackBerry // Time. 2017. Aug. 22. P. 60.

12. Rogers M. Yulia Efomova blasts Lilly King for turning Olympics into 'a war' with doping criticism. URL: <http://www.usatoday.com/story/sports/olympics/rio-2016/2016/08/13/lilly-king-yulia-efimova-doping-trash-talk-womens-swimming/88701000/>.

13. Roxburgh A. No one knows what Putin's up to, but sanctions are the west's biggest mistake // The Guardian. 2014. 29.08. URL: <http://www.theguardian.com/commentisfree/2014/aug/29/ukraine-putin-sanctions-westbiggest-mistake>.

14. Schneier B. Putin's next cyberattack on democracy // The Week. 2016. Aug. 12. P. 14.

15. The Week // National Review. 2016. Aug. 15. P. 6—14.

16. Triesman D. The Reurn. Russia's Journey from Gorbachev to Medvedev. — New York ; London ; Toronto ; Sydney : Free Press, 2011.

17. Trump in the Dumps // Economist. 2016. Aug. 6. P. 19—20.

ЛИТЕРАТУРА

18. Зыкова И. В. Роль концептосферы культуры в формировании фразеологизмов как культурно-языковых знаков : дис. ... д-ра филол. наук. — М., 2014.

19. Жеребило Т. Эвиденциальность // Словарь лингвистических терминов Т. Жеребило. URL: <http://slovariya.ru/tus/sltzh/evidentsialnost>.

20. Иванова С. В. Политический дискурс и культурное кодирование: детонирование культурных кодов (на материале политического дискурса США) // Политическая лингвистика. 2011. Вып. 2 (36). С. 31—37.

21. Иванова С. В. Политический медиа-дискурс в фокусе лингвокультурологии // Политическая лингвистика. 2008. Вып. 24. С. 29—33.

22. Иванова С. В. Технология субъективизации в новостном массмедийном политическом дискурсе // Современная политическая лингвистика : тезисы междунар. науч. конф. / гл. ред.: А. П. Чудинов. — Екатеринбург, 2011. С. 111—113.

23. Иванова С. В., Салимова Р. М. Стереотипизация и демонизация образа России на страницах британских газет // Вестн. Башкир. ун-та. 2015. Т. 20, № 3. С. 1032—1038.

24. Иванова С. В., Сподарец О. О. Реализация стратегии субъективизации в структуре новостного политического дискурса СМИ // Политическая лингвистика. 2010. № 3. С. 71—75.

25. Постева Е. В., Кудряшов И. А. Текст репортажа: эвиденциальность и интродуктивные предикаты // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия : сб. материалов конф. URL: http://www.ling-expert.ru/conference/langlaw4/postevaya_kudryashov.html.

26. Почепцов Г. Г. Информационные войны. Основы военно-коммуникативных исследований. — М. : Рефл-бук ; Киев: Ваклер, 2000. URL: http://www.ligis.ru/librari_2/049/contents.html.

27. Руженцева Н. Б. Дискредитирующие тактики и приемы в российском политическом дискурсе : моногр. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2004.

28. Серов В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. — М. : Локид-Пресс, 2003. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_wingwords/2189/.

29. Сковородников А. П., Копнина Г. А. Лингвистика информационно-психологической войны: к обоснованию и определению понятия // Политическая лингвистика. 2016. № 1 (55). С. 42—50.

30. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации : моногр. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2003.

31. American Heritage @ Dictionary of the English Language, Fifth Edition / ©2011 Houghton Mifflin Harcourt Publishing Company.

32. Pennebaker J. W. The Secret Life of Pronouns. What Our Words Say about Us. — New York ; Berlin ; London ; Sydney : Bloomsbury Press, 2011.

33. Random House. Kemerman Webster's Dictionary / ©2010 K Dictionaries Ltd.

34. Sapir E. Language. An Introduction to the Study of Speech. — San Diego ; New York ; London : A Harvest Book, Harcourt Brace and Company, 1949.

S. V. Ivanova

Saint Petersburg, Russia

LINGUISTIC RESOURCES EMPLOYED IN AN INFORMATION WARFARE : DEMONIZATION EFFECT TECHNIQUES

ABSTRACT. *The article reveals the peculiar way linguistic means function when they are employed to realize the demonization of the opponent technology which is widely used in the framework of psychological information warfare. The linguistic means realizing this technology belong to the surface level of text formation. This can be explained if the nature of the technology under study is taken into account as the addresser aims at hitting the target and reaching the communicative goal, i.e. complete demoralization of the opponent due to their discredit and presenting as evil personified. Thus, demonizing the opponent politicians make use of negatively-oriented lexis of general evaluation. Alongside more subtle discredit techniques are also employed. The deep level presupposes the involvement of language means belonging to various layers of the language system as well as their convergence. Among the means aimed at demonizing the opponent there are direct and indirect lexical means, negatively-oriented vocabulary units of general evaluation, nicknames, names, lexical units borrowed from other linguocultures. Besides, syntactic constructions can also be used: metaphorical as well as comparative ones. The textual level of demonization technology makes it possible to use the potential of negative context. To achieve the communicative goal, the addressers often use language units of a number of levels which enhance the demonization effect they seek at the expense of discussion stimulation.*

KEYWORDS: *demonization; mass media political discourse; political communication; information war; psychological information war; technology.*

ABOUT THE AUTHOR: *Ivanova Svetlana Viktorovna, Doctor of Philology, Professor, Department of English Philology, Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Pushkin.*

REFERENCES

1. Bolton J. Obama just fell for a classic Russian ruse. URL: <http://nypost.com/2015/10/26/obama-just-fell-for-a-classic-russian-ruse/>.

2. Forbes. 1.11.2015. URL: www.forbes.com/profile/vladimir-putin.

3. Galston W. A. Read Hillary's Lips: No Pacific Trade Deal // The WSJ. 2016. Aug. 17. P. A9.

4. Guttenplan D. D. Un-American Activities // The Nation. 2016. Vol. 303, № 7&8, Aug. 15/22. P. 4, 8.

5. Hastings M. A Blood Debt to Russia and a Moral Dilemma to Britain // Daily Mail. 06.05.2015. URL: <http://www.dailymail.co.uk/news/article-3071118/A-blood-debt-Russia->

moral-dilemma-Britain-Despite-fact-27-million-Russians-died-defeating-Hitler-Government-snubbing-Moscow-s-VE-Day-parade-Sadly-Putin-left-no-choice.html.

6. Jennings L. Bolshoi Ballet: Jewels; Swan Lake — Review // Guardian. 2012. 18.08. URL: <https://www.theguardian.com/stage/2013/aug/18/bolshoi-jewels-olga-smirnova-review>.

7. Kerry talks while Aleppo burns // Economist. 2016. Aug. 6. P. 36.

8. Key P. Obama: Iranian Hardliners Chanting 'Death to America' Have Common Cause with GOP. URL: <http://www.breitbart.com/video/2015/08/05/obama-iranian-hardliners-chanting-death-to-america-have-common-cause-with-gop/>.

9. New York Post // National Review. 2016. Aug. 15. P. 24—27.

10. Noonan P. How Elites Forsake Their Countrymen // WSJ. 2016. Aug. 13—14. P. A13.

11. Ogtrop van K. Dear Mr. Putin: Here's why you should help save my beloved BlackBerry // Time. 2017. Aug. 22. P. 60.

12. Rogers M. Yulia Efimova blasts Lilly King for turning Olympics into 'a war' with doping criticism. URL: <http://www.usatoday.com/story/sports/olympics/rio-2016/2016/08/13/lilly-king-yulia-efimova-doping-trash-talk-womens-swimming/88701000/>.

13. Roxburgh A. No one knows what Putin's up to, but sanctions are the west's biggest mistake // The Guardian. 2014. 29.08. URL: <http://www.theguardian.com/commentisfree/2014/aug/29/ukraine-putin-sanctions-west-biggest-mistake>.

14. Schneier B. Putin's next cyberattack on democracy // The Week. 2016. Aug. 12. P. 14.

15. The Week // National Review. 2016. Aug. 15. P. 6—14.

16. Triesman D. The Reurn. Russia's Journey from Gorbachev to Medvedev. — New York ; London ; Toronto ; Sydney : Free Press, 2011.

17. Trump in the Dumps // Economist. 2016. Aug. 6. P. 19—20.

18. Zykova I. V. Rol' kontseptosfery kul'tury v formirovanii frazeologizmov kak kul'turno-yazykovykh znakov : dis. ... d-ra filol. nauk. — M., 2014.

19. Zhrebilo T. Evidentsial'nost' // Slovar' lingvisticheskikh terminov T. Zhrebilo. URL: <http://slovariya.ru/rus/sltzh/evidentsialnost>.

20. Ivanova S. V. Politicheskii diskurs i kul'turnoe kodirovanie: detonirovanie kul'turnykh kodov (na materiale politicheskogo diskursa SSHA) // Politicheskaya lingvistika. 2011. Vyp. 2 (36). S. 31—37.

21. Ivanova S. V. Politicheskii media-diskurs v fokuse lingvokul'turologii // Politicheskaya lingvistika. 2008. Vyp. 24. S. 29—33.

22. Ivanova S. V. Tekhnologiya sub'ektivizatsii v novostnom massmediynom politicheskom diskurse // Sovremennaya politicheskaya lingvistika : tezisy mezhdunar. nauch. konf. / gl. red.: A. P. Chudinov. — Ekaterinburg, 2011. S. 111—113.

23. Ivanova S. V., Salimova R. M. Stereotipizatsiya i demonizatsiya obraza Rossii na stranitsakh britanskikh gazet // Vestn. Bashkir. un-ta. 2015. T. 20, № 3. S. 1032—1038.

24. Ivanova S. V., Spodarets O. O. Realizatsiya strategii sub'ektivizatsii v strukture novostnogo politicheskogo diskursa SMI // Politicheskaya lingvistika. 2010. № 3. S. 71—75.

25. Postevaya E. V., Kudryashov I. A. Tekst reportazha: evidentsial'nost' i introduktivnye predikaty // Yazyk i pravo: aktual'nye problemy vzaimodeystviya : sb. materialov konf. URL: http://www.ling-expert.ru/conference/langlaw4/postevaya_kudryashov.html.

26. Pocheptsov G. G. Informatsionnye voyny. Osnovy voenno-kommunikativnykh issledovaniy. — M. : Refl-buk ; Kiev: Vakler, 2000. URL: http://www.ligis.ru/librari_2/049/contents.html.

27. Ruzhentseva N. B. Diskreditiruyushchie taktiki i priemy v rossiyskom politicheskom diskurse : monogr. / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2004.

28. Serov V. Entsiklopedicheskiy slovar' krylatykh slov i vyrazheniy. — M. : Lokid-Press, 2003. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_wingwords/2189/.

29. Skovorodnikov A. P., Kopnina G. A. Lingvistika informatsionno-psikhologicheskoy voyny: k obosnovaniyu i opredeleniyu ponyatiya // Politicheskaya lingvistika. 2016. № 1 (55). S. 42—50.

30. Chudinov A. P. Metaforicheskaya mozaika v sovremennoy politicheskoy kommunikatsii : monogr. / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2003.

31. American Heritage @ Dictionary of the English Language, Fifth Edition / ©2011 Houghton Mifflin Harcourt Publishing Company.

32. Pennebaker J. W. The Secret Life of Pronouns. What Our Words Say about Us. — New York ; Berlin ; London ; Sydney : Bloomsbury Press, 2011.

33. Random House. Kemerman Webster's Dictionary / ©2010 K Dictionaries Ltd.

34. Sapir E. Language. An Introduction to the Study of Speech. — San Diego ; New York ; London : A Harvest Book, Harcourt Brace and Company, 1949.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.

Н. А. Купина
Екатеринбург, Россия

**ПРЕДВЫБОРНАЯ АГИТАЦИОННАЯ КАМПАНИЯ — 2016:
АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ КОНСЕРВАТИЗМ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ РАДИКАЛИЗМ**

АННОТАЦИЯ. В статье анализируются материалы предвыборной агитационной кампании — 2016, размещенные на страницах «Российской газеты» и «Областной газеты» (Екатеринбург). Основное внимание уделено текстам предвыборных программ партии власти — «Единая Россия» — и партии «Коммунисты России», впервые участвующей в выборах. Предмет анализа — речевые средства выражения ценностных предпочтений. Электорат «Единой России» — все граждане страны. Доказано, что в тексте программы стратегически задана ориентация на базовые ценности, неподвластные социальным катаклизмам. Выявлена внутритекстовая парадигма ментально специфических номинаций-интеграл, описаны отличающиеся человекоцентричностью аксиологические суждения и установки. Для лингвоаксиологической интерпретации выделены лексемы и формульные сочетания, семантика которых отражает приверженность партии идеям рыночной экономики. Специально исследуются речевые средства выражения идей, составляющих основу «новой философии» внешней политики. Доказано, что единицы советского лексикона используются по типу вкрапления, а стилистический облик агитационной кампании отличается доминированием аксиологического консерватизма, от которого демонстративно дистанцируется партия «Коммунисты России», противопоставляющая себя всем другим политическим силам. Электорат партии — россияне, сохранившие верность сталинским принципам общественного устройства. В ходе анализа охарактеризованы опознавательные вербальные знаки политического языка советской эпохи, реализованные в тексте предвыборной программы, выявлена базовая оппозиция «капитализм — социализм», отражающая биполярное восприятие мира средствами тоталитарного языка. Выделены грани идеологического радикализма советского образца: бескомпромиссность, признание единственно верным учения Ленина — Сталина, открытое использование в агитационных целях образа врага, конструирование упрощенной модели текущего времени, устремленного в советское прошлое, идеологический примитивизм.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: агитация; аксиологический консерватизм; идеологический радикализм; менталитет; номинация-интеграл; политический язык; советский лексикон.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Купина Наталья Александровна, доктор филологических наук, профессор кафедры риторики и стилистики русского языка, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина; 620083, г. Екатеринбург, пр-т. Ленина, 51, каб. 312; e-mail: natalia_kupina@mail.ru.

Назначенным на 18 сентября 2016 г. выборам в Госдуму РФ предшествовала агитационная кампания. Доступ к федеральным, региональным, муниципальным средствам массовой информации получили 14 партий. В их числе 4 парламентских: «Единая Россия» (ЕР), «Коммунистическая партия Российской Федерации» (КПРФ), «Либерально-демократическая партия России» (ЛДПР), «Справедливая Россия» (СР), а также 10 непарламентских партий. Газеты публикуют тексты программ партий, партийные лозунги-призывы, программные заявления партийных лидеров и кандидатов в депутаты, которые участвуют в теледебатах, встречаются с избирателями, отвечают на их вопросы. В статье анализируются предвыборные агитационные материалы, размещенные на страницах «Российской газеты» и «Областной газеты» (Екатеринбург), отдельные высказывания участников предвыборной гонки. В центре внимания — речевые средства выражения идеологических предпочтений, нашедших отражение в политических концепциях ЕР и впервые участвующей в выборах компартии «Коммунисты России».

Главной политической силой безоговорочно признается ЕР — партия власти, правящая партия. Отмеченные словосочетания возникли в условиях многопартийности, предполагающей политическую конку-

ренцию. Названию партии предшествует прилагательное, передающее идею всеохватности, всеобщности: *Предвыборная программа **Всероссийской** политической партии «Единая Россия»* (См.: Российская газета. 24.08.2016: 12—14; 26.08.2016: 12—13). Электорат — все граждане страны. Партия, как значится в программе, *обязуется представлять, отстаивать и защищать... интересы граждан России*. Стратегически задана ориентация на базовые национальные ценности, неподвластные социальным катаклизмам. Ключевые лексемы *менталитет, ценности* конкретизируются номинациями-интегралами, обозначающими коллективно одобряемые понятия о должном, желаемом. В интервью международному информационному агентству «Блумберг» (См.: Российская газета. 06.09.2016) В. Путин подчеркнул, что «одна из доминирующих черт в менталитете россиянина и русского человека» — это «стремление к справедливости»; российскую ментальность отличает также «стремление к идеалам». Важно отметить, что лингвоаксиологическая интерпретация ключевых слов русской ментальности *идеал, справедливость* представлена в специальном лексикографическом издании [См.: Колесов, Колесова, Харитонов 2014, т. 1: 326; т. 2: 313—316].

Предвыборная программа ЕР включает разветвленную внутритекстовую парадигму

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант 15-04-00239а «Национальные базовые ценности и их отражение в коммуникативном пространстве провинциального города: традиции и динамика».

номинаций-интегралом традиционных базовых ценностей, спроецированных на социально-политическую и экономическую ситуацию текущего времени. Опорные члены парадигмы: *историческая память, держава, государство, государственность, единство, независимость, свобода, согласие, честность, справедливость, равные возможности, самореализация, забота, поддержка, защита, защищенность, открытый, безопасность, благополучие, (новое) качество жизни*. Партия декларирует **справедливость и безопасность** для мира и для России, **равные возможности и качество жизни** для всех, **благоприятные условия для самореализации и свободы**, в частности, **научного творчества** и др.

Аксиологический стержень высказываний Президента РФ, используемых ЕР в процессе агитации, — характерные для русской философской мысли «идея человека» и «проповедь человечности» [Бердяев 1990: 204]. Например: *Самое главное для нас — люди; Слышим людей — работаем для людей; Всегда и во всем действовать в интересах людей; Ценить доверие людей*. Человекоцентричность отличает также аксиологические суждения и установки, сформулированные в тексте программы ЕР: *У России много ресурсов. В ней есть почти всё. Но из всех ресурсов страны наиболее важным является человек; Забота о человеке — главный приоритет «Единой России»; А человек, его права и свободы являются высшей ценностью в Российской Федерации*. Аксиологический потенциал местоимений позволяет оформить идею плодотворности органической связи, взаимозависимости социоцентризма и персонализма: *Мы стремимся вместе с каждым из вас трудиться на благо страны, отстаивать национальные интересы, обновлять Россию. Делать ее более сильной, успешной и развитой*.

Интегрирующую функцию выполняет расширительно использованная вербальная формула, введенная в речевой оборот А. Солженицыным: **Сбережение и приумножение народа** (заголовок одного из разделов программы). Акцентируется встроенность национальных ценностных предпочтений в пространство мировой культуры, готовность к межкультурным контактам: *«Единая Россия» готова сотрудничать со всеми, кто разделяет общие цивилизационные ценности <...>, поощряя главную ценность России 21 века — человека*.

Человекоцентричность отличает также опорные положения Программы Свердловского регионального отделения ЕР (Областная газета. 6.09.2016: III—IV). Например:

<...> главное — сами уральцы и наш сильный, настоящий уральский характер. На ментальные предпочтения жителей Свердловской области ориентированы аксиологически маркированные единицы уральцы, уральский характер, наш.

Экономическая политика ЕР характеризуется приверженностью основам рыночной экономики. Последнее отражается в подборе слов и формульных сочетаний: *рынок, рынок труда, конкуренция на рынке труда и капитала, частная собственность, новый этап приватизации, снижение доли государства в национальной экономике, конкурентоспособность на мировом рынке, биржевая торговля, малый и средний бизнес, крупный бизнес, компании — национальные чемпионы* и др. В контексте формируется положительная оценка опорных понятий, составляющих экономическую доктрину. Аксиологические приращения осознаются на фоне одобряемых идей основательности, фундаментальности (*Малый и средний бизнес — основа новой экономики*); социальной справедливости (*Новый этап приватизации должен стать более справедливым с социальной точки зрения*). Для создания одобрительного отношения к бизнесу используется «свойство метафоры — подсказывать, настраивать, наводить на определенный тип решения» [Баранов, Караулов 1991: 13]. Так, из метафорического высказывания *В ближайшее время в стране должна сформироваться когорта национальных чемпионов высокотехнологичных инновационных компаний не только крупного, но и среднего бизнеса, преимущественно частных* следует вывод: частные предприятия, организации обеспечат выполнение масштабных проектов мирового уровня, соответствующих новым потребностям всей нации.

Интерпретация принципов внешней политики РФ в основном тексте программы опирается на номинации универсальных базовых ценностей: *мир, безопасность, открытость, сотрудничество, соглашение, партнерство, диалог, суверенитет*. Стратегически заданный отбор лексики обнаруживает стремление к соблюдению политкорректности, понимаемой как «регламентация речи» [Лобанова 2004: 30]. Приведем отдельные примеры: *Мы всегда открыты к равноправному диалогу; Партия «Единая Россия» неизменно выступает за выстраивание конструктивных партнерских отношений со всеми центрами силы современного мира <...> не только с Западом, но и с Востоком*. Развиваются идеи «новой философии отношений», которая предполагает коллективное лидерство ведущих

держав, но не исключает поддерживаемые россиянами решительные действия, направленные на восстановление исторической справедливости: *Не так много государств, способных проводить суверенную внешнюю политику, ни на кого не оглядываясь. Россия — может. И мы не раз это доказывали. И вернув Крым. И сражаясь с международным терроризмом на Ближнем Востоке.* В данном случае программная установка ЕР опирается на сформировавшееся в общественном сознании представление о России как сильной и независимой стране.

Как в программе ЕР, так и в сопутствующих агитационных материалах прослеживается влияние советской идеологии. Отдельные высказывания и тексты транслируют взаимосвязанные идеологемы руководящей роли партии и вождизма. Например, губернатор Свердловской области Е. Куйвашев призывает: *«18 сентября голосуй за „Единую Россию“!». Аргументы „за“: ЕР — единственная путинская партия. Она реализует социально-экономический курс Президента России Владимира Владимировича Путина и является его политической опорой — в Государственной Думе России, в Законодательном Собрании Свердловской области, в органах местного самоуправления Свердловской области. Поддерживаешь Путина — голосуй за „Единую Россию“. Еще одна важная особенность партии. „Единая Россия“ — единственная политическая партия, задачей которой является недопущение гражданских конфликтов <...> власть сегодня — это и есть „Единая Россия“»* (Областная газета. 2.09.2016). Идеологема руководящей роли партии осознается на фоне идеологемы исключительности (*единственная партия*), опирается на узнаваемые формулы тождества: «Путин — это ЕР»; «ЕР — это государственная власть».

Оставшееся за пределами современного политического лексикона слово *вождь* заменяется синонимом *лидер*. Статус лидера в тексте программы ранжируется. Ср.: **Лидер партии «Единая Россия» Д. А. Медведев; Владимир Владимирович Путин — создатель «Единой России» и лидер нашего государства.** Генератором идей безоговорочно признается Президент: ЕР призвана неуклонно претворять в жизнь *стратегический курс, заявленный и последовательно проводимый Президентом России; «Единая Россия» будет осуществлять контроль за качеством исполнения указов Президента* (в программе эти указы названы *основополагающими*); *«Единая Россия» обеспечит выполнение задач, поставленных Президентом.* Программа регионального отделе-

ния ЕР завершается обращением к жителям Свердловской области, в котором имплицитно передается смысл «клише новояза» [Земская 1996] «Народ и партия едины» и прямо формулируется идеологема лидерства: *Партия «Единая Россия» объединяет людей, обеспечивает мир и согласие на территории Свердловской области, воплощая в реальных делах курс Президента России Владимира Владимировича Путина.* Устойчивым становится сочетание *партия Президента.*

В основном тексте программы ЕР отдельные идеологемы-советизмы представлены в обновленных словесных «одеждах». Например, стереотип *партия и правительство* угадывается в формулировке: *Реализованная Правительством РФ и реализованная при непосредственном участии «Единой России» демографическая программа.* Та же модель реализуется Президентом для оценки результатов выборов: *Люди проголосовали за стабильность, они доверяют правительству и партии власти* (Российская газета. 20.09.2016). Не поддается модным словосочетанием *проектный подход* [См.: Новиков 2005: 100—104] идеологема *пятилетний план / пятилетка* [См.: Мокиенко, Никитина 1998: 498—500]: *Заявленный Президентом Путиным проектный подход, план действий, который необходимо предпринять в ближайшие пять лет.*

По типу вкрапления используются речевые средства, получившие в языке советской эпохи устойчивые идеологические добавки: *разрыв между городом и деревней, человек труда, пропаганда здорового образа жизни, бесплатная медицина, гармонично развитая личность, счастливое детство.* Ср., например, речовку *Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство*, пионерский девиз *За детство счастливое наше спасибо, родная страна* [См.: Мокиенко, Никитина 1998: 162].

В агитационных целях используются различные выражения, укладываемые в картину «метафорической мозаики» [Чудинов 2003]: *Россия — территория роста и развития; Россия как ответственный мировой игрок обязана продолжать поддержку ООН; Точкой сборки страны стала «Единая Россия»; «Единая Россия» — сила Урала и др.*

Таким образом, стилистический облик агитационной кампании ЕР отличается доминированием аксиологического консерватизма, который находит естественную массовую поддержку избирателей. Вербально выраженные идеи рыночной экономики, а

также «*новая философия*» внешней политики реализуются при поддержке номинаций национально специфических и универсальных базовых ценностей. Влияние советской идеологии проявляется в точечном использовании готовых вербальных знаков, а также калькировании и трансформации отдельных клише советского политического языка.

Опора на традиционные ценности находит вербальную поддержку в агитационных материалах других партий. Не составляет исключения программа КПРФ (Российская газета. 25.08.2016: 11). Например: *Люди — главная ценность державы; Государство обязано служить людям; Налоги: справедливость и эффективность; Духовно-нравственное здоровье нации должно сочетаться с ее физическим развитием.* Очевидны прямые и косвенные аксиологические переключки с программными положениями ЕР.

От ценностных предпочтений ЕР демонстративно дистанцируется новая партия «Коммунисты России» (КР), политическая программа которой характеризуется идеологическим радикализмом советского образца (далее извлечения из текста программы передаются с сохранением орфографических, пунктуационных и графических особенностей источника). Коммунисты «новой волны» открыто противопоставляют себя всем другим политическим силам: *Товарищ! 18 сентября в России состоятся выборы депутатов Государственной Думы. Сегодня только одна из всех существующих в стране политических партий реально ставит исторический вопрос о переходе от капитализма к социализму, о возвращении Советской власти. Это партия настоящих коммунистов* (Десять сталинских ударов по капитализму. Предвыборная программа коммунистической партии «Коммунисты России». Российская газета. 26.08.2016: 15). Имплицитно передается мысль о возрождении однопартийной системы. Неприемлемая реальность (*Мы живём при капиталистическом режиме уже четверть века*) исключает диалог с другими партиями (в их числе КПРФ). Политический изоляционизм КР резко отличается от объявленного ЕР *стратегического курса на политическую конкуренцию, прямую демократию* — условий, необходимых для обеспечения жизнедеятельности *сильного гражданского общества.*

Настоящие коммунисты заявляют о беззаветной преданности делу Ленина — Сталина. Лозунг партии — **ЛЕНИН И СТАЛИН НАШЕ ЗНАМЯ!** Поскольку пьедестал вождей оказывается занятым, осуществля-

ется вынужденная попытка мифологизации образа лидера партии, деятельность которого de facto не была известна избирателям до начала предвыборной кампании: **КОМПАРТИЯ КОММУНИСТЫ РОССИИ, действующая сегодня под руководством Максима Александровича Сурайкина, которого в народе называют Товарищ МАКСИМ.**

Целевой адресат КР — люди, сохранившие верность сталинским принципам общественного устройства, идеалам казарменного социализма. Численность электората гиперболизирована: *Умудренное опытом, испытавшее немало разочарований, социалистически настроенное большинство избирателей с надеждой смотрит на партию настоящих коммунистов — КОММУНИСТИЧЕСКУЮ ПАРТИЮ КОММУНИСТЫ РОССИИ!* «Большинство» составляют все *трудящиеся*; партия стоит на страже их интересов: **КОМПАРТИЯ КОММУНИСТЫ РОССИИ — ВЕРНЫЙ И НАДЕЖНЫЙ ЗАЩИТНИК ТРУДЯЩИХСЯ!** В качестве истинной принимается догма «Народ и партия едины», не только позволяющая выразить отрицательно-уничижительное отношение ко всем другим партиям, якобы исчерпавшим свой политический потенциал, обманывающим народ, но и приписать народу такую трактовку: *Полностью отказывая в доверии партии капиталистов Единой России и ее думским сателлитам, отвергая провокационные призывы либералов-западников, избиратели также не видят более смысла в голосовании за обанкротившиеся политические силы, которые в свое время обещали изменить жизнь народа к лучшему, вернуть власть трудящимся, но на деле давно срослись с властью, прекратили борьбу за интересы простых людей.*

Партия сохраняет советскую символику (см. рис.).

В то же время основополагающий девиз вербально не поддерживается. Отметим в этой связи, что в тексте программы отсутствуют слова *пролетарий, пролетариат*; лексема *рабочий* используется один раз при

упоминании экономической политики партии, направленной на уравнивание доходов: *Разница в размере доходов квалифицированных рабочих и директора предприятия, а также служащих и руководителя учреждения будет установлена законодательно не более чем в 5 раз, а между минимальной и максимальной зарплатой не более чем в 10 раз.* Отсутствуют также ключевые единицы советского политического языка *рабочий класс, передовой отряд.* Определенность и чистота классового подхода нарушается при освещении ситуации в сельском хозяйстве. Одушевленные имена *крестьянин, колхозник, собирательное существительное крестьянство* в тексте программы не используются. Фундаментальная идея союза рабочего класса и крестьянства поглощается обобщенными номинациями *трудящиеся, трудовой народ, простые люди.*

Намерение возродить на селе советские формы хозяйствования соседствует с ориентацией на сохранение *личной собственности* и поощрение бизнес-проектов. Об этом свидетельствует включение в один однородный ряд экономических неоднородных понятий: *Мы поддержим все формы хозяйствования на селе — коллективную, личную, фермерские хозяйства, восстановим социально значимые предприятия малого и среднего предпринимательства.* Идеологический эклектизм противоречит концепции Сталина, предупреждавшего об опасности «кулацкого уклона», означающего «оживление капитализма» [См.: Романенко 2008: 46]. Имя Сталина, цементирующее программу КР, скорее используется как ширма. Не соответствует ленинско-сталинской идеологической платформе гипертрофированное внимание к теме села, а не города, сельского хозяйства, а не промышленности. Закономерным в этой связи является распространяемый в интернет-пространстве анти-слоган «Ударим серпом по молоту».

Взятые КР на вооружение лингвоидеологические технологии тормозят развитие новых идей. Текст программы, передающей биполярное восприятие мира, охватывает модальность непримиримости, включенная в сквозную оппозицию «капитализм — социализм». Высказывания насыщены опознавательными знаками советского «фундаментального лексикона» [Добренко 1990]. В активный политический оборот внедряется прилагательное *буржуазный*, наделенное отрицательной коннотацией: *<...> даже по современной буржуазной конституции недра, леса и вода принадлежат всему народу.* В традициях советской стилистики дан-

ное прилагательное используется как ярлык, исключая возможность компромисса: *Все парламентские партии являются филиалами буржуазной «Единой России», несущей полную ответственность за экономический кризис в стране, за резкое снижение уровня жизни трудящихся.*

Идеологические добавки «буржуазный», «капиталистический» сопровождают употребление лексики, объединенной образом врага, против которого сражаются *настоящие коммунисты*, отстаивающие интересы *трудящихся*: **КОМПАРТИЯ КОММУНИСТЫ РОССИИ**, *как партия советских патриотов, является политической силой, последовательно противостоящей попыткам либерального реванша со стороны прозападной пятой колонны, национал-предателей, которые свили свои осиные гнезда во многих властных кабинетах.*

В стане «открытых врагов» [Романенко 2008: 56] находятся *организаторы разрушения СССР и разграбления общенародной собственности, Ельцин и его последователи, либералы, либералы-западники, либеральное правительство, кучка богатых, толстосумы, олигархи.* Враги обвиняются в антинародной деятельности. В отдельных случаях образ врага частично персонализируется: *Несмотря на откровенную враждебность запада, в т.ч. последние санкции против России, правительство Медведева, упрямо следуя заморским рецептам, готовит новую волну приватизации, которая приведет к окончательному выходу государства из управления экономикой. Ср.: Почему за развал вооруженных сил не ответили ни Сердюков, ни кто-либо из его предшественников?*

Враги вторгаются в сферу культуры, а партия — в сферу религии: *Почему массовая культура отдана на откуп толстосумам? Телеэкраны полны пошлости, мещанства и вранья. А в качестве альтернативы подсовывают поповщину. Ср.: Премьер договорился до того, что стране не нужно столько людей с высшим образованием. Отменена как ненужная астрономия, зато пытаются ввести преподавание «Закона божьего» — зачем рабам смотреть на звезды? В соответствии с канонами стилистики советского политического языка конструирование образа врага сопровождается резкими негативными оценками, исключая оправдание и примирение: *Главная причина всех бед в том, что в 1991 году нашу общую собственность захватила кучка наименее совестливых, хватких, а зачастую и просто уголовных элементов.* Моральное превосходство над врагом*

демонстрируется с помощью уничижительных оценок: *Либеральная экономическая политика <...> превратила группку лиц с загоревшими ручонками — в олигархов при тотальном обнищании народа.*

Объявляется беспощадная борьба с враждебным западным миром и НАТО. В текст внедряются готовые образные обороты: *<...> сорвем зловецкие планы НАТО по окружению России.* Действенная мера — *восстановление оборонительного союза антиимпериалистических государств по образцу Варшавского договора.* Либералы, идущие на поводу у Запада, обвиняются в предательстве. Развернутая метафора способствует развитию контридеологии национального унижения: *Россия, которую либералы втащили в мировой рынок, стала хорошим амортизатором для западной экономики и плохим домом для собственных граждан; Либеральная экономическая политика... превратила Россию из мощной индустриальной державы в сырьевой придаток стран т.н. золотого миллиарда <...>.*

Особого внимания заслуживает структура времени. Реальное настоящее — это *дикий капитализм: Сегодня в России завершена реставрация капитализма в его периферийной форме.* Ближняя ретроспекция — 90-е годы, которые все еще являются частью настоящего: *Заявления «Единой России» о том, что на смену лихим 90-м пришла эпоха стабильности, оказались несостоятельны. Смутное время стремительно возвращается в нашу жизнь, принося с собой разгул криминала, невыплаты зарплат и пенсий, снижение прожиточного минимума, социальную напряженность и слабость институтов власти.* «Прекрасное будущее» мыслится как возвращение социалистического прошлого. Историческая необходимость смены общественного строя мотивируется экономической, политической, социальной несостоятельностью капитализма: *Современный российский капитализм в принципе не в состоянии решить ни одну проблему развития российского общества.* Идеологическим примитивизмом отличаются догматические суждения: *Кроме социализма и советской власти, другого пути нет; Без смены общественно-экономического строя наша страна будет вечно оставаться на задворках мировой истории.*

Реальность будущего как возвращенного прошлого поддерживается единообразием грамматического оформления глаголов с семантикой реставрации: *вернём, возродим, восстановим, возвратим.* Местоимение *мы* регулярно замещает сочетание *настоящие коммунисты*. Например: *Мы вернем воз-*

*можность бесплатного массового детского отдыха в летних лагерях и бесплатного занятия в спортивных секциях, других детских учреждениях по творческим интересам; Мы возвратим в нашу жизнь советские нормы **СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ.*** Контекстуальное значение реставрации советского приобретает глагол *ввести* в форме будущего времени: *Мы введем **ПОЛИТИКУ ТВЕРДЫХ ЦЕН НА ОСНОВНЫЕ ПРОДУКТЫ** питания и товары народного потребления.* Во всех случаях возвращение советского прошлого сулит трудящимся материальное благополучие, а не торжество «чистой идеи». Мировоззренческий прагматизм вытесняет идеализм: отсутствует вектор движения времени к коммунистическому будущему [См.: Купина 2015: 66—74]. Последнее свидетельствует о ревизии теории научного коммунизма в советском варианте. Лозунги, насыщенные агитационной энергией, передающие идею реставрации социализма, в составе текстового целого также приобретают экономический уклон: ***МЫ ВЕРНЕМ СОВЕТСКУЮ ВЛАСТЬ! МЫ ВЕРНЕМ СОЦИАЛИЗМ! МЫ ВЕРНЕМ СССР!***

Выдвинутая *настоящими коммунистами* концепция реставрации советского прошлого наталкивается на идеологическое сопротивление. Возникают антислоганы: *Наше светлое будущее позади; Старые, добрые, любимые грабли.*

Композиция текста предвыборной программы КР подчинена поступенчатому развитию метафоры удар. Каждый из 10 разделов программы освещает действенный результат удара *по капитализму*. «Концептуальный милитаризм» [Баранов, Караулов 1991: 15] — принципиальное отличие политической позиции КР от позиции КПРФ, основанной на концептуальном эволюционизме. Слоган КПРФ: ***Десять шагов к достойной жизни.***

Удары по капитализму нумеруются. Как было отмечено, уточняется объект удара (*Мы ударим по рукам спекулянтов*). В контекст вводятся экспрессивы-интенсивы. Например: ***ВОСЬМОЙ УДАР.*** *<...> Царящая на телевидении так называемая «массовая культура» наносит непоправимый урон сознанию населения, особенно детям и молодежи. <...> Мы незамедлительно примем самые жесткие меры, вплоть до закрытия, против СМИ, проводящих эту политику. Будет введена ответственность за очернение истории нашей страны, ее государственных и общественных деятелей, в т. ч. советского периода.*

Победоносность наносимого удара фиксируется глаголами и устойчивыми глагольными

сочетаниями: *закрепить, пресечь, ужесточить, отменить, уничтожить, положить конец*; активно употребляются формы причастий: *Мы законодательно запретим взимать плату с родителей за посещение детьми школ и детских садов; Мы положим конец издевательствам над пенсионерами; Будут ... максимально ужесточены наказания за организацию проституции, распространение наркотиков, изготовление контрафактного алкоголя и подобной продукции; Будет прекращена унижительная долларизация российской экономики; Будут пресечены попытки любых религиозных организаций диктовать свою волю образованию, культуре, настаивать на возвращении ранее принадлежавших им прав и собственности.*

Анализ текста предвыборной программы КР обнаруживает сохранение примет советской идеологической ортологии. Несмотря на то, что собственно политологические обобщения выходят за пределы лингвистической компетенции, отметим, что выявленные в ходе анализа отступления от основ ленинско-сталинского варианта научного коммунизма ставят под сомнение тиражируемую партией самооценку «настоящие коммунисты», а сквозная метафора *сталинские удары* выступает как своего рода щит, освобождающий от политической ответственности за агитационные призывы.

Идеологический радикализм советского образца находит в программе КР определенные проявления: признание собственной исключительности в политическом пространстве современной России; отказ от межпартийного диалога; признание учения Ленина — Сталина единственно верным; игнорирование демократических ценностей

гражданского общества; идеологический примитивизм; биполярное восприятие мира, обуславливающее выдвигание базовой оппозиции «капитализм — социализм»; «концептуальный милитаризм»; использование в агитационных целях образа врага; структурирование упрощенной модели текущего времени, устремленного в советское прошлое.

Результаты прошедших выборов свидетельствуют о том, что тенденция возрождения системы общенациональных ценностей, их прямое выражение средствами языка оказывается сильнее тенденции возрождения речевых практик, отражающих догмы советской идеологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Русская политическая метафора. Материалы к словарю. — М.: Ин-т русского языка АН СССР, 1991. 193 с.
2. Бердяев Н. Самопознание (опыт философской автобиографии). — М.: Международные отношения, 1990. 336 с.
3. Добренко Е. Фундаментальный лексикон. (Литература позднего сталинизма) // Новый мир. 1990. № 2. С. 237—250.
4. Земская Е. А. Клише новояза и цитация в языке постсоветского общества // Вопр. языкознания. 1996. № 3. С. 23—31.
5. Колесов В. В., Колесова Д. В., Харитонов А. В. Словарь русской ментальности: в 2 т. — СПб.: Златоуст, 2014. Т. 1 — 592 с.; т. 2 — 592 с.
6. Купина Н. А. Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции. — Изд. 2-е, испр. и доп. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. 186 с.
7. Лобанова Л. П. Новый стиль речи и культура поколения: политическая корректность. — М.: МГУЛ, 2004. 165 с.
8. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Толковый словарь языка Совдепии. — СПб.: Фолио-Пресс, 1998. 704 с.
9. Новиков В. И. Словарь модных слов. — М.: Зебра Е., 2005. 156 с.
10. Романенко А. П. Советская герменевтика. — Саратов: Издат. центр «Наука», 2008. 162 с.
11. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2003. 248 с.

N. A. Kupina
Ekaterinburg, Russia

ELECTION PROPAGANDA 2016: AXIOLOGICAL CONSERVATISM AND IDEOLOGICAL RADICALISM

ABSTRACT. *The research data are the articles devoted to election propaganda of 2016 published in "Rossiyskaya Gazeta" and "Oblastnaya Gazeta" (Ekaterinburg). Main attention is paid to the texts of election programs of the ruling party "United Russia" and the party "Communists of Russia", the latter participates in the elections for the first time. The subject of the analysis is verbal means of expression of valuable preferences. The electorate of the "United Russia" are all citizens of the country. It is proved that the strategy of the program is based on the main values that are not affected by the social cataclysms. The textual paradigm of mentally specific nominations is revealed; human-centered axiological judgment and views are described. Lexemes and word-combinations, whose semantics reflects commitment of the party to the ideas of market economy are allocated for special lingo-axiological interpretation. The verbal means of expression of the ideas that form the basis of the "new philosophy" of foreign policy are analyzed. It is proved that the Soviet vocabulary units are used to add the election campaign certain stylistic coloring, which is characterized by axiological conservatism. The party "Communist Russia" tries to stay apart from it, instead it opposes itself to all the other political forces. Electorate of the party are the Russians who have remained faithful to the Stalin principles of a social system. During the analysis we characterized the identification verbal marks of political language of the Soviet era that appear in the text of the election program, we also revealed the basic opposition "capitalism — socialism", reflecting bipolar perception of the world by means of totalitarian language. The types of ideological radicalism of the Soviet era are allocated: uncompromising stand, acceptance of Lenin — Stalin ideology as the only truth, frequent use of the enemy image in the propaganda purposes, construction of the simplified model of the current time directed in the Soviet past and ideological primitivism.*

KEYWORDS: *election campaign; axiological conservatism; ideological radicalism; mentality; nomination-integremes; political language; Soviet lexicon.*

ABOUT THE AUTHOR: *Kupina Natalia Aleksandrovna, Doctor of Philology, Professor of Department of Rhetoric and Stylistics of the Russian Language, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia.*

REFERENCES

1. Baranov A. N., Karaulov Yu. N. Russkaya politicheskaya metafora. Materialy k slovaryu. — M. : In-t russkogo yazyka AN SSSR, 1991. 193 s.
2. Berdyaev N. Samopoznanie (opyt filosofskoy avtobiografii). — M. : Mezhdunarodnye otnosheniya, 1990. 336 s.
3. Dobrenko E. Fundamental'nyy leksikon. (Literatura pozdnego stalinizma) // Novyy mir. 1990. № 2. S. 237—250.
4. Zemskaya E. A. Klishe novoyaza i tsitatsiya v yazyke postsovetskogo obshchestva // Vopr. yazykoznaniya. 1996. № 3. S. 23—31.
5. Kolesov V. V., Kolesova D. V., Kharitonov A. V. Slovar' russkoy mental'nosti : v 2 t. — SPb. : Zlatoust, 2014. T. 1 — 592 s.; t. 2 — 592 s.
6. Kupina N. A. Totalitarnyy yazyk: slovar' i rechevye reaktsii. — Izd. 2-e, ispr. i dop. — Ekaterinburg : Izd-vo Ural. un-ta, 2015. 186 s.
7. Lobanova L. P. Novyy stil' rechi i kul'tura pokoleniya: politicheskaya korrektnost'. — M. : MGUL, 2004. 165 s.
8. Mokienko V. M., Nikitina T. G. Tolkovyy slovar' yazyka Sovdeprii. — SPb. : Folio-Press, 1998. 704 s.
9. Novikov V. I. Slovar' modnykh slov. — M. : Zebra E., 2005. 156 s.
10. Romanenko A. P. Sovetskaya germenetika. — Saratov : Izdat. tsentr «Nauka», 2008. 162 s.
11. Chudinov A. P. Metaforicheskaya mozaika v sovremennoy politicheskoy kommunikatsii / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2003. 248 s.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.

Лу Тинтин
Пекин, Китай

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА В КИТАЕ: ТЕОРИЯ И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

АННОТАЦИЯ. Статья представляет собой ретроспективный обзор исследований по политической лингвистике в Китае. Теоретические исследования рассматривают такие принципиально важные вопросы, как сущность политического языка, функции политического языка, место политической лингвистики по отношению к другим научным областям, предмет и методы исследования, теоретическую систему дисциплины. В китайской политической лингвистике сформировалось несколько относительно автономных, хотя и взаимосвязанных направлений. По исследовательским методам выделяются следующие основные направления: критический дискурс-анализ, системно-функциональная грамматика, прагмалингвистика, когнитивный анализ, политическая риторика и проблемы перевода политического дискурса. Следует отметить, что большинство китайских исследователей пока не осознали политическую лингвистику как особую дисциплину. Китайские ученые, выбравшие политический дискурс как объект исследования, проводили анализ языка и политических феноменов в рамках лингвистики посредством американских и европейских лингвистических методов. Перед китайскими учеными стоят две задачи: во-первых, надо обобщить и систематизированно изложить для коллег-соотечественников результаты исследований зарубежных коллег по политической лингвистике; во-вторых, необходимо проводить исследования на материале китайского политического дискурса с помощью заимствованных методов, с тем чтобы выявить проблемные моменты и усовершенствовать методы исследования. Это позволит адаптировать политическую лингвистику с учетом китайской специфики, создать национальную научную школу.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политическая лингвистика; политический дискурс; политический язык; функции, предмет.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Лу Тинтин, кандидат филологических наук, Хэйлунцзянский университет, Второй пекинский университет иностранных языков; 100024, Китай, г. Пекин, район Чаоян, Динфучжуан Наньли № 1; e-mail: lutingting0809@mail.ru.

По сравнению с зарубежными странами исследование политического дискурса в Китае началось сравнительно недавно. Еще в 1993 г. Чен Чанвэнь отметил, что политический язык должен стать предметом мультидисциплинарного исследования с привлечением методов политической науки и лингвистики. Однако эта идея не обрела моментального воплощения, хотя в последующие годы, вплоть до XXI в., интерес китайских ученых к исследованию языка и политики в их взаимосвязи неуклонно рос. В данном обзоре характеризуется изучение политической лингвистики в Китае. Изложение разбито на две части: теоретическая база исследований и их основные направления.

Теоретическая база исследований

Политический язык. По мнению Чен Чанвэнь, при рассмотрении политического языка следует разграничивать собственно политический язык и политическую речь. Первый проявляется в политических компонентах, присутствующих в естественном языке, и представляет собой совокупность различных политических дискурсов. Каждому политическому дискурсу свойственны свои правила кодирования, которые воспроизводятся в тексте (в письменной речи) и в дискурсивных ситуациях, где используют такие правила. Относящаяся к языковой практике политического сознания, политическая речь — это использование языка для достижения политической цели через такие речевые действия, как восприятие речи, говорение, чтение и письмо, путем изобре-

тения новых слов, изменения семантики, определяющих денотатов, воспроизведения контекста, отсылки к табуированной лексике, переосмысления политических традиций, сохранявшихся в языке, для создания языковой системы со своей спецификой выражения [Чен Чанвэнь 1993: 33].

При определении понятия «политический язык» ученые в основном используют функциональный подход, примером чему могут служить такие дефиниции: «политический язык — это язык, употребляемый политическими субъектами для обмена политической информацией в политической деятельности, включая вербальный и невербальный коды» [Ху Яюань 2002а: 54], «политический язык представляет собой язык, используемый участниками политической деятельности для достижения определенной цели» [Ван Ханьдун, Ху Хуатао 2006: 41]. По замечаниям Тянь Хайлун, для политического языка характерны такие специфические черты, как целесообразность, точные участники (в узком понимании участниками являются только сами политики, а в широком понимании — все, кто связан с политическими действиями) и многообразие жанров политической речи. Таким образом, политический язык рассматривается как язык, употребляемый участниками политической деятельности для достижения определенных политических целей и в виде определенного жанра [Тянь Хайлун 2002: 24].

Ван Ханьдун и Ху Хуатао предпочитают различать понятия «политический язык» и «политический текст (дискурс)», полагая, что

This paper was supported by China Postdoctoral Science Foundation (No. 2014M551283, Political Linguistics: theories and methods).

Статья подготовлена при поддержке Китайского постдокторского научного фонда в рамках научно-исследовательского проекта 2014M551283 «Политическая лингвистика: теория и методология».

«политический язык, как правило, относится к устной речи, а его письменная фиксация в форме текста называется политическим текстом или политическим дискурсом» [Ван Ханьдун, Ху Хуатао 2006: 41]. Тянь Хайлун рассматривает эти два понятия как равнозначные [Тянь Хайлун 2002: 24].

На основе структурных и функциональных особенностей Ма Минь выделила 4 типа политического языка: убеждающий, юридический, административный и торговый [Ма Минь 2004: 35—37].

Функции политического языка. По представлениям Ху Яюань, политический язык выполняет следующие функции:

- распространение политической информации (передача эксплицитной информации, передача имплицитных смыслов, рассуждение, передача символических смыслов и выражение общественного мнения);
- определение повестки дня (ареальный эффект и контроль над распространением информации);
- интерпретация и ассоциативные связи (интерпретация и «создание» событий действительности, контроль над формулировками, управление ожиданиями населения);
- побуждение к действиям (прямой призыв, эмоциональный всплеск или стабилизация настроения, замена языком действий, кодирование);
- политическая идентификация [Ху Яюань 2002б: 88—90].

Лэй Дачуань разграничивает следующие функции политического языка: определение повестки дня, описание политической картины, манипуляция психологическими ожиданиями населения, управление определениями, реализация политических действий, политическая интеграция и политическая идентификация [Лэй Дачуань 2009: 168].

Место дисциплины. Тянь Хайлун выступает инициатором создания особой дисциплины — политической лингвистики, рассматривая ее как одно из направлений языкознания [Тянь Хайлун 2002: 27]. Сунь Юйхуа также считает, что политическая лингвистика — это отрасль языкознания, нацеленная на изучение взаимодействия языка и политики путем изучения языка (речи), но в то же время отметила, что в связи с теоретической двойственностью, что характерно и для других смежных дисциплин, в политической лингвистике наблюдаются два взаимосвязанных и одновременно разных направления научной деятельности: лингвистическая направленность и политическая ориентация [Сунь Юйхуа и др. 2015: 2]. Лэй Дачуань предположил, что в связи с многомерностью объекта исследования политическая

лингвистика не должна ограничиваться только рамками политологии и лингвистики, специалистам необходимо использовать результаты, полученные в философии, социологии, культурологии, семиотике и других смежных дисциплинах. Учитывая сложность предмета и комплексные задачи исследования, нерационально включать политическую лингвистику в политологию или лингвистику. Лучше рассматривать ее как новую самостоятельную комплексную дисциплину, нацеленную на глубокое изучение политико-лингвистических явлений [Лэй Дачуань 2009: 167].

Предмет исследования. Тянь Хайлун предложил выделять в политической лингвистике два аспекта рассмотрения: политические вопросы, связанные с языком, и языковые вопросы политики. В рамках второго аспекта на основе результатов исследований в прагмалингвистике, дискурс-анализе, критическом дискурс-анализе, социолингвистике и антропологической лингвистике устанавливается, как участники политической деятельности используют язык для достижения своих целей и как адресанты составляют мнение об этих участниках на основе употребляемого ими языка. Для подобных исследований характерны определенные темы (местоимение, метафора, женская речь и др.) и материал (выступления политиков, пресс-конференции, новости о политических событиях и т. д.) [Тянь Хайлун 2002: 27]. Тянь Хайлун дал очень подробную характеристику второму направлению, однако о первом высказался обобщенно: «...исследования представлены широким кругом работ, демонстрирующих длительную историю изучения вопроса; начиная с „Немецкой идеологии“ К. Маркса и Ф. Энгельса, „Марксизма и вопросов языкознания“ И. Сталина, а также „Марксизма и философии языка“ В. Н. Волюшинова, „Мысли и языка“ Л. С. Выготского до работы Holboogow 1999 г. „Политика на английском языке“ человечество никогда не прекращало попыток установить взаимоотношения между языком и бытием, языком и мышлением» [Тянь Хайлун 2002: 27]. С этой же научной сферой указанный исследователь связывает описание языковой картины мира в обучении иностранным языкам [Тянь Хайлун 2002: 27—28]. Как видно, в работах данного исследователя вопросы политического языка недостаточно структурированы. По мнению Чэнь Чанвэнь, политичность языка проявляется в следующем: «личные местоимения в роли указаний на участников коммуникации» (Ваше Величество, Ваш раб (крупный чиновник по отношению к императору)), «дополнение со значением владения предметом» (выражение *я обладаю...* явля-

ется типичным для политического призна- ния), «выражение угрозы наказания и обе- щания», «корпоративный язык», «языковое табу» и «символический язык» [Чэнь Чан- вэнь 1993: 34—35].

Выдвинутая Тянь Хайлуном концепция двух аспектов исследования получила при- звание у многих ученых [Сюй Ваньшэн 2007; Сунь Цзишэн 2013; Цзоу Хуа 2015], однако разные исследователи давали выделенным аспектам разные названия и интерпретации. Например, Сунь Цзишэн понимает изучение «политического языка» как «исследование языка на политическом фоне», а «языковой политики» — как «исследование власти, ста- туса языка и социального знания о языке, в котором язык выступает как инструмент власти и достижения доминирования в об- ществе» [Сунь Цзишэн 2013: 23—24]. Сюй Ваньшэн связывает эти два аспекта с поли- тологией и лингвистикой и отмечает, что ис- следования языковой политики проводят на основе текста и общих дискурсивных практик для выявления политических импликаций, что в большей степени относится к лингвистике, а исследования политического языка ориентируются на языковые явления и про- цессы на материале макрополитического процесса [Сюй Ваньшэн 2007: 74]. Кроме того, понятие «политика» с точки зрения этих двух аспектов трактуется по-разному. Первый предполагает широкое понимание, когда понятийный аппарат отражает разно- образные вездесущие властные отношения в связи с тем, что язык отражает и создает межличностные статусные различия. С по- зиции второго подхода понятие «политика» относится к ядру политологического иссле- дования, является властной практикой, ко- нечная цель которой — государственная власть [Сюй Ваньшэн 2007: 74]. Наряду с вышеописанными двумя аспектами, Лэй Да- чуань подчеркивает важность исследования взаимоотношения политики и языка: «В пред- мет политической лингвистики входят языко- вые вопросы в политике, политические во- просы в лингвистике, а также взаимоотно- шение между языком и политикой», «нужно полностью выявить властные характери- стики языка и языковые характеристики власти, раскрыть, как власти достигают своей поли- тической цели и реализуют политические интересы с помощью языка» [Лэй Дачуань 2009: 167].

Лин Хуадон [Лин Хуадон 2015] справед- ливо отметил, что «политическая лингвисти- ка стала новой смежной дисциплиной лин- гвистики», но при этом в его краткой харак- теристике новой дисциплины мы увидели отражение только одной стороны — «поли-

тических вопросов лингвистики»: «...нацио- нальными стратегиями уже стали языковое планирование, языковая политика, языковое образование, языковая идентификация, попу- лярзация языка. В современном мире поли- тическая роль языка становится все более и более заметной, многие могущественные страны стараются распространять свой язык за границей. Как самостоятельная дисципли- на, политическая лингвистика уже попала в поле зрения людей» [Лин Хуадон 2015: 92].

Методы исследования. «Исследование политического языка, находящееся в сфере лингвистики, проводится на основе достиже- ний лингвистических дисциплин (прагмалин- гвистики, дискурс-анализа)», «нужно изучать политический язык в таких аспектах, как жанр, тема и функционирование» [Тянь Хай- лун 2002: 24]. По мнению Тянь Хайлуна, ис- следователя должно интересоваться не только изучение политического языка, но и выявле- ние социальных функций языка путем его анализа, социально-культурные компоненты, отраженные в языке, что является общим с критическим дискурс-анализом, однако их различие заключается в том, что конечная точка анализа социально-культурных компо- нентов в работе по политическому языку — описание того, как участники политической деятельности с помощью языка достигают своей политической цели и как адресаты понимают их на основе употребляемого ими языка [Тянь Хайлун 2002: 24].

Лэй Дачуань отмечает, что, с одной сторо- ны, как самостоятельная комплексная меж- дисциплинарная наука политическая линг- вистика отличается комплексной методологи- ей; с другой стороны, наиболее важными являются концепт-анализ и дискурс-анализ [Лэй Дачуань 2009: 167]. «Для каждой эпохи характерны свои ключевые слова, отра- жающие особенности данной эпохи, как бы эпоха в миниатюре. Анализируя историче- ские истоки политических ключевых слов и процесс их семантического варьирования, мы можем проникнуть в суть политических явлений в определенный период. В опреде- ленном смысле можно сказать, что политиче- ский дискурс есть политическая стратегия: политические деятели часто намекают о своей воле и интенции в подтексте, поэтому для политической лингвистики необходим поли- тический дискурс-анализ. Дискурс-анализ на основе изучения контекста политического дискурса и речевых интенций нацелен на политические импликации, скрытые за дис- курсом» [Лэй Дачуань 2009: 167].

Теоретическая система. Лэй Дачуань предлагает выделять в структуре теории политической лингвистики 8 частей. Первая

часть, являющаяся теоретической основой, включает три компонента: 1) предмет политической лингвистики и объекты исследования, 2) место среди других отраслей науки и задачи дисциплины, 3) методы исследования. Во второй части необходимо строить философскую онтологическую основу, раскрывая взаимосвязь бытия человека и языка. Третья и четвертая части при построении теоретической базы политической лингвистики соответственно опираются на теоретические положения «Язык — это проявление воли к власти» и «Власть — это власть кодирования (знаков)». В пятой части рассматриваются семантическая реконструкция и пути решения трудных вопросов теоретического исследования. Шестая часть может быть названа «Политика — это риторическое искусство». Она посвящена обсуждению роли и функций политической риторики. Седьмую часть предполагается назвать «Язык — это политическая манипуляция». Здесь раскрываются функции и роль политического языка. Темы, рассматриваемые в последней части, — «Политизация языка и диссимилиация политического языка» [Лэй Дачуань 2009: 167—168].

Сунь Юйхуа предлагает выделять в политической лингвистике теоретический и практический планы. Теоретическое исследование можно проводить в следующих 6 основных аспектах:

- 1) теория и методы политической лингвистики как самостоятельного направления лингвистики;
- 2) исследование политики и языка в Китае и исследование политики и языка на международной арене;
- 3) сопоставительное исследование языка и политики на примере китайского языка и политики;
- 4) исследование языково-политической национальной личности, народного менталитета и языковой идеологии на основе гипотезы языковой относительности и языковой картины мира;
- 5) исследование языка, употребляемого в международной политической коммуникации, в межкультурном аспекте;
- 6) языковая стратегия и тактика в международной политике.

В исследованиях практического толка необходимо добиться прорыва по следующим направлениям:

- критический дискурс-анализ типичных политических текстов и дискурсов;
- глубинный семантический анализ политического текста и дискурса на основе анализа текста, концепт-анализа и анализа ключевых слов;

- семиотический анализ политического текста и дискурса;
- исследования сферы политической лингвистики в свете политических стратегий государства;
- методика политической лингвистики [Сунь Юйхуа и др. 2015: 6—7].

Основные направления исследований

В китайской политической лингвистике сформировалось несколько относительно автономных, хотя и взаимосвязанных направлений. Приведем классификацию китайских политико-лингвистических исследований по используемым методам исследования, а также основным рассматриваемым проблемам.

Критический дискурс-анализ. Критический дискурс-анализ широко применяется при исследовании политического дискурса, чтобы раскрыть властные отношения между участниками коммуникации и идеологические компоненты политического дискурса, выявить схемы строения так называемой «реальности» и помочь населению сформировать критическое отношение к политическому дискурсу. В Китае появилось уже много работ, выполненных в рамках критического дискурс-анализа [Юань Чунмин, Тянь Хайлун 2001; Сян Юньхуа 2006; Ян Лин 2007; Ван Янь 2009; Янь Шицин, Чжао Ся 2009; Лун Цзэсюн, Чэнь Цзяньпин 2008]. Сян Юньхуа [Сян Юньхуа 2006] на материалах выступлений Буша о войне в Ираке рассмотрел такие способы сокрытия антагонизма власти, как неофициальность, объединение (проявление заботы, идентификация с аудиторией, речь от лица выразителя интересов аудитории) и манипуляция (употребление дейксиса, контроль над темой, фактами и доступностью информации). Доу Вэйлин и Чэнь Дэнхун сравнивают использование интертекстуальности американскими и китайскими политиками на материале всех выступлений глав США и Китая после установления американо-китайских дипломатических отношений. Исследование показало, что «китайскому политическому выступлению свойственна гармоничная интертекстуальность, оно отличается огромным количеством отсылок к традиционной китайской культуре, в результате чего Китай предстает великой страной с древней историей и богатым культурным наследием, поддерживающей гармоничное развитие. В то же время для американского политического выступления характерна противоречивая интертекстуальность: встречаются и положительные отсылки, но немало и негативных, служащих достижению политической цели, следова-

тельно, США представляют собой страну, в фокусе внимания которой находится политика» [Доу Вэйлин, Чэнь Дэнхун 2009: 12].

Системно-функциональная грамматика. Исследования политического дискурса, основанные на теории системно-функциональной грамматики, проводят в следующих четырех аспектах:

1) анализ межличностной функции языка, включая функцию общего политического текста [Гуан Шухун 2005; Ван Хунян, Чэнь Чуньсун 2007; У Сумэй 2009] и функцию таких компонентов, как хеджи (hedges), показатели диффузности [Пэн Чженюй 2007; Чжан Чжаоцин 2008], модальные глаголы [Хэ Юнмэй 2009], модальное наречие [Хэ Юнмэй 2010] и подлежащее [Лай Сюехуа 2008];

2) анализ идеационной, межличностной и текстуальной функций, выделявшихся М. А. К. Хэллидеем [Чжан Яньми 2009; Цзян Сюэ, Лю Вэй, 2009];

3) анализ механизма когезии в политическом дискурсе [Линь Цзин 2007; Ян Фань 2010];

4) теория оценки [Гуан Шухун, Ван Яли, Ло Линьцзюань 2006; Ян Тинтин, Инь Течао 2009].

Ван Хунян и Чэнь Чуньсун, сравнив политические выступления и академические лекции по таким критериям, как тип, ориентация модальности и модальное значение, заметили, что в большинстве выступлений в большей или меньшей степени проявляются все 4 типа модальности и большинство модальных слов обозначает возможность. По сравнению с академическим выступлением в политическом намного чаще встречаются модальные слова, обозначающие обязанность и желания, также наблюдается высокая частотность семантики возможности, что отражает различия в целях политических выступлений и академических лекций [Ван Хунян, Чэнь Чуньсун 2007: 24].

Прагмалингвистика. Исследование политического дискурса с точки зрения прагмалингвистики осуществляется в следующих 6 аспектах.

1. Диффузные слова в политическом дискурсе. Диффузность (неопределенность) свойственна политическому дискурсу, поэтому в поле зрения ученых попадают типы, функции, способы выражения, механизмы порождения диффузных слов [Се Хуа 2002; Го Личзю и Ван Хунли 2002; У Юн 2003; Ван Юнчи 2004; Вэй Цзайцзян 2006].

2. Эвфемизм в политическом дискурсе. Использование эвфемизмов является одной из характеристик политического дискурса. С учетом принципов кооперации и вежливости У Чанчи [У Чанчи 2004] выяснил принципы и

методы употребления дипломатических эвфемизмов на пресс-конференции. Гэ Синьсинь [Гэ Синьсинь 2006] проанализировала функции, классифицировала эвфемизмы по функциям и раскрыла порождающий механизм эвфемизации: порождение политических эвфемизмов является результатом балансирования между интенциями коммуникации и разными когнитивными предположениями.

3. Коммуникативные стратегии [Чэнь Лицзян 2007б; Ху Хуатао 2009], к примеру, коммуникативные стратегии председателя Си Цзиньпина: «рассказывать истории», «избегать неопределенности», «быть близким к народу», «использовать крылатые слова» и т. д. [Доу Вэйлин, Ли Джиян 2013].

4. Политический дискурс и прагматические постулаты [Ма Ли 2003; Цзян Чживэй 2009].

5. Политический дискурс и контекст. Чэнь Лицзян [Чэнь Лицзян 2007а], исходя из макрокультурного контекста, среднеситуативного контекста и микроконтекста, интерпретировала правительственные пресс-конференции. Сун Цзишэн [Сун Цзишэн 2009] на примере освещения войны в Ираке объяснил, как в определенном контексте с помощью языка достигать целей.

6. Политический дискурс и пресуппозиция, например, политическое интервью и употребление пресуппозиции [Чжан Ю 2004], активаторы пресуппозиции в инаугурационной речи американских президентов [Тан Минфан 2006].

Когнитивный анализ. Исследования политической лингвистики в когнитивном направлении сосредоточены на политических метафорах. Такие темы, как метафорическое моделирование, функции метафоры, взаимодействие метафор и идеологии, сопоставительное исследование китайских и иноязычных метафор вызвали у ученых большой интерес [Ван Сюцин 2002; Чжу Сяоан 2007; Чжан Цинбин 2007; Чэнь Юн и Лю Чжаоюнь 2009; Лин Баочжу 2009; Сюй Цуньлянь и Сунь Лэй, 2009]. Кроме того, Чжао Сяонан [Чжао Сяонан 2010] на материале конкретного политического текста «Дай мне свободу или дай мне умереть» выявила способы эксплицитной (референциальная когезия, реляционная когезия) и имплицитной (метафорика и когезия, аналогия и когезия, классический прецедент) когезии.

Политическая риторика. Как средство политической коммуникации, политическая риторика включает в себя ситуативную риторiku, риторiku движения, институциональную риторiku, контрриторiku (ob-rhetoric) [Ху Юань 2001]. Как ядро политической коммуникации, политическая риторика

привлекает внимание специалистов по политологии и по связям с общественностью. Например, Лю Вэнькэ [Лю Вэнькэ 2008] выделил элементарные компоненты политической риторики: субъект, ситуация, адресат, тема, аргумент, эффект; Цзи Гуанмал [Цзи Гуанмал 1998] провел анализ политической риторики в аспекте метафоричности.

Перевод текстов политического дискурса. В основном это направление представлено исследованиями способов и стратегий перевода образчиков политического дискурса. Примерами могут служить следующие темы: методы перевода текстов политического языка [Ян Дунцин 2010]; стратегии перевода диффузных слов в политическом выступлении [Лю Чжаохуй 2007]; колебание эмоциональной окраски слова в англоязычном политическом тексте [Хэ Яе 2007]; перевод метафор в политическом выступлении [Чжоу Хун, Чжу Фужун 2010]; субъективность переводчика в переводе политического выступления [Ли Цяньцян 2010]; перевод политических текстов на основе теории эквивалентности и теории цели [Ван Жуйин 2007, Чэнь Фанюань 2008]; стратегии перевода дискурса Си Цзиньпина на английский язык [Доу Вэйлин, Вэнь Цзяньпин 2015]. Кроме вышеперечисленного, Доу Вэйлин [Доу Вэйлин 2009] с применением анкетирования провела эмпирическое исследование по вопросу эффективности перевода официальных лозунгов и предложила способы удачного перевода с учетом идеологических, социально-культурных и языковых различий.

Заключение. В настоящее время китайская политическая лингвистика отличается следующим.

- Многие исследователи еще не осознают специфику политической лингвистики как особой дисциплины. Китайские специалисты, выбравшие политический дискурс как объект исследования, анализируют язык и политику в рамках лингвистики, используя американские и европейские лингвистические методы.

- С одной стороны, в последние годы наблюдается рост интереса к изучению языка и политики, появляется всё больше и больше работ в этой области. С другой стороны, невозможно не заметить, что результаты большинства подобных исследований, среди которых немало магистерских диссертаций, были опубликованы не в очень авторитетных научных журналах.

- Исследования в основном проводились на материале европейского и американского политического дискурса, иногда встречаются сопоставительные исследования, но собст-

венно китайский политический дискурс редко попадал в поле зрения китайских ученых.

- Китайские исследователи пристально следили за лингвистическими достижениями в Европе и США. Только с 2011 г. результаты исследований российских коллег начали попадать в поле зрения китайских ученых [Лу Тинтин 2011а, 2011б, 2016; Ян Кэ 2011; Цзян Чуньли, Ян Кэ 2013; Сун Юхуа и др. 2015].

- Интерес многих специалистов к рассматриваемой сфере оказывается непостоянным. Например, статья Тянь Хайлуна «Изучение политического языка: обзор и размышления» так значима, что практически стала обязательной литературой для специалистов по политической лингвистике, но, к сожалению, исследования в данном направлении ученый не продолжил.

- Сегодня активный интерес к языку и политике проявляют представители целого ряда научных дисциплин и сфер деятельности, кроме лингвистов и политологов (Сунь Цзишэн, Ма Минь) — историки (Лэй Дачуань), исследователи массовой коммуникации (Ван Ханьдун и Ху Хуатао) и др. Стоит отметить, что в Китайском дипломатическом институте в 2000 г. начали готовить кандидатов наук по направлению «Международная политическая лингвистика».

Перед китайскими учеными стоят две задачи: во-первых, надо систематизированно представить соотечественникам результаты исследований зарубежных коллег по политической лингвистике; во-вторых, нужно проводить исследования на материале китайского политического дискурса с помощью заимствованных методов, с тем чтобы обнаружить проблемные моменты и усовершенствовать методы исследования. Это необходимо для адаптации политической лингвистики с учетом китайской языковой и культурной специфики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ван Жуйин. Перевод политического текста на основе теории эквивалентности: на материале перевода на английский язык отчета о XVI съезде народных депутатов : магистерская дис. — Чанша : Хунанский ун-т, 2007.
2. Ван Сюинь. Функции метафоры в русском политическом тексте // Вестн. Педагогического ун-та Внутренней Монголии. Сер. общественных наук. 2002. № 6. С. 108—109.
3. Ван Ханьдун, Ху Хуатао. Анализ медиаполитического языка: на примере новости о беспорядках в Париже // Научная сфера. 2006. № 4. С. 40—49.
4. Ван Хунян, Чэн Чуньсун. Сопоставительный анализ модальности в англоязычных политических и академических выступлениях // Иностранные языки и их преподавание. 2007. № 5. С. 21—24.
5. Ван Юнчи. Диффузные английские выражения в аспекте особенностей американского политического языка // Преподавание иностранных языков. 2004. № 00. С. 34—52.
6. Ван Янь. Критический дискурс-анализ перевода политических текстов // Шанхайский перевод. 2009. № 3. С. 23—27.

7. Вэй Цзайцзян. Прагматические диффузии дипломатического языка // Науч. журн. иностранных языков. 2006. № 2. С. 45—51.
8. Го Личзю, Ван Хунли. Точность и диффузия в дипломатическом языке // Вестн. Дипломатического ин-та. 2002. № 4. С. 80—84.
9. Гуан Шухун. Анализ межличностной семантики в политическом тексте // Вестн. Агрономического ун-та Внутренней Монголии. 2005. № 4. С. 205—206.
10. Гуан Шухун, Ван Яли, Ло Линьцзюань. Оценочный аспект политического текста // Вестн. Восточно-Китайского транспортного ун-та. 2006. № 6. С. 74—78.
11. Гэ Синьсинь. Политический эвфемизм: классификация, механизм и принципы : дис. ... магистра. — Гирин : Гиринский ун-т, 2006.
12. Доу Вэйлин. Эмпирическое исследование по эффективности перевода официальных лозунгов // Китайский перевод. 2009. № 5. С. 61—65.
13. Доу Вэйлин, Вэнь Цзяньпин. Народность международных выступлений Си Цзиньпина и их перевод // Теория и практика обучения иностранным языкам. 2015. № 4. С. 15—20.
14. Доу Вэйлин, Ли Джиян. Дискурсивные стратегии международных выступлений Си Цзиньпина // Вестн. Цзянского медийного ин-та. 2013. № 6. С. 19—24.
15. Доу Вэйлин, Чэнь Дэнхун. Критический дискурс-анализ интертекстуальности выступлений глав Китая и США // Иностранные языки и их преподавание. 2009. № 11. С. 12—15.
16. Лай Сюехуа. Межличностные функции подлежащего: межличностные функции единиц «я», «мы», «Китай / китайская сторона / Китайское правительство» в пресс-конференциях // Исследования социальных наук. 2008. № 4. С. 313—314.
17. Ли Цяньцян. Субъективность переводчика в переводе политического выступления : магистерская дис. — Цзинань : Шаньдунский ун-т, 2010.
18. Лин Баочжу. Идеологическая манипуляция с помощью метафоры в политическом выступлении: когнитивный подход // Иностранные языки и литература. 2009. № 4. С. 241—246.
19. Лин Хуадон. Как китайской лингвистике занять первые места // Современная стилистика. 2015. № 1. С. 87—93.
20. Линь Цзин. Лексическая когезия в англоязычных публичных политических выступлениях : дис. ... магистра. — Сямэнь : Сямэньский ун-т, 2007.
21. Лу Тинтин. Создание дисциплины «Политическая лингвистика»: рецензия на монографию «Политическая лингвистика» // Изучение современных иностранных языков. 2011. № 1. С. 60—61.
22. Лу Тинтин. Исследование политического дискурса в России // Русский язык и литература во времени и пространстве : материалы XIII конгресса МАПРЯЛ. — Шанхай, 2011.
23. Лу Тинтин. Основные темы исследований и особенности российской политической лингвистики // Научный журнал иностранных языков. 2016. № 5. С. 41—46.
24. Лун Цзэсюн, Чэнь Цзяньпин. Критический дискурс-анализ политического дискурса // Вестн. Ин-та иностранных языков НОАК. 2008. № 5. С. 1—6.
25. Лэй Дачуань. Политика — бытие языка. О структуре политической лингвистики // Литература, история и философия. 2009. № 2. С. 162—168.
26. Лю Вэнькэ. Об основных элементах политической риторики // Вестн. Южно-Китайского национального ун-та. Сер. гуманитарных и общественных наук. 2008. № 2. С. 124—127.
27. Лю Чжаохой. Перевод диффузных слов в политическом выступлении // Вестн. Северо-Китайского электроэнергетического ун-та. Сер. социальных наук. 2009. № 6. С. 107—111.
28. Ма Ли. Прагматические принципы и дипломатическая риторика // Вестн. Второго пекинского ун-та иностранных языков. 2003. № 4. С. 21—24.
29. Ма Минь. Политический язык как структура и основа дискурса гегемонии — функциональный подход // Вестн. Чжэцзян. провинциальной партийной школы. 2004. № 4. С. 34—38.
30. Пэн Чженюй. Характеристики хеджа в англоязычных политических интервью и их межличностные функции // Вестн. Наньтун. текстильного профессионального ин-та. 2007. № 3. С. 70—73.
31. Се Хуа. Язык и война: о диффузных словах в современной войне // Цзянские общественные науки. 2011. № 6. С. 54—55.
32. Сун Цишэн. Структура языка и значения в международных отношениях: интерпретация войны в Ираке // Мировая экономика и политика. 2009. № 5. С. 43—55.
33. Сунь Юйхуа, Пэн Вэньчжао, Лю Хун. Языковая политика и политический язык: теория и методика политической лингвистики // Иностранные языки и их преподавание. 2015. № 1. С. 1—7.
34. Сюй Ваньшэн. Два аспекта и их недостатки: изучение политического языка в Китае // Вестн. Восточно-Китайского технологического ун-та. Общественные науки. 2007. № 1. С. 74—80.
35. Сюй Цуньян, Сунь Лэй. Функция метафоры в русском политическом тексте // Изучение иностранных языков. 2009. № 4. С. 50—53.
36. Сян Юньхуа. Критический дискурс-анализ асимметрии власти в политическом тексте // Науч. журн. иностранных языков. 2006. № 2. С. 25—28.
37. Тан Минфан. Активаторы пресуппозиции в инаугурационной речи американских президентов. — Чэнду : Юго-Западный транспортный ун-т, 2007.
38. Тянь Хайлун. Изучение политического языка: обзор и размышления // Обучение иностранным языкам. 2002. № 1. С. 23—29.
39. У Сумэй. Межличностная функция в политическом выступлении: анализ выступления премьера Великобритании Черчилля «Speech on Hitler's invasion of the U.S.S.R.» // Вестн. Сычуаньского гуманитарно-технического ун-та. Общественные науки. 2009. № 1. С. 104—107.
40. У Чанчи. Дипломатический эвфемизм: принцип «сотрудничества» и «вежливости» : дис. ... магистра. — Чунцин : Чунцинский ун-т, 2004.
41. У Юн. Диффузные стратегии в дипломатической речи // Обучение иностранным языкам в Шаньдуне. 2003. № 3. С. 68—71.
42. Ху Хуатао. Языковая специфика политических новостей и их прагматические стратегии // Любитель журналистики. 2009. № 7. С. 4—6.
43. Ху Юань. О политической риторике и политической коммуникации // Хэнаньская гуманитарная наука. 2001. № 5. С. 9—12.
44. Ху Юань. О функциях политического языка // Вестн. Синьцзян. пед. ун-та. Сер. философско-социальных наук. 2002a. № 4. С. 88—90.
45. Ху Юань. Анализ определения и особенностей политического языка // Тяньчжун : науч. журн. 2002b. № 3. С. 53—54.
46. Хэ Юньмэй. Анализ межличностных функций модальных глаголов в англоязычных политических выступлениях // Вестн. Чжанцзянского ун-та. 2009. № 5. С. 362—364.
47. Хэ Юньмэй. Анализ англоязычных и китайскоязычных выступлений: семантический анализ модального наречия в англоязычных и китайскоязычных политических выступлениях и сравнение их межличностных функций // Вестн. Аграрного ун-та Внутренней Монголии. 2010. № 1. С. 362—364.
48. Хэ Яе. Колебание эмоциональной окраски слова в англоязычном политическом тексте // Научно-экономический рынок. 2007. № 11. С. 119—120.
49. Ци Гуанмал. Политическая риторика в метафорическом аспекте // Литературный обзор. 1998. № 6. С. 98—107.
50. Цзын Сюэ, Лю Вэй. Анализ политического выступления в аспекте языковой метафункции: на материале выступления Обамы 2008 г. после победы в выборах // Вестн. Северо-Восточного ун-та. Сер. общественных наук. 2009. № 4. С. 360—365.
51. Цзян Чживэй. Сопоставительное исследование принципов вежливости в китайском и английском политическом выступлении: на материале выступлений Ху Цзиньтао и Буша в вузах // Филологический научный журнал. 2009. № 11. С. 53—56.
52. Цзян Чуньли, Ян Кэ. Исследования политического дискурса: новое направление в исследованиях русского языка // Вестн. Гуандунского ун-та иностранных языков и торговли. 2013. № 6. С. 10—13.

53. Чжан Чжаоцин. Коммуникативное значение хеджа в англоязычных политических выступлениях // Научная информация. 2008. № 30. С. 118—119.
54. Чжан Цинбин. Метафорический анализ применительно к американскому политическому дискурсу // Современная филология. 2007. № 5. С. 28—29.
55. Чжан Ю. Употребление пресуппозиции в политическом интервью. — Гирин : Гирин. ун-т, 2004.
56. Чжан Яньми. Анализ политического дискурса: теория и практика : дис. ... магистра. — Харбин : Хэйлунцзянский ун-т, 2009.
57. Чжао Сяонан. Когнитивный анализ когезии в политическом выступлении: на материале статьи «Дай мне свободу или дай мне умереть» // Современная филология. 2010. № 5. С. 86—88.
58. Чжоу Хун, Чжу Фужун. Перевод метафор в политическом выступлении // Вестн. Хунаньского гуманитар. науч. ин-та. 2010. № 1. С. 85—87.
59. Чжу Сяонан. Анализ политических метафор: на материале немецких и китайских метафор // Вестн. Ин-та иностранных языков НОАК. 2007. № 2. С. 17—21.
60. Чен Чанвэнь. О политическом дискурсе // Вестн. Сычуаньск. ун-та. Сер. общественных наук. 1993. № 3. С. 33—38.
61. Чэнь Лицзян. Культурный контекст и политический дискурс: исследование правительственных пресс-конференций. — Пекин : Изд-во Китайского ун-та радио и телевидения, 2007а. 295 с.
62. Чэнь Лицзян. Псевдосвязность и лингвопрагматические стратегии в политическом дискурсе // Вестн. Хубэйск. пед. ун-та. Сер. общественных наук. 2007б. № 6. С. 55—59.
63. Чэнь Фанюань. Перевод политического текста на основе теории цели: на материале перевода на английский язык отчета XVII съезда народных депутатов : дис. ... магистра. — Чанша : Центрально-Китайский ун-т, 2008.
64. Чэнь Юн, Лю Чжаоюн. Метафорическая политика и политическая метафора: об анализе политических метафор американских политиков // Обучение иностранным языкам. 2009. № 1. С. 25—29.
65. Юань Чунмин, Тянь Хайлун. Сопоставительный и критический анализ англоязычных и китайскоязычных политических текстов // Вестн. Тяньцзиньск. коммерч. ин-та. 2001. № 5. С. 51—53.
66. Ян Дунцин. Перевод английских политических выступлений на китайский язык (на основе коммуникативной и семантической теорий) // Вестн. Цзямусийского пед. ин-та. 2010. № 4. С. 123—124.
67. Ян Кэ. Современная русская политическая лингвистика // Русский язык в Китае. 2012. № 1. С. 7—10.
68. Ян Лин. Сопоставительный анализ китайского и американского политического текста : дис. ... магистра. — Харбин : Хэйлунцзянский ун-т, 2007.
69. Ян Тинтин, Инь Течао. Анализ активных политических выступлений // Вестн. Чичихарск. ун-та. Сер. философских и общественных наук. 2009. № 5. С. 101—103.
70. Ян Фань. Модель лексического повтора в англоязычных политических выступлениях // Вестн. Ляонинского пед. и административн. ин-та. 2010. № 4. С. 75—76.
71. Янь Шицин, Чжао Ся. Способы выражения модальности в политическом тексте и их критический дискурс-анализ // Вестн. Сучжоуск. ун-та. 2009. № (2). С. 117—120.

Lu Tingting
Beijing, China

POLITICAL LINGUISTICS IN CHINA: THEORY AND MAIN TRENDS

ABSTRACT. *The paper gives an overview of political linguistics in China. The theoretical studies try to disclose such fundamentally important issues as political language and its functions, the disciplinary property and the subject of political linguistics, its research methods and the theoretical system of this scientific field. In Chinese political linguistics there are several relatively autonomous, though interrelated areas. On the basis of the applied methods, there are several basic areas of research: critical discourse analysis, systemic morphological and functional grammar, pragma-linguistics, cognitive analysis, political rhetoric and translation of political texts. It is necessary to underline that many Chinese researchers have not yet recognized political linguistics as a separate branch. Chinese scientists, who have chosen political discourse as an object of their study, analyzed the language and policy within the frames of Linguistics, using American and European linguistic methods. Chinese scientists have two goals: first, it is necessary to systematically introduce the results of researches of foreign colleagues in political linguistics to the Chinese scientists; secondly, it is important to conduct researches on the Chinese political discourse with the help of the borrowed methods to find the problematic issues and improve research methods. It will help to enrich political linguistics with Chinese specificity and to establish Chinese national scientific school.*

KEYWORDS: *political linguistic; political discourse; political language; functions; object.*

ABOUT THE AUTHOR: *Lu Tingting, Candidate of Philology, Heilongjiang University, Beijing Foreign Studies University, Beijing, China.*

REFERENCES

1. Van Zhuyin. Perevod politicheskogo teksta na osnove teorii ekvivalentnosti: na materiale perevoda na angliyskiy yazyk otcheta o XVI s"ezde narodnykh deputatov : masterskaya dis. — Chansha : Khunanskiy un-t, 2007.
2. Van Syutsin'. Funktsii metafory v russkom politicheskom tekste // Vestn. Pedagogicheskogo un-ta Vnutrenney Mongolii. Ser. obshchestvennykh nauk. 2002. № 6. S. 108—109.
3. Van Khan'dun, Khu Khuatao. Analiz mediapoliticheskogo yazyka: na primere novosti o besporyadkakh v Parizhe // Nauchnaya sfera. 2006. № 4. S. 40—49.
4. Van Khunyan, Chen Chun'sun. Sopostavitel'nyy analiz modal'nosti v angloyazychnykh politicheskikh i akademicheskikh vystupleniyakh // Inostrannye yazyki i ikh prepodavanie. 2007. № 5. S. 21—24.
5. Van Yunchi. Diffuznye angliyskie vyrazheniya v aspekte osobennostey amerikanskogo politicheskogo yazyka // Prepodavanie inostrannykh yazykov. 2004. № 00. S. 34—52.
6. Van Yan'. Kriticheskiy diskurs-anliz perevoda politicheskikh tekstov // Shankhayskiy perevod. 2009. № 3. S. 23—27.
7. Vey Tszaytszyan. Pragmaticheskie diffuzii diplomaticheskogo yazyka // Nauch. zhurn. inostrannykh yazykov. 2006. № 2. S. 45—51.
8. Go Lichzyu, Van Khunli. Tochnost' i diffuziya v diplomaticheskome yazyke // Vestn. Diplomatcheskogo in-ta. 2002. № 4. S. 80—84.
9. Guan Shukhun. Analiz mezhlichnostnoy semantiki v politicheskom tekste // Vestn. Agronomicheskogo un-ta Vnutrenney Mongolii. 2005. № 4. S. 205—206.
10. Guan Shukhun, Van Yali, Lo Lin'tszyuan'. Otsenochnyy aspekt politicheskogo teksta // Vestn. Vostochno-Kitayskogo transportnogo un-ta. 2006. № 6. S. 74—78.
11. Ge Sin'sin'. Politicheskiy evfemizm: klassifikatsiya, mekhanizm i printsipy : dis. ... magistra. — Girin : Girinskiy un-t, 2006.
12. Dou Veylin. Empiricheskoe issledovanie po effektivnosti perevoda ofitsial'nykh lozungov // Kitayskiy perevod. 2009. № 5. S. 61—65.
13. Dou Veylin, Ven' Tszyan'pin. Narodnost' mezhdunarodnykh vystupleniy Si Tszin'pina i ikh perevod // Teoriya i praktika obucheniya inostrannym yazykam. 2015. № 4. S. 15—20.
14. Dou Veylin', Li Dzhiyan. Diskursivnye strategii mezhdunarodnykh vystupleniy Si Tszin'pina // Vestn. Tszyanskogo mediynogo in-ta. 2013. № 6. S. 19—24.
15. Dou Veylin, Chen' Denkhun. Kriticheskiy diskurs-analiz intertekstual'nosti vystupleniy glav Kitaya i SSHa // Inostrannye yazyki i ikh prepodavanie. 2009. № 11. S. 12—15.
16. Lay Syuekhua. Mezhlichnostnye funktsii podlezhashego: mezhlichnostnye funktsii edinit'sya, «my», «Kitay / kitayskaya storona / Kitayskoe pravitel'stvo» v press-

- konferentsiyakh // Issledovaniya sotsial'nykh nauk. 2008. № 4. 313—314.
17. Li T'syan'tsyan'. Sub'ektivnost' perevodchika v perevode politicheskogo vystupleniya : masterskaya dis. — Tszinan' : Shan'dun'skiy un-t, 2010.
18. Lin Baochzhu. Ideologicheskaya manipulyatsiya s pomoshch'yu metafory v politicheskom vystuplenii: kognitivnyy podkhod // Inostrannyye yazyki i literatura. 2009. № 4. S. 241—246.
19. Lin Khuadon. Kak kitayskoy lingvistike zanyat' pervye mesta // Sovremennaya stilistika. 2015. № 1. S. 87—93.
20. Lin' Tszin. Leksicheskaya kogeziya v angloyazychnykh publichnykh politicheskikh vystupleniyakh : dis. ... magistra. — Syamen' : Syamen'skiy un-t, 2007.
21. Lu Tintin. Sozdanie distsipliny «Politicheskaya lingvistika»: retsenziya na monografiyu «Politicheskaya lingvistika» // Izuchenie sovremennykh inostrannykh yazykov. 2011. № 1. S. 60—61.
22. Lu Tintin. Issledovanie politicheskogo diskursa v Rossii // Russkiy yazyk i literatura vo vremeni i prostranstve : materialy XIII kongressa MAPRYaL. — Shankhay, 2011.
23. Lu Tintin. Osnovnye temy issledovaniy i osobennosti rossiyskoy politicheskoy lingvistiki // Nauchnyy zhurnal inostrannykh yazykov. 2016. № 5. S. 41—46.
24. Lun Tszesyun, Chen' Tszyan'pin. Kriticheskiy diskurs-analiz politicheskogo diskursa // Vestn. In-ta inostrannykh yazykov NOAK. 2008. № 5. S. 1—6.
25. Ley Dachuan'. Politika — bytie yazyka. O strukture politicheskoy lingvistiki // Literatura, istoriya i filosofiya. 2009. № 2. S. 162—168.
26. Lyu Ven'ke. Ob osnovnykh elementakh politicheskoy ritoriki // Vestn. Yuzhno-Kitayskogo natsional'nogo un-ta. Ser. gumanitarnyykh i obshchestvennykh nauk. 2008. № 2. S. 124—127.
27. Lyu Chzhaokhoy. Perevod diffuznykh slov v politicheskom vystuplenii // Vestn. Severo-Kitayskogo elektroenergeticheskogo un-ta. Ser. sotsial'nykh nauk. 2009. № 6. S. 107—111.
28. Ma Li. Pragmalingvisticheskie printsipy i diplomaticheskaya ritorika // Vestn. Vtorogo pekingskogo un-ta inostrannykh yazykov. 2003. № 4. S. 21—24.
29. Ma Min'. Politicheskyy yazyk kak struktura i osnova diskursa gegemonii — funktsional'nyy podkhod // Vestn. Chzhetszhan. provintsial'noy partiynoy shkoly. 2004. № 4. S. 34—38.
30. Pen Chzhenyuy. Kharakteristiki khedzha v angloyazychnykh politicheskikh interv'yu i ikh mezhlchnostnye funktsii // Vestn. Nan'tun. tekstil'nogo professional'nogo in-ta. 2007. № 3. S. 70—73.
31. Se Khua. Yazyk i voyna: o diffuznykh slovakh v sovremennoy voyne // Tszyansiskie obshchestvennye nauki. 2011. № 6. S. 54—55.
32. Sun Tszishen. Struktura yazyka i znacheniya v mezh-dunarodnykh otnosheniyakh: interpretatsiya voyny v Irake // Mirovaya ekonomika i politika. 2009. № 5. S. 43—55.
33. Sun' Yuykhua, Pen Ven'chzhao, Lyu Khun. Yazykovaya politika i politicheskyy yazyk: teoriya i metodika politicheskoy lingvistiki // Inostrannyye yazyki i ikh prepodavanie. 2015. № 1. S. 1—7.
34. Syuy Van'shen. Dva aspekta i ikh nedostatki: izuchenie politicheskogo yazyka v Kitae // Vestn. Vostochno-Kitayskogo tekhnologicheskogo un-ta. Obshchestvennye nauki. 2007. № 1. S. 74—80.
35. Syuy Tsun'lyan, Sun' Ley. Funktsiya metafory v russkom politicheskom tekste // Izuchenie inostrannykh yazykov. 2009. № 4. S. 50—53.
36. Syan Yun'khua. Kriticheskiy diskurs-analiz asimmetrii vlasti v politicheskom tekste // Nauch. zhurn. inostrannykh yazykov. 2006. № 2. S. 25—28.
37. Tan Minfan. Aktivatory presuppozitsii v inauguracionnoy rechi amerikanskikh prezidentov. — Chendu : Yugo-Zapadnyy transportnyy un-t, 2007.
38. Tyan' Khaylun. Izuchenie politicheskogo yazyka: obzor i razmyshleniya // Obuchenie inostrannykh yazykam. 2002. № 1. S. 23—29.
39. U Sumey. Mezhlchnostnaya funktsiya v politicheskom vystuplenii: analiz vystupleniya prem'era Velikobritanii Cherrchillya «Speech on Hitler's invasion of the U.S.S.R.» // Vestn. Sychuan'skogo gumanitarno-tekhnicheskogo un-ta. Obshchestvennye nauki. 2009. № 1. S. 104—107.
40. U Chanchi. Diplomaticheskyy evfemizm: printsip «sotrudnichestva» i «vezhlivosti» : dis. ... magistra. — Chuntsin : Chuntsinskiy un-t, 2004.
41. U Yun. Diffuznye strategii v diplomaticheskoy rechi // Obuchenie inostrannykh yazykam v Shan'dune. 2003. №3. S. 68—71.
42. Khu Khuatao. Yazykovaya spetsifika politicheskikh novostey i ikh pragmalingvisticheskie strategii // Lyubitel' zhurnalistiki. 2009. № 7. S. 4—6.
43. Khu Yayuan'. O politicheskoy ritorike i politicheskoy kommunikatsii // Khenan'skaya gumanitarnaya nauka. 2001. № 5. S. 9—12.
44. Khu Yayuan'. O funktsiyakh politicheskogo yazyka // Vestn. Sinyansk. ped. un-ta. Ser. filosofsko-sotsial'nykh nauk. 2002a. № 4. S. 88—90.
45. Khu Yayuan'. Analiz opredeleniya i osobennostey politicheskogo yazyka // Tyan'chzhun : nauch. zhurn. 2002b. № 3. S. 53—54.
46. Khe Yunmey. Analiz mezhlchnostnykh funktsiy modal'nykh glagolov v angloyazychnykh politicheskikh vystupleniyakh // Vestn. Chzhantszyanskogo un-ta. 2009. № 5. S. 362—364.
47. Khe Yunmey. Analiz angloyazychnykh i kitayskoyazychnykh vystupleniy: semanticheskyy analiz modal'nogo narechiya v angloyazychnykh i kitayskoyazychnykh politicheskikh vystupleniyakh i sravnenie ikh mezhlchnostnykh funktsiy // Vestn. Agrarnogo un-ta Vnutrenney Mongolii. 2010. № 1. S. 362—364.
48. Khe Yae. Kolebanie emotsional'noy okraski slova v angloyazychnom politicheskom tekste // Nauchno-ekonomicheskyy rynek. 2007. № 11. S. 119—120.
49. Tsz Guanmal. Politicheskaya ritorika v metaforicheskom aspekte // Literaturnyy obzor. 1998. № 6. S. 98—107.
50. Tszyn Syue, Lyu Vey. Analiz politicheskogo vystupleniya v aspekte yazykovoy metafunktsii: na materiale vystupleniya Obamy 2008 g. posle pobedy v vyborakh // Vestn. Severo-Vostochnogo un-ta. Ser. obshchestvennykh nauk. 2009. № 4. S. 360—365.
51. Tszyan Chzhivey. Sopostavitel'noe issledovanie printsipov vezhlivosti v kitayskom i angliyskom politicheskom vystuplenii: na materiale vystupleniy Khu Tszin'tao i Busha v yuzakh // Filologicheskyy nauchnyy zhurnal. 2009. № 11. S. 53—56.
52. Tszyan Chun'li, Yan Ke. Issledovaniya politicheskogo diskursa: novoe napravlenie v issledovaniyakh russkogo yazyka // Vestn. Guandun'skogo un-ta inostrannykh yazykov i trgovli. 2013. № 6. S. 10—13.
53. Chzhan Chzhaotsin'. Kommunikativnoe znachenie khedzha v angloyazychnykh politicheskikh vystupleniyakh // Nauchnaya informatsiya. 2008. № 30. S. 118—119.
54. Chzhan Tsinbin. Metaforicheskiy analiz primenitel'no k amerikanskomu politicheskomu diskursu // Sovremennaya filologiya. 2007. № 5. S. 28—29.
55. Chzhan Yu. Upotreblenie presuppozitsii v politicheskom interv'yu. — Girin : Girin. un-t, 2004.
56. Chzhan Yan'mi. Analiz politicheskogo diskursa: teoriya i praktika : dis. ... magistra. — Kharbin : Kheyluntszyanskiy un-t, 2009.
57. Chzhao Syaonan. Kognitivnyy analiz kogezi v politicheskom vystuplenii: na materiale stat'i «Day mne svobodu ili day mne umeret'» // Sovremennaya filologiya. 2010. № 5. S. 86—88.
58. Chzhou Khun, Chzhu Fuzhun. Perevod metafor v politicheskom vystuplenii // Vestn. Khunan'skogo gumanitar. nauch. in-ta. 2010. № 1. S. 85—87.
59. Chzhu Syaonan. Analiz politicheskikh metafor: na materiale nemetskikh i kitayskikh metafor // Vestn. In-ta inostrannykh yazykov NOAK. 2007. № 2. S. 17—21.
60. Chen Chanven'. O politicheskom diskurse // Vestn. Sychuan'sk. un-ta. Ser. obshchestvennykh nauk. 1993. № 3. S. 33—38.
61. Chen' Litszyan. Kul'turnyy kontekst i politicheskyy diskurs: issledovanie pravitel'stvennykh press-konferentsiy. — Pekin : Izd-vo Kitayskogo un-ta radio i televideniya, 2007a. 295 s.
62. Chen' Litszyan. Psevodosvyaznost' i lingvopragmaticheskie strategii v politicheskom diskurse // Vestn. Khubeysk. ped. un-ta. Ser. obshchestvennykh nauk. 2007b. № 6. S. 55—59.

63. Chen' Fanyuan'. Perevod politicheskogo teksta na osnove teorii tseli: na materiale perevoda na angliyskiy yazyk otcheta XVII s^{ezda} narodnykh deputatov : dis. ... magistra. — Chansha : Tsentral'no-Kitayskiy un-t, 2008.

64. Chen' Yun, Lyu Chzhaoyun'. Metaforicheskaya politika i politicheskaya metafora: ob analize politicheskikh metafor amerikanskikh politikov // Obucheniye inostrannym yazykam. 2009. № 1. S. 25—29.

65. Yuan' Chunmin, Tyan' Khaylun. Sopostavitel'nyy i kriticheskiy analiz angloyazychnykh i kitayskoyazychnykh politicheskikh tekstov // Vestn. Tyan'tsin'sk. kommerch. in-ta. 2001. № 5. S. 51—53.

66. Yan Duntsin. Perevod angliyskikh politicheskikh vystupleniy na kitayskiy yazyk (na osnove kommunikativnoy i semanticheskoy teorii) // Vestn. Tszyamusyiskogo ped. in-ta. 2010. № 4. S. 123—124.

67. Yan Ke. Sovremennaya russkaya politicheskaya lingvistika // Russkiy yazyk v Kitae. 2012. № 1. S. 7—10.

68. Yan Lin. Sopostavitel'nyy analiz kitayskogo i amerikanskogo politicheskogo teksta : dis. ... magistra. — Kharbin : Kheyluntszyanskiy un-t, 2007.

69. Yan Tintin, In' Techao. Analiz aktivnykh politicheskikh vystupleniy // Vestn. Chichikharsk. un-ta. Ser. filosofskikh i obshchestvennykh nauk. 2009. № 5. S. 101—103.

70. Yan Fan'. Model' leksicheskogo povtora v angloyazychnykh politicheskikh vystupleniyakh // Vestn. Lyaoninskogo ped. i administrativn. in-ta. 2010. № 4. S. 75—76.

71. Yan' Shitsin, Chzhao Sya. Sposoby vyrazheniya modal'nosti v politicheskom tekste i ikh kriticheskiy diskurs-analiz // Vestn. Suchzhousk. un-ta. 2009. № (2). S. 117—120.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.

Т. И. Стексова
Новосибирск, Россия

ДЕКЛАРАТИВНОСТЬ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

АННОТАЦИЯ. *Статья посвящена декларативности в политическом дискурсе. Политический дискурс представлен двумя разновидностями: дискурс политиков и дискурс реагирования. Декларация является институциональным жанром для дискурса политиков, где она может выполнять одну из трех функций: презентацию своих групповых ценностей; противопоставление своих ценностей ценностям других групп; демонстрацию уверенности в себе, в правоте своего дела. Кроме собственно жанра декларации в дискурсе политиков декларативность становится свойством текстов многих других жанров, особенно в предвыборной борьбе. При этом часто функции декларации расширяются: она используется в манипулятивных целях. Декларация как жанр в дискурсе реагирования не функционирует, однако многие тексты приобретают свойство декларативности за счет использования специализированных языковых средств. Особенностью декларативных текстов в дискурсе реагирования становится отсутствие доказательств, аргументов, что приводит к развитию нового значения у лексемы «декларативный», зафиксированного в словарях: «не подкрепленный доказательствами; стиль оформления устных или письменных текстов, при котором заявленные цели и ценности не соответствуют реальным действиям и реальным возможностям автора этих текстов». Такое понимание декларативности нашло отражение и в словаре синонимов: декларативность — «показуха, торжественность».*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс; дискурс политиков; дискурс реагирования; декларация; декларативность; манипуляция.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *Стеклова Татьяна Ивановна, профессор, доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка, Институт филологии, массовой информации и психологии, Новосибирский государственный педагогический университет; 630126, г. Новосибирск, ул. Вилойская, 28; e-mail: steksova@inbox.ru.*

По данным этимологического словаря М. Фасмера, слово «декларация» пришло в русский язык через польский или немецкий и буквально означало «объяснение в любви». В. И. Даль приводит следующее толкование данного слова: объявление, оповещение, оглашение, сношение на бумаге между государствами с каким-либо окончательным заключением, условием, соглашением. Как видим, в данном определении уже нет никакой связи с объяснением в любви.

Толковый словарь Ефремовой отмечает три значения рассматриваемой лексемы:

1. Официальное, торжественное или программное заявление (от имени правительства, партии, международной организации).
2. Название официального документа, содержащего какие-либо важные положения или нужные сведения.
3. Устар. Предложение вступить в брак.

Итак, исходное значение слова устарело, а в современном русском языке оно стало именем жанра декларации, имеющего достаточно узкую закреплённую сферу употребления: официально-деловую (например, *налоговая декларация*) и социально-политическую. К числу деклараций в политическом дискурсе относятся Всеобщая декларация прав человека, Декларация прав ребенка, Декларация ООН о правах коренных народов и многие другие. В качестве примера обратимся к «Декларации прав ребенка», принятой резолюцией 1386 (XIV) Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1959 г. Жанр декларации является институциональным для данной социально-политической сферы. Документ имеет жестко закреплённую структуру: начинается с преамбулы, где обосновываются причины и цели принятия

декларации, и продолжается формулировкой основных десяти принципов:

Принимая во внимание, что человечество обязано давать ребенку лучшее, что оно имеет, <...>

Генеральная Ассамблея провозглашает настоящую Декларацию прав ребенка с целью обеспечить детям счастливое детство и пользование, на их собственное благо и на благо общества, правами и свободами, которые здесь предусмотрены, и призывает родителей, мужчин и женщин как отдельных лиц, а также добровольные организации, местные власти и национальные правительства к тому, чтобы они признали и старались соблюдать эти права путем законодательных и других мер, постепенно принимаемых в соответствии со следующими принципами:

*Принцип 1.
Ребенку должны принадлежать все указанные в настоящей Декларации права.
<...>*

*Принцип 2.
Ребенку законом и другими средствами должна быть обеспечена специальная защита...<...>*

Жанрообразующими признаками являются неличный характер текста: адресант коллективный (от имени государства, партии, объединения); эксплицитно представлен в тексте: *Генеральная Ассамблея*. Адресат обобщенный, любой, каждый, также вербализован: *призывает родителей, мужчин и женщин как отдельных лиц, а также добровольные организации, местные власти и национальные правительства*. Жанр декларации полиинтенциональный: с одной сто-

роны, информативный (сообщается об основных принципах, положениях), с другой — императивный, так как содержит призывы соблюдать эти принципы. Императивность проявляется явно, лексически: употребляются глаголы (*призывает*) и модальные слова (*должны, надо*) — и грамматически путем использования форм глаголов в настоящем времени в значении настоящего долженствования. Тексты данного жанра не имеют временных рамок. В языковом воплощении отметим именную характер текстов, номинализацию, оценочную лексику, высокий процент использования слов иноязычного происхождения и др. В отличие от деклараций в официально-деловой сфере, декларации в политическом дискурсе отличаются особой торжественностью. Этот признак торжественности вошел в значение прилагательного «декларативный», которое толкуется, по словарю С. И. Ожегова, как «имеющий форму декларации, торжественный». Нам здесь важно отметить, что, во-первых, декларативным может быть любой текст, а не только текст официального документа.

Итак, если жанр декларации закреплен за официально-деловой и социально-политическими сферами, то признак декларативности оказывается свойственен большому количеству текстов разных жанров, в том числе и в политическом дискурсе. Оговорюсь, что политический дискурс здесь понимается широко. Это не только «дискурс политиков, реализуемый в виде правительственных документов, парламентских дебатов, партийных программ, речей политиков» [Дейк 1989], но и массмедийный политический дискурс, к которому можно отнести тексты политической тематики, созданные журналистами и распространяемые посредством СМИ, а также тексты, созданные людьми, не являющимися профессиональными политиками или журналистами, но эпизодически участвующими в политической коммуникации. О полевого строении политического дискурса убедительно пишет Е. И. Шейгал [Шейгал 2000]. Именно широкое понимание политического дискурса позволило выделить дискурс политиков и дискурс реагирования [Плотникова 2005].

В дискурсе политиков декларативность как свойство текстов является обыденностью.

В предвыборной программе ЛДПР (МЫ ЗА РУССКИХ! 111 ПОЗИЦИЙ ЛДПР) утверждается: *Только ЛДПР по-настоящему знает, что такое русский вопрос. Мы — первые и единственные — подняли голос в защиту русских, изгоняемых из Казахстана, Средней Азии, Прибалтики и с Кавказа (миллионы русских вынуждены были бе-*

жать оттуда, бросив всё свое имущество, дома предков!) еще тогда, когда не родились те, кто приходят сегодня на наши митинги.

На основании чего утверждается, что только ЛДПР знает, что такое «русский вопрос»? Проводились какие-либо исследования, социологические опросы?

Читаем далее: *Россия создана великим русским народом, который принес свободу и другим национальностям. Русский народ — государствообразующий. И без этого народа Россия умрет. <...> Если плохо будет русским, то будет плохо всем — и татарам, и украинцам, и башкирам, и евреям, и остальным народам нашей Родины. <...> Встанут с колен русские — будут процветать все этносы, потому что каждому народу России русские обязательно помогут, ибо они самый добрый народ, которому чужды нацизм и высокомерие.*

И опять возникает ряд вопросов: так ли безоговорочно утверждение, что русский народ принес свободу другим национальностям? И почему плохо будет всем, если русским будет плохо? На чем основано утверждение, что русские — самый добрый народ, которому чужды нацизм и высокомерие?

Но декларативностью грешат документы не только ЛДПР. Программа «Справедливой России» так же полна декларативных заявлений:

Стремление к справедливости прочно укрепилось в национальном самосознании россиян, в системе ценностей, передаваемых из поколения в поколение посредством культуры, традиций, исторической памяти.

Сильная, свободная, справедливая Россия — это гарантия нашего общего будущего, сохранения нашей национальной идентичности.

Главное в политике Партии — человек.

На официальном сайте этой партии читаем: *Не люди существуют для государства, а государство существует для людей, обеспечивая неукоснительное соблюдение их законных прав.*

Сильная, свободная, справедливая Россия — это гарантия нашего общего будущего, сохранения нашей национальной идентичности.

Языковое воплощение этих документов характерно для декларации: используются глаголы в форме настоящего времени в значении долженствования, отглагольные существительные (*соблюдение, сохранение*).

Предвыборная программа «Единой России» на выборах депутатов Государственной думы ФС РФ VII созыва начинается с декларативных заявлений: *УСПЕХ КАЖДОГО —*

УСПЕХ РОССИИ! Слышим людей — сможем сделать!

Цитаты из выступлений Путина и Медведева, предвещающие программу, также носят декларативный характер:

...Наша страна неоднократно доказывала, что способна осуществлять масштабные проекты. Такие успехи всегда рождали настоящий национальный подъем, умножали созидательные силы и творческий потенциал народа. Сегодня нас объединяет общее стремление построить динамичную, процветающую, благополучную страну, которую уважают в мире и которая открыта для равноправного и конструктивного диалога.

В. Путин

...Мы свою страну любим, верим в нее, верим в возможности нашего народа, в то, что мы сможем преодолеть любые трудности и сделать Россию сильной и успешной. Все это значит, что мы победим.

Д. Медведев

В программе КПРФ утверждается: *КПРФ выступает единственной политической организацией, последовательно отстаивающей права людей наемного труда и национально-государственные интересы.*

На эту «декларативную» особенность дискурса политиков обратила внимание и М. В. Гаврилова, анализируя программы российских политических партий XXI в. [Гаврилова 2011]. Но декларативность в исследуемой сфере характерна не только для XXI в.

Еще в годы советской власти широкое распространение в политическом дискурсе имели «лозунги и призывы Коммунистической партии Советского Союза», которые публиковались в газете «Правда» накануне ноябрьской и первомайской демонстраций. Само наименование этого документа носит избыточный характер, так как лозунг (от нем. *Lozung*) — это и есть призыв, выражающий в краткой форме руководящую идею, задачу, требование, т. е. слова «лозунги» и «призывы» синонимичны.

Если перед Великой Отечественной войной и во время нее лозунги позволили в краткой, лаконичной форме сформулировать цели и задачи государственной политики и мобилизовать граждан на выполнение этих задач: *Пролетарии всех стран, соединяйтесь! Отстоим завоевания Октября! Родина-мать зовёт! Ты записался добровольцем? Убей немца. Отомсти!* — то в послевоенное время наряду с призывами (*Пятилетку — за четыре года!*) появились лозунги, способствующие формированию патриотизма путем декларирования государственных ценностей: *Советское — значит от-*

личное. Спасибо Родине за наше счастливое детство! СССР — оплот мира! Партия — ум, честь и совесть нашей эпохи; Партия — наш рулевой! и Народ и партия — едины!

Эта традиция сохранилась и в современном политическом дискурсе. Так, 18,5 % призывов и лозунгов Центрального комитета КПРФ к 94-й годовщине революции носят декларативный характер, среди лозунгов и призывов этой же партии к 9 мая 25 % являются декларацией: *Красный флаг — знамя Победы! Победа отцов и дедов — это наша победа!*

Не только официальные политические документы содержат декларативные заявления, ими полны выступления политиков, особенно в период предвыборной агитации. Современные политологи, анализируя роль и место средств массовой информации в политическом процессе, все чаще указывают на процесс медиатизации политики [Грибовод 2015]. Среди функций социальных медиа называют, в частности, и продвижение политических идей [Павлютенкова 2012]. Как справедливо отмечает Л. Н. Синельникова, «политическая деятельность — это и информационная борьба за сознание тех социальных групп общества, которые при необходимости могут стать „группами поддержки“ — исполнителями необходимого политикам сценария» [Синельникова 2015: 49]. Так, в информационном бюллетене кандидата от ЛДПР Натальи Красовской ее передовая статья направлена на формирование имиджа ЛДПР как партии, стремящейся и готовой изменить жизнь людей к лучшему, за которую нужно голосовать. Но при этом статья полна декларативных заявлений, ничем не подкрепленных: *Кандидаты от партии Жириновского идут на выборы с твердым желанием изменить жизнь нашего региона. <...> У нас богатейшая в мире страна! Очевидно, что власти просто не в состоянии грамотно и честно распоряжаться этими богатствами. В результате обогащается небольшая кучка толстосумов, а простой народ остается с вечной дырой в кармане!*

В. Жириновский также декларативен: *Не должно государство с богатейшими природными ресурсами, высочайшей духовностью народа быть бедным и слабым, бить по головам своих граждан и пускать их по миру, унижаться и терпеть политическую наглость, откуда бы она ни исходила! Общество созрело для настоящих реформ государственного управления, для действительного строительства новой жизни. Пора перейти к самым решитель-*

ным действиям! (общественно-политический журнал ЛДПР «За русский народ». 2016. № 2).

Подобные заявления не сопровождаются никакой аргументацией, да это и не требуется политику, так как они созвучны тому, что думает обычный избиратель, далекий от анализа текстов. Политик демонстрирует солидарность с адресатом. Подтверждение мнений и ожиданий адресатов в декларативных заявлениях политиков оказывается средством манипуляции, под которой понимается использование особенностей языка и принципов его употребления с целью скрытого воздействия на адресата в нужном для говорящего направлении [Пирогова 2001: 210].

Заметим, что декларативность свойственна не только российским политикам, ею «грешат» многие мировые политики. Так, в своей речи Д. Трамп на съезде Республиканской партии 22 июля 2016 г. заявил: *Я пришел в политику для того, чтобы сильные мира больше не могли издеваться над теми, кто не способен себя защитить. Никто не знает систему лучше меня, и только я могу исправить ситуацию* [Выступление Трампа на съезде...].

Декларативность его выступления не осталась незамеченной его адресатами. Трамповое *„Только я могу исправить ситуацию“* обозначает отход Республиканской партии от республиканского конституционализма к **демагогическому цезаризму**, — пишет в «Твиттере» Билл Кристал, редактор издания Weekly Standard. *„Ни идеологии, ни принципов — только я, я, я“*, — пишет о речи Трампа эксперт-международник Стив Сайдеман [Выступление Трампа на съезде...].

Возникает вопрос о причинах и целях декларативности политического дискурса. Намеренно или ненамеренно используются декларативные заявления?

Представляется, что декларативность в политическом дискурсе может выполнять несколько функций. Выделяются следующие функции:

- презентация своих групповых ценностей;
- противопоставление своих ценностей ценностям других групп;
- демонстрация уверенности в себе, в правоте своего дела.

Если две первые функции — это функции исходного жанра декларации, то последняя характерна текстам разных жанров в политическом дискурсе, основная цель которых — манипуляция. На манипулятивные черты политического дискурса все чаще обращают внимание исследователи (см.,

в частности: [Шейгал; Гронская 2001; Васильев 2013; Трифонов 2014]). Одним из способов манипуляции является подмена разных речевых жанров декларативным заявлением:

– декларативное заявление, лозунг вместо речевого жанра «обещание»:

- *Человеку труда — достойную жизнь!*
- *Тарифы на «коммуналку» — под жёсткий контроль народа!*
- *Пенсионерам — уважение и достойную старость!*

– декларативное заявление, лозунг вместо речевого жанра «обвинения»: *...страной правил и правят некомпетентные люди, не способные просчитать ситуацию и вовремя принять верное решение.*

В российской Конституции нет ни слова о русских! Это разве не унижение, не угнетение по национальному признаку? (В. В. Жириновский, манифест 2012 г. «Давай поговорим, товарищ!»)

При этом обещания утрачивают главную жанрообразующую черту — исполнительский характер, так как дающий обещание должен взять на себя добровольное обязательство сделать что-либо. Лозунг же не связан конкретно с персоной обещающего, следовательно, не предполагает ответственности говорящего за исполнение. Кроме того, лозунги не ограничивают декларируемое заявление никакими временными рамками. Не случайно появился опубликованный в «Аргументах и фактах» анекдот: *Умный политик — не тот, кто обещает и выполняет, а тот, кто обещает, но не называет сроков* (Аргументы и факты. 2011. № 34).

Жанр обвинения предполагает признание виновным **кого-либо** в чем-либо. Декларативное заявление утрачивает важный компонент обвинения, а именно отсутствует указание на виновного. Ответа на вопрос *Кто виноват?* нет, спрашивать не с кого. Тем не менее такое эмоциональное высказывание имеет воздействующую силу на адресата. Неслучайно Ф. Н. Ильясов в своей книге целую главу посвящает лозунгам и призывам, отмечая их огромную роль в воздействии на избирателей [Ильясов 2000].

Но если декларативность политических документов и выступлений политиков предполагается и допускается самим жанром, то оправданность декларативности в дискурсе реагирования подвергается многими думающими адресатами сомнению. В современном мире многие тексты СМИ на политические и околополитические темы нередко оказываются в высшей степени декларативными. В газете «ЛДПР. Новосибирская об-

ласть» (2016. № 6) передовая статья начинается с декларативного заявления: *Все больше чиновники залазят в карман к простым гражданам, лишая их зарплат и пенсий, душат штрафами по поводу и без, разоряют огромными ставками по налогообложению! И все им мало — теперь надумали загнать людей в нормы потребления электроэнергии и других коммунальных услуг, чтобы, как в средневековье, жили при лучине и сэкономили каждую каплю воды!*

Как видим, все признаки декларативности налицо: сообщается информация, претендующая на высокую степень важности и общественной значимости, «торжественность» достигается за счет эмоциональной окрашенности; все предложения восклицательные. Автор передовой статьи явно пытается противопоставить свои ценности, совпадающие с ценностями потенциальных избирателей, ценностям чиновников. При этом явно выстраивается оппозиция *свой — чужой*. Но ни один заявляемый тезис не подкрепляется какими-либо аргументами или доказательствами. Нет ни одного факта, нет ни одной фамилии, нет никаких цифр и пр.

Так, на сайте ЛДПР в новостях читаем: *Лидер ЛДПР отметил, что попытка военного переворота в Турции пришла как нельзя кстати президенту этой страны Реджепу Эрдогану. Он получил карт-бланш на проведение зачистки в армии, которую уже давно планировал.*

Откуда лидер ЛДПР знает о планах Эрдогана по зачистке в армии? Почему попытка переворота выгодна президенту Турции? На основании чего Жириновский пришел к такому умозаключению? Все эти вопросы остаются без ответа. Но такое уверенное заявление, вероятно, должно вызвать у читателей доверие, предположение, что политику известно что-то такое, о чем не знают «простые» граждане. Данное декларативное заявление выполняет функцию демонстрации уверенности в том, что политик всеведущ, компетентен, оно нацелено на повышение статуса политика. Такая коммуникативная стратегия часто используется в политическом дискурсе [Семкин 2014].

Именно частотность подобных текстов и позволила Т. Ф. Ефремовой в толкование прилагательного *декларативный* ввести второе значение: *не подкрепленный доказательствами*. А портал *znanie.info* декларативность определяет как *стиль оформления устных или письменных текстов, при котором заявленные цели и ценности не соответствуют реальным действиям и реальным возможностям автора этих текстов*. Именно такое понимание деклара-

тивности нашло отражение и в словаре синонимов: **декларативность — показуха, торжественность**.

Однако подобные декларативные тексты зачастую достигают своей манипулятивной цели. Для доказательства этого тезиса воспользуемся бесплатной версией компьютерной программы «ВААП-мини», которая позволяет оценивать неосознаваемое эмоциональное воздействие фонетической структуры текстов и отдельных слов на подсознание человека. По комментариям авторов проекта, «в методике проекта ВААП воздействие текстом на человека оценивается в числовых сравнимых величинах по шкалам, образованным полярными по смыслу характеристиками. Впечатление о конкретном тексте формируется путем соотнесения его с положением на шкалах. Эти шкалы образуют интервалы между полярными по смыслу оценками, например такими: хороший — плохой, красивый — отталкивающий, безопасный — страшный, округлый — угловатый, грубый — нежный, сильный — слабый и др. <...> Всем звукам языка по этим шкалам сопоставлены оценки. Специальные формулы позволяют на основе этих оценок поставить оценки отдельным словам и целым текстам. Эти оценки не осознаются людьми, но особым образом поставленные эксперименты показывают, что воздействие на подсознание имеет место и что оно довольно сильное» [Флогистон]. По данным этой программы, оценивающей эмоциональное воздействие текста по фоносемантическим характеристикам, текст листовки «Единой России»: *Ни один чиновник не имеет права получать свою миллионную зарплату, ни один бордюр в Москве не может меняться с обычного на мраморный, ни один мэр не должен усаживать свой зад в мерседес, пока умирают старики и дети, оставшиеся без шансов на спасение из-за оптимизации!* — «производит впечатление светлого, нежного».

В научной литературе давно признано, что массмедиа «оказывают жесткое влияние на характер общественного сознания, на характер его доминантных интенций и особенности его содержательных форм» [Полонский 2012]. Как пишет в коллективной монографии Е. В. Лукашевич, «медиадискурс не только отражает действительность, но и проектирует, формирует ее, оказывая определенное влияние на характер общественного сознания целевой аудитории, на характер ее доминантных интенций и содержательных форм посредством трансляции смыслов, ценностей, образов, оценок, идеологием и др.» [Грани... 2016]. СМИ спо-

собны не только передавать информацию, но и видоизменять ее, а зачастую и искажать и тем самым оказывать серьезное психологическое воздействие на аудиторию в ценностно-смысловой сфере личности, трансформировать ее мотивы, установки, ценностные ориентации и потребности, а также формировать стереотипы, как указывают многие исследователи [Леонтьев 1997; Землянова 2002]. Декларативность текстов современных СМИ и является одним из приемов манипуляции, формирования стереотипов, которые позволяют принимать сообщаемую информацию без какой-либо рефлексии и сомнений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Выступление Трампа на съезде Республиканской партии — пример эгоцентризма // Europa.com. 2016. 23 июля. URL: <http://euroua.com/world/usa/8021-vystuplenie-trampa-na-s-ezde-respublikanskoj-partii-primer-egotsentrizma>.
2. Дейк, ван Т. А. Язык. Познание. Коммуникация : пер. с англ. / сост. В. В. Петрова ; под ред. В. И. Герасимова ; вступ. ст. Ю. Н. Караулова и В. В. Петрова. — М. : Прогресс, 1989.
3. Гаврилова М. В. Анализ программ российских политических партий начала XX и XXI веков (лингвистический аспект). — СПб., 2011.
4. Грани журналистского образования: миссия и мастерство : моногр. / под ред. Т. А. Семилет, И. В. Фотиевой. — Барнаул : ИП Колмогоров И. А., 2016. 157 с.
5. Грибовод Е. Г. Мобильность как атрибут медиатизации политики // Дискурс Пи. 2015. № 2 (19). С. 75—77.
6. Гронская Н. Э. Базовые стратегии языкового манипулирования // Актуальные проблемы американистики : материалы VI науч. междунар. семинара. — Н. Новгород : ФМО ННГУ, 2001. С. 337 — 342.

T. I. Steksova
Novosibirsk, Russia

DECLARATIVITY IN POLITICAL DISCOURSE

ABSTRACT. *The paper discusses declarativity in political discourse. There are two types of political discourse: politicians' discourse and the discourse of reaction. Declaration is an institutional genre of the politicians' discourse, which performs three functions: presentation of the group values; opposition of one's own values to the values of the others; display of self-assurance and self-righteousness. Apart from being the genre of politicians' discourse, declarativity is a feature of the texts belonging to the other genres, especially those used in election campaign. The functions of declaration in this case are wider: it is used with the purpose of manipulation. Declaration as a genre in discourse of reaction is not found, but many texts acquire declarativity because of the use of certain language means. The peculiar feature of declarative texts in the discourse of reaction is the absence of evidence and argumentation, which leads to the appearance of the new meaning of the word "declarative" – "not supported by evidence; the style of oral and written texts, in which the goals do not coincide with the real actions and abilities of the text author". This meaning of declarativity is fixed in the dictionary of synonyms, where it is defined as "showing off, solemnity".*

KEYWORDS: *political discourse; politicians' discourse; discourse of reaction; declaration; declarativity; manipulation.*

ABOUT THE AUTHOR: *Steksova Tatiana Ivanovna, Professor, Doctor of Philology, Professor of the Department of Modern Russian Language, Institute of Philology, Mass Information and Psychology, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia.*

REFERENCES

1. Vystuplenie Trampa na s"ezde Respublikanskoj partii — primer egotsentrizma // Europa.com. 2016. 23 iyul. URL: <http://euroua.com/world/usa/8021-vystuplenie-trampa-na-s-ezde-respublikanskoj-partii-primer-egotsentrizma>.
2. Deyk, van T. A. Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya : per. s angl. / sost. V. V. Petrova ; pod red. V. I. Gerasimova ; vst. st. Yu. N. Karaulova i V. V. Petrova. — M. : Progress, 1989.
3. Gavrilova M. V. Analiz program rossiyskikh politicheskikh partiy nachala KhKh i KhKhI vekov (lingvisticheskij aspekt). — SPb., 2011.
4. Grani zhurnalistskogo obrazovaniya: missiya i masterstvo : monogr. / pod red. T. A. Semilet, I. V. Fotievoy. — Barnaul : IP Kolmogorov I. A., 2016. 157 s.
5. Gribovod E. G. Mobil'nost' kak atribut mediatsii politiki // Diskurs Pi. 2015. № 2 (19). S. 75—77.

7. Землянова Л. М. Медиатизация культуры и компаративизм в современной коммуникативистике // Вестн. Москов. ун-та. Сер. 10, Журналистика. 2002. № 5.
8. Ильясов Ф. Н. Политический маркетинг. Искусство и наука побеждать на выборах. — М., 2000.
9. Леонтьев А. А. Психолингвистическая проблематика массовой коммуникации. — М., 1997.
10. Павлютенкова М. Ю. Политические коммуникации в социальных медиа // Политическая коммуникативистика: теория, методология и практика. — М. : РАПН : РОССПЭН, 2012. С. 295—306.
11. Пирогова Ю. К. ИмPLICITная информация как средство коммуникативного воздействия и манипулирования // Проблемы прикладной лингвистики. — М. : Просвещение, 2001. С. 209—227.
12. Плотникова С. Н. Политик как конструктор дискурса реагирования // Политический дискурс в России : материалы постоянно действующего семинара / под ред. В. Н. Базылева, В. Г. Красильниковой. — М., 2005. Вып. 8.
13. Полонский А. Медиадискурс — концепт: опыт проблемного осмысления // Современный дискурс-анализ : электр. журн. 2012. Вып. 6. URL: <http://discourseanalysis.org/ada6.pdf>.
14. Семкин М. А. Коммуникативные стратегии и речевые тактики конфронтационных электоральных риторик // Политическая лингвистика. 2014. № 1 (47). С. 186—190.
15. Синельникова Л. Н. Триада: законы власти — сценарии PR — политический дискурс // Дискурс Пи. 2015. № 1 (18). С. 48—55.
16. Трифонов Р. А. Вербальные элементы политического дискурса как объекты метаязыковой рефлексии в современной украинской публицистике // Политическая лингвистика. 2014. № 1 (47). С. 200—204.
17. Флогистон: психология из первых рук : сайт. URL: <http://www.flogiston.ru>.
18. Шейгал Е. Власть как концепт и категория дискурса // Гумер — политология : электр. б-ка. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Index_Polit.php.
19. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. — М. ; Волгоград : Перемена, 2000. 367 с.

prikladnoy lingvistiki. — М. : Prosveshchenie, 2001. S. 209—227.

12. Plotnikova S. N. Politik kak konstruktor diskursa reagirovaniya // Politicheskiy diskurs v Rossii : materialy postoyanno deystvuyushchego seminaru / pod red. V. N. Bazyleva, V. G. Krasil'nikovoy. — М., 2005. Vyp. 8.

13. Polonskiy A. Mediadiskurs — kontsept: opyt problemnogo osmysleniya // Sovremennyy diskurs-analiz : elektr. zhurn. 2012. Vyp. 6. URL: <http://discourseanalysis.org/ada6.pdf>.

14. Semkin M. A. Kommunikativnye strategii i rechevye taktiki konfrontatsionnykh elektoral'nykh ritorik // Politicheskaya lingvistika. 2014. № 1 (47). S. 186—190.

15. Sinel'nikova L. N. Triada: zakony vlasti — stsenarii PR — politicheskiy diskurs // Diskurs Pi. 2015. № 1 (18). S. 48—55.

16. Trifonov R. A. Verbal'nye elementy politicheskogo diskursa kak ob"ekty metazykovoy refleksii v sovremennoy ukrainskoy publitsistike // Politicheskaya lingvistika. 2014. № 1 (47). S. 200—204.

17. Flogiston: psikhologiya iz pervykh ruk : sayt. URL: <http://www.flogiston.ru>.

18. Sheygal E. Vlast' kak kontsept i kategoriya diskursa // Gumer — politologiya : elektr. b-ka. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Index_Polit.php.

19. Sheygal E. I. Semiotika politicheskogo diskursa. — М. ; Volgograd : Peremena, 2000. 367 s.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.

РАЗДЕЛ 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

УДК 808.5: 811.161.1
ББК Ш141.12-55

ГСНТИ 16.21.07; 16.21.27

Код ВАК 10.02.19

Л. А. Гольшкينا
Новосибирск, Россия

СТРУКТУРЫ АРГУМЕНТАЦИИ В РИТУАЛЬНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕЧИ

АННОТАЦИЯ. Рассматривается феномен ритуальной политической речи. Ритуальная (протоколно-этикетная, или, в античной терминологии, эпидейктическая) речь является одним из инструментов вербальной манифестации принятых социумом программ поведения. Цель протоколно-этикетной речи — соблюдение традиций общения в той или иной официальной ситуации, выполнение соответствующих требований ритуала и этикета. На материале выступлений В. В. Путина ритуальные речи анализируются с точки зрения структурных типов аргументации: последовательное рассуждение, или подчинительная аргументация (один аргумент, или довод, поддерживает другой), связанное рассуждение, или сочинительная аргументация (каждый из приводимых доводов непосредственно соотносится с исходной точкой зрения, все аргументы взаимозависимы и только вместе эффективно поддерживают эту точку зрения), конвергентное рассуждение, или множественная аргументация (каждый аргумент самостоятельно доказывает точку зрения). Выявлено доминирование аргументации сочинительного типа. Сочинительная аргументация заставляет слушателя обратить внимание на взаимосвязь и взаимодополняемость содержательных компонентов, что в свою очередь в определенной степени препятствует десемантизации ритуальной политической речи. Актуализация всех трех типов структур аргументации в жанре официального президентского поздравления/обращения свидетельствует об общей потребности ритуального политического дискурса в информативной составляющей, которая наделяет ритуал смыслом, способствует его трансформации в коммуникативное событие и позволяет субъекту речи реализовывать функции формирования и поддержания традиций власти.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: ритуальная речь; политическая коммуникация; структуры аргументации; фатика; информативность; рассуждение; президентское поздравление.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Гольшкينا Людмила Александровна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры филологии, декан факультета повышения квалификации, Новосибирский государственный технический университет; 630073, Россия, г. Новосибирск, пр-т К. Маркса, 20; e-mail: ludmila200273@mail.ru.

Всякое общество, заботясь о своей целостности и сохранении традиций, вырабатывает путем стереотипизации опыта систему кодов, или программ, поведения, предписываемых его членам [Байбурин 1993: 5]. Одним из инструментов вербальной манифестации принятых социумом программ поведения становится ритуальная (протоколно-этикетная, или, в античной терминологии, эпидейктическая) речь. Согласно Аристотелю, такая речь является хвалебной по торжественному случаю, относится к плану настоящего времени, использует возвышенный стиль, прибегая к усилению и преувеличению [Аристотель 1978]. Цель протоколно-этикетной речи — соблюдение традиций общения в той или иной официальной ситуации, выполнение соответствующих требований ритуала и этикета [Стернин 2003: 190], направленных на передачу культурного опыта, на формирование общей системы ценностей и, соответственно, общей картины мира. По словам Е. Н. Зарецкой, «ритуальная речь произносится для того, чтобы не выйти из социума, — и в этом ее целевая установка: „Я помню правила игры и по ним играю“» [Зарецкая 1998: 48].

Известно, что в ритуальной речи наблюдается тенденция к замещению информативности фатикой, к подчинению вербальных составляющих форме сообщения [Гудков 1998], что, на первый взгляд, не предполагает аргументации как текстообразующего

и смыслоформирующего процесса. Действительно, исследовательский интерес к анализу аргументации традиционно ориентирован на убеждающую и информационную речь.

Другая проблема изучения аргументации в ритуальной речи заключается в том, что тексты ритуальной коммуникации в силу их частого повторения в типизированных коммуникативных ситуациях подвержены десемантизации [Зарецкая 1998: 48—49], что ставит под сомнение актуальность их содержательно-смыслового потенциала, снижает значимость их фактуальной информации.

Что касается актуализации ритуальной речи в политической практике, то здесь, по мнению А. П. Чудинова, ритуальность и информативность выступают в качестве антонимического основания политической коммуникации, ее типового свойства [Чудинов 2009: 42—43]. Соответственно, ритуальная политическая речь отнюдь не игнорирует информативную составляющую и допускает использование аргументации.

Кроме того, отметим, что в ритуальных жанрах политической коммуникации «доминирует фатика интеграции» [Шейгал 2004: 246], которая определяет диалогический характер отношений коммуникантов и позволяет ритуальному политическому дискурсу выступать средством формирования и поддержания традиций власти [Олянич 2007: 46]. Указанная функция не может состояться без аргументации, которая в силу своей воз-

действующей природы способна создавать массовую интеракцию и поддерживать в национальном сознании существование необходимой системы ценностно-идеологических доминант.

Любое исследование аргументации выявляет в той или иной степени, каким образом проponent презентует и защищает свою позицию. При этом оценка качества аргументации невозможна без обращения к анализу структур аргументации, который диктует необходимость «не только четкого осознания отдельных аргументов, но также и понимания связи между этими аргументами. Если не ясно, является тот или иной аргумент независимым от других аргументов, которые входят в состав сложного аргумента (сложной аргументации), то невозможно установить, какой вред принесет негативная оценка подобного довода» [Снук Хенкеманс 2006: 123]. Иными словами, осмысление типа связи сложной аргументации позволяет прогнозировать оценку аргументов реципиентами, шире — эффективность речевого воздействия на участников коммуникативного акта.

Выделяют **три основных типа структур аргументации**: последовательное рассуждение, или подчинительную аргументацию, связанное рассуждение, или сочинительную аргументацию, конвергентное рассуждение, или множественную аргументацию [Там же].

Структуры аргументации, с нашей точки зрения, целесообразно описывать в рамках такого компонента риторического моделирования текста, как микротема. Под микротемой понимают законченный по смыслу и структурно фрагмент речи, состоящий из отдельного суждения-подтезиса, полученного в результате деления тезиса, и аргументов в его защиту [Анисимова, Гимпельсон 2004: 159]. Микротема является структурно-композиционной сверхфразовой единицей текста и основывается на принципе монотематичности, что позволяет как вычленять из структуры целого текста автосемантические составляющие, так и обозначать сами границы аргументативной цепи.

Рассмотрим тенденции актуализации структур аргументации в текстах поздравительных выступлений / обращений Президента РФ В. В. Путина, выступающих жанровым ядром ритуального политического дискурса и, соответственно, в полной мере воплощающих дуализм политической коммуникации, базирующийся на антиномии ритуального и информативного.

Подчинительная аргументация представляет собой последовательное рассуждение, где один аргумент, или довод, под-

держивает другой [Снук Хенкеманс 2006: 123].

В уходящем 2015 году мы отмечали 70-летие Победы в Великой Отечественной войне (суждение-подтезис). Наша история, опыт отцов и дедов, их единство в трудные времена и сила духа являются для нас великим примером (аргумент 1). Они помогли... нам достойно отвечать на современные вызовы (аргумент 2) [Путин 20156].

В приведенной микротеме подчинительный характер связи между аргументами обеспечивается местоимением 3-го лица множественного числа *они*, выполняющим индексальную анафорическую функцию.

Этот праздник (Международный женский день. — Л. Г.) в России отмечают с особой теплотой (суждение-подтезис). <...> Он наполнен подарками и цветами, самыми добрыми чувствами к нашим мамам, женам, дочерям, коллегам по работе — ко всем близким нашему сердцу женщинам (аргумент 1). Ведь женщины дают нам жизнь, согревают своей любовью, поддержкой и заботой (аргумент 2) [Путин 20166].

Здесь подчинительная связь создается союзом *ведь*, устанавливающим причинно-следственные отношения между аргументами. При этом рассмотренный случай подчинительной аргументации, или последовательного рассуждения, коррелирует с линейной тематической прогрессией как принципом построения текста.

Сочинительная аргументация представляет собой связанное рассуждение, где каждый из приводимых доводов непосредственно соотносится с исходной точкой зрения, все аргументы взаимозависимы и только вместе эффективно поддерживают эту точку зрения [Снук Хенкеманс 2006: 123].

Взаимозависимость аргументов часто эксплицируется путем актуализации гипертемы, устанавливающей гипо-гиперонимические отношения между суждением-подтезисом и аргументами:

За последнее время мы сделали ряд серьезных шагов по укреплению армии и флота (суждение-подтезис). С каждым годом увеличиваются возможности Воздушно-космических сил и Военно-морского флота, потенциал стратегического сдерживания, усилены группировки на ключевых стратегических направлениях (аргумент 1). Повышается уровень оперативной и боевой подготовки войск, внедряются самые современные средства связи и управления (аргумент 2). Части и соединения планомерно оснащаются новейшими образцами вооружения и военной техники, а российский ОПК ориентирован на создание и про-

изводство современных систем оружия (аргумент 3) [Путин 2016а].

В рассмотренном примере гипертема «ряд серьезных шагов» раскрывается путем представления частных описаний реализованной программы модернизации российской армии в аргументах, синтаксически оформленных в виде ряда предложений-высказываний. При этом воздействующий эффект аргументов здесь усиливается синтаксическим параллелизмом и инверсией.

Отметим и случаи построения сочинительной аргументации в рамках единой синтаксической структуры, которую мы квалифицируем как простое предложение с однородными сказуемыми:

Сегодня российские ученые, инженеры, космонавты продолжают славные традиции своих предшественников (суждение-подтезис): ведут разработку передовых космических и ракетных технологий (аргумент 1), создают новые аппараты (аргумент 2), реализуют перспективные беспилотные и пилотируемые программы, в том числе совместно с зарубежными партнерами обеспечивают эффективную работу Международной космической станции (аргумент 3) [Путин 2016в].

В приведенном примере доказательством однородности сказуемых выступают следующие критерии: отнесенность к одному субъекту; одноформленность; выполнение одинаковой синтаксической функции; наличие обобщающих слов (**продолжают славные традиции**).

Одним из способов построения сочинительной аргументации в текстах поздравительных выступлений В. Путина выступает полная индукция — такой вид умозаключения, в результате которого делается общий вывод обо всем классе представляемых предметов на основании знания обо всех без исключения предметах этого класса:

Мы приветствуем сегодня всех наших зарубежных гостей (речевой акт приветствия) и выражаем особую признательность представителям стран, которые сражались с нацизмом и японским милитаризмом (речевой акт благодарности).

Вместе с российскими военными по Красной площади пройдут парадные расчеты еще десяти государств. Это представители Азербайджана, Армении, Беларуси, Киргизии, Казахстана, Таджикистана. Их деды и прадеды были плечом к плечу — и на фронте, и в тылу (аргумент 1).

Это посланцы Китая, который, как и Советский Союз, потерял в этой войне многие и многие миллионы людей. <...> (аргумент 2).

Отважно бились с нацистами и воины Индии (аргумент 3).

Твердое, непримиримое сопротивление фашистам оказали сербы (аргумент 4).

На протяжении всей войны нашу страну активно поддерживала Монголия (аргумент 5).

И сейчас в едином парадном строю — уже внуки и правнуки военного поколения (аргумент 6). День Победы — наш общий праздник. Ведь Великая Отечественная была битвой за будущее всего человечества (вывод) [Путин 2015а].

В приведенной микротеме из торжественной речи Президента РФ на юбилейном Параде Победы 9 мая 2015 г. нет вербализованного подтезиса-суждения. Его мы легко реконструируем с опорой на речевые акты приветствия и благодарности. При этом говорящий, учитывая специфику коммуникативной ситуации и соответствующие ей этикетно-ритуальные и нравственно-этические требования, в качестве аргументов отмечает заслуги всех без исключения зарубежных участников парада и делает суммирующее умозаключение об общности интернациональных интересов в борьбе за победу. Связность рассмотренной микротемы зиждется на актуализации гипертемы «все участники мировой борьбы с фашизмом».

Сделанные наблюдения подтверждают мысль исследователей о том, что при сочинительной сложной аргументации все составляющие необходимы для защиты точки зрения [Eemeren van, Grootendorst 1992: 77].

Множественная аргументация представляет собой конвергентное рассуждение, где каждый аргумент самостоятельно (до известной степени) доказывает точку зрения [Снук Хенкеманс 2006: 123—124]. Функциональная самодостаточность единичной аргументации в ходе обоснования точки зрения не исключает использования других аргументов, что делает доказательство более весомым.

...Этот праздник (День защитника Отечества. — Л. Г.) олицетворяет славную многовековую историю армии России (суждение-подтезис). Во все времена она служила твердым оплотом государства, гарантом стабильности, суверенитета и территориальной целостности страны, символизировала ее национальное достоинство и мощь (аргумент 1).

Наш народ всегда гордился своими защитниками, их воинским искусством, доблестью, блестящими победами. Герои Полтавы, Бородина, Сталинграда и многих-многих легендарных битв и сражений стояли насмерть за родную землю и не раз в истории

своим упорством, мужеством, силой духа и героизмом решали судьбу России (аргумент 2).

Не щадя своей жизни, наши офицеры и солдаты помогали отстоять свободу и независимость других народов, выполняли важные миротворческие миссии, участвовали в ликвидации последствий стихийных бедствий, спасали людей в чрезвычайных ситуациях (аргумент 3) [Путин 2016а].

В анализируемой микротеме для обоснования славной истории армии России в принципе достаточно любого из приведенных аргументов. Однако очевидно, что генерализованная семантика высказывания-аргумента 1 конкретизируется высказыванием-аргументом 2, содержащим номинации исторических прецедентов, что повышает информативную насыщенность и, соответственно, персуазивность текста.

Самостоятельность аргументов может обеспечиваться развертыванием так называемой сквозной темы, заявленной в суждении-подтезисе и создающей семантико-синтаксическую целостность микротемы:

Наши отцы и деды пережили невыносимые страдания, лишения и утраты (суждение-подтезис). Работали на износ, на пределе человеческих сил (аргумент 1). *Воевали не щадя своей жизни* (аргумент 2). *Показали пример благородства и подлинного патриотизма* (аргумент 3) [Путин 2015а].

Здесь пропозициональное суждение-подтезис задает сквозную тему «наши отцы и деды», которая далее эксплицируется в приводимых аргументах, оформленных простыми предложениями, в большинстве случаев осложненными однородными членами. Воздействующий эффект аргументов усилен синтаксическим параллелизмом и использованием эллиптических конструкций, в которых опущение субъекта (подлежащего) позволяет сконцентрировать внимание на рематическом компоненте — предикате (сказуемом), реализующем как имперфективно-процессуальную функцию (*работали, воевали*), так и функцию динамического перфектива (*пережили, показали*). При этом для обоснования трагической судьбы «наших отцов и дедов» достаточно любого из приведенных аргументов.

Рассмотренные случаи подтверждают мнение исследователей о том, что при множественной аргументации каждая из составляющих ее одиночных аргументаций представляет собой альтернативную защиту одной и той же точки зрения [Eemeren van, Grootendorst 1992: 73].

Как отмечает Ф. С. Хенкеманс, в практике коммуникации встречаются случаи объединения всех трех типов аргументативных

структур, и тогда мы имеем дело со сложной аргументацией [Снук Хенкеманс 2006: 124].

Несмотря на выраженный ритуализованный характер анализируемых текстов, удалось обнаружить и случай сложной комплексной аргументации:

Гитлеровская авантюра стала ужасным уроком для всего мирового сообщества (суждение-подтезис). Тогда, в 30-е годы прошлого века, просвещенная Европа не сразу увидела смертоносную угрозу в идеологии нацизма (аргумент 1).

И сейчас, спустя 70 лет, история вновь взывает к нашему разуму и к нашей бдительности (аргумент 2). *...Идеи расового превосходства и исключительности привели к самой кровопролитной войне* (аргумент 3). *В нее было вовлечено почти 80 процентов населения Земли* (аргумент 4). *Порабощены, оккупированы многие государства Европы* (аргумент 5) [Путин 2015а].

Здесь связь между аргументом 1 и аргументом 2 имеет сочинительный характер: для реализации предупредительной интенции говорящего они значимы только в тандеме. Далее аргумент 2, тесно связанный с аргументом 1, и аргумент 3 формируют рассуждение конвергентного типа. И наконец, аргумент 3 инициирует последовательное рассуждение, где каждый последующий аргумент поддерживает предыдущий.

Отметим, что в приведенной микротеме появляется фактуальная историческая и статистическая информация. Степень поддержки таких аргументов выше, чем у аргументов, имеющих сугубо эмпирический характер.

Сделанные наблюдения над спецификой структур аргументации в ритуальной политической речи, в частности в президентском поздравлении, свидетельствуют о том, что выявленные аргументы оказывают речевое воздействие «не имплицитно, а явно — через пропозициональные компоненты высказываний при одновременной апелляции к социально и культурно обусловленным структурам ценностей адресата» [Баранов 2007: 250]. Именно такой способ воздействия, по мнению А. Н. Баранова, характерен для российского политического дискурса [Там же: 250—251].

В исследованном массиве текстов представлены все три типа структур аргументации — подчинительная, сочинительная и множественная. Однако удалось выявить доминирование аргументации сочинительного типа. Связанные рассуждения позволяют усилить позицию говорящего путем выдвижения единичных аргументаций, каждая из которых оказывается значимой для дости-

жения общей персуазивной цели лишь в системе. Необходимость объединения аргументов и установления смысловых связей между ними обусловлена в значительной степени генерализованным характером семантики большинства высказываний, входящих в такую аргументативную структуру.

Мы считаем, что сочинительная аргументация заставляет слушателя обратить внимание на взаимосвязь и взаимодополняемость содержательных компонентов, что, в свою очередь, в определенной степени препятствует десемантизации ритуальной политической речи. Реципиент в ситуации массивированного предъявления аргументов, обладающих разной степенью поддержки эксплицируемой точки зрения, вынужден активизировать способность к установлению иерархических отношений между сущностями на основании представлений о ценностных приоритетах.

Актуализация всех трех типов структур аргументации в таком, на первый взгляд, фатическом жанре, как официальное президентское поздравление / обращение, есть свидетельство общей потребности ритуального политического дискурса в информативной составляющей, которая наделяет ритуал смыслом, способствует его трансформации в коммуникативное событие и позволяет субъекту речи реализовывать функции формирования и поддержания традиций власти.

ИСТОЧНИКИ

1. Путин В. В. Выступление Президента России на параде, посвященном 70-летию Победы в Великой Отечественной

L. A. Golyshkina
Novosibirsk, Russia

ARGUMENTATION STRUCTURES IN THE RITUAL POLITICAL SPEECH

ABSTRACT. *The paper studies the phenomenon of ritual political speech. Ritual (ceremonial or epideictic) speech is one of the tools of verbal manifestation of the standards of behavior accepted in the society. The aim of ceremonial speech is preservation of the traditions of communication in certain official situation as well as conformity to ritual and etiquette requirements. The analysis of ritual speeches is based on the study of V. V. Putin's speeches from the point of view of the structural types of argumentation. Among the main types of argumentation we find consistent discussion or subordinating argumentation (one argument supports the other), coherent discussion or coordinating argumentation (each of the arguments correlates with the original point of view, all the arguments are interconnected and they act together as a whole to support the main idea), and convergent discussion or multiple argumentation (each argument is an independent proof of the expressed idea). The research revealed the dominance of coordinating argumentation. It makes the listener pay attention to interconnection and complementarity of the components, which in its turn prevents desemantization of the ritual political speech. The use of all the three structures of argumentation in the genre of official presidential congratulation/address proves the importance of informative component in political discourse, which gives the ritual its meaning, promotes its transformation into communicative event and allows the addresser to promote the functions of formation and support of the traditions of power.*

KEYWORDS: *ritual speech; political communication; argument structures; phatics; information content; reasoning; President's greeting.*

ABOUT THE AUTHOR: *Golyshkina Lyudmila Aleksandrovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Philology, Dean of Advanced Training Faculty, Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia.*

REFERENCES

1. Putin V. V. Vystuplenie Prezidenta Rossii na parade, posvyashchennom 70-letiyu Pobedy v Velikoy Otechestvennoy voyne. 2015a. 9 maya. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/49438>.
2. Putin V. V. Novogodnee obrashchenie k grazhdanam Rossii. 2015b. 31 dek. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/51128>.
3. Putin V. V. Pozdravlenie voennosluzhashchim, grazhdan-

skomu personalu Vooruzhennykh Sil i veteranam s Dnem zashchitnika Otechestva. 2016a. 20 fevr. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/51372>.

4. Putin V. V. Pozdravlenie rossiyskim zhenshchinam s 8 Marta. 2016b. 8 marta. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/51452>.

5. Putin V. V. Vystuplenie po sluchayu Dnya kosmonavтики. 2016v. 12 aprelya. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/51712>.

ЛИТЕРАТУРА

6. Анисимова Т. В., Гимпельсон Е. Г. Современная деловая риторика. — М.; Воронеж, 2004. 432 с.
7. Аристотель. Риторика // Античные риторика. — М., 1978. С. 15—164.
8. Байбури А. К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. — СПб.: Наука, 1993. 240 с.
9. Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста. — М.: Флинта: Наука, 2007. 592 с.
10. Гудков Д. Б. Ритуалы и прецеденты в политическом дискурсе // Политический дискурс в России — 2: материалы раб. совещания. — М.: Диалог-МГУ, 1998. С. 30—36.
11. Зарецкая Е. Н. Риторика: теория и практика речевой коммуникации. — М.: Дело, 1998. 480 с.
12. Олянич А. В. Презентационная теория дискурса. — М.: Гнозис, 2007. 407 с.
13. Снук Хенкеманс Ф. Структуры аргументации // Важнейшие концепции теории аргументации. — СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2006. С. 123—161.
14. Стернин И. А. Практическая риторика. — М.: Академия, 2003. 272 с.
15. Чудинов А. П. Современная политическая лингвистика: учеб. пособие. — Екатеринбург, 2009. 292 с.
16. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. — М.: Гнозис, 2004. 326 с.
17. Eemeren F. H. van, Grootendorst R. Argumentation, Communication, and Fallacies: A Pragma-Dialectical Perspective. — Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum, 1992.

6. Anisimova T. V., Gimpel'son E. G. *Sovremennaya delovaya ritorika*. — M. ; Voronezh, 2004. 432 s.
7. Aristotel'. *Ritorika // Antichnye ritoriki*. — M., 1978. S. 15—164.
8. Bayburin A. K. *Ritual v traditsionnoy kul'ture. Strukturno-semanticheskiy analiz vostochnoslavyanskikh obryadov*. — SPb. : Nauka, 1993. 240 s.
9. Baranov A. N. *Lingvisticheskaya ekspertiza teksta*. — M. : Flinta: Nauka, 2007. 592 s.
10. Gudkov D. B. *Ritualy i pretседенты v politicheskom diskurse // Politicheskiy diskurs v Rossii — 2 : materialy rab. soveshchaniya*. — M. : Dialog-MGU, 1998. S. 30—36.
11. Zaretskaya E. N. *Ritorika: teoriya i praktika rechevoy kommunikatsii*. — M. : Delo, 1998. 480 s.
12. Olyanich A. V. *Prezentatsionnaya teoriya diskursa*. — M. : Gnozis, 2007. 407 s.
13. Snuk Khenkemans F. *Struktury argumentatsii // Vazhneyshie kontseptsii teorii argumentatsii*. — SPb. : Filol. fak. SPbGU, 2006. S. 123—161.
14. Stermin I. A. *Prakticheskaya ritorika*. — M. : Akademiya, 2003. 272 s.
15. Chudinov A. P. *Sovremennaya politicheskaya lingvistika : ucheb. posobie*. — Ekaterinburg, 2009. 292 s.
16. Sheygal E. I. *Semiotika politicheskogo diskursa*. — M. : Gnozis, 2004. 326 s.
17. Eemeren F. H. van, Grootendorst R. *Argumentation, Communication, and Fallacies: A Pragma-Dialectical Perspective*. — Hillsdale, NJ : Lawrence Erlbaum, 1992.

татья рекомендует к публикации д-р филол. наук, доц. Г. М. Мандрикова.

Т. М. Закиева, А. А. Рамазанова
Махачкала, Россия

ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ ВЫРАЖЕНИЯ СУБЪЕКТИВНОЙ ОЦЕНКИ В КОРПУСЕ ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

АННОТАЦИЯ. В работе исследуются основные принципы экспликации субъективной оценки в корпусе информационно-аналитических статей, публикуемых в качественных печатных СМИ. Анализируются лингвостилистические стратегии воздействия на сознание реципиентов как способ создания определенного стереотипа восприятия медиасобытия. Освещение украинско-го конфликта в современных СМИ как одного из наиболее резонансных политических событий меняет традиционную модель трансляции новостей в жанре «информационно-аналитическая статья». Определенная стандартизованность уступает место манипулятивным стратегиям, где категория оценки эксплицируется комплексом лингвостилистических средств, тем самым закрепляя перспективу эмоционального воздействия на потенциальную аудиторию. На лексико-грамматическом уровне категория субъективной оценки реализуется рядом моделей (*Adjective + Noun; Adjective + Adverb; Verb + Adverb*). На стилистическом уровне стратегия эмоционального воздействия репрезентируется за счет стилистической конвергенции (взаимодействие группы стилистических приемов, направленных на создание определенного стилистического эффекта), являясь одним из ярких способов создания стилистической эмфазы, определяя ракурс восприятия описываемого события и закладывая стереотипную картину восприятия, отражающую идеологию издания или государства.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: медиатекст; медиалингвистика; информационно-аналитическая статья; категория субъективной оценки; манипуляция; конвергенция; медиауниверсалии.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Закиева Тахмина Машиловна, аспирант первого года обучения кафедры английской филологии, факультет иностранных языков, Дагестанский государственный университет; 367000, Россия, г. Махачкала, ул. М. Гаджиева, 37; e-mail: zakieva.tahmina@mail.ru.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Рамазанова Амина Ахмедовна, старший преподаватель кафедры английской филологии, факультет иностранных языков, Дагестанский государственный университет; 367000, Россия, г. Махачкала, ул. М. Гаджиева, 37; e-mail: ibna3113@mail.ru.

Современные СМИ играют определяющую роль в формировании общественного мнения. Человеческое представление об окружающем мире и реальной действительности во многом зависит от информационных потоков, транслируемых аудитории по разным каналам массовой коммуникации. В связи с этим в последние десятилетия внимание многих лингвистов обращено к медиатекстам как мощному орудию отражения объективной реальности и моделирования определенной картины мира у потенциальной аудитории.

В западной лингвистике изучением языка СМИ занимались Т. ван Дейк, М. Монтгомери, А. Белл, Н. Фейерклаф, Р. Фаулер и другие исследователи, чье внимание привлекали такие актуальные проблемы медиалингвистики, как определение функционально-стилевого статуса языка СМИ, способы описания различных типов медиатекстов, лингвомедийные технологии воздействия на потенциальную аудиторию и др. В 1998 г. в статье Джона Корнера «The Scope of Media Linguistics» были впервые сформулированы предмет и задачи медиалингвистики, основной единицей которой является медиатекст [Corner 1998].

Исследователь Т. ван Дейк выдвигает тезис о важности корпуса текстов массовой коммуникации, подчеркивая, что структуры медиатекстов могут быть адекватно поняты только в одном случае — если анализировать их как результат когнитивной и социальной деятельности журналистов по произ-

водству текстов и их значений, как результат интерпретации текстов читателями газет и телезрителями, производимой на основе опыта их общения со средствами массовой информации [Дейк 1989].

Анализируя лингвомедийные особенности медиатекстов, М. Монтгомери говорит об идеологической обусловленности содержания в текстах массовой информации, подчеркивая, что варианты языковых обозначений реальности всего лишь отражают разные идеологические позиции коммуникантов, их системы ценностей и политических установок [Монтгомери 1992].

По мнению исследователя А. Белла, понятие «медиатекст» гораздо шире понятия традиционного текста. Если текст — последовательность слов, напечатанных или написанных на бумаге, то медиатекст включает в себя голосовые качества, музыку, звуковые эффекты, визуальные образы [Bell 1996].

Среди отечественных лингвистов проблемами языка СМИ занимались Г. Л. Солганик, Н. В. Чечерина, А. М. Палиенко, Г. С. Мельник, Н. А. Кузьмина, Б. Я. Мисонжников, Т. Г. Добросклонская, В. Г. Костомаров и др. Но впервые в отечественном языкознании термин «медиалингвистика» был употреблен в работе Т. Г. Добросклонской «Вопросы изучения медиатекстов» [Добросклонская 2000].

По мнению Т. Г. Добросклонской, медиатекст — динамическая сложная единица высшего порядка, посредством которой осуществляется речевое общение в сфере массовых коммуникаций [Добросклонская 2008: 11].

Т. Г. Добросклонская рассматривает медиатекст как объемное многоуровневое явление, в основе концепции которого лежит органичное сочетание единиц вербального и медийного ряда, подчеркивая, что уровень массовой коммуникации придает понятию «текст» новые смысловые оттенки, обусловленные медийными свойствами того или иного СМИ [Добросклонская 2013: 27].

С различных позиций в современной науке решается и проблема типологизации медиатекстов, что не является неожиданным в свете неограниченного количества типов текстов, а также их специфических характеристик. По мнению Г. Я. Солганика, идеальной была бы такая классификация, в которой все виды медиатекстов выделяются на основе единого релевантного критерия, но такой критерий пока не найден, и сомнительно, возможен ли он, учитывая многообразие и сложность устройства текстов [Солганик 2005: 7—15].

Среди базовых характеристик медиатекста исследователь Н. А. Кузьмина выделяет следующие: особый тип информации, передаваемой СМИ; производство на «поток», одноразовость, невозпроизводимость; коллективное производство медиапродукта; значимость технических средств, с помощью которых и осуществляется трансляция сообщения [Кузьмина 2011: 11].

Г. С. Мельник классифицирует медиатексты с точки зрения их воздействия на аудиторию и группирует их следующим образом:

- 1) тексты, рассчитанные на одновременное воздействие и на конкретные социальные институты или конкретных лиц, и на сознание массовой аудитории;
- 2) тексты, целью которых является воздействие на сознание массовой аудитории, принципиально рассчитанные на немедленный отклик какого-либо института;
- 3) тексты, рассчитанные на немедленную реакцию, требующие вмешательства в реальную действительность и не рассчитанные на воздействие на сознание массовой аудитории;
- 4) тексты нейтральные, информирующие, просвещающие и не рассчитанные на немедленную реакцию [Мельник 1996: 136].

Б. Я. Мисонжников выделяет две основные группы медиатекстов в соответствии с их основными качественными и функциональными характеристиками:

- 1) аналитические, или прессу мнений;
- 2) информационные, или популярные [Мисонжников 1999: 3].

А. А. Тертычный предлагает свой перечень типов медиатекстов, включающий более тридцати наименований, среди которых — аналитическое интервью, беседа, коммента-

рий, социологическое резюме, рейтинг, рецензия, обозрение, письмо, исповедь, очерк и др. [Тертычный 2000: 158].

По функционально-жанровой принадлежности А. М. Палиенко выделяет четыре основных типа медиатекстов:

- 1) информационные;
- 2) аналитические;
- 3) художественно-публицистические;
- 4) рекламные [Палиенко 2013: 269].

Т. Г. Добросклонская выстраивает типологию медиатекстов таким образом, чтобы предельно точно можно было дать описание того или иного медиатекста с точки зрения его универсальной природы и многомерной структуры:

- 1) по способу производства текста (авторский — коллегияльный);
- 2) по форме создания (устная — письменная форма);
- 3) по форме воспроизведения (устная — письменная);
- 4) по каналу распространения (средство массовой информации — носитель: печать, радио, телевидение, Интернет);
- 5) функционально-жанровой тип текста (новости, информационная аналитика и комментарий, реклама, текст-очерк (features));
- 6) тематическая доминанта или принадлежность к тому или иному устойчивому медиатопику [Добросклонская 2005: 30].

Н. В. Чечерина подчеркивает, что данная классификация может использоваться в качестве базовой, так как позволяет охарактеризовать практически любой медиатекст не только с точки зрения реализации в нем языковых и медийных функций, но и с точки зрения основных форматных признаков [Чечерина 2008: 162—164].

В данной статье исследуется лингвистический потенциал выражения субъективной оценки в корпусе информационно-аналитических медиатекстов. Жанр «информационно-аналитический текст» представлен следующими вариантами: политические комментарии, аналитический обзор событий, тексты, отражающие мнение и оценку. В отличие от новостных, информационно-аналитические тексты, отражая события, придают им определенную идеологическую модальность и выполняют интерпретационную функцию.

В рамках данного исследования анализ информационно-аналитических газетных статей по проблематике «Украинский конфликт» проводился на лексико-грамматическом и стилистическом уровнях. В качестве основного стилистического фактора в исследовании трактуется категория оценочности. Понятие оценки для информационно-анали-

тического текста является основополагающим, стержневым. При помощи оценки выражается позиция автора, присущая ему система ценностей, мнение о происходящем и формируется мнение в определенно задаваемом ракурсе [Клушина 2000].

Традиционно отношение говорящего к высказываемому выражается следующими признаками: *нравится / не нравится, ценить / не ценить, одобрять / не одобрять, красиво / не красиво, важно / не важно* [Тяжина 2014]. Негативное отношение может выражаться при помощи лексических средств в сопровождении различных интенсификаторов, а также при помощи грамматических средств. Однако если говорящий стремится не только показать свое общее отношение, но и выделить определенные нюансы своих чувств, заметно усилить или, наоборот, смягчить оценку, зачастую он прибегает к комбинированию разноуровневых средств языка [Старостина 2004].

Современная пресса претерпевает ощутимые качественные изменения в свете объективных трансформаций, наблюдаемых в глобальном сообществе. Если раньше читатель ощущал на себе прямое идеологическое давление, то сейчас открытая пропаганда используется наряду со скрытым манипулированием общественным сознанием. Это завуалированное воздействие осуществляется при помощи имплицитного выражения оценки действительности.

Информационно-аналитический текст представляет собой расширенный вариант новостных сообщений. Главная отличительная черта информационно-аналитических текстов — наличие не только информирующей, но и анализирующей части. Так, согласно Т. Г. Добросклонской, если новости отражают каждодневную меняющуюся картину мира, то информационно-аналитические тексты окрашивают эту картину в десятки разнообразных цветов, придавая ей определенный мировоззренческий оттенок, ту или иную идеологическую модальность [Добросклонская 2008: 140].

Именно в информационно-аналитических текстах наиболее полно отражены различия в восприятии реалий общественно-политической жизни, выражающиеся в разнообразных способах интерпретации того или иного события. Интерпретация того или иного события реализуется как с помощью собственно медиатехнологий, так и на уровне лингвистических и паралингвистических средств.

На лексико-грамматическом уровне авторская оценка реализуется в следующих описательных моделях: *Adjective + Noun, Adverb + Adjective, Verb + Adverb*.

Модель Adjective + Noun

В информационно-аналитических текстах заметна группа прилагательных, несущая в себе положительную субъективно-оценочную характеристику. Например: *peaceful, efficient, beneficial, confident, significant* и др.

*Russia has also massed **significant forces** in the regions bordering Ukraine, raising fears that it could be preparing to occupy parts of eastern or southern Ukraine* (The New York Times. 2014. May 7).

Прилагательные с отрицательной коннотацией осуществляют соответствующую квалификацию предметов и явлений материально-абстрактного мира: *brutal, violent, bloodsucking, chaotic, severe, rapid, unjust, dangerous, draconian* и др.

Данная частеречная форма является примером актуализации полярно противоположных взглядов на описываемые события. Комбинаторика лексико-грамматического и стилистического уровней позволяет говорить о значительном воздействующем потенциале категории оценочности в современном медиатексте.

*It stands for the interests of the richest few in Ukraine's highly unequal society and is responsible for the **brutal suppression** of opposition* (The Guardian. 2014. January 22).

*Before and after the tragedy, the relationship between Russia and Ukraine was comparable to that of English and Scots: everyone cursed at the **bloodsucking metropolis**; but two out of three corporals in the national army always were Scots — and Ukrainians* (The Financial Times. 2013. December 17).

Привычной формулой текстов СМИ, отражающей нормативные характеристики текстов данной стилевой направленности, является использование в корпусе информационно-аналитических текстов экспрессивных, эмоционально окрашенных существительных. Передаваемая ими авторская оценка выражает положительное или отрицательное отношение к разнообразным явлениям и фактам действительности.

Проведенный нами анализ медиатекстов позволил выявить следующие существительные, способствующие созданию положительной оценочной направленности мысли: *improvement, resurrection, credibility, integrity, glorification, aspiration* и др.

*A senior American official on Thursday urged all sides in the Ukrainian crisis to work together to find a solution that would “meet the **aspirations** of its people” but to do so through peaceful and lawful means* (The Guardian. 2014. January 22).

Следующие существительные имеют отрицательную коннотацию: *suppression, dis-*

satisfaction, instability, invasion, confrontation, crackdown, fraud, bloodshed и др.

Денотативный статус данных существительных по своей природе определяет ракурс воздействия, и при этом непосредственное окружение оценочных языковых единиц выступает в роли интенсификаторов эмоционального воздействия.

The invasion and possible annexation of Crimea on trumped-up concerns for its Russian-speaking population is his answer to us (The Guardian. 2014. January 22).

Princeton University Professor Mark Beisinger has shown that Ukrainian protesters in late 2004 had a "weak commitment to democratic ends" — despite the fact that the protests were sparked by electoral fraud (The Times. 2014. March 22).

Модель Adverb + Adjective

Существенную роль в выдвигании смысловых центров на передний план играют наречия, которые в случае изолированного употребления несут в себе значительно меньший эмоциональный заряд. Например: *highly, overwhelmingly, overtly, thoroughly, deliberately, outrageously, perfectly, essentially, particularly*. Но в комплексе с прилагательными наречия выступают инструментами, обеспечивающими выразительность и акцентуацию идей. Положительная или отрицательная коннотация актуализируется в контексте:

"The highly corrupt political class is more interested in its own pockets than in the public interest," said Thomas Gomart, a senior research fellow at the French Institute of International Relations (The New York Times. 2013. December 4).

But the fact is Russia was outrageously provocative when it put 150,000 troops on high alert on Wednesday for war games near Ukraine's border and then on Friday allowed the deposed Ukrainian president, Viktor Yanukovich, to give a news conference when he showed up in the Russian city Rostov-on-Don (The Financial Times. 2013. December 17).

Приведенные выше отрывки являются примерами актуализации категории оценочности. При этом апелляция к эмоциям связана с отрицательными коннотациями. Информационно-аналитическая перспектива изобилует пессимистическими прогнозами относительно политического будущего Украины. Реализация положительной оценки осуществляется аналогично и является контекстуально обусловленной.

Astute journalists who reported around the Arab Spring should know that the main story is often far away from the image-friendly masses in squares, however undeniably vi-

tal they are to capture (The Washington Post. 2014. March 15).

Употребление адвербиальных конструкций способствует усилению и уточнению значения прилагательного. А сами прилагательные, как и в конструкции *Adjective + Noun*, располагают определенным потенциалом в создании эмоционально-оценочного значения.

Модель *Adverb + Adjective* в большей степени выполняет функцию эмфазы, где наречная часть, представленная в препозиции, является интенсификатором, передает дополнительный семантический нюанс, предваряющий ключевую мысль, и тем самым усиливает конечное восприятие.

Модель Verb + Adverb

Данный структурный тип позволяет точнее выразить мнение и оценку событий. Посредством указанных описательных структур создается общая экспрессивно-оценочная тональность.

Характерно, что глаголы, актуализирующие положительную оценку медиасобытий, не частотны: *If they succeed, they could show the way to a non-violent but still radical and efficient way to bring down Yanukovich's government* (The Financial Times. 2013. December 17).

А глаголы с отрицательной окраской более многочисленны и разнообразны. Например: *condemn, disapprove, demand, oust, force, pose, cost* и др.

It opened with a cute piece of comedy: "We know he loves to strut around shirtless, pose shamelessly for Kremlin PR photographs and invade former Soviet republics" (The Guardian. 2014. March 12).

Russia expansion into eastern Ukraine could cost Putin dearly (The Washington Post. 2014. March 13).

Объясняется данная тенденция тем, что в газетно-публицистических текстах глагольность порой сводится до минимума, что в одних случаях вполне закономерно, а в других оценивается как проявление негативного влияния стандарта, ухудшающего эстетическую сторону речи [Голуб 1997].

Семантико-стилистическая составляющая информационно-аналитических статей, освещающих конфликт в Украине, наиболее ярко представлена идиоматическими моделями, являющимися ярким маркером субъективной оценки. При этом представленная информация задает тексту элементы неформальности.

Представляется возможным выделить следующие частотные идиомы, в которых оценка эксплицируется наиболее ярко: *to raise fears — вызвать страх; to play to the gallery — работать на публику; a shot in the arm —*

стимул; *to take lumps out of something* — получить по заслугам; *a purple patch* — цветистый отрывок, яркое место (в литературном произведении); *to take a toll* — не пройму даром, отрицательно сказываться на чем-либо и др.

While William Hague was playing to the Kiev gallery, his officials were studiously analyzing the content of “costs and consequences” (The Guardian. 2014. March 5).

Mr. Putin is taking lumps out of Ukraine (The Guardian. 2014. March 2).

С одной стороны, идиомы обладают высоким потенциалом и придают образность высказыванию, с другой — создают атмосферу непринужденности и неофициальности. Тем самым задается неформальный ракурс апелляции к аудитории, сокращающий дистанцию между авторами и потенциальными реципиентами.

Вторая часть исследования посвящена изучению стилистических особенностей медиатекста, поскольку принцип комбинаторики языковых средств актуализирует глубинные имплицитные смыслы, определяя вектор эмоциональной реакции. Анализ стилистических особенностей информационно-аналитических статей позволяет говорить о реализации принципа стилистической конвергенции, позволяющем расставлять эмоциональные доминанты в текстах информационно-аналитических статей, в которых внимание потенциального реципиента фокусируется автоматически, таким образом, начинает работать принцип эмоционального воздействия на стилистическом уровне.

На стилистическом уровне следует отметить эффективное употребление метафор. Характеризуя данный троп, В. В. Виноградов пишет, что метафора, если она не штампована, есть акт утверждения индивидуального миропонимания, акт субъективной изоляции. В метафоре резко выступает строго определенный субъект с его индивидуальными тенденциями мировосприятия. Поэтому метафора узка, субъективно замкнута и назойливо «идейна», т. е. навязывает читателю субъективно-авторский взгляд на предмет и его смысловые связи [Виноградов 1980: 34].

В медиатекстах исследуемой группы нами были выделены следующие метафоры: *to put on the path to, to feed the planet, a glimmer of hope, a revolution of dignity, hasten the end of empire, the role of a puppet rule* и др.

The people of Ukraine proved stronger than a dictator who had been groomed for the role of a puppet ruler (The Financial Times. 2013. December 17).

Little wonder it is seeking to expand. Yet no matter how successful Putin’s military exercises may look, annexing Ukraine could hasten the end of his empire (The Financial Times. 2013. December 17).

Роль метафоры в информационно-аналитических текстах не ограничивается приданием выразительности и образности. Прежде всего использование метафор дает возможность подать сведения в определенном ракурсе, позволяя декодировать информацию через знакомые аудитории ассоциативные связи.

Одним из наиболее мощных по силе эмоционального воздействия средств является сравнение. Объясняется это тем, что явления понимаются посредством сходства, аналогии с понятиями, относящимися к другим классам, но необходимым для установления свойств описываемого предмета, факта, процесса. Образное сравнение используется авторами для более наглядного и детального описания той или иной ситуации, а также для выделения в данной ситуации какой-то специфической индивидуальной особенности, которую автор намеренно усиливает за счет образного сравнения. Иногда сравнения носят намеренно гротескный характер, тем самым усиливая субъективную позицию, например: *to be treated like cattle; to hit like a boomerang*.

We no longer want to be treated like cattle (The Washington Post. 2014. March 15).

“We have repeatedly warned that sanctions are a double-edged instrument and would hit the United States like a boomerang,” a Russian foreign ministry spokesman said of the sanctions — which were laughed off by Mr McCain (The Telegraph. 2014. March 20).

Сравнения в информационно-аналитических текстах также выполняют пояснительную функцию. Сравнения, придавая мысли определенную образную форму, воздействующую на восприятие, закладывают стереотип в оценке событий.

Эпитет является одним из ярчайших примеров передачи субъективной оценки. Коннотативное оформление этих моделей является дополнительным маркером субъективизации. Например: *a positive light, a powerful mobilizer, a miraculous job, a dangerous demagogue, jolly good news, dangerous approach* и др.

Reading the global and Australian media recently, you’d be forgiven for thinking that Russian president Vladimir Putin is a dangerous demagogue who threatens the security of the world after his country’s involvement in Ukraine and Crimea (The Financial Times. 2013. December 17).

"This is jolly good news only for disaster capitalism vultures", wrote the astute Pepe Escobar in Asia Times (The Times. 2014. March 15).

Рассматриваемые нами примеры — эмоционально-оценочные эпитеты, которые актуализируют в сознании адресатов логические связи, побуждают реципиентов к конкретным суждениям и умозаключениям, что приводит к формированию определенной информационной модели.

Среди лексических стилистических приемов, окказионально представленных в корпусе информационно-аналитических текстов, встречается и явление аллюзии: *"Saint Volodymyr, the ruler of the Ukraine 980-1015," says the inscription on the plinth (The Washington Post. 2014. March 15).*

Vladimir, an ultimate Viking warrior, from the noble clan of Roderics, known in Russia as Rurics (The Washington Post. 2014. March 15).

Стилистический прием аллюзии, в том числе на библейские и мифологические сюжеты, представляет собой сознательный авторский намек и содержит в себе имплицитное сравнение, при котором признаки упоминаемого лица или факта приписываются другому лицу или другому событию [Качалова 2011]. В данных примерах читатель изначально нацелен на понимание авторской импликации за счет обращения к известному факту, а наличие фоновых знаний помогает читателю правильно интерпретировать информацию, подаваемую авторами статей.

Для акцентуации мысли авторы информационно-аналитических текстов используют такой стилистический троп, как обособление. Сущность этой фигуры речи и ее стилистические функции достаточно полно были определены В. В. Виноградовым: «Обособленные члены и конструкции представляют собой своеобразные смысловые синтаксические единства внутри предложения, выделяемые средствами инверсии и интонации, — с целью придать более сильную выразительность содержащемуся в них понятию, образу, характеристике. Обособленные члены предложения обычно наполнены живой экспрессией, подчеркиваются логически и эмоционально» [Виноградов 1980: 76].

В ходе изложения данные конструкции способствуют проведению четкого разграничения между фактами, которые заявляются авторами, и фрагментами, которые автор обособляет.

Обособление технически обеспечивается при помощи специальных пунктуационных графических средств — запятых, тире, точки с запятой. Обособлению могут подвергаться как отдельные слова и словосочетания, так и целые высказывания, отдельные номинативные предложения. Обособление выполняет выде-

лительную функцию, которая актуализируется в явлении стилистической конвергенции — сосредоточении стилистических приемов, нацеленных на реализацию определенного стилистического эффекта. Например:

When, last Sunday, Vitali Klitschko, the most probable next president of Ukraine according to the polls, tried to stop clashes with police, he was booed (The Washington Post. 2014. March 15).

Ниже представлен пример, в котором антитеза реализуется за счет обособления:

They, not Putin, are Russia's future (The Times. 2014. March 15).

Выделение определенной части высказывания меняет соотношение главной и второстепенной информации в сообщении. Обособленные члены в приведенных примерах обладают значительной степенью самостоятельности и выразительности. Таким образом, каждая из обособленных частей синтаксически выделяет логически и эмоционально значимые элементы.

Довольно часто в структуре информационно-аналитических статей представлены предложения, избыточные однородными членами, вводимыми в текст за счет перечисления по типу союзной и бессоюзной связи. Основная функция перечисления — усиление содержательно-фактуальной части высказывания.

The resolve of Ukrainians to die defending their country, the large stockpiles of weapons, the country's nuclear power stations and the strategic gas pipelines all point to the potential magnitude of a disaster (The Washington Post. 2014. March 15).

He meant: they are fighting for the indelible European human right to have a house with a few rooms, a fridge, a bath, a television set; a car, 2.27 children, a motorway with a shopping centre and multiplex (The Financial Times. 2013. December 22).

Структурно в перечислении участвуют слова разных частей речи в синтаксической функции подлежащего, сказуемого, дополнения, обстоятельства, определения. С точки зрения восприятия, перечисление задает тексту определенную размеренность, логически выверенную последовательность, ритмичность. Перечисление обладает значительным потенциалом воздействия, убеждения, заострения темы, выражения сильных чувств. Но данная функция реализуется только в комплексе с другими средствами воздействия, в противном случае однородные члены предложения не несут в себе никакой эмоциональной нагрузки.

В информационно-аналитических текстах мощным средством апелляции к массо-

вой аудитории и привлечения внимания к обсуждаемой проблеме является риторический вопрос. Обладая ярким потенциалом экспрессивности, риторический вопрос вносит в текстовое пространство элемент неожиданности. Данная стратегия косвенно вовлекает потенциальную аудиторию в образную эмоциональную интеракцию. Как правило, риторические вопросы не предполагают реального ответа со стороны реципиентов, но эмоциональная апелляция к аудитории однозначно направлена на изложение мысли в определенном ключе.

Were the Ukrainians a distinct and separate nation? (The Washington Post. 2014. March 15).

So: Is Ukraine really headed for civil war? (The Washington Post. 2014. March 15).

Is Yanukovich going to bring in the military? (The Times. 2014. March 15).

Риторический вопрос имеет целью стимуляцию мысли потенциального читателя за счет актуализации определенных смысловых частей высказывания, что позволяет повысить эмоциональный тон высказывания и усилить прагматическую направленность текста.

Таким образом, на материале 50 информационно-аналитических текстов общим объемом 33 300 знаков нами были исследованы особенности медиатекста и способы моделирования положительной и отрицательной оценки в процессе освещения конфликта в Украине. Статус данного конфликта является довольно актуальной проблемой, что ставит журналистов перед необходимостью интерпретировать происходящие события в определенном ключе.

В ходе исследования было установлено, что информационно-аналитическая статья как медиатекст демонстрирует диалектическое единство языковых и медийных признаков. Анализ информационно-аналитических текстов по проблематике «Украинский конфликт» позволяет проследить тенденцию использования разных типов моделей оценочных словосочетаний: *Adjective + Noun* (35), *Adverb + Adjective* (25), *Verb + Adverb* (10). Данные модели являются определяющими в стратегии моделирования субъективной оценки при отражении общественных событий в «украинском конфликте» с целью создания определенного стереотипа восприятия.

В ходе исследования было также выявлено, что в информационно-аналитических текстах, которым в целом свойственна стандартизованность, все чаще встречаются средства, используемые для манипулирования общественным мнением и отражающие идеологию издания или государства. На стилистическом уровне к ним можно отнести сравнения, метафоры, аллюзии, эпитеты, повторы,

параллельные конструкции, риторические вопросы, обособления и перечисления. Каждое средство вышеприведенного спектра используется как стилистический маркер субъективного отношения к освещаемым событиям и по-разному воздействует на сознание потенциальной аудитории. Если раньше читатель ощущал на себе прямое идеологическое давление, то сейчас открытая пропаганда используется наряду со скрытым манипулированием общественным сознанием посредством имплицитной оценки действительности.

В большинстве случаев в медиатекстах используется стратегия стилистической конвергенции (взаимодействие различных стилистических приемов), которая является одним из средств создания стилистической эмпазы с целью привлечения внимания к описываемому событию, а также имплицитного воздействия на сознание потенциальной аудитории и создания определенного стереотипа восприятия.

ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСЫ

1. The Guardian. URL: <http://www.theguardian.com>.
2. The New York Times. URL: <http://www.nytimes.com>.
3. The Telegraph. URL: <http://www.telegraph.co.uk>.
4. The Financial Times. URL: <http://www.ft.com>.
5. The Times. URL: <http://www.thetimes.co.uk/tto/news/>.
6. The Washington Post. URL: <http://www.washingtonpost.com/>.
7. The Wall Street Journal. URL: <http://www.wsj.com/europe>.
8. The Independent. URL: <http://www.independent.co.uk/>.
9. The Daily Mail. URL: <http://www.dailymail.co.uk/home/index.html>.
10. The New York Post. URL: <http://nypost.com/>.

ЛИТЕРАТУРА

11. Виноградов В. В. О языке художественной прозы. — М.: Наука, 1980.
12. Голуб И. Б. Стилистика русского языка. — М.: Рольф; Айрис Пресс, 1997.
13. Добросклонская Т. Г. Вопросы изучения медиатекстов: опыт исследования современной английской медиа речи. — М.: МАКС-Пресс, 2000.
14. Добросклонская Т. Г. Медиатекст: теория и методы изучения // Вестн. Москов. ун-та. Сер. 10, Журналистика. 2005. № 2. С. 28—34.
15. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь. — М.: Флинта, 2008.
16. Клушина Н. И. Языковые механизмы формирования оценки в СМИ // Публицистика и информация в современном обществе. — М., 2000. С. 94—106.
17. Кузьмина Н. А. Современный медиатекст: учеб. пособие. — Омск, 2011.
18. Мельник Г. С. Mass Media: Психологические процессы и эффекты. — СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т, 1996.
19. Мисонжников Б. Я. Типология: трудный поиск новой парадигмы // Типология печати: проблемы теории и практики: матер. науч.-практ. семинара «Современная периодическая печать в контексте коммуникативных процессов» (12 марта 1998 г., Санкт-Петербург) / отв. ред. Б. Я. Мисонжников. — СПб.: СПбГУ, 1999. С. 3—17.
20. Паленко А. М. Типология медиатекстов // Педагогіка формування творчої особистості у вищій і загальноосвітній школах. — Запоріжжя: Вид-во Класичного приватного університету, 2013. Вип. 28 (81). С. 266—272.
21. Солганик Г. Я. К определению понятия «текст» и «медиатекст» // Вестн. Москов. ун-та. Сер. 10, Журналистика. 2005. № 2. С. 7—15.

22. Старостина Ю. С. Комбинаторика разноразмерных средств языка при выражении негативной оценки (на материале английской стилизованной разговорной речи) // Слово — Высказывание — Дискурс : Междунар. сб. науч. статей. — Самара, 2004. С. 321—326.

23. Тertychnyy A. A. Жанры периодической печати : учеб. пособие для ун-тов. — М. : Аспект Пресс, 2000.

24. Чечерина Н. В. Типология медиатекстов как основа формирования медиаграмотности // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2007. № 47. С. 159—166.

25. Bell A. Approaches to media discourse. — London : Blackwell, 1996.

26. Corner J. The Scope of Media Linguistics // BAAL Newsletter. 1998.

T. M. Zakieva, A. A. Ramazanova

Makhachkala, Russia

LINGO-STYLISTIC STRATEGIES OF EXPRESSING SUBJECTIVE EVALUATION IN THE CORPUS OF ANALYTICAL TEXTS

ABSTRACT. *The paper studies the main principles of explication of personal assessment in the corpus of analytical articles published in the quality papers. The research focuses on lingo-stylistic strategies of manipulation as a way of representation of personal judgment and the formation of stereotype of the event perception. Informational and analytical texts, as different from the news publications, have certain ideological modality and perform interpretational function. We analyzed analytical newspaper articles covering "Ukrainian conflict" published in the papers in English on the lexico-grammatical and stylistic levels. On the lexico-grammatical level the author's judgment is found in the descriptive phrases (Adjective + Noun, Adverb + Adjective, Verb + Adverb). Analytical articles, being standard publications, are often characterized by the use of the language means that can manipulate public opinion and reflect the ideology of the newspaper or the state. On the stylistic level, the texts are full of similes, metaphors, allusions, epithets, repetitions, parallel constructions, rhetorical questions and enumerations. All the above mentioned means are stylistic markers of the personal attitude to the covered events, which can manipulate the addressee in different ways. Media texts often use the strategy of stylistic convergence (interaction of different stylistic devices), which is one of the ways of expressing stylistic emphasis in order to attract the reader's attention to the described event, and consequently influence their opinion and create the stereotype of perception.*

KEYWORDS: *mediatext; mediallynguistics; analytical articles; category of subjective evaluation; manipulation; convergence; media universals.*

ABOUT THE AUTHOR: *Zakieva Takhmina Mailovna, Post-graduate Student of the Department of English Philology, Faculty of Foreign Languages, Dagestan State University, Makhachkala, Russia.*

ABOUT THE AUTHOR: *Ramazanova Amina Akhmedovna, Senior Lecturer, Department of English Philology, Faculty of Foreign Languages, Dagestan State University, Makhachkala, Russia.*

REFERENCES

1. The Guardian. URL: <http://www.theguardian.com>.
2. The New York Times. URL: <http://www.nytimes.com>.
3. The Telegraph. URL: <http://www.telegraph.co.uk>.
4. The Financial Times. URL: <http://www.ft.com>.
5. The Times. URL: <http://www.thetimes.co.uk/tto/news/>.
6. The Washington Post. URL: <http://www.washingtonpost.com/>.
7. The Wall Street Journal. URL: <http://www.wsj.com/europe>.
8. The Independent. URL: <http://www.independent.co.uk/>.
9. The Daily Mail. URL: <http://www.dailymail.co.uk/home/index.html>.
10. The New York Post. URL: <http://nypost.com/>.
11. Vinogradov V. V. O yazyke khudozhestvennoy prozy. — М. : Nauka, 1980.
12. Golub I. B. Stilistika russkogo yazyka. — М. : Rol'f, Ayris Press, 1997.
13. Dobrosklonskaya T. G. Voprosy izucheniya mediatekstov: opyt issledovaniya sovremennoy angliyskoy media rechi. — М. : MAKS-Press, 2000.
14. Dobrosklonskaya T. G. Mediatekst: teoriya i metody izucheniya // Vestn. Moskov. un-ta. Ser. 10, Zhurnalistika. 2005. № 2. S. 28—34.
15. Dobrosklonskaya T. G. Medialingvistika: sistemnyy podkhod k izucheniyu yazyka SMI: sovremennaya angliyskaya mediarech'. — М. : Flinta, 2008.
16. Klushina N. I. Yazykovye mekhanizmy formirovaniya otsenki v SMI // Publitsistika i informatsiya v sovremennom obshchestve. — М., 2000. S. 94—106.

17. Kuz'mina N. A. Sovremennyy mediatekst : ucheb. posobie. — Omsk, 2011.

18. Mel'nik G. S. Mass Media: Psikhologicheskie protsessy i efekty. — SPb. : S.-Peterb. gos. un-t, 1996.

19. Misonzhnikov B. Ya. Tipologiya: trudnyy poisk novoy paradigmy // Tipologiya pechaty: problemy teorii i praktiki : mater. nauch.-prakt. seminarov «Sovremennaya periodicheskaya pechat' v kontekste kommunikativnykh protsessov» (12 marta 1998 g., Sankt-Peterburg) / otv. red. B. Ya. Misonzhnikov. — SPb. : SPbGU, 1999. S. 3—17.

20. Palienko A. M. Tipologiya mediatekstov // Pedagogika formuvaniya tvorchoi osobistosti u vishchiy i zagal'noosvitniy shkolakh. — Zaporizhzhya: Vid-vo Klasichnogo privatnogo universitetu, 2013. Vip. 28 (81). S. 266—272.

21. Solganik G. Ya. K opredeleniyu ponyatiya «tekst» i «mediatekst» // Vestn. Moskov. un-ta. Ser. 10, Zhurnalistika. 2005. № 2. S. 7—15.

22. Starostina Yu. S. Kombinatorika raznourovnevykh sredstv yazyka pri vyrazhenii negativnoy otsenki (na materiale angliyskoy stilyzovannoy razgovornoj rechi) // Slovo — Vyskazyvanie — Diskurs : Mezhdunar. sb. nauch. statey. — Samara, 2004. S. 321—326.

23. Tertychnyy A. A. Zhanry periodicheskoy pechaty : ucheb. posobie dlya un-tov. — М. : Aspekt Press, 2000.

24. Checherina N. V. Tipologiya mediatekstov kak osnova formirovaniya mediagramotnosti // Izv. Ros. gos. ped. un-ta im. A. I. Gertsena. 2007. № 47. S. 159—166.

25. Bell A. Approaches to media discourse. — London : Blackwell, 1996.

26. Corner J. The Scope of Media Linguistics // BAAL Newsletter. 1998.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Е. В. Шустрова.

Л. В. Коцюбинская
Санкт-Петербург, Россия

МЕТАФОРА «ИНФОРМАЦИОННАЯ АТАКА» КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

АННОТАЦИЯ. Лексический состав языка быстро реагирует на изменения, происходящие в жизни общества. Процесс пополнения политической лексики идет постоянно. Одна из современных форм борьбы между государствами — это информационное противоборство, представляющее собой использование различных методов для воздействия на информационную среду противника. Политика информационного противоборства отражается в языке посредством таких единиц, как «информационная война», «информационный шум», «информационное общество» и др. Объектом настоящего исследования выступает метафорическое словосочетание «информационная атака». В рамках настоящей работы понятие «информационная атака» определяется как способ вербализации и внедрения политически и/или идеологически значимых смыслов с целью воздействовать на общественное сознание и побудить людей к определенным поступкам (действиям). Кроме того, в статье анализируются пласт информации, который был представлен обществу как «информационная атака». Информационные атаки группируются вокруг явлений, процессов, событий окружающего нас мира, побуждая реагировать на них определенным образом. В работе изучаются единицы информации, появившиеся в авторитетных британских средствах массовой информации в связи с действиями российских военных в Сирии (октябрь — декабрь 2015 г.) и представляющие по своему содержанию, согласно заявлению В. Путина, информационные атаки. Особое внимание уделяется исследованию метафорического представления данного феномена в политической коммуникации. Анализ данной концептуальной метафоры представляет большой интерес и вносит значительный вклад в разработку лингвистического определения термина «информационная атака», позволяет реконструировать образ-схемы, по которым кодируется, а затем интерпретируется информация.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: информационное противоборство; информационная атака; метафора; образ; схема; развитие языка; Сирия.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Коцюбинская Любовь Вячеславовна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой перевода и переводоведения, государственное автономное образовательное учреждение высшего образования Ленинградской области «Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина»; 196605, г. Санкт-Петербург, Пушкин, Петербургское шоссе, 10; e-mail: luba.74@mail.ru.

Лексический состав является наиболее подвижной частью языковой системы, которая довольно быстро реагирует на происходящие изменения в жизни общества. Никогда, как отмечает А. П. Миньяр-Белоручева, лексический состав не обновлялся так быстро, как в эпоху информационных технологий, когда была понята власть языка как основного инструмента манипуляции сознанием масс [Миньяр-Белоручева 2012: 32].

Следует отметить следующую особенность человеческого сознания: индивид обращает внимание только на те понятия и предметы, которые имеют названия. Что не получает имени, не воспринимается как существующее и остается без внимания [Миньяр-Белоручева 2012: 32]. Эту идею высказывал еще Ф. И. Буслаев в работе «О преподавании отечественного языка»: «Всякий предмет существует для человека только тогда, когда он им осознается, когда входит в его мысль и выражается словом» [Буслаев 1941].

В современном мире информационное противоборство, представляющее собой использование различных тактик и стратегий для воздействия на информационную среду противника, выступает главным способом борьбы за власть и реализации геополитических интересов государств [Почепцов 2000]. Научное изучение информационного противоборства имеет давнюю историю. Информационно-психологическое воздействие с целью повлиять на поведение противника применялось в вооруженных столкно-

вениях племен в войнах рабовладельческих государств. С появлением развитого современного государства информационное противоборство стало частью взаимоотношений различных стран как в военное, так и в мирное время [Щекотихин 2011: 10].

Политика информационного противоборства отражается в первую очередь в лексике и фразеологии языка. Так, в настоящее время наблюдается широкое употребление таких словосочетаний, как «информационная война», «информационный шум», «информационный фон», «информационное противодействие» и других, называющих те преобразования, которые имеют место в области внешней и внутренней политики. Е. С. Кубрякова пишет: «Знание как проверенный общественно-исторической практикой и удостоверенный логикой результат познания действительности фиксируется в знаках естественных и искусственных языков» [Кубрякова 1994: 45].

Концептуализация и категоризация являются основными познавательными процессами в языке. Принципы категоризации окружающего мира недостаточно изучены в различных областях науки. Одной из форм концептуализации действительности является концептуальная (когнитивная) метафора. В дискурсивном пространстве функциональная метафора базируется на существовании связей между метафорическими представлениями и их интерпретациями в процессе взаимодействия концептуальных пространств адресата и реципиента с целью

постижения специфики образования индивидуального и национального сознания. В этой связи можно говорить о концептуальной метафоре как о некоей модели, репрезентирующей определенные мыслительные пространства, например, в области информационной атаки.

Входя в сферу интересов человека и проходя через систему его ценностей, продукты ментальной деятельности обрабатываются и структурируются, подвергаясь оценочной категоризации, определяемой как группировка объектов и явлений по характеру их оценки в соответствующую систему оценочных категорий [Болдырев 2002: 103].

В основе понятия «информационная атака» лежит метафора, которая как форма мышления играет важную роль в развитии науки. Доказано, что характер метафоры, выбранной для определения того или иного научного понятия, оказывает существенное воздействие на его разработку. Поэтому представляется важным исследовать, в каких метафорических терминах осмысливается и структурируется деятельность, связанная с информационной атакой.

«Информационная атака» соотносится с термином «semantic attack» («семантическая атака»), предложенным Мартином Либикки (Martin C. Libicki) в 1995 г. в работе «Что такое информационная война?» («What is Information warfare?»). Американский ученый рассматривает семантические атаки как одну из форм сетевой информационной войны — кибервойны (cyberwarfare). При семантической атаке (в отличие от хакерской атаки) компьютерная система работает абсолютно правильно, но решения, которые она выдает, неверны: *the difference between a semantic attack and hacker warfare is that the latter produces random, or even systematic, failures in systems, and they cease to operate; a system under semantic attack operates and will be perceived as operating correctly (otherwise the semantic attack is a failure), but it will generate answers at variance with reality* [Libicki 1995: 77].

Термин «semantic attack» фиксируется в современных англоязычных словарях и поясняется следующим образом: *semantic attack (computer definition) — the use of incorrect information to damage the credibility of target resources or to cause direct or indirect harm. Examples include defamation (slander and libel), propaganda and stock manipulation schemes. Also known as "semantic hacking"* [Semantic attack].

Таким образом, семантическая атака представляет собой информационное воздействие на адресата, который формирует свое мнение под влиянием внешних (недос-

товерных, вымышленных или искаженных) факторов, не подозревая о том, что его намеренно ввели в заблуждение.

Принцип семантической атаки — распространение недостоверной (субъективной, намеренно выдуманной) информации с целью изменения в желаемом направлении общественного мнения — лежит в основе понятия «информационная атака». В октябре 2015 г. Президент РФ Владимир Путин называет сообщения некоторых западных СМИ о якобы имеющихся жертвах среди мирного населения от ударов российской авиации информационной атакой:

„Что касается информации СМИ по поводу того, что страдает гражданское население, мы к этим **информационным атакам** готовы“, — заверил Путин. „Первая информация о том, что есть жертвы среди гражданского населения, появилась еще до того, как в небо поднялись наши самолеты“ [Путин опроверг данные западной пропаганды].

Коммуникативное намерение президента заключается в донесении до адресата данных о том, что сведения о жертвах среди мирного населения являются ложными. Коммуникативная цель достигается с помощью сообщения о нарушении логической последовательности хода событий.

Другое сообщение российского информационного агентства, в котором фиксируется выражение «информационная атака», появляется в марте 2016 (28 марта, РИА «Новости», Москва). В нем говорится: *информационным атакам могут подвергнуться президент и его семья* [В Кремле рассказали о готовящемся...].

В данном заявлении пресс-секретаря главы государства Д. Пескова «информационная атака» интерпретируется посредством таких лексических единиц, как «заказуха», «опус» и «агитка»:

на Западе и в РФ консорциум международных расследований готовит „вброс“ информации, неприкрытую „заказуху“ о семье президента РФ Владимира Путина, друзьях его детства...;

*...они собираются в ближайшие дни... опубликовать очередные **опусы**;*

*...журналисты, которые ставят свои имена под такими **агитками**...; ... вопросы, которые задаются Путину в этой **агитке**.*

Эти лексемы, обладая ярко выраженной негативной коннотацией и сниженной стилистической окраской, не только определяют понятие, но и выражают отношение к нему говорящего, а именно дают отрицательную оценку информационной атаке. Таким образом, можно утверждать, что словосочетание

«информационная атака» обладает отрицательной коннотацией.

При этом прагматическая функция заявления Д. Пескова заключается в формировании у адресата определенной схемы восприятия информации.

Еще одной характерной чертой информационной атаки является ее моделируемость (планируемость): *...стоит задача выполнить информационную атаку, срежиссировать, состряпать и внедрить в информационную повестку дня.* Авторами информационных атак выступают не только журналисты разных СМИ, но и представители других организаций и служб, каналом передачи служат средства массовой информации.

Таким образом, информационная атака может быть определена как **способ вербализации и внедрения отдельных политически и/или идеологически значимых смыслов с целью воздействовать на общественное сознание и побудить людей к определенным поступкам (действиям)**. Во временном плане информационная атака может как предшествовать событию, так и следовать после него.

Выражение «информационная атака» фиксируется в англоязычном новостном пространстве в виде кальки — «*information attack/s*» — в связи с информированием общества о заявлениях президента России и его пресс-секретаря. Данный способ передачи иноязычного выражения свидетельствует о том, что словосочетание будет понято и декодировано носителями другой культуры:

Mr Putin made a live broadcast to deny reports of civilian casualties. "We are ready for such "information attacks," he said. "The first reports of civilian casualties came even before our jets took off" [Philp 2015b].

Reports of alleged casualties among civilians caused by Russian airstrikes in Syria emerged even before Russian warplanes were launched for their first combat mission, President Vladimir Putin said, branding such reports 'information attacks' [Putin: Claims Russian jets killed civilians...].

The Kremlin accused a group of international journalists of preparing an "information attack" on President Vladimir Putin's wealth and his ties to billionaire oligarchs in Russia (Bloomberg, США, 2016).

Отметим, что в англоязычных лексикографических источниках, в том числе и в корпусных словарях, на данный момент выражение «*information attack/s*» не отмечается.

Информационные атаки группируются вокруг явлений, процессов, событий окружающего нас мира, побуждая интерпретиро-

вать их определенным образом. Проанализируем единицы информации, появившиеся в британских СМИ в связи с действиями российских военных в Сирии и представляющие по своему содержанию, согласно заявлению В. Путина, информационные атаки.

Введение российских войск в Сирию представляется англоязычному лингвокультурному сообществу как агрессивное вмешательство во внутренние дела другого государства: ***intervention in Syria***. Усиливая образ агрессора, авторы отсылают читателя к событиям 2014 года на Украине: ***Russian annexation of the Crimea***, оценивая присоединение Крыма как насильственное и противоправное действие.

Проведение военной операции авиационной группой ВВС и ВМФ России приводит, во-первых, к обострению ситуации в регионе: ***Russia has escalated its intervention in Syria dramatically, firing a barrage of cruise missiles yesterday from battleships hundreds of miles away as warplanes gave cover to the first co-ordinated ground offensive against anti-Assad rebels***; ***Russia's intervention has deepened the complexity of a conflict***, во-вторых, представляет собой вызов всему западному сообществу: ***...one of the most intractable challenges to face the West since the end of the Cold War — Russia's escalation in Syria*** и, в-третьих, воспринимается как ***stand-off between Putin and the West*** и ***Putin's power grab***. Антитеза *Россия (Путин) — Запад* является смысловым стержнем большинства публикаций, подчеркивает расхождение во внешнеполитических взглядах и говорит о состоянии геополитической, экономической и военной конфронтации между странами.

Прецедентный феномен «The Cold War» не только напоминает читателю о советской эпохе, но и побуждает читателя воспринимать Россию как правопреемницу СССР, проводящую политику обострения идеологических конфликтов между государствами.

С другой стороны, называются и «союзники» Путина — это *...his (Putin's) client, President Basharal-Assad*. Метафорическое использование слова «*client*» — *a person who pays a professional person or organization for services [Client]* вызывает ассоциации, связанные с договорными, как правило, торговыми отношениями, что неприемлемо в государственной политике, которая, в свою очередь, выстраивается на основе законов и правовых актов. Кроме того, метафора *президент-клиент* актуализирует образ слабого главы государства, находящегося под покровительством России, вследствие чего авиаудары наносятся по сирийским повстанцам, которые выступают против режима

Башара Асада, а не по военным объектам террористических организаций: *Russian war planes are conducting about 20 stories a day, almost all against opponents of Assad in western Syria who have no links to Isis, which the Kremlin mendaciously professes to be their target.*

Усиление негативного образа президента Башара Асада достигается посредством другой метафоры — *президент-марионетка: the puppet role of Assad.* По данным англоязычных словарей, лексема *puppet* имеет следующие значения:

1) a doll that is moved by putting your hand inside it or by pulling strings or wires that are attached to it;

2) a person or an organization that is controlled by another person or organization.

Таким способом формируется общественное мнение о том, что Башар Асад является лишь инструментом в чужих руках: безвольным политиком, которым с легкостью управляют. В то же время Башару Асаду противопоставляется фигура В. Путина: *Putin believes he holds a commanding position on the chessboard.* Слово «chessboard» вызывает в памяти ассоциативный комплекс, связанный с игрой в шахматы, доминирующая позиция в которой принадлежит России, и в то же время актуализирует в сознании читателя метафорическую модель *политика — игра*. Эмоциональная окраска метафоры свидетельствует об отрицательном отношении к В. Путину, который не всегда руководствуется демократическими принципами, пытается оказать давление на другие страны, ведет нечестную политическую игру.

В результате актуализации таких экспрессивных средств языка, как «*be steeped in innocent blood*», «*murderous consequences for civilians*», «*slaughter civilians*», усиливается образ кровавого политика-диктатора:

The Russian president's hands may be steeped in innocent blood;

Putin... has been attacking rebel armoured vehicles and heavy weapons, with indifferent accuracy and murderous consequences for civilians;

Assad and Moscow slaughter civilians with cluster bombs.

Мысль о том, что вооруженный конфликт приводит к гибели мирных жителей, является лейтмотивом всех проанализированных нами британских СМИ:

Eight children were killed when two schools... were hit... All of the attacks have been directed at civilian, rather than military, targets;

There have been several reports of civilian casualties, and strikes on mosques and residential homes.

Англоязычному сообществу также внушается идея о том, что образ президента — лидера нации искусственно создается («*create a narrative*») и навязывается россиянам:

He has created a narrative for the Russian people that asserts their nation is under assault by the West ... He, Putin, is the only man with the courage and leadership skills to restore Russia to its rightful place in the place.

Итак, выполненный анализ воссоздает следующую образ-схему репрезентации сведений о действиях российских военных в Сирии англоязычному адресату: *разыгрывая шахматную партию, президент-марионетка заключает договор с президентом-агрессором, выполнение которого (договора) влечет за собой как грубое нарушение правовых норм, так и гибель мирных жителей.*

Следует отметить, что информационные атаки группируются не только вокруг военных конфликтов. Информационным атакам подвергаются и другие сферы деятельности человека и общества: искусство, образование, спорт и др. Министр спорта В. Мутко охарактеризовал допинговый скандал вокруг российских спортсменов как информационную атаку: «идет обычная информационная атака на Россию, и она будет продолжаться», — заявил Мутко...» [Михайлиди 2016]. В связи с этим кажется актуальным и интересным продолжать исследования в данном направлении.

Таким образом, реальный мир транслируется в информационное пространство сквозь призму концептуальной метафоры. В ходе этого процесса события окружающей нас действительности получают вербальное выражение, концептуализируются и категоризируются и становятся частью языковой картины мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Болдырев Н. Н. Структуры и принципы формирования оценочных категорий // С любовью к языку : сб. науч. трудов : посвящ. Е. С. Кубряковой. — М. ; Воронеж : Изд-во ИЯ РАН, ВГУ, 2002. С. 103—114.
2. Буслаев Ф. И. О преподавании отечественного языка. — Л., 1941.
3. В Кремле рассказали о готовящемся «вбросе» против Путина // РИА «Новости». 2016. 28 марта. URL: <https://ria.ru/politics/20160328/1398647492.html#ixzz46vkkoTQK> (дата обращения: 31.03.2016).
4. Кубрякова Е. С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика — психология — когнитивная наука // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 34—47.
5. Миньяр-Белоручева А. П. К проблеме создания политических неологизмов // Вестн. Юж.-Урал. гос. ун-та. 2012. № 25. С. 32—37. (Сер. «Лингвистика» ; 2012, вып. 15).
6. Михайлиди К. Мутко с юристами держит новый удар в информационной войне против России // Федеральное агентство новостей. 2016. 8 мая. URL: <http://riafan.ru/521423-mutko-s-yuristami-derzhit-novyi-udar-v-informacionnoi-voine-protiv-rossii> (дата обращения: 18.07.2016).
7. Почепцов Г. Г. Информационные войны. — М., 2000.

8. Путин опроверг данные западной пропаганды // Putin info. 2015. 1 окт. URL: <http://putininfo.com/8332806-putin-oproverg-dannye-zapadnoj-propagandy/> (дата обращения: 31.03.2016).

9. Шекотихин В. М. Информационная война. Информационное противоборство: теория и практика : моногр. / под общ. ред. канд. техн. наук, проф. В. М. Шекотихина. — М. : Акад. ФСО России : ЦАТУ, 2011.

10. Client // Merriam-Webster. URL: <http://www.merriam-webster.com/dictionary/client>.

11. Hastings M. Putin's power grab // The Sunday Times. 2015. Oct. 11. URL: <http://thesundaytimes.co.uk/sto/news/focus/article1618083.ece> (date of access: 25.04.2016).

12. Libicki Martin C. What is Information Warfare? — Washington : National Defense Univ., 1995.

13. Philp C. Putin fires 26 cruise missiles to launch Assad's fightback // The Times. 2015a. Oct. 8. URL: <http://thetimes.co.uk/tto/news/world/middleeast/article457927> (date of access: 25.04.2016).

14. Philp C. Russia bombs US-trained rebels in Syria as Iran reinforces troops // The Times. 2015b. Oct. 2. URL: <http://thetimes.co.uk/tto/news/world/middleeast/article457361> (date of access: 25.04.2016).

15. Putin: Claims Russian jets killed civilians in Syria emerged before airstrikes started // RT. 2015. 1 Oct. URL: <https://www.rt.com/news/317188-putin-civilian-casualties-syria/> (date of access: 3.10.2015).

16. Rubin J. While Obama Shrugs, Putin struts into Syria to play world policeman // The Sunday Times. 2015. Sept. 20. URL: <http://thesundaytimes.co.uk/sto/comment/columns/article160...> (date of access: 25.04.2016).

17. Semantic attack // Your Dictionary. URL: <http://www.yourdictionary.com/semantic-attack>.

18. Smith H. L. Assad and Moscow slaughter civilians with cluster bombs // The Times. 2015. Dec. 21. URL : <http://thetimes.co.uk/tto/news/world/middleeast/article464594> (date of access: 25.04.2016).

L. V. Kotsyubinskaya
St. Petersburg, Russia

METAPHOR “INFORMATION ATTACK” AS THE OBJECT OF LINGUISTIC STUDY

ABSTRACT. *Changes in society are reflected in the language. Never before has the political vocabulary enriched as quickly as today in the age of Information Warfare when the struggle between nations involves the use and management of information and communication technology. Metaphorical expressions “information war,” “information noise,” “information society” ect. have recently appeared in the language. The article deals with “information attack”, analyses the conceptual metaphor that is in the basis of the term, as well as defines the notion of “information attack”. For the purpose of this paper, information attack is referred to as a way of verbalization and implementation of politically and/ or ideologically significant ideas in order to influence on public consciousness and behavior. Information attacks cluster about events and phenomena. The article examines the body of information (according to president Putin “information attacks”) about Russian military action in Syria presented by the British media in October-December 2015. Special attention is paid to the study of metaphorical representation of “information attacks” in political communication and the reconstruction of image schemas, which establish patterns of understanding and reasoning.*

KEYWORDS: *information warfare; information attack; metaphor; image; schema; language evolution; Syria.*

ABOUT THE AUTHOR: *Kotsyubinskaya Lyubov Vyacheslavovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Head of Department of Translation Studies, Pushkin Leningrad State University, Pushkin, Russia.*

REFERENCES

1. Boldyrev N. N. *Struktury i printsipy formirovaniya otsennoykh kategoriy // S lyubov'yu k yazyku : sb. nauch. trudov : posvyashch. E. S. Kubryakovoy. — M. ; Voronezh : Izd-vo IYa RAN, VGU, 2002. S. 103—114.*

2. Buslaev F. I. *O prepodavanii otechestvennogo yazyka. — L., 1941.*

3. *V Kremlе rasskazali o gotovyashchemsya «vbrose» protiv Putina // RIA «Novosti». 2016. 28 marta. URL: https://ria.ru/politics/20160328/1398647492.html#ixzz46vkoTQK (data obrashcheniya: 31.03.2016).*

4. Kubryakova E. S. *Nachal'nye etapy stanovleniya kognitivizma: lingvistika — psikhologiya — kognitivnaya nauka // Voprosy yazykoznanija. 1994. № 4. S. 34—47.*

5. *Min'yar-Beloručeva A. P. K probleme sozdaniya politicheskikh neologizmov // Vestn. Yuzh.-Ural. gos. un-ta. 2012. № 25. S. 32—37. (Ser. «Lingvistika» ; 2012, vyp. 15).*

6. *Mikhaylidi K. Mutko s yuristami derzhit novyy udar v informatsionnoy voyne protiv Rossii // Federal'noe agentstvo novostey. 2016. 8 maya. URL: http://riafan.ru/521423-mutko-s-yuristami-derzhit-novyi-udar-v-informacionnoi-voine-protiv-rossii (data obrashcheniya: 18.07.2016).*

7. *Pocheptsov G. G. Informatsionnye voyny. — M., 2000.*

8. *Putin oproverg dannye zapadnoy propagandy // Putin info. 2015. 1 okt. URL: http://putininfo.com/8332806-putin-oproverg-dannye-zapadnoj-propagandy/ (data obrashcheniya: 31.03.2016).*

9. *Shchekotikhin V. M. Informatsionnaya voyna. Informatsionnoe protivoborstvo: teoriya i praktika : monogr. / pod obshch. red. kand. tekhn. nauk, prof. V. M. Shchekotikhina. — M. : Akad. FSO Rossii : TsATU, 2011.*

10. Client // Merriam-Webster. URL: <http://www.merriam-webster.com/dictionary/client>.

11. Hastings M. Putin's power grab // The Sunday Times. 2015. Oct. 11. URL: <http://thesundaytimes.co.uk/sto/news/focus/article1618083.ece> (date of access: 25.04.2016).

12. Libicki Martin C. What is Information Warfare? — Washington : National Defense Univ., 1995.

13. Philp C. Putin fires 26 cruise missiles to launch Assad's fightback // The Times. 2015a. Oct. 8. URL: <http://thetimes.co.uk/tto/news/world/middleeast/article457927> (date of access: 25.04.2016).

14. Philp C. Russia bombs US-trained rebels in Syria as Iran reinforces troops // The Times. 2015b. Oct. 2. URL: <http://thetimes.co.uk/tto/news/world/middleeast/article457361> (date of access: 25.04.2016).

15. *Putin: Claims Russian jets killed civilians in Syria emerged before airstrikes started // RT. 2015. 1 Oct. URL: https://www.rt.com/news/317188-putin-civilian-casualties-syria/ (date of access: 3.10.2015).*

16. Rubin J. While Obama Shrugs, Putin struts into Syria to play world policeman // The Sunday Times. 2015. Sept. 20. URL: <http://thesundaytimes.co.uk/sto/comment/columns/article160...> (date of access: 25.04.2016).

17. *Semantic attack // Your Dictionary. URL: http://www.yourdictionary.com/semantic-attack.*

18. Smith H. L. Assad and Moscow slaughter civilians with cluster bombs // The Times. 2015. Dec. 21. URL : <http://thetimes.co.uk/tto/news/world/middleeast/article464594> (date of access: 25.04.2016).

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, доц. О. Н. Морозова.

Е. М. Крижановская
Пермь, Россия

КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ ПУБЛИЧНЫХ ВЫСТУПЛЕНИЙ КАНДИДАТОВ В ДЕПУТАТЫ РЕГИОНАЛЬНОГО УРОВНЯ

АННОТАЦИЯ. В статье характеризуются некоторые наиболее частотные коммуникативные стратегии и тактики, используемые кандидатами в депутаты регионального уровня от партии «Единая Россия» в период проведения предварительных выборов (праймериз). В работе на материале интернет-текстов информационных статей рассматриваются отдельные речевые способы самопрезентации депутатов и поддержания региональными журналистами интереса избирателей к кандидатам от правящей партии. Материалом для анализа послужили фрагменты выступлений кандидатов в депутаты Пермской городской думы от партии «Единая Россия», представленные на официальном сайте еженедельной пермской деловой и политической газеты «Новый компаньон» за период с 23 апреля 2016 года по 25 мая 2016 года. К частотным речевым стратегиям относятся информационно-интерпретационная, которая позволяет донести до избирателя необходимую информацию, пояснить значимые составляющие политического события и ответить на предполагаемые вопросы представителей электората, и стратегия самопрезентации. В период праймериз было отмечено, что в основном журналисты пермской деловой газеты избегали высказывать личное мнение относительно анализируемого политического события и деятельности его участников, часто перепечатывали материалы официального сайта пресс-службы пермского исполнительного комитета партии «Единая Россия» или цитировали высказывания кандидатов. Статья содержит вывод о том, что на способы освещения актуального политического события в региональных СМИ оказывают влияние такие экстралингвистические факторы, как позиция интернет-издания, воздействие идеологических установок правящей партии, личная позиция отдельных журналистов и др.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс; интернет-коммуникация; речевые стратегии; коммуникативные тактики; способы самопрезентации политика.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Крижановская Елена Мечиславовна, кандидат филологических наук, доцент, кафедра журналистики и массовых коммуникаций, Пермский государственный национальный исследовательский университет; 614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15; e-mail: emkrizh@gmail.com; krizh@psu.ru.

Общеизвестно, что наибольшую остроту и напряженность политическая борьба приобретает во время выборов федерального или регионального уровней. Одним из актуальных событий политической жизни современной России явилось предварительное голосование (праймериз) партии «Единая Россия» в регионах, по результатам которого был сформирован список кандидатов в депутаты от этой партии на выборах в Государственную думу VII созыва. Праймериз «Единой России» состоялся 22 мая 2016 г. За месяц до даты официального голосования на страницах печатных и интернет-изданий, в телевизионных рекламных роликах и радиоспотах стали появляться разного рода информационно-агитационные материалы, которые сообщали избирателям о предстоящем событии. Представляется, что изучение речевых стратегий и тактик, используемых кандидатами в депутаты, а также профессиональными журналистами в процессе предвыборной кампании, позволит не только определить специфику речевого поведения участников анализируемого политического процесса и сделать выводы об эффективности этой деятельности, но и выявить некоторые особенности регионального медиадискурса, поскольку именно журналистские произведения способствуют созданию программируемых имиджей региональных политиков и формированию политического сознания избирателей. Необходимость учета особенностей речевой деятельности

журналистов в предвыборном процессе отмечает Д. А. Малышев: «Необходимо различать, с одной стороны, активность самого политика в таком событии, т. е. его собственные презентационные стратегии и тактики, его самопрезентацию (даже если она подготовлена политтехнологами и имиджмейкерами), а с другой — журналистские приемы отображения события и политика в нем, т. е. журналистскую презентацию кандидата» [Малышев 2016: 6].

В данной работе материалом для анализа послужили фрагменты выступлений кандидатов в депутаты Пермской городской думы от партии «Единая Россия», представленные на официальном сайте еженедельной пермской деловой и политической газеты «Новый компаньон» [Новый компаньон] за период с 23 апреля 2016 г. по 25 мая 2016 г. В процессе изучения интернет-версии информационных статей анализируемой газеты были выявлены наиболее типичные речевые стратегии и тактики, применяемые кандидатами в депутаты регионального парламента.

Так, одной из наиболее частотных речевых стратегий является информационно-интерпретационная стратегия (по классификации О. Н. Паршиной). Использование именно этой стратегии кандидатами в депутаты от правящей партии позволяет донести до избирателя необходимую информацию, пояснить значимые составляющие политического события и ответить на предполагаемые вопросы представителей электората. Это

Исследование выполнено при поддержке РГНФ (проект № 16-14-59007 «Локальный медиадискурс: перспективы оптимизации информационно-коммуникативных процессов»).

подтверждается и наблюдениями О. Н. Паршиной, которая отмечает, что «большое место в речевой деятельности политиков, находящихся у власти, занимает воздействие на общество, осуществляемое через подачу информации и ее интерпретацию, что, конечно, не исключает использования и других средств, например, отдельных приемов манипуляции» [Паршина 2007: 79]. В качестве примера реализации информационно-интерпретационной стратегии приведем следующий фрагмент интервью пермского журналиста А. Морозовой с секретарем регионального отделения партии «Единая Россия» в Пермском крае Николаем Дёмкиным:

А. Морозова: *Николай Иванович, в этом году партия „Единая Россия“ запустила новую процедуру — предварительное голосование. В чём её суть и зачем эта процедура нужна избирателям?*

Н. Дёмкин: *Раньше кандидаты в депутаты, в том числе и от „Единой России“, назначались президиумом, политсоветом, другими органами партии. Сейчас отбор кандидатов проходит поистине всенародно. В этом большое отличие нынешнего подхода. ...Люди сами выберут из заявившихся претендентов наиболее достойных для участия в выборах. ...При этом все прошедшие предварительный отбор имеют обязательство не становиться кандидатами от других партий (20.04.2016).*

В приведенном текстовом фрагменте реализована речевая тактика разъяснения, при помощи которой актуализируется информационно-интерпретационная стратегия. Отвечая на вопрос журналистки, который побуждает политика разъяснить действия партии «Единая Россия», и используя наречия *раньше* и *сейчас* для выражения отношений противопоставления, кандидат в депутаты объясняет читателям газеты особенности актуальной политической ситуации и подчеркивает отличие современной ситуации от событий предыдущих лет при помощи сложного словосочетания «*большое отличие нынешнего подхода*».

Другой не менее значимой коммуникативной стратегией является стратегия самопрезентации. Как отмечает О. Н. Быкова, «самопрезентация — это эмоциональная „самоподача“ оратора, косвенная демонстрация психических качеств его личности для формирования впечатления о нем самом и его целях» [цит. по: Паршина 2007: 43]. Не вызывает сомнения, что стратегия самопрезентации чрезвычайно актуальна именно в периоды предвыборной борьбы кандидатов, когда так важно набрать как можно больше очков у электората. Коммуникативная стратегия

самопрезентации может быть реализована целым рядом речевых тактик — от наименее вызывающих до наиболее эпатажных. Для сравнения приведем 2 текстовых фрагмента, в которых, на наш взгляд, по-разному реализуется стратегия самопрезентации:

а) *Участвовать в праймериз намерен вполне осознанно. У меня имеется достаточно большой опыт работы на местном уровне, сложились коммуникации с федеральными структурами, коллегами из других городов. Полагаю, что буду полезен для нашей большой команды, представляя интересы Перми в Государственной думе (26.04.2016); б) У меня есть четкое понимание, зачем мне — председателю краевой организации Союза журналистов России — становиться депутатом краевого парламента. Я уверен, что в этом статусе не только смогу быть по-настоящему полезным для избирателей (у меня есть для этого и желание, и возможности), но и получу дополнительные политические ресурсы для отстаивания интересов медиаобщества в целом и местной прессы в частности. Для меня очевидно, что слабые и зависимые от произвола чиновников СМИ — это наша общая беда. Я вижу прямую взаимосвязь между качеством жизни и уровнем свободы слова в нашем регионе (23.04.2016).*

Представленные выше отрывки из выступлений региональных политиков демонстрируют реализацию разных тактик стратегии самопрезентации. Если в текстовом фрагменте а) мэр г. Перми Игорь Сапко избирает речевую тактику отождествления себя с командой (возможно, с другими членами партии «Единая Россия») и максимально избегает использования личного местоимения *я*, в скромных выражениях подчеркивая свой профессионализм и компетентность в решении региональных проблем, то в фрагменте б) Игорь Лобанов — один из учредителей издательского дома «Компаньон» и председатель Пермской краевой организации Союза журналистов России — использует речевую тактику гипертрофирования «*я-темы*», намеренно акцентируя внимание читателей на своей личности. С этой целью И. Лобанов упоминает свой социальный статус, неоднократно использует личное местоимение *я* в различных формах (*меня, мне*), употребляет категоричные высказывания (*у меня есть четкое понимание; я уверен; смогу быть по-настоящему полезным; у меня есть для этого и желание, и возможности; для меня очевидно, что...; я вижу прямую взаимосвязь*). На наш взгляд, агрессивное подчеркивание достоинств кан-

дидата, представленное во втором фрагменте, может нанести ущерб его имиджу и оттолкнуть потенциального избирателя.

Изучение текстов интернет-версии газеты «Новый компаньон» в период проведения праймериз «Единой России» позволило выявить особенности речевой деятельности журналистов этой региональной газеты. В частности, было отмечено, что в основном журналисты пермской деловой газеты избегают высказывать личное мнение относительно анализируемого политического события и деятельности его участников. В большинстве случаев материалы, представленные в интернет-газете «Новый компаньон», являются перепостами материалов официального сайта пресс-службы пермского исполнительного комитета партии «Единая Россия». В этом случае в последнем абзаце новостной статьи приводится ссылка на источник официальной информации и гиперссылка на интернет-версию «Нового компаньона», например: *Источник — пресс-служба регионального исполнительного комитета партии „Единая Россия“*. Подробнее: <http://www.newsko.ru/news/ink-3180077.html>.

Вполне возможно, что вуалирование собственной гражданской позиции региональными журналистами, освещающими предвыборные события, является следствием установок интернет-издания на максимально беспристрастное отражение актуальной политической ситуации. В этом случае тексты информационных статей публикуются без указания их авторства.

Наряду с этим, основной коммуникативной стратегией, избираемой журналистами газеты «Новый компаньон» при освещении праймериз партии «Единая Россия», является информационно-интерпретационная стратегия, которая в наибольшей степени проявляется в информационном характере заголовков новостных статей, например: *Единороссы не допустили до праймериз шестерых кандидатов; Единороссы обсудили процедуру проведения праймериз; Единороссы отдали мандат Владимира Чулошникова Денису Ушакову. Сергей Ветошкин не набрал нужного количества голосов; Единороссы рассказали о подкупе избирателей на грядущих праймериз; Игорь Сапко отказался участвовать в предварительном голосовании по округу. „Единая Россия“ потеряла на праймериз девять кандидатов; Члены партии обсудили вместе с учёными ПГНИУ программу „Единой России“* и др. Как отмечалось выше, использование информационно-интерпретационной стратегии свойственно тем политическим партиям, которые на-

ходятся у власти, такую же коммуникативную стратегию избирают и региональные журналисты, сообщающие о деятельности партии «Единая Россия».

В информационных статьях интернет-версии газеты «Новый компаньон», имеющих указание авторства, наблюдается использование однотипных речевых приемов. В частности, это выражается в преобладании двусоставных предложений с прямым порядком слов, в которых сказуемое выражено глаголами совершенного вида в форме прошедшего, настоящего и будущего времени или в форме страдательного причастия прошедшего времени, например: ...*депутаты Законодательного собрания рассмотрят сразу несколько социально важных законопроектов; единороссы предложили список выборщиков; политсовет решил провести внеочередную конференцию; предложения „Единой России“ по источнику финансирования уже согласованы с правительством региона и губернатором Пермского края; региональный комитет партии „Единая Россия“ провел заседание политсовета* и др. Как известно, глаголы и причастия совершенного вида имеют значение завершенности, результативности действия, возможно, употребление таких глагольных словоформ призвано показать потенциальному избирателю, что партия власти отличается от других тем, что не только обещает что-либо сделать для блага народа, но уже давно действует. Интересно, что анализируемые информационные статьи обязательно содержат прямую цитацию высказываний кандидатов в депутаты от партии «Единая Россия» или передают высказывания кандидатов в форме косвенной речи. Прием цитации позволяют журналисту повысить доверие читателей к источнику информации за счет ссылки на мнение авторитетного лица и при этом уклониться от выражения собственной позиции по рассматриваемому вопросу.

Подводя предварительные итоги анализа текстов интернет-версии пермской деловой и политической газеты «Новый компаньон», еще раз отметим, что, по-видимому, на способы освещения актуального политического события в региональных СМИ оказывают влияние такие экстралингвистические факторы, как позиция интернет-издания, воздействие идеологических установок правящей партии, личная позиция отдельных журналистов и др. На наш взгляд, дальнейшее изучение пермских интернет-изданий позволит выявить характерные особенности политического сегмента регионального медиадискурса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Атьман О. В. Вербализация стратегии самопрезентации в президентских предвыборных теледебатах как агональном жанре политического дискурса США // Политическая лингвистика. 2011. № 1 (35). С. 96—102.
2. Зелянская Н. Л. Медиаобраз политика: интернет-сообщество как агенс политической реальности // Политическая лингвистика. 2014. № 4 (50). С. 120—126.
3. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. 4-е изд., стер. — М.: КомКнига, 2006.
4. Колмогорова А. В., Шестаков М. Е. Прагматические функции коммуникативного лицедейства в российском политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2015. № 1. С. 110—114.
5. Купина Н. А. Агитационный дискурс: в поисках жанра влияния // Культурно-речевая ситуация в современной России. — Екатеринбург, 2000. С. 216—233.

Е. М. Krizhanovskaya
Perm, Russia

COMMUNICATIVE STRATEGIES AND TACTICS IN REGIONAL CANDIDATES' PUBLIC SPEECHES

ABSTRACT. *The paper discusses some frequent recurring communicative strategies and tactics used by the "United Russia" candidates for Deputy on the regional level during the primaries. Based on the news articles published in the Internet, some verbal means of self-presentation of the Deputies and the means to arouse interest of the voters to the candidates from the ruling party used by the journalists are discussed. The research is based on the speeches of the "United Russia" candidates for Deputy to Perm State Duma, which were published on the official web-site of the weekly Perm business and political newspaper "Novy Kompanion" in April – May, 2016. The most frequent recurring speech strategies are informational-interpretational, which makes it possible to inform the voter, to explain the meaningful components of the political event and to answer the questions of the voters. The other wide-spread strategy is the strategy of self-presentation. It was revealed during the primaries that the journalists of Perm newspaper were reluctant to express their own opinion on the described political event, instead they often copied the materials published on the official web-site of "United Russia" in Perm or simply quoted the sayings of the candidates. The conclusion is made that such extra-linguistic factors as opinion expressed in the Internet publication, ideology of the ruling party, personal opinion of some journalists, etc., have a great impact of the coverage of the event in the regional mass media.*

KEYWORDS: *political discourse; the Internet communication, speech strategies, communicative tactics, ways of the politician's self-presentation.*

ABOUT THE AUTHOR: *Krizhanovskaya Yelena Mechislavovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Journalism and Mass Communications, Perm State National Research University, Perm, Russia.*

REFERENCES

1. At'man O. V. Verbalizatsiya strategii samoprezentatsii v prezidentskikh predvybornykh teledebatakh kak agonal'nom zhanre politicheskogo diskursa SShA // Politicheskaya lingvistika. 2011. № 1 (35). S. 96—102.
2. Zelyanskaya N. L. Mediaobraz politika: internet-soobshchestvo kak agens politicheskoy real'nosti // Politicheskaya lingvistika. 2014. № 4 (50). S. 120—126.
3. Issers O. S. Kommunikativnye strategii i taktiki russkoy rechi. 4-e izd., ster. — М.: KomKniga, 2006.
4. Kolmogorova A. V., Shestakov M. E. Pragmaticheskie funktsii kommunikativnogo litsedeystva v rossiyskom politicheskom diskurse // Politicheskaya lingvistika. 2015. № 1. S. 110—114.
5. Kupina N. A. Agitatsionnyy diskurs: v poiskakh zhanra vliyaniya // Kul'turno-recheyaya situatsiya v sovremennoy Rossii. — Ekaterinburg, 2000. S. 216—233.

6. Лу Тинтин. Стратегия уклонения в политическом интервью: на материале русского и китайского языков // Политическая лингвистика. 2016. № 4 (58). С. 60—67.
7. Мальшев Д. А. Коммуникативные стратегии и тактики презентации политика в теленовостях (на примере материалов Первого канала, НТВ и РЕН ТВ) : автореф. ... дис. канд. филол. наук. — М., 2016.
8. Новый компаньон. URL: <http://www.newsco.ru>.
9. Паршина О. Н. Российская политическая речь: теория и практика / под ред. О. Б. Сиротининой. Изд. 2-е, испр. и доп. — М.: Изд-во ЛКИ, 2007.
10. Туманова Г. А. Роль прецедентных феноменов в реализации стратегии убеждения (на материале русско- и немецкоязычных политических ток-шоу) // Политическая лингвистика. 2015. № 1. С. 132—137.
11. Шейгал Е. И. Семантика политического дискурса. — Волгоград: Перемена, 2000.

6. Lu Tintin. Strategiya ukloneniya v politicheskom interv'yuu: na materiale russkogo i kitayskogo yazykov // Politicheskaya lingvistika. 2016. № 4 (58). S. 60—67.
7. Malyshev D. A. Kommunikativnye strategii i taktiki prezentatsii politika v telenovostyakh (na primere materialov Pervogo kanala, NTV i REN TV) : avtoref. ... dis. kand. filol. nauk. — М., 2016.
8. Novyy kompan'on. URL: <http://www.newsco.ru>.
9. Parshina O. N. Rossiyskaya politicheskaya rech': teoriya i praktika / pod red. O. B. Sirotininoy. Izd. 2-e, ispr. i dop. — М.: Izd-vo LKI, 2007.
10. Tumanova G. A. Rol' pretsedentnykh fenomenov v realizatsii strategii ubezhdeniya (na materiale rusko- i nemetskoyazychnykh politicheskikh tok-shou) // Politicheskaya lingvistika. 2015. № 1. S. 132—137.
11. Sheygal E. I. Semiotika politicheskogo diskursa. — Volgograd : Peremena, 2000.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.

А. И. Милостивая
Ставрополь, Россия

ЭВИДЕНЦИАЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ КАК ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЕ МАРКЕРЫ КОММУНИКАТИВНОГО СУБЪЕКТА В ГАЗЕТНОМ НАРРАТИВЕ

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена исследованию эвиденциальных конструкций, выступающих в качестве ролевого дейксиса в газетном нарративе. Исходя из допущения, что коммуникативный субъект в данном нарративе репрезентуется как кооперативное взаимодействие цепочки адресантов («заказчик» информации — редактор — журналист — источник информации — журналист), мы соотносим эвиденциальные маркеры с референцией к сведениям об описываемом событии со стороны источника информации и журналиста. Основная цель исследования — изучение структурно-семантических и коммуникативно-прагматических характеристик эвиденциальных конструкций в массмедийном нарративе, которые предоставляют возможность получить информацию о гетерогенном коммуникативном субъекте и его аксиологической ориентации.

Материалом исследования послужили как однотекстовые нарративы, так и повествовательная секвенция «Демонстрация участников политической группировки „Воскиру“ во Франкфурте» из ведущих надрегиональных немецких газет «Франкфуртер альгемайне» и «Бильд». Для решения поставленных задач в работе наряду с описательным методом были использованы методы контекстуального и герменевтического анализа.

Наши наблюдения показали, что существует корреляция между эвиденциальным дискурсивным маркером (номинацией информационного агентства) и индикацией источника информации в нарративе. Кроме того, возможна косвенная дейктическая отсылка к получению информации из «вторых» рук с помощью модальных глаголов (прежде всего, *soßen*) и лексических маркеров. Применение эвиденциальных конструкций для дейктической отсылки к номинированному или анонимному источнику информации детерминировано прагматически и связано со стремлением нарратора дистанцироваться от некоторых фактов, обладающих сомнительной достоверностью или аксиологическими оценками изображаемых событий, которые с его позиции неприемлемы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: эвиденциальность; газетный нарратив; ролевой дейксис; коммуникативный субъект; журналист; информационное агентство.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Милостивая Александра Ивановна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории и практики перевода, Гуманитарный институт, Северо-Кавказский федеральный университет; 355008, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1; e-mail: xyscha@mail.ru.

Эвиденциальность является одной из относительно новых категорий, которые характеризуют как структурно-функциональные особенности высказывания, так и его коммуникативно-прагматический потенциал. Впервые об эвиденциальности заговорил американский лингвист Ф. Боас, который указал на то, что в некоторых языках возможно вербальное маркирование источника информации [Boas 1911: 496]. Он рассматривал подобные конструкции прежде всего как морфосинтаксические формы, относящиеся к грамматической системе языка. Позднее Р. Якобсон ввел в научный обиход термин «эвиденциальность» в исследовании, посвященном описанию форм русского глагола [Jakobson 1990: 392].

В современной лингвистической литературе под эвиденциальностью понимается «указание на источник информации из первых рук или не из первых рук» (firsthand and non-firsthand sources of information) [Aikhenvald 2006: 1]. При этом в качестве эвиденциальности рассматриваются маркеры источника информации в высказывании, связанные его визуальным, сенсорным, инференциальным, предположительным, основанным на слухах и цитатным (visual, sensory, inference, assumption, hearsay, and quotative) оформлением [Aikhenvald 2004: 3]. У. Чейф рассматривает эвиденциальность как серию эпистемологических суждений, кодированных лингвистически [Chafe 1986: 262]. Подобный подход присутствует и в исследовании Д. Вебера, ко-

торый анализирует конструкции языка кечуа и приходит к выводу о том, что суффиксы в данном языке могут выступать носителями информации следующих типов:

- эвиденциального типа, т. е. сведений о том, как говорящий узнает о том или ином событии (из первых рук или из вторых рук);
- валидационного (утвердительного) типа, т. е. данных о том, как говорящий оценивает реальность описываемого события (факт/фантастика/гипотеза);
- интенционального типа, т. е. передавать, что говорящий намеревается сообщить слушающему, его стремление вызвать у слушающего доверие, ответное действие или сомнение в сказанном [Weber 1986: 137].

М. Хардман дает определение эвиденциальности с точки зрения прагмалингвистики, что особо ценно для нашего исследования. Она подчеркивает, что эвиденциальность позволяет идентифицировать, как говорящий получает сведения о предмете своей речи [Hardman 1986: 115]. Известный отечественный лингвист Н. А. Козинцева также подчеркивает, что эвиденциальность связана с «передачей некоторой объективной информации, выражением авторской позиции говорящего, его субъективного отношения к сообщению» [Козинцева 1994: 92]. Согласно концепции этой исследовательницы, это отношение может выражаться следующими способами:

- «1) говорящий всегда имеет возможность строить свое высказывание, не указывая на источник своих знаний;

2) говорящий обязан в определенных ситуативных условиях выразить источник, на котором основаны его сведения. Таким источником могут быть: а) собственные наблюдения говорящего (прямое свидетельство); б) сведения из вторых рук, умозаключение (непрямое или косвенное свидетельство)» [Там же].

В современных коммуникативно ориентированных исследованиях все чаще и чаще эвиденциальность рассматривается как текстовая или дискурсивная категория. Так, в частности, в работе Ю. Г. Балабаевой речь идет об эвиденциальной специфике немецкого научного текста. Среди средств реализации данного функционального параметра в исследовании упоминаются сноски, ссылки, пояснения, примечания, вставные конструкции и примеры [Балабаева 2010: 23]. В статье Т. Н. Астаховой представлены наблюдения о специфике эвиденциальных маркеров в немецких СМИ. В фокус исследовательского интереса здесь попадают прежде всего такие важные для организации массмедийной коммуникации категории, как эвиденциальность и авторитетность. В работе делается вывод о тесной взаимосвязи данных категорий, что обуславливает достоверность сообщения в прессе. Вместе с тем эвиденциальные «маркеры недоверия являются показателем нестабильности авторитета того или иного источника информации» [Астахова 2014: 71]. Тем самым в исследовании постулируется аксиологическая окрашенность эвиденциального выбора в СМИ, что релевантно в контексте проводимого нами анализа особенностей презентации массмедийного контента различными субъектами нарратива.

В зарубежной исследовательской традиции все чаще и чаще политический дискурс рассматривается как сфера функционирования и спецификации семантики эвиденциальных маркеров. Так, Э. Ребер анализирует роль эвиденциальных конструкций в интервью британского премьер-министра [Reber 2014], Р. Берлин и А. Прието-Мендоса изучают роль данных объектов в ходе дебатов в период предвыборных кампаний в США [Berlin, Prieto-Mendoza 2014], а Э. Оиши [Oishi 2014] и М. Сбиза [Sbisa 2014] описывают роль эвиденциальности в рецепции достоверности газетных статей. Таким образом, не вызывает сомнений актуальность анализа эвиденциальных форм в прессе вообще и в газетном нарративе в частности.

В данном исследовании мы исходим из допущения, что вербальная интеракция в СМИ происходит в форме коммуникативной цепочки акторов: «заказчик» информации —

редактор — журналист — источник информации — журналист — редактор. При таком подходе мы соотносим эвиденциальные маркеры с референцией к сведениям об описываемом событии со стороны:

- 1) журналиста;
- 2) источника информации.

Остановимся более подробно на характеристике социокультурной специфики текстовой маркированности деятельности этих участников коммуникативного процесса. Мы считаем, что подобная маркированность возможна при помощи эвиденциальных конструкций, которые в данном случае выполняют функцию указания на участников речевого акта, т. е. эвиденциальность в нашей трактовке отождествляется с ролевым дейксисом, указывающим на отдельные компоненты коммуникативной цепочки акторов в СМИ. В наших исследованиях мы подробно останавливались на классификации ролевого дейксиса данного типа в немецких газетах, выделяя следующие его виды (далее мы перечислим только обладающие эвиденциальной семантикой типы ролевого дейксиса в газете):

• **Автором статьи является информационное агентство** (*dpa*: Deutsche Presse-Agentur, *AP*: Associated Press, *rt*: Reuters News Service, *vwd*: Vereinigte Wirtschaftsdienste, *AFP*: Agence France-Presse, *sid*: Sport-Informations-Dienst, *epd*: Evangelischer Pressedienst, *KNA*: Katholische Nachrichten-Agentur, *ADN*: Allgemeiner Deutscher Nachrichtendienst (ГДР)). Редакции газет пользуются услугами информационных агентств со схожей идеологической направленностью. Так, нами не было зафиксировано ни единого факта ссылки католической газеты «Ди тагеспост» на *epd* или ссылок газеты «Нойес Дойчланд» на западноевропейские информационные агентства (*dpa*, *AP*, *Reuters* и др.) [Милостивая 2001: 81]. В ряде случаев для повышения достоверности и придания объективности повествованию журналист действует в своей статье сведения ряда информационных агентств: *Von Reuters/dpa — Polizei: Krawalle waren strategisch geplant* [Polizei: Krawalle waren strategisch geplant 2015].

• **В качестве указания на авторство статьи использована одновременно ссылка на собственного корреспондента и информационное агентство.** Когда редакция газеты не находит в материалах информационных агентств всей полноты сведений о событии или четкого выражения своей позиции, то используются материалы, предоставленные ее собственными корреспондентами [Милостивая 2001: 82]: *okü.lgif.ller.ljor.ldpa/AFP*, где *okü.lgif.ller.ljor.* — зашифрованные знаки собственных корреспондентов, а *dpa*, *AFP* —

информационные агентства в статье «Kritik und Verständnis für Gewalt» («Критика и обоснование необходимости насилия») [Kritik und Verständnis für Gewalt 2015].

Таким образом, источником информации, коррелирующим с экспликацией категории эвиденциальности в газетном нарративе, может выступать информационное агентство, собкор периодического издания, а также тот или иной социальный институт. Несколько источников информации могут быть задействованы одним повествовательным субъектом, один источник информации может сотрудничать с разными СМИ. В большинстве случаев субъект газетной коммуникации избирает тот источник информации, который обладает идеологической ориентацией, сходной с редакционной линией его печатного органа.

Далее обратимся к анализу однотекстового нарратива, эквивалентного газетной статье, с тем чтобы показать специфику эвиденциальных конструкций в функции дейктических маркеров субъекта повествования.

В статье «Gerade jetzt!» («Прямо сейчас!») из газеты «Франкфуртер альгемайне», содержащей автобиографические сведения об обучении ее автора в России, эвиденциальная ссылка на источник информации дана посредством его прямой лексической номинации:

Krim-Annektion, Ukraine-Konflikt, Lebensmittelknappheit: Kaum jemand will zur Zeit zum Auslandssemester nach Russland — zu viel Krise. Warum es sich trotzdem lohnt, erzählt unser Autor aus persönlicher Erfahrung [Güler 2015]. — *Присоединение Крыма, конфликт на Украине, дефицит продовольственных продуктов: вряд ли кто-то захочет учиться семестр по обмену в России — слишком много проявлений кризиса. Почему это стоит сделать, невзирая на трудности, расскажет автор статьи, опираясь на свой личный опыт.*

Однако в большинстве случаев источник информации охарактеризован лишь косвенно. Так, в частности, в статье «Der Mond wird ein Berliner» («На луну попадет берлинец») источник информации, связанный с описываемым в статье автором проекта по созданию лунохода, обозначен при помощи модального глагола *sollen*, так как журналист-повествователь не может взять на себя ответственность за достоверность слов о реализации столь фантастического проекта:

Google und Audi hat er schon überzeugt, auch die NASA ist informiert. In zwei Jahren soll sein selbstkonstruiertes Mondfahrzeug ins All geschossen werden [Wilms 2015: 14]. — *Ему уже удалось убедить оказать содействие проекту компании „Гугл“ и „Ауди“,*

NASA также проинформировано о предстоящем проекте. Сообщается, что через два года будет запущен на орбиту его луноход собственной конструкции.

В этой же статье при помощи лексического маркера эвиденциальности *so heißt es bei Senatsverwaltung für Wirtschaft* происходит отсылка к источнику информации в форме социального субъекта (Главное управление по экономике при городском совете (Сенате, т. е. законодательном органе) в Берлине), так как автор статьи-нарратива в силу своего социального статуса и степени информированности не правомочен давать комментарии подобной тематики:

Die Unternehmen werden, so heißt es bei Senatsverwaltung für Wirtschaft optimistisch, binnen drei Jahren 5670 Jobs schaffen [Там же]. — *По оптимистичным данным Главного управления по экономике, в течение трех лет будет создано 5670 рабочих мест.*

В нарративах, структура которых напоминает сериальную последовательность кадров-статей, наблюдается большая вариативность в экспликации эвиденциальных маркеров. Рассмотрим нарратив «Демонстрация участников политической группировки „Blockupy“ во Франкфурте» из газет «Бильд» и «Франкфуртер альгемайне».

В статье «**Die Randal-Karte**» («Карта беспорядков») источник информации указан косвенно при помощи выделенного жирным шрифтом модального глагола, так как журналист пытается дистанцироваться от описываемых негативных фактов:

Doch nicht nur am 18. soll es „voll“ in der Stadt werden, Busse und Sonderzüge aus ganz Deutschland bringen Demonstranten schon am Wochenende zuvor an den Main [Steuer 2015]. — *Сообщается, что в городе будет полно хулиганов не только 18 марта, так как демонстранты со всей Германии прибыли в город на Майне на автобусах и спецпоездах уже накануне в выходные.*

Аналогичное наблюдается и в статье «*Wohin die Blockupy-Randal führen*» («К чему могут привести действия хулиганов из группировки „Blockupy“»):

Es soll knapp 300 Verletzte gegeben haben [Nestler 2015]. — *По некоторым данным, было примерно 300 раненых.*

В статье «**Angriff auf Euro-Skulptur**» («Атака на памятник евро») автор использует номинативное обозначение источника информации, так как не хочет брать на себя неприятную ответственность за сообщение нелицеприятных сведений:

Ein Ermittler: „Wir haben gesicherte Erkenntnisse, dass im Umfeld der Blockupy-Aktionstage

das Zeichen zerstört werden soll" [Vedder, Schneider 2015]. — **Сотрудник полиции:** «У нас имеются достоверные данные, что в период акции протеста группировки „Blockiру“ будет разрушена эмблема банка».

Эту же функцию может выполнять и дословная цитация полицейского протокола, к примеру, в статье «Das Protokoll der Gewalt» («Протокол насилия»):

Die schlimmsten Ausschreitungen passierten zwischen 6 und 9 Uhr — das Polizei-Protokoll der Randal-Schande im O-Ton.

• 6:06 Uhr / Opernplatz: Steinwurf durch die Scheibe eines Dienstfahrzeuges mit Verletzung eines Polizeibeamten am Kopf; Verwendung von Pyrotechnik

• fast zeitgleich: Ratswegkreisel: Blockaden

• Flößerbrücke: Angriffe auf Polizeibeamte

• 6:08 Uhr / Kettenhofweg: Beschädigungen an über 30 dort geparkten Fahrzeugen und Gebäuden (mindestens 20 Scheiben eingeworfen)

• 6:16 Uhr / Eschenheimer Tor: massive Angriffe auf Polizeibeamte

• 6:38 Uhr / Ostbahnhof: Gleisüberschreitungen

• 6:42 Uhr / Ostparkstraße: Anzünden eines Dienstfahrzeug; dort befindliche Verkehrskräfte wurden angegriffen und mussten fliehen [Das Protokoll der Gewalt 2015].

Беспорядки достигли своей кульминации между 6 и 9 часами утра — **вот полицейский протокол бесчинств вандалов:**

• 6:06. Площадь перед оперным театром: стекло полицейской машины разбито камнем, полицейский получил ранение в голову; использование пиротехники;

• почти одновременно: квартал Раствегкрейзел — заблокирована дорога;

• мост Флессербрюкке: нападения на полицейских;

• 6:08, улица Кеттенхофвег: повреждение 30 припаркованных автомобилей и зданий (выбито по крайней мере 20 стекол);

• 6:16. Городские ворота Эшенхайм: массовые нападения на полицейских;

• 6:38, Восточный вокзал: перекрыты железнодорожные пути;

• 6:42, улица Остпаркштрассе: поджог полицейской машины; нападение на полицейских, которые вынуждены были скрыться.

В некоторых газетных публикациях (например, информационная заметка «HessenLinke immer mehr unter Beschuss» — «Критика действий гессенских левых усиливается») в данном эвиденциальном значении употребляется как паратентическая вводная конструкция, так и модальный глагол *sollen*:

Vor allem für die Linke dürfte es unangenehm werden: Wie Polizeipräsident Gerhard Bereswill (57) mittlerweile bestätigte, soll die Partei Gewalttätern im Gutleutviertel Unter-

schlupf gewährt haben [Schiel 2015]. — *Прежде всего для левых данный факт является неприятным: как сообщил глава полиции Герхард Бересвилл, группа хулиганов укрылась в квартале Гутлейтфиртель.*

Аналогичен по своей структуре и следующий пример из газетной статьи «Blockaden bei EZB-Eröffnung angekündigt» («Объявлена блокада открытия Европейского Центробанка»):

Dieser Tag soll „ein Tag des Widerstandes“ werden, so ein Sprecher der Bewegung [Blockaden bei EZB-Eröffnung angekündigt 2015]. — **Представитель группировки заявил, что пришел «день восстания».**

Довольно часто автор статьи пытается отмежеваться от экстремистских призывов участников описываемого действия, завуалировав их как сведения от анонимного абстрактного источника информации. Так, в статье «Krawallmacher nicht willkommen» («Участников беспорядков осуждают») замаскированы звучавшие накануне акции группировки «Blockiру» призывы к разрушению здания Европейского центробанка:

Im Internet kursierten Aufrufe, wonach die EZB „in Trümmer“ gelegt werden sollte [Euler, Iskandar 2015]. — **В Интернете имеются призывы превратить башню Европейского центробанка «в развалины».**

В той же самой публикации вводные слова и эвиденциально маркированный глагол *sollen* служат для описания неблагоприятного прогноза развития действий в день выступления группировки во Франкфурте-на-Майне (статья вышла примерно за две недели до начала уличных беспорядков):

Die Polizei hatte vergangene Woche bekanntgegeben, dass sie damit rechne, dass das öffentliche Leben in Frankfurt am 18. März weitgehend lahmgelegt werden sollte — sowohl durch Blockaden rund um die EZB als auch durch Demonstrationen am späten Nachmittag in der Innenstadt [Там же]. — **По данным полиции, общественная жизнь во Франкфурте 18 марта будет парализована — как из-за пикетов здания Европейского центробанка, так и из-за демонстраций в центре города во второй половине дня.**

В статье «Revoluzzer! Wir sind Revoluzzer!» («Псевдореволюционеры! Мы псевдореволюционеры!») достоверность и детальность сообщаемого повышается субъектом повествования при помощи обращения к данным источника информации, которым здесь является эксплицитно номинированный собственный корреспондент газеты:

Was Bürger und Gäste in Deutschlands Nachbarland sonst noch erwartet, berichtet unser Korrespondent Christian Schubert

[Revoluzzer! Wir sind Revoluzzer 2015]. — *То, что еще должны узнать граждане и гости о Германии, сообщает наш корреспондент Кристиан Шуберт.*

Завершая наши рассуждения об эвиденциальных конструкциях в функции дейктических маркеров субъекта повествования в газетном нарративе, отметим возможность корреляции между маркерами эвиденциальной семантики (в том числе и номинацией информационного агентства) и индикацией источника информации об описываемом в газетной статье событии. Кроме того, существует ряд косвенных дейктических отсылок к источнику информации посредством использования модальных глаголов (прежде всего *sollen*) и лексических маркеров того обстоятельства, что корреспондент газеты имеет представление о сообщаемом, но не является его очевидцем, а получил сведения из «вторых» рук. В подобном случае мы можем лишь говорить о присутствии иного, отличного от составляющего текст журналиста, актора коммуникативной цепочки массмедийного информирования, но при этом его точная идентификация невозможна. Наши наблюдения над газетными нарративами показали, что использование эвиденциальных конструкций в целях дейктической отсылки к номинированному или анонимному источнику информации прагматически обусловлено и детерминировано стремлением повествователя к дистанцированию от ряда фактов, которые либо обладают сомнительной достоверностью в момент выхода статьи — кадра нарративного континуума, либо связаны с чуждыми субъекту повествования аксиологическими оценками описываемой ситуации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Астахова Т. Н. Проявление категорий «эвиденциальность» и «авторитетность» в текста немецких СМИ // Вестн. Северного (Арктического) федер. ун-та. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 1. С. 71—75.
2. Балабаева Ю. Е. Вставные конструкции немецкого языка как в качестве маркеров категории эвиденциальности (к проблеме межкультурных различий маркеров эвиденциальности) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2010. № 2 (6). С. 22—25.
3. Козинцева Н. А. Категория эвиденциальности (проблемы типологического анализа) // Вопросы языкознания. 1994. № 3. С. 92—104.
4. Милостивая А. И. Социопрагматические типы текста немецкой газеты : дис. ... канд. филол. наук. — Пятигорск, 2001. 236 с.
5. Aikhenvald A. Y. Evidentiality. — Oxford : Oxford Univ. Pr., 2004. 480 p.
6. Aikhenvald A. Y. Evidentiality in grammar // Encyclopedia of languages and linguistics / K. Brown (ed.). — Oxford : Elsevier, 2006. P. 320—325.
7. Berlin L., Prieto-Mendoza A. Evidential embellishment in politicaldebates during US campaigns // Intercultural Pragmatics. 2014. № 11 (3). P. 389—409.

8. Blockaden bei EZB-Eröffnung angekündigt. Von dpa // Frankfurter Allgemeine. 18.01.2015. URL: <http://www.faz.net/aktuell/rhein-main/blockupy-kuendigt-blockaden-bei-ezb-eroefnung-an-13377839.html> (дата обращения: 26.08.2016).
9. Boas F. Kwakiutl // Handbook of American Indian languages / F. Boas (ed.). — Washington : Government Printing Office, 1911. P. 423—557.
10. Chafe W. L. Evidentiality in English conversation and academic writing // Evidentiality: The linguistic coding of epistemology / W. L. Chafe & J. Nichols (eds.). — Norwood : Ablex, 1986. P. 261—272.
11. Das Protokoll der Gewalt // Bild. 19.03.2015. URL: <http://www.bild.de/news/inland/europaeische-zentralbank/das-protokoll-der-gewalt-40215368.bild.html> (дата обращения: 26.08.2016).
12. Euler R., Iskandar K. „Krawallmacher nicht willkommen“ // Frankfurter Allgemeine. 06.03.2015. URL: <http://www.faz.net/aktuell/rhein-main/blockupy/blockupy-protest-krawallmacher-nicht-willkommen-13466563.html> (дата обращения: 26.08.2016).
13. Güler C. Gerade jetzt! // Frankfurter Allgemeine. 24.02.2015. URL: <http://www.faz.net/aktuell/beruf-chance/campus/studieren-in-russland-13438689.html> (дата обращения: 26.08.2016).
14. Hardman M. Datasource marking in the Jaqi language // Evidentiality: The Linguistic coding of epistemology / W. L. Chafe and J. Nichols (eds.). — Norwood : Ablex, 1986. P. 113—136.
15. Jakobson R. Shifters, verbal categories, and the Russian verb // On language: Roman Jakobson / L. Waugh & M. Monville-Burston (eds.). — Cambridge, Mass. : Harvard Univ. Russian Language Project, 1990. P. 386—392.
16. Kritik und Verständnis für Gewalt. Von okü.gif./ler./jor./dpa/AFP // Frankfurter Allgemeine. 18.03.2015. URL: <http://www.faz.net/aktuell/rhein-main/blockupy/dutzende-verletzte-bei-blockupy-krawallen-in-frankfurt-13490273.html> (дата обращения: 26.08.2016).
17. Nestler F. Wohin die Blockupy-Randale führen // Frankfurter Allgemeine. 20.03.2015. URL: <http://www.faz.net/aktuell/feuilleton/familie/wie-erklare-ich-s-meinem-kind/wohin-die-blockupy-randale-in-frankfurt-fuehren-13494127.html> (дата обращения: 26.08.2016).
18. Oishi E. Evidentials in entextualization // Intercultural Pragmatics. 2014. № 11 (3). P. 437—462.
19. Polizei: Krawalle waren strategisch geplant. Von Reuters/dpa // Frankfurter Allgemeine. 19.03.2015. URL: <http://www.faz.net/aktuell/rhein-main/blockupy/blockupy-krawalle-laut-polizei-strategisch-geplant-13493555.html> (дата обращения: 26.08.2016).
20. Reber E. Constructing evidence at Prime Minister's Question Time: An analysis of the grammar, semantics and pragmatics of the verb see // Intercultural Pragmatics. 2014. № 11 (3). P. 357—387.
21. Revoluzzer! Wir sind Revoluzzer! // Frankfurter Allgemeine. 19.03.2015. URL: <http://www.faz.net/aktuell/wirtschaft/fruehaufsteher/heute-in-der-f-a-z-revoluzzer-wir-sind-revoluzzer-13492582.html> (дата обращения: 26.08.2016).
22. Sbsia M. Evidentiality and illocution // Intercultural Pragmatics. 2014. № 11 (3). P. 463—483.
23. Schiel O. Hessen-Linke immer mehr unter Beschuss // Bild. 22.03.2015. URL: <http://www.bild.de/regional/frankfurt/die-linke/blockupy-hessen-linke-immer-mehr-unter-beschuss-40258814.bild.html> (дата обращения: 26.08.2016).
24. Steuer M. Die Randale-Karte // Bild. 25.02.2015. URL: <http://www.bild.de/regional/frankfurt/randale/die-randale-karte-39919848.bild.html> (дата обращения: 26.08.2016).
25. Vedder M., Schneider M. Angriff auf Euro-Skulptur // Bild. 16.03.2015. URL: <http://www.bild.de/regional/frankfurt/europaische-zentralbank/angriff-auf-euro-skulptur-40177890.bild.html> (дата обращения: 26.08.2016).
26. Weber D. J. Information perspective, profile, and patterns in Quechua // Evidentiality: The linguistic coding of epistemology / W. L. Chafe & J. Nichols (eds.). — Norwood : Ablex, 1986. P. 137—155.
27. Wilms M. Der Mond wird ein Berliner // Berliner Kurier. 11.08.2015. S. 14.

A. I. Milostivaya
Stavropol, Russia

EVIDENTIAL CONSTRUCTIONS AS DEICTIC MARKERS OF COMMUNICATIVE SUBJECT IN NEWSPAPER NARRATIVE

ABSTRACT. *The article deals with evidential constructions serving as role deixis in newspaper narrative. Assuming that a communicative subject in the narrative is represented as cooperative interaction within the chain of addressers (information “client” — editor — journalist — information source — journalist), we correlate evidential markers to the data concerning the event described on the part of the information source and the journalist. The main goal of the research is to study structural-semantic and communicative-pragmatic characteristics of evidential constructions in mass-media narrative, which give a chance to get information about heterogeneous communicative subject and their axiological preferences.*

The study analyzes both single text narratives and narrative sequence “Political grouping “Blockupy” march in Frankfurt” from leading supra-regional German newspapers “Frankfurter Allgemeine” and “Bild”. The methods of descriptive, contextual and hermeneutic analyses are used to reach the goals set in the study.

Our observations reveal the correlation between an evidential discursive marker (nomination of the information agency) and the indication of the information source in the narrative. Besides, there is an indirect deictic reference to the second-hand knowledge by means of modal verbs (first of all “sollen”) and lexical markers. The employment of evidential constructions for the purpose of deictic reference to the nominated or anonymous information source is determined pragmatically and accounted for the narrator’s intention to distance from some facts which seem to have questionable reliability or unacceptable axiological evaluations of the described events.

KEYWORDS: *evidentiality; newspaper narrative; role deixis; communicative subject; journalist; information agency.*

ABOUT THE AUTHOR: *Milostivaya Alexandra Ivanovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Theory and Practice of Translation, Institute of the Humanities, North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia.*

REFERENCES

1. Astakhova T. N. Proyavlenie kategoriy «evidentsial'nost'» i «avtoritetnost'» v teksta nemetskih SMI // Vestn. Severnogo (Arkticheskogo) feder. un-ta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki. 2014. № 1. S. 71—75.
2. Balabaeva Yu. E. Vstavnye konstruksii nemetskogo yazyka v kachestve markerov kategorii evidentsial'nosti (k probleme mezhkul'turnykh razlichiy markerov evidentsial'nosti) // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2010. № 2 (6). C. 22—25.
3. Kozintseva N. A. Kategoriya evidentsial'nosti (problemy tipologicheskogo analiza) // Voprosy yazykoznaniiya. 1994. № 3. S. 92—104.
4. Milostivaya A. I. Sotsioprugmaticheskie tipy teksta nemetskoy gazety : dis. ... kand. filol. nauk. — Pyatigorsk, 2001. 236 s.
5. Aikhenvald A. Y. Evidentiality. — Oxford : Oxford Univ. Pr., 2004. 480 p.
6. Aikhenvald A. Y. Evidentiality in grammar // Encyclopedia of languages and linguistics / K. Brown (ed.). — Oxford : Elsevier, 2006. R. 320—325.
7. Berlin L., Prieto-Mendoza A. Evidential embellishment in politicaldebates during US campaigns // Intercultural Pragmatics. 2014. № 11 (3). R. 389—409.
8. Blockaden bei EZB-Eröffnung angekündigt. Von dpa // Frankfurter Allgemeine. 18.01.2015. URL: <http://www.faz.net/aktuell/rhein-main/blockupy/kuendigt-blockaden-bei-ebz-eroeffnung-an-13377839.html> (data obrashcheniya: 26.08.2016).
9. Boas F. Kwakiutl // Handbook of American Indian languages / F. Boas (ed.). — Washington : Government Printing Office, 1911. P. 423—557.
10. Chafe W. L. Evidentiality in English conversation and academic writing // Evidentiality: The linguistic coding of epistemology / W. L. Chafe & J. Nichols (eds.). — Norwood : Ablex, 1986. R. 261—272.
11. Das Protokoll der Gewalt // Bild. 19.03.2015. URL: <http://www.bild.de/news/inland/europaeische-zentralbank/das-protokoll-der-gewalt-40215368.bild.html> (data obrashcheniya: 26.08.2016).
12. Euler R., Iskandar K. „Krawallmacher nicht willkommen“ // Frankfurter Allgemeine. 06.03.2015. URL: <http://www.faz.net/aktuell/rhein-main/blockupy/blockupy-protest-krawallmacher-nicht-willkommen-13466563.html> (data obrashcheniya: 26.08.2016).
13. Güler S. Gerade jetzt! // Frankfurter Allgemeine. 24.02.2015. URL: <http://www.faz.net/aktuell/beruf-chance/campus/studieren-in-russland-13438689.html> (data obrashcheniya: 26.08.2016).
14. Hardman M. Datasource marking in the Jaqi language // Evidentiality: The Linguistic coding of epistemology / W. L. Chafe and J. Nichols (eds.). — Norwood : Ablex, 1986. P. 113—136.
15. Jakobson R. Shifters, verbal categories, and the Russian verb // On language: Roman Jakobson / L. Waugh & M. Monville-Burston (eds.). — Cambridge, Mass. : Harvard Univ. Russian Language Project, 1990. P. 386—392.
16. Kritik und Verständnis für Gewalt. Von okü./gif./ler./jor./dpa/AFP // Frankfurter Allgemeine. 18.03.2015. URL: <http://www.faz.net/aktuell/rhein-main/blockupy/dutzende-verletzte-bei-blockupy-krawallen-in-frankfurt-13490273.html> (data obrashcheniya: 26.08.2016).
17. Nestler F. Wohin die Blockupy-Randale führen // Frankfurter Allgemeine. 20.03.2015. URL: <http://www.faz.net/aktuell/feuilleton/familie/wie-erklare-ich-s-meinem-kind/wohin-die-blockupy-randale-in-frankfurt-fuehren-13494127.html> (data obrashcheniya: 26.08.2016).
18. Oishi E. Evidentials in entextualization // Intercultural Pragmatics. 2014. № 11 (3). R. 437—462.
19. Polizei: Krawalle waren strategisch geplant . Von Reuters/dpa // Frankfurter Allgemeine. 19.03.2015. URL: <http://www.faz.net/aktuell/rhein-main/blockupy/blockupy-krawalle-laut-polizei-strategisch-geplant-13493555.html> (data obrashcheniya: 26.08.2016).
20. Reber E. Constructing evidence at Prime Minister’s Question Time: An analysis of the grammar, semantics and pragmatics of the verb see // Intercultural Pragmatics. 2014. № 11 (3). P. 357—387.
21. Revoluzzer! Wir sind Revoluzzer! // Frankfurter Allgemeine. 19.03.2015. URL: <http://www.faz.net/aktuell/wirtschaft/frueh-aufsteher/heute-in-der-f-a-z-revoluzzer-wir-sind-revoluzzer-13492582.html> (data obrashcheniya: 26.08.2016).
22. Sbsa M. Evidentiality and illocution // Intercultural Pragmatics. 2014. № 11 (3). R. 463—483.
23. Schiel O. Hessen-Linke immer mehr unter Beschuss // Bild. 22.03.2015. URL: <http://www.bild.de/regional/frankfurt/die-linke/blockupy-hessen-linke-immer-mehr-unter-beschuss-40258814.bild.html> (data obrashcheniya: 26.08.2016).
24. Steuer M. Die Randale-Karte // Bild. 25.02.2015. URL: <http://www.bild.de/regional/frankfurt/randale/die-randale-karte-39919848.bild.html> (data obrashcheniya: 26.08.2016).
25. Vedder M., Schneider M. Angriff auf Euro-Skulptur // Bild. 16.03.2015. URL: <http://www.bild.de/regional/frankfurt/europaei-schezentralbank/angriff-auf-euro-skulptur-40177890.bild.html> (data obrashcheniya: 26.08.2016).
26. Weber D. J. Information perspective, profile, and patterns in Quechua // Evidentiality: The linguistic coding of epistemology / W. L. Chafe & J. Nichols (eds.). — Norwood : Ablex, 1986. R. 137—155.
27. Wilms M. Der Mond wird ein Berliner // Berliner Kurier. 11.08.2015. S. 14.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Р. С. Аликаев.

П. С. Учиров
Елабуга, Россия

ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ ПРЕЗИДЕНТА РФ: ИСТОРИЧЕСКАЯ РОЛЬ СПИЧРАЙТЕРОВ

АННОТАЦИЯ. В статье обобщается опыт многолетнего исследования деятельности спичрайтеров в нашей стране, описывается поэтапно история появления и развития в России спичрайтинга как явления, термина «спичрайтер», уделяется особое внимание помощникам Президента РФ Б. Н. Ельцина, В. В. Путина, Д. А. Медведева.

Среди главных тенденций истории развития спичрайтинга в нашей стране названы следующие: во-первых, спичрайтеры перестали влиять на принятие политических решений, превратившись в «технических» специалистов, которые обрабатывают информацию из разных источников; во-вторых, тексты, подготовленные для программных выступлений политиков, а особенно В. В. Путина, подвергаются значительной правке самим заказчиком спича, поэтому и с точки зрения ответственности за произносимую речь, и с точки зрения первичного авторства Президента РФ можно признать автором своих выступлений с неповторимым стилем; в-третьих, в прагматических целях в текстах выступлений В. В. Путина активно используются дискурсивные новации: употребление лексических средств языка, близких народу, чтобы доносить информацию и «разговаривать» с электоратом на одном языке, что способствует увеличению рейтинга Президента РФ.

Предпринята попытка классификации заказчиков спичей, и более подробно систематизируется деятельность спичрайтеров в политической сфере — они делятся на три группы: официальные, полуофициальные и неофициальные.

Также определяются основные дискурсивные новации первого лица страны, во внедрении которых принимали участие помощники Президента РФ. Среди них можно выделить неудачное «возрождение» радиобращения, эффективные «прямые линии» с населением страны, преобразования в Посланиях ФС РФ и другое.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: дискурсивные практики; спичрайтер; Президент РФ; В. В. Путин; Б. Н. Ельцин; Д. А. Медведев.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Учиров Павел Сергеевич, аспирант кафедры русского языка и контрастивного языкознания, Елабужский институт (филиал) федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет»; 423604, Россия, г. Елабуга, ул. Казанская, 89; e-mail: uchirov@mail.ru.

I. Проблема определения понятия «спичрайтер» и хронологические рамки существования данной профессии в России

От политика всегда ждут принятия своевременных решений по различным направлениям деятельности, но в современном мире с огромным количеством информации подготовка и написание речей первыми лицами государства становятся затруднительными. Например, рабочий график Президента РФ расписан по минутам, проводится множество встреч, о которых не сообщается обществу, а также он выполняет представительские функции, должен изучать проекты законодательных актов, подписывать различные документы, за которые будет нести персональную ответственность перед обществом, и многое другое. Таким образом, становится сложно обойтись без профессиональных помощников, которые помогут подобрать необходимый материал, обработать его в короткий срок и представить проект речи. То есть наличие «помощников» по разным направлениям деятельности — это не прихоть, а необходимость. В подготовке речей Президента РФ принимают участие спичрайтеры.

В отечественном языкознании вопросы, связанные со спичрайтерами и их деятельностью, стоит признать изученными в недостаточной степени. Так, в работе А. Д. Кривоносова «Основы спичрайтинга» впервые вводится научное понятие «спичрайтер» [Кривоносов 2003], которое станет основополагающим для нашего исследования с небольшими, но значимыми, как с точки зре-

ния самих спичрайтеров, так и на наш взгляд, добавлениями.

Во-первых, спичрайтер — творческая профессия. Это словосочетание вызвало сомнение у д-ра филол. наук А. Д. Кривоносова в связи с тем, что нет однозначного определения понятия «творческая профессия». Попробуем выработать рабочее определение для данной номинации. В «Большом толковом словаре русского языка» под редакцией С. А. Кузнецова *творческий* — полисемант, план содержания которого представлен тремя лексико-семантическими вариантами: «1. Творчество. 2. Свойственный человеку, наделенному способностью творить, созидать что-л. 3. Самостоятельно создающий что-л. новое, оригинальное; созидательный» [Большой]. Исходя из этого творческой можно назвать профессию, в которой человек, имеющий особый тип мышления, создает что-либо новое, отличающееся нестандартным подходом к решению проблем, задач. Определение «творческий» важное, потому что спичрайтеры практически во всех мемуарных произведениях, интервью [Эпоха 2001; Арбатов 2002; Ильин 1999; Колесников 2008; Интервью] упоминают его в контексте сложности выбора, например, лексемы при написании речи заказчику, которая будет максимально емкой по смыслу и лаконичной в спиче. По сути труд спичрайтера можно сравнить с работой поэта, который, по мнению В. Маяковского, добытчик радия, поскольку ему приходится из-за «грамма добычи» «изводить» «тысячи тонн словесной руды» [Маяковский].

Во-вторых, спичрайтер — профессия «закрытая», непубличная: первостепенное требование к любому спичрайтеру — конфиденциальность. Так, Б. Н. Ельцин договорился со своей спичрайтерской командой, что они не будут оглашать свою деятельность, получив взамен защиту от внешнего влияния. Информации о Д. Р. Калимулине, начальнике Референтуры Президента РФ В. В. Путина, в Интернете крайне мало, часть ее была удалена после назначения на данную должность. Общеизвестен случай увольнения Д. Фрама, спичрайтера президента США Дж. Буша, знаменитого фразой «ось зла» (Ирак, Иран, Северная Корея). Жена государственного служащего решила похвастаться, что именно ее муж придумал знаменитое выражение, после чего талантливый спичрайтер был отстранен от занимаемой высокопоставленной должности.

Таким образом, спичрайтер — лицо, занимающееся профессиональной конфиденциальной творческой PR-деятельностью по составлению текстов публичного выступления для должностного лица, субъекта PR, и консалтингу, касающемуся организации и исполнения публичного выступления [Кривоносов 2003].

Спичрайтер — новая профессия для России, насчитывающая более двух десятилетий. Здесь требуется, на наш взгляд, важная оговорка: явление спичрайтинга получило распространение в нашей стране значительно раньше, чем лексема «спичрайтер» пришла в русский язык.

В европейской и американской традиции о спичрайтере принято говорить как о «помощнике» первых лиц государства, поэтому целесообразно начать отсчет употребления термина «спичрайтер» и его аналогов в России с выборов в Верховный Совет РСФСР и борьбы за власть Б. Н. Ельцина (в то время ему помогали неопытные спичрайтеры-преподаватели, но профессиональные социологи Уральского университета Людмила Пихоя, Александр Ильин, Геннадий Харин) [Интервью].

Одно из первых официальных употреблений номинации «спичрайтер» происходит в 1989 г. Оно принадлежит специалисту преобразованного центра политического консалтинга «Николо М», активно участвовавшего в подготовке кандидатов на выборы в Верховный Совет СССР [Ильин 1999].

Множество свидетельств самостоятельной работы над текстами В. И. Ленина, И. В. Сталина дают право начинать историю спичрайтеров как явления в нашей стране со времени правления Н. С. Хрущева. Так, А. Бовин, помощник генсека, писал заказчику не только речи, но и книги, статьи в центральные издания. Обычно спичрайтерами

работали профессиональные журналисты, политические обозреватели. Проблема спичрайтинга в это время вплоть до Б. Н. Ельцина в том, что традиции работы, приемы не передавались следующему поколению, и каждой новой команде приходилось все разрабатывать самостоятельно [Там же].

На современном этапе клиентом спичрайтеров могут быть первые лица государства, целые организации, но чаще всего ими являются конкретные люди. Сфера деятельности спикеров (заказчиков текста выступления) широкая: банки, предприятия, заводы, общественные движения, нефтяные компании, бизнес-структуры, вузы, как зарубежные, так и отечественные политические организации и партии.

Спичрайтеров в государственной сфере РФ условно можно разделить на 3 группы по форме регистрации и осуществления деятельности:

1. Официальные (оказывают спичрайтерские услуги под названием профессии «спичрайтер»; распространены в гг. Москве и Санкт-Петербурге).

1.1. Центры политического консалтинга.

1.2. PR-агентства, компании по написанию речей, спичрайтингу и копирайтингу и др.

2. Полуофициальные (оказывают спичрайтерские услуги, но под другими названиями профессий — «помощник», «референт», «работник пресс-службы» и др.).

2.1. Международный и федеральный уровень.

2.1.1. Президент РФ (Референтура Президента России).

2.1.2. ГД РФ (специалисты Аппарата Государственной думы Российской Федерации).

2.1.3. СФ РФ (специалисты Аппарата Совета Федерации России).

2.1.4. Правительство РФ (Департамент по подготовке текстов публичных выступлений Председателя Правительства Российской Федерации).

2.1.5. Иные общественно-политические организации, движения (в том числе политические партии во время общенациональных избирательных кампаний).

2.2. Региональный уровень (помощники губернаторов, депутатов региональных законодательных собраний, представителей исполнительной власти).

2.3. Муниципальный уровень (помощники мэров, депутатов городских законодательных собраний, представителей исполнительных комитетов).

3. Неофициальные (обычно бывшие спичрайтеры, преподаватели вузов или журнали-

сты, нередко именующие себя «консультантами» по речевой коммуникации и пишущие на политическую тематику, которые оказывают обучающие, спичрайтерские услуги по заказу действующих политических деятелей или кандидатов во время избирательных кампаний).

В современном отечественном спичрайтинге есть одна негативная тенденция. Очень часто спичрайтеры работают непродолжительное время с клиентом, обычно в периоды избирательных кампаний, а после удачного исхода выборов заказчик не пользуется их услугами, хотя, как отмечает А. Д. Кривоносов, спичрайтер может стать «коммуникативным тренером своего спикера» [Кривоносов 2003: 9]. Так, на одной из международных конференций был приведен случай, когда работающий в качестве спичрайтера ученый за десять занятий согласился помочь кандидату в депутаты подготовить выступление по телевидению перед избирателями на выборах. На тренинговое занятие по ораторскому мастерству вместо бизнесмена-кандидата был отправлен его помощник. Как видим, зачастую перед заказчиками спича стоит одна цель — победить на выборах, а не научиться правильно говорить, в целом повысить коммуникативную и ораторскую компетенции. Как следствие, мы можем замечать в речах отечественных политиков многочисленные ошибки, помочь избежать которые мог бы спичрайтер.

Именно поэтому потребность в таких специалистах будет увеличиваться. Так, в 2012 г. заместитель министра по делам молодежи, спорту и туризму Республики Татарстан Андрей Кондратьев на церемонии вручения наград участникам Всероссийского конкурса студенческих работ в области развития связей с общественностью «Хрустальный апельсин» сказал, что в других министерствах Республики Татарстан есть люди, которые помогают политикам готовить тексты выступлений, дают рекомендации по поведению перед аудиторией и относительно того, какие ответы необходимо давать на острые вопросы, т. е. речь шла о спичрайтерах. В подведомственном ему министерстве их не было. Но это высказывание дает право утверждать, что спичрайтеры есть даже у замминистров региональных правительств.

II. Спичрайтеры первых лиц государства и их историческая роль. Референтура Президента РФ

Спичрайтинг для первого лица государства лучше всего рассматривать в каждом случае индивидуально. «Кто пишет речи президенту?» — наиболее популярный вопрос, который задают нам на конференциях.

Мы решили назвать имена известных спичрайтеров нашей страны с момента возникновения в России спичрайтинга как явления, проанализировать их образование и род деятельности. Ниже приведены обобщенные результаты наших изысканий [Эпоха 2001; Арбатов 2002; Ильин 1999; Колесников 2008; Интервью], выделены основные этапы в развитии спичрайтинга в нашей стране и отмечены их тенденции этапов.

Периодизация развития спичрайтинга в СССР и РФ и известные спичрайтеры первых лиц государства

1. Хрущевско-брежневский этап. Известные спичрайтеры:

– **Александр Бовин** (образование — юридический факультет Ростовского государственного университета, аспирантура философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова; основной род деятельности — политический обозреватель в газете «Известия», журналист);

– **Александр Мурзин** (образование — факультет журналистики Уральского государственного университета; основной род деятельности — специальный корреспондент, заведующий отделом писем газеты «Правда», журналист).

Характерные черты этапа. Спичрайтеры в большинстве своем — журналисты центральных газет (работают по совместительству, не устроены в ЦК в каком-либо качестве), которые занимались написанием не только речей, но и книг (мемуаров), статей в газеты.

Заказчик речи мог сам изложить видение речи и передать спичрайтерам или минимально участвовать в ее подготовке.

Правка заказчиками речей незначительная, но при этом из-за множества согласований и рекомендаций, в том числе в ЦК, влияние на политическую жизнь общества очень низкое, иногда спичрайтеры могли не узнать свой текст. Мемуары в основном написаны помощниками.

2. Горбачевский этап. Известные спичрайтеры:

– **Александр Яковлев** (образование — Ленинградское стрелково-пулеметное училище, аспирантура Академии общественных наук при ЦК КПСС, стажировка в Колумбийском университете, доктор исторических наук; основной род деятельности — политический деятель, академик, советолог);

– **Алексей Пушкин** (образование — МГИМО МИД СССР по специальности «Международные отношения», кандидат исторических наук; основной род деятельности — политический деятель, журналист, политолог, профессор МГИМО).

Характерные черты этапа. М. С. Горбачев — мастер ораторского искусства, импровизации, правит тексты сам, работает над выступлением основательно, спичрайтеры — соратники, в незначительной степени влияющие на государственную политику. Спичрайтеры — помощники, которые могут придумать идею.

3. Ельцинский этап. Формирование традиций спичрайтинга в России, введение должности «референт Президента РФ». Известные спичрайтеры:

1-я группа

3.1) 1 и 2 подэтапы:

– **Людмила Пихоя** (образование — исторический факультет Уральского государственного университета, кандидат исторических наук; основной род деятельности — социолог, преподаватель);

– **Александр Ильин** (образование — философский факультет Уральского государственного университета, кандидат философских наук; основной род деятельности — социолог, преподаватель).

Характерные черты этапов.

1. Спичрайтеры — соратники (люди, разделяющие взгляды) заказчика текстов. Имеется влияние как на самого политического лидера, так и на обстановку в стране целом.

2. Спичрайтеры вносят предложения, а политический деятель — необходимые замечания, правки. Влияние снижается.

3.2) 3 подэтап:

– **Людмила Пихоя** (см. выше);

– **Александр Ильин** (см. выше);

– **Константин Никифоров** (образование — исторический факультет Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, аспирантура Института славяноведения и балканистики АН СССР, доктор исторических наук; основной род занятий — ученый, академик);

– **Владимир Кадацкий** (образование — исторический факультет Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, кандидат исторических наук; основной род деятельности — ученый, академик).

Работавшие недолго

– **Генадий Харин** (информация об образовании отсутствует, быстро умер от болезни);

– **Урманов Александр** (информация об образовании отсутствует, физик, быстро отошел от дел).

«Ученики»

– **Джахан Поллыева** (образование — юридический факультет Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, аспирантура Института государства и права АН СССР, основной род деятельности — политический деятель, ученый, поэт

(в том числе автор слов знаменитых песен А. Пугачевой «Опять метель», «Нас бьют, мы летаем» и др.);

– **Андрей Вавра** (нет профильного образования, постановочный факультет школы-студии МХАТ по специальности «художник-технолог сцены»; основной род деятельности — журналист «Крокодила» и других газет).

2-я группа («ученики», члены «Семьи», Андрей Шторх)

– **Татьяна Юмашева** (образование — факультет вычислительной математики и кибернетики Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова; основной род деятельности — конструктор, банковская деятельность, политический деятель);

– **Андрей Шторх** (образование — факультет журналистики Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова; Высшая школа подготовки и переподготовки журналистов (Париж, Франция); журналист в «ТАСС»)).

Характерные черты этапа. Малая работа Президента РФ с текстом (после победы на выборах Президента РФ в 1996 г. в связи с болезнью сердца), но при этом влияние на политику в стране спичрайтеров увеличивается, так как курируют спичрайтеров представители «Семьи», в том числе дочь Б. Н. Ельцина Татьяна Юмашева, в которой «проснулся незаурядный талант работы с текстом», т.е. спичрайтерский талант.

4. Первый путинский этап (первые два срока, 2000—2008 гг.). Изменения в команде спичрайтеров:

– уход «Семьи», продолжают работать **Джахан Поллыева, Андрей Вавра**, приходит член команды В. В. Путина;

– **Дмитрий Калимулин** (образование — исторический и юридический факультеты Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова; основной род деятельности — консультант, референт, руководящие должности);

– **Ярослав Шабанов** (работает до настоящего времени, информация об образовании отсутствует);

– **Лариса Мишустина** (образование — факультет журналистики Уральского государственного университета им. А. М. Горького; основной род деятельности — депутат ГД РФ, политик).

Характерные черты этапа. Резкое отделение спичрайтеров от «тела» главы государства, политик активно участвует в написании текстов программных выступлений.

5. Медведевский этап. Изменения в команде спичрайтеров:

– уход в Правительство Дмитрия Калимулина, увольнение Джахан Поллыевой,

продолжают работу **Ярослав Шабанов** и **Лариса Мишустина**;

– **приход Евы Василевской** (образование — факультет журналистики Ленинградского государственного университета; основной род деятельности — корреспондент, редактор, руководящие должности в газетах, пресс-службе ОАО «Газпром»).

Характерные черты этапа. Тенденция иметь собственный штат спичрайтеров, которые переходят с одного места работы заказчика на другое; правильный выбор стратегии и тактических приемов был сделан слишком поздно, что в том числе привело к низкому рейтингу президента. На первоначальном этапе спичрайтер — уважаемый политиком личный помощник, имеющий доступ «к телу» политика, далее — технический работник.

6. Второй путинский этап (с 2012 г. по настоящее время). Изменения в команде спичрайтеров:

– **возвращение Дмитрия Калимулина** из Правительства РФ, **продолжение работы Ярослава Шабанова, Ларисы Мишустинной**;

– **в 2012 г. пришла Наталья Меликова** (кандидат исторических наук; основной род деятельности — ученый, журналист «Независимой газеты»);

– **Екатерина Юрьевна Хуторская** (информация об образовании и роде деятельности отсутствует).

Характерные черты этапа. Функция спичрайтеров — техническая обработка текста, политик лично редактирует и пишет тексты программных выступлений. Влияние на принятие стратегических решений в стране сведено к нулю.

Обобщая сведения, приведенные выше, можно сделать вывод, что спичрайтер чаще всего специалист с высшим гуманитарным образованием, владеющий в совершенстве русским языком и имеющий опыт работы с текстом, аналитикой, и прежде всего с информацией, поэтому спичрайтерами чаще всего являются журналисты центральных средств массовой информации, социологи, юристы.

В эту закономерность не укладывается ряд исключений, все они связаны с работой команды Б. Н. Ельцина в разные периоды. На начальном этапе работы в качестве президента одним из его спичрайтеров непродолжительное время работал физик по образованию А. Урманов, который давал дельные советы остальным помощникам, но вскоре «отошел» от работы по написанию текстов. Более продолжительно работал в команде президента А. Вавра, который, не обладая профильным образованием, за счет опыта

работы в журналистике и желания научиться ремеслу написания речей смог добиться хороших результатов: проработать у глав государства с 1996 по 2004 г. [Интервью].

Стоит признать, что в нашей стране ЦК заменила Администрация Президента. Здесь знаковым событием в развитии отечественного политического спичрайтинга является распоряжение Президента РФ Б. Н. Ельцина от 8 марта 1992 г. [Официальный], согласно которому вводится должность «референт Президента Российской Федерации». Далее появляется должность «старший референт» (приравнен к начальнику управления). Заканчивается институализация спичрайтинга при В. В. Путине 3 июня 2000 г., когда был подписан указ об образовании Референтуры Президента РФ [Там же]. С 2004 г. вводится должность «начальник Референтуры Президента Российской Федерации», а с 2007 г. — «заместитель начальника Референтуры Президента РФ». Раньше спичрайтеров Президента РФ называли экспертами, теперь — референтами; наиболее успешные из них становились помощниками первого лица государства.

Сегодня у Президента РФ, по мнению Л. Пихои, в штате спичрайтеров от 20 до 40 помощников, которые имеют строгую иерархию и делятся на департаменты, например, департаменты телеграмм, больших текстов, соболезнований и т. д. [Интервью].

Объектом нашего исследования являются дискурсивные новации (практики) Президента РФ, которые, как мы считаем, были использованы не без помощи помощников — спичрайтеров.

Наиболее авторитетное определение «дискурсивной практики» как части социальной сферы было дано в работе О. С. Иссерс: «...это динамическая организация тех коммуникативных систем внутри социума, которая, с одной стороны, отражает характерные для данной социальной общности речевое поведение и мышление, а с другой — формирует новые формы коммуникации в данной социальной реальности» [Иссерс 2012: 73].

Применительно для нашего исследования целесообразно было выработать рабочее определение «дискурсивных практик Президента РФ»: динамическая организация систем политической коммуникации, которая отражает характерные для первого лица речевое поведение и мышление и формирует новые формы коммуникации политика с обществом для борьбы за власть (во время избирательных кампаний), а также для ее удержания и осуществления.

Проанализируем подробнее политическую роль спичрайтеров, а также их влияние

на тексты официальных выступлений президентов России Б. Н. Ельцина, Д. А. Медведева и В. В. Путина на основе мемуарной прозы помощников первых лиц. В связи с этим скажем о двух важных моментах. Во-первых, книги воспоминаний нередко представляют собой рассказ, гиперболизирующий роль автора в событиях, которые произошли относительно давно, что ведет к домысливанию. Принимая данный факт во внимание, мы не нашли в мемуарной прозе спичрайтеров противоречий, «перекосов истории», которые поставили бы под сомнение их слова. Отметим также, что мы не претендуем на полноту раскрытия данной темы, так как в наше время это невозможно из-за максимальной конфиденциальности работы спичрайтеров, о которой говорилось выше, тем более у действующего Президента РФ В. В. Путина.

Как указывалось выше, Б. Н. Ельцин по-разному строил свои отношения со спичрайтерами, что и определяло сущность рассматриваемой нами проблемы. В городе Свердловске он был известным политиком, потому что хорошо знал проблемы граждан, с которыми мог долгое время общаться. Вскоре перспективного политического деятеля пригласили на работу в Москву, поэтому частные проблемы могли оказаться вне зоны его внимания, а в дальнейшем он избирался от этого региона в Верховный Совет РСФСР. Свою помощь в работе над текстами свердловских выступлений предложила Л. Пихоя, которая заметила в тексте политика несколько недочетов, среди которых выделила неструктурированность речей и чрезмерное использование «золотого правила» избирательной кампании — «критикуй других» — без внесения предложений, что создавало впечатление речи неконкретной, бессодержательной [Интервью]. В свердловский штат спичрайтеров вошли еще 2 преподавателя — коллеги Л. Пихои. Они стали писать спичи, благодаря которым Борис Николаевич представлялся перед избирателями как человек, разбирающийся в большинстве проблемных вопросов в регионе. Все эти люди составили костяк спичрайтерской команды будущего президента. Л. Пихоя говорит: *Мы были референтами, которые образовали спичрайтеров Президента РФ* [Там же]. Естественно, что команда по написанию речей в дальнейшем претерпевала изменения (см. приведенные выше данные).

Спичрайтеры Б. Н. Ельцина имели прямую связь с Президентом благодаря телефону, который был установлен в их кабинете, но уже позже, при В. В. Путине, этой привилегии лишились [Колесников 2007]. Такая

продолжительная доверительная связь спикера со спичрайтерами позволяла последним быть не только «коммуникативными тренерами» [Кривоносов 2003: 9] первого лица, но и людьми, которые его развивали, давали читать научную и иную развивающую литературу, одним словом, быть соратниками, влияющими на взгляды Президента и, как следствие, на курс развития страны. Тем не менее последнее слово всегда было за политиком, в любой момент он мог сказать спичрайтерам: *«Я с этим не пойду, сделайте мощно, сильно, ярко!»* — или *«Это не цепляет!»* [Интервью]. И нередко помощники за несколько десятков минут до выступления Президента РФ были вынуждены переписывать речь.

Влияние спичрайтеров на Б. Н. Ельцина, стремление изменить складывающийся негативный международный имидж страны и Президента после «берлинского инцидента» (пьяных выходов, неумелых импровизаций при визите в Берлин, приуроченном к выводу российских войск из Германии) отражено в «Письме семерых» (письмо подписано семью помощниками, Л. Пихоя была на тот момент уже советником Президента, но управляла спичрайтерским цехом), в котором проблемами сложившейся ситуации называются: *«объективная усталость», «переоценка достигнутого»* и прежде всего *«известное русское злоупотребление»* (прим. — водка) [Эпоха 2001]. Как видно из этой цитаты, письмо получилось «мягким». В дальнейшем Л. Пихоя отмечает, что «сказать было сложнее, чем написать» [Интервью]. Дискурсивная практика обращения помощников первого лица к начальнику имела негативный характер для имиджа первого лица страны, так как слухи о нем просочились в прессу с гиперболизированной передачей содержания, с которым мало кто из журналистов действительно был знаком, но именно это перевернуло сознание президента, который стал сконцентрированно и ответственно относиться к работе, перестал злоупотреблять спиртосодержащими напитками [Там же].

Несмотря на влияние спичрайтеров и ближайшего окружения на Б. Н. Ельцина, на политику в стране, обязательно нужно сказать, что даже в дни тяжелой болезни, в реабилитационный период первый президент России всегда работал над текстом, вносил необходимые правки, всегда готовился к выступлению [Там же]. Поэтому бывшие спичрайтеры Президента РФ Б. Н. Ельцина отмечают: *...автором всех речей Президента является сам Президент. Наша задача состояла в том, чтобы помочь ему в подготовке речей* [Эпоха 2001].

Обратим внимание на дискурсивную практику в радиообращении Б. Н. Ельцина 17 октября 1997 г.: *...осень для нас, для людей, сегодня — это не жаркое, а обычное время года, время, когда можно заняться житейскими делами, квасить капусту...* [Официальный]. Л. Пихоя замечает, что данную речь писали спичрайтеры, но вносил правки, попросил включить свою любимую фразу про капусту именно Б. Н. Ельцин. За отказ подписаться под данной речью вскоре Л. Пихоя была освобождена от занимаемой должности [Интервью]. Эта фраза была включена в радиообращение даже ценой увольнения спичрайтера, что еще раз свидетельствует о том, что нередко инициатором дискурсивной новации является сам политик, а спичрайтер — помощник, который выполняет данный заказ и делает речь максимально выразительной. Этот пример интересен и с точки зрения расхождения во взглядах Президента РФ и его спичрайтера о целесообразности возобновления использования коммуникативного канала радио, который в большей степени ассоциировался с тоталитарным обществом и в дальнейшем показал низкую эффективность в современной России [Там же].

Как было отмечено выше, Борис Николаевич заложил традицию не называть публично имена спичрайтеров первых лиц в России. Эта практика распространена в Европе, в нашей стране ее можно объяснить следующими причинами: во-первых, спичрайтеры воспринимаются обществом негативно; во-вторых, у народа должно быть явное представление, что автором всех мыслей, которые озвучивает Президент, является он сам, а не в том числе его помощники, даже не обязательно, что спичрайтеры, т. е. создается имидж политика как человека умного, владеющего информацией и ситуацией в стране без посторонней помощи. Этим и объясняется полуофициальная спичрайтерская деятельность в органах госвласти России. Но информированность общества о деятельности Администрации Президента РФ растет, поэтому наблюдается следующая тенденция: перед программными выступлениями В. В. Путина пресс-секретарь Д. Песков обязательно сообщает о том, что политик сам работает над текстом выступлений, готовится, особенно перед оглашением Послания ФС РФ и «прямыми линиями» с населением: *Основной сюжет, логическая линия послания и наполнение послания теми или иными инициативами — это то, что делается непосредственно президентом на протяжении достаточно длительного времени. Послание долгое время*

*готовится. И в последние дни он делает это лично, многие абзацы переписывает сам, переставляет их с точки зрения приоритетности, поэтому мы сами иногда не знаем, в каком виде текст будет оглашен главой государства (выступление в эфире телеканала Россия 24 в преддверии оглашения Послания ФС РФ в 2014 году) [Аргументы], И сейчас уже президент готовится к „прямой линии“, он очень активно вчитывается в ту информацию, которую представили уже все министерства и ведомства (пресс-конференция перед «прямой линией» в 2013 г.) [Новости]. С другой стороны, это еще раз доказывает, что фактическим автором программных речей Президента РФ является сам В. В. Путин. Подтверждением наших слов может служить высказывание Президента России по поводу его личной дискурсивной новации — написания статьи в центральной газете США «New York Times» с критикой позиции Президента Б. Обамы по сирийскому вопросу: **Это была моя идея, я позвонил моему помощнику, одному из помощников, сказал, что я бы хотел опубликовать статью в одной из американских газет, всё равно в какой, но в одной из ведущих, так чтобы эта информация дошла только до потребителя, продиктовал то, что я хотел бы там увидеть... Я так или иначе обо всём этом говорил. Ну просто я всё это продиктовал, потом, когда коллеги набросали, я посмотрел, не всё мне понравилось, я кое-что переписал, кое-что добавил, опять им отдал, они поработали еще, опять мне прислали, я опять поправил и хотел уже публиковать. И мы договорились через наших партнеров, что это будет „Нью-Йорк таймс“...Собрались уже отдать ее, но потом один из моих помощников сказал: „А вот Президент Обама собирается завтра выступить публично с обращением к нации. А вдруг он объявит о том, что никаких ударов не будет, и раздумали? Лучше подождать“. Я сказал: „Хорошо“. Подождали, на следующий день утром я собрался на работу, мне принесли выступление Президента Обамы. Когда начал читать, я понял, что принципиально ничего не изменилось, отложил, не дочитал даже до конца, потом думаю: нет, все-таки надо до конца досмотреть. Когда я дочитал до конца, мне стало ясно, что того, что есть в статье, недостаточно. Как вы понимаете, речь шла об исключительности американской нации. И я тогда взял эту статью и прямо тут же от руки дописал последний абзац. Отдал коллегам, они ее переслали в „Нью-Йорк***

таймс“ (В. В. Путин на заседании дискуссионного клуба «Валдай» 19 сентября 2013 г.) [Официальный]. Но здесь невооруженным глазом видна работа помощников, без совета которых В. В. Путин выпустил бы статью раньше выступления Б. Обамы, и ее воздействие без последнего абзаца могло быть значительно слабее. Приведем часть, которую, по собственному признанию, написал В. В. Путин лично: *Президент США предпринял в своей речи попытку обосновать исключительность американской нации. Проводимая США политика, по словам Президента США, „отличает Америку от других“. „Вот что делает нас исключительными“, — прямо заявил он. Считаю очень опасным закладывать в головы людей идею об их исключительности, чем бы это ни мотивировалось. Есть государства большие и малые, богатые и бедные, с давними демократическими традициями и которые только ищут свой путь к демократии. И они проводят, конечно, разную политику. Мы разные, но когда мы просим Господа благословить нас, мы не должны забывать, что Бог создал нас равными* (последний абзац статьи В. В. Путина в газете «New York Times» 12 сентября 2013 г.) [Там же]. Ключевым предложением, по нашему мнению, является последнее, в котором В. В. Путин предстает перед нами как опытный стратег, который смог воздействовать эмоционально на американцев, сконцентрировавшись на одной из базовых ценностей американцев — вере в Бога, религии, которая не признает неравенства. Таким образом, В. В. Путин показал незаурядный тактико-стратегический потенциал своей речи, который он использует как автор своих программных выступлений.

Значима роль спичрайтера Д. Полльева в реформировании текстов Посланий ФС РФ (например, уменьшение в 3 раза по сравнению с текстами Б. Н. Ельцина), а также тактикой его преподнесения членам ФС (предложение не раздавать текст перед прочтением). Но здесь стоит сделать одну оговорку: эти реформы спичрайтер вместе с другими членами команды Президента провела именно при В. В. Путине, хотя работала и при Б. Н. Ельцине и могла внести данные предложения. Это, на наш взгляд, свидетельствует о степени участия и в целом роли политика в данном процессе.

О спичрайтерах Д. А. Медведева и об их авторском участии при написании его речей, следовательно, степени влияния на политику государства известно меньше всего. Но и здесь нам представляется возможным выделить несколько значимых моментов.

Обычно работа Администрации Президента начинается со «старой» командой, которая на первоначальном этапе может помочь освоиться политику на новом рабочем месте. Одним из таких специалистов для Д. А. Медведева стала «долгожительница» Кремля Д. Полльева, которая работала при Б. Н. Ельцине с 1997 г. и два срока при В. В. Путине. В СМИ активно обсуждался промах команды Д. А. Медведева, спичрайтеры которого, скорее всего, не перепроверили информацию из профильного ведомства. Поэтому Президент РФ 26 сентября 2008 г. на полигоне Донгуз перед командующими военных округов Вооруженных сил России повторил часть речи, произнесенной 26 апреля 2007 г. министром обороны Республики Казахстан Д. Ахметовым. Приведем фрагменты: *Во-первых, речь идет о совершенствовании организационно-штатной структуры и системы базирования войск. Если говорить просто: все боевые соединения, воинские части должны быть переведены в категорию постоянной готовности* (Д. Ахметов) [Газета]; *Во-первых, речь идет о совершенствовании организационно-штатной структуры и системы базирования войск. Если говорить просто и прямо: все боевые соединения, воинские части должны быть переведены в категорию постоянной готовности* (Д. А. Медведев) [Официальный].

25 сентября 2009 г. Д. А. Медведев на встрече со студентами и преподавателями Питтсбургского университета уклонился от зачитывания заранее подготовленного текста и в конце короткой, большей частью сымпровизированной речи отметил: *Я, пожалуй, больше ничего говорить не буду. Но с большой радостью отвечу на ваши вопросы, если они у вас есть* [Официальный]. Вскоре Д. Полльева была заменена на Е. Васильевскую, писавшей речи Д. А. Медведеву, когда он был Председателем Правительства РФ. Этот шаг можно расценить как личное желание политика сформировать свой стиль общения с народом, т. е. самому определять, как и что ему говорить. Наши мысли подтверждает высказывание пресс-секретаря Д. А. Медведева Н. Тимаковой: *Спичрайтер — это специфическая профессия, в которой важно не только написание текста как такового, но и понимание человека, для которого пишется текст* [Информационное агентство]. Также отметим, что представитель пресс-службы Администрации Президента РФ референта назвал спичрайтером.

Д. А. Медведев перед оглашением первого своего Послания ФС РФ через «Twitter» на одно из сообщений, из которого следова-

ло, что во сне его видели утром в мрачном замке, ответил: *Я вчера вообще не ужинал. Послание готовил:*) [Twitter]. Дискурсивными новациями самого Президента являются не только общение через «Twitter» с присутствующими для данного сообщества знаками типа «смайл», но и его видеоблог как новый канал связи, в котором 2 ноября 2008 г. Президент РФ рассказал о подготовке вышеуказанного послания: *И в этот раз мы с коллегами работаем над этим документом, работаем напряженно, периодически встречаемся. Я даю свои представления, свои указания. Мы по каким-то вопросам спорим, по каким-то вопросам решения принимаются быстро. Надеюсь, что в ближайшее время будет подготовлен окончательный текст, с которым я и собираюсь выступить* [Официальный]. У Дмитрия Анатольевича есть команда, и он делает на этом акцент, чтобы создать впечатление у аудитории, что Послание продуманно, выверено. Можно сделать вывод, что Д. А. Медведев вместе с помощниками-соратниками готовил речи, но при этом ответственность за их содержание брал на себя.

Выделим основные **тенденции** в истории развития профессии спичрайтера первого лица в России.

1. С начала XXI века «доступ» спичрайтера к политике снижается, поэтому спичрайтеры:

- а) очень редко видят спикера, чаще, за исключением начальника Референтуры Президента РФ, смотрят выступления политика в видеозаписях, что может негативно сказываться на качестве их работы (например, не видна живая реакция на выступление);
- б) перестали влиять на принятие политических решений в стране, превратились в людей, которые технически обрабатывают, излагают подготовленный аналитический материал из разных источников (в том числе из Правительства РФ);
- в) создают текст, который должен удовлетворить не только народ и Президента, но и «посредников» в виде помощников, главы Администрации.

2. Становится менее важным, является ли спичрайтер соратником заказчика спича.

3. Усложнение структуры Референтуры Президента РФ. Работа в группах — спичрайтерских объединениях, количество людей в которых увеличивается [Интервью].

4. Снижение объема аналитической работы спичрайтеров по объяснению народным массам правильности и необходимости принятия тех или иных решений по разным вопросам — теперь это функция СМИ. Как потенциальную опасность такого положения можно отметить непонимание точки зрения

Президента РФ по конкретному вопросу. Например, в начале 2016 г. СМИ России презентовали антидопинговый скандал как происки США — борьбу за медали на летней Олимпиаде, а В. В. Путин вынужден был объяснять мировому сообществу, что не нужно раздувать истерию, так как вина полностью лежит на российских спортивных чиновниках [Официальный].

5. Сохранение «спичрайтерских» традиций, заложенных в 1990-х гг. в Референтуре Президента РФ, не только в Администрации Президента РФ, но и в других ведомствах (Совет Федерации РФ, ГД РФ, Правительство РФ): оформление текстов, формат бумаги, словари с запрещенными к употреблению словами (например, лексема «осуществлять» не может использоваться из-за трудности при артикуляции, скопления зубных, свистящих и шипящих согласных), алгоритм написания речей, минимизация использования причастных и деепричастных оборотов, пропорциональное употребление местоимений «я» и «мы» и многое другое.

III. Некоторые приемы работы спичрайтеров Президента РФ

Чтобы оперативно подготовить хороший текст выступления для Президента РФ, у спичрайтеров есть арсенал приемов работы, выбор которых обусловлен разными факторами и прагматикой. Механизмы реализации поставленных перед спичрайтерами целей синтетичны, они взаимосвязаны и дополняют друг друга. Например, в первом случае мы видим взаимодействие лингвистики, социологии и техники:

1. Постоянное изучение выступлений политика, чтобы видеть его достоинства/недостатки как оратора, заметить изменение речевого стиля. Спичрайтер уделяет внимание реакции зала, поведению политика, улавливает особенности речевого имиджа политика (сегодня привилегией видеть выступление «вживую» наделен начальник Референтуры Президента РФ, а не все спичрайтеры, как раньше). Далее помощники на больших досках выписывают слова, которые чаще всего используются заказчиком, фиксируют это и, стараясь повторить речевую манеру заказчика, включают их в тексты, обозначая полужирным шрифтом и заглавными буквами с подчеркиванием. Условно этот прием можно назвать **«Работа с ключевыми словами»**.

Приведем другие приемы работы спичрайтеров Президента РФ, которые, на наш взгляд, интересны:

2. Подготовка вопросов и ответов к выступлением разного рода: от интервью до

«прямой линии» с Президентом РФ. Опытная группа обязана угадывать более 50 % вопросов, которые могут задать Президенту, благодаря аналитической работе. Отметим также, что преподаватель МГУ им. М. В. Ломоносова В. В. Смоленкова на XIX Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» (9—13 апреля 2012, г. Москва) поделилась случаем из опыта общения со спичрайтерами, когда у заказчика спича срабатывает интуиция и он просит помощников переписать потенциально хороший текст, а на пресс-конференции при ответе на вопрос может воспроизвести его в полном объеме и произвести фурор в аудитории. Данная дискурсивная новация — инициатива Президента РФ и носит в большей степени интуитивный характер. Но данный прием будет работать только в том случае, если информация достоверная, иначе может получиться обратный эффект. Например, Президент РФ 14 апреля 2016 г. в ходе «Прямой линии» (дискурсивная новация В. В. Путина начала 2000-х гг.) заявил, что «„Зюддойче цайтунг“... принадлежит американской финансовой корпорации „Голдман Сакс“» [Официальный], которая могла выступить заказчицей «панамского оффшорного скандала 2016 года». Вина за неточную информацию в данном случае лежит на пресс-секретаре Президента РФ Д. Пескове, поэтому В. В. Путину пришлось просить прощение у авторитетной газеты.

3. Некоторые технические приемы.

А. Применение полужирного начертания к выделению информационно, прагматически значимых предложений в тексте.

Б. При написании программных речей разделение текста на смысловые абзацы, которые могут заканчиваться эмоциональным призывом и, как следствие, аплодисментами — эта традиция выступлений Президентом США и Европы была успешно реализована в России Б. Н. Ельциным (например, речь в Конгрессе США 1992 г.) и нашла отражение в оглашении Посланий ФС РФ, инаугурационных и других речей первых лиц.

4. Эффективным приемом работы спичрайтеров можно считать **стилизацию речи политика под определенную эпоху или событие**. Например, с помощью консультаций с военными журналистами, очевидцами событий в преддверии 9 Мая спичрайтеры специально для ветеранов стремились вычленять лексические маркеры времени Великой Отечественной войны, чтобы вызвать в душе людей определенные чувства и реализовать коммуникативную тактику солидаризации с адресатом речи.

5. В текстах выступлений должны быть словосочетания или предложения, которые помогут тронуть аудиторию за душу и сделают речь «мощной, сильной, яркой» (Б. Н. Ельцин) [Интервью]. Чаще всего это **эмоционально окрашенные лексические и синтаксические единицы**.

6. Замена личного местоимения «я» на личный глагол 1 лица единственного числа.

7. Применение закона «**Критикуешь — предлагай решение**».

8. **Технологический прием** работы спичрайтеров в парах (спарринг-партнер) или малых группах, чтобы избежать речевых клише и штампов.

9. Работа с совокупностью экстралингвистических условий, необходимых для осуществления выступления (изучение обстановки, в которой будет произнесена речь, а также адресата — использование таланта мимикрии).

10. **Аналитическая работа с социологическими, мониторинговыми службами**, благодаря которым можно понять не только оценку деятельности Президента РФ, но и отношение общества к разным сферам жизни, к тому, что наиболее волнует людей. За счет этого достигается информационная и языковая точность в высказываниях.

Таким образом, спичрайтеры Президента РФ выполняют важную функцию — аналитическую подготовку материала и написание проектов речей, что позволяет в значительной степени сократить время работы политика над ними и уделить внимание проблемам страны. В отдельные периоды истории роль спичрайтеров была высока, но в современной России она сведена к технической обработке текстов со всеми вытекающими положительными (никто не может повлиять на спичрайтеров, следовательно, на политика) и отрицательными (существует опасность, что спичрайтеры перестанут «чувствовать» политика) сторонами.

В заключение отметим, что мы согласны со следующим мнением А. П. Чудинова: «...тот, на кого ложится ответственность за текст, считается его автором» [Чудинов 2012: 54], поскольку обществу не интересна точка зрения спичрайтера, а важно узнать мнение политика.

Но существует и другая немаловажная особенность — понимание политиком этой ответственности. Так, известных журналистов, по совместительству спичрайтеров Александра Яковлева и Александра Бовина попросили подготовить речь для председателя Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорного к годовщине Октября. «Недоработанный» вариант доклада был от-

правлен помощникам политика, но они не стали править полученный текст, и он прозвучал в «сыром» виде. На предложение помощника Н. В. Подгорному подправить текст доклада для печати в СМИ политик «буркнул»: «Пусть Яковлев сам звонит в „Правду“. Он писал, пусть он и исправляет» [Колесников 2008: 12—13]. Будем надеяться, что подобное в современной политической коммуникации не повторится.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арбатов Г. Человек системы. — М. : Вагриус, 2002.
2. Аргументы и факты. URL: www.aif.ru/politics/russia/1398724 (дата обращения: 20.05.2016).
3. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. — СПб. : Норинт, 2000.
4. Время : газ. URL: www.time.kz (дата обращения: 15.03.2015).
5. Ильин А., Кадацкий В., Никифоров К., Пихоя Л. Отзвук слова. — М. : ИМА-пресс, 1999.
6. Интервью Л. Пихои. URL: www.yeltsincenter.ru/en/node/3363 (дата обращения: 20.05.2016).

P. S. Uchirov
Yelabuga, Russia

DISCURSIVE PRACTICES OF THE PRESIDENT OF THE RUSSIAN FEDERATION: THE HISTORICAL ROLE OF SPEECHWRITERS

ABSTRACT. *The article summarizes the experience of many years of research of speechwriters' activity in our country. It describes the history of appearance and development of speechwriting in Russia stage by stage as a phenomenon, the term "speechwriter", and pays special attention to the assistants to the Presidents of the Russian Federation B. N. Yeltsin, V. V. Putin, D. A. Medvedev.*

The main trends in the history of speechwriting in our country are the following: first, the writers ceased to influence the political decision-making, becoming "technical" experts who process information from different sources; secondly, texts prepared for program speeches of politicians, especially Vladimir Putin, are usually subject to considerable editing by the speech customer, and therefore the President of the Russian Federation may be recognized as the author of his unique speeches both from the point of view of responsibility for what he says, and from the point of view of authorship primacy; thirdly, discursive innovations are widely used for pragmatic purposes in the speeches of Vladimir Putin: the use of the lexical means close to the people to convey information and "talk" the same language with the electorate, which contributes to an increase in the approval rating of the Russian President.

The author makes an attempt to classify speech customers, and give a systemic description of speechwriters activities in the political sphere — they are divided into three groups: formal, semi-formal and informal.

The article also singles out the main discursive innovations of the first persons of the country, the implementations of which were attended by the assistants to the President of the Russian Federation. Among them are the unfortunate "revival" of radio addresses, effective "hot lines" with the population of the country, transformations in the Messages of the Federal Assembly of the Russian Federation, etc.

KEYWORDS: *discursive practices; speechwriter; president of the Russian Federation; Vladimir Putin; Boris Yeltsin; Dmitry Medvedev.*

ABOUT THE AUTHOR: *Uchirov Pavel Sergeevich, Post-graduate Student, Department of the Russian Language and Comparative Linguistics, Yelabuga Institute (branch) of Kazan (Privolzhsk) Federal University, Yelabuga, Russia.*

REFERENCES

1. Arbatov G. Chelovek sistemy. — М. : Vagrius, 2002.
2. Argumenty i fakty. URL: www.aif.ru/politics/russia/1398724 (data obrashcheniya: 20.05.2016).
3. Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka / gl. red. S. A. Kuznetsov. — Spb. : Norint, 2000.
4. Vremya : gaz. URL: www.time.kz (data obrashcheniya: 15.03.2015).
5. Il'in A., Kadatskiy V., Nikiforov K., Pikhoya L. Otvuk slova. — М. : IMA-press, 1999.
6. Interv'yu L. Pikhoi. URL: www.yeltsincenter.ru/en/node/3363 (data obrashcheniya: 20.05.2016).
7. Informatsionnoe agentstvo RIA «Novosti». URL: ria.ru/politics (data obrashcheniya: 20.05.16).
8. Issers O. S. Lyudi govoryat... Diskursivnye praktiki nashego vremeni. — Omsk : Izd-vo Omskogo gosuniversiteta, 2012.

7. Информационное агентство РИА «Новости». URL: ria.ru/politics (дата обращения: 20.05.16).

8. Иссерс О. С. Люди говорят... Дискурсивные практики нашего времени. — Омск : Изд-во Омского госуниверситета, 2012.

9. Колесников А. Спичрайтеры: хроника профессии, сочинявшей и изменявшей мир. — М. : АСТ : АСТ МОСКВА, 2008.

10. Кривоносов А. Д. Основы спичрайтинга. — СПб. : СПбГУ, 2003.

11. Маяковский В. Стихотворение «Поэзия». URL: v-mayakovskiy.com (дата обращения: 20.05.2016).

12. Новости «Майл РУ». URL: news.mail.ru/politics/12830904/ (дата обращения: 15.03.2015).

13. Официальный сайт Президента РФ. URL: www.kremlin.ru (дата обращения: 20.05.2016).

14. Чудинов А. П. Дискурсивные характеристики политической коммуникации // Политическая лингвистика. 2012. № 2 (40).

15. Эпоха Ельцина: очерки политической истории / Ю. М. Батурин, А. Л. Ильин, В. Ф. Кадацкий, В. В. Костиков, М. А. Краснов. — М. : ВАГРИУС, 2001.

16. Twitter Д. А. Медведева. URL: twitter.com/MedvedevRussia (дата обращения: 20.05.16).

9. Kolesnikov A. Spichraytery: khronika professii, sochinyavshey i izmenyavshey mir. — М. : AST : AST MOSKVA, 2008.

10. Krivonosov A. D. Osnovy spichraytinga. — Spb. : SPbGU, 2003.

11. Mayakovskiy V. Stikhotvorenie «Poeziya». URL: v-mayakovskiy.com (data obrashcheniya: 20.05.2016).

12. Novosti «Mayl RU». URL: news.mail.ru/politics/12830904/ (data obrashcheniya: 15.03.2015).

13. Ofitsial'nyy sayt Prezidenta RF. URL: www.kremlin.ru (data obrashcheniya: 20.05.2016).

14. Chudinov A. P. Diskursivnye kharakteristiki politicheskoy kommunikatsii // Politicheskaya lingvistika. 2012. № 2 (40).

15. Epokha El'tsina: ocherki politicheskoy istorii / Yu. M. Baturin, A. L. Il'in, V. F. Kadatskiy, V. V. Kostikov, M. A. Krasnov. — М. : VAGRIUS, 2001.

16. Twitter D. A. Medvedeva. URL: twitter.com/MedvedevRussia (data obrashcheniya: 20.05.16).

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Д. А. Салимова.

Е. М. Химинец
Пермь, Россия

АНАЛИЗ ЭВФЕМИЗМОВ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

АННОТАЦИЯ. В статье представлен анализ политического дискурса в рамках когнитивно-дискурсивного подхода. Дискурс рассматривается как вербально опосредованная деятельность в специальной сфере, где происходит вербальная репрезентация специального знания, т. е. концепта. Концепт представляет совокупное знание по определенной проблеме и имеет множество способов языкового выражения, одним из которых являются эвфемизмы. Эвфемизмы в рамках когнитивно-дискурсивного подхода рассматриваются как один из способов вторичной репрезентации знаний в языке, что позволяет представить эвфемизмы как механизм формирования нового смысла. Политический дискурс определяется как совокупность дискурсивных практик, идентифицирующих участников и формирующих конкретную тематику политической коммуникации. В политическом дискурсе представлены социально значимого события обусловлено прагматическими задачами, которые реализуются с помощью дискурсивных стратегий. К дискурсивным стратегиям можно отнести способы представления социально значимого события в дискурсе правых и левых партий. В статье предложена методика идентификации эвфемизмов, включающая несколько этапов анализа, рассмотрены основные механизмы формирования эвфемизмов, а также представлены результаты сравнительного исследования функционирования эвфемизмов в дискурсе оппозиционных политических партий Франции. В разных типах политического дискурса (правых и левых партий) представлено разное количество эвфемизмов, образованных определенными (доминантными) механизмами. Сопоставительный анализ эвфемизмов в разных типах дискурса свидетельствует о разных стратегиях репрезентации военного события в политическом дискурсе. В дискурсе левых партий представлена стратегия оправдания действий правительства, а в дискурсе правых партий — критика.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: когнитивная лингвистика; политический дискурс; оппозиция политических партий; концепт; эвфемизм.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Химинец Елена Михайловна, преподаватель кафедры лингводидактики, Пермский государственный национальный исследовательский университет; 614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15; e-mail: ellen.lm@mail.ru.

Представление социально значимого события в газете обусловлено прагматическими задачами, которые реализуются с помощью дискурсивных тактик и стратегий. Дискурс рассматривается как вербально опосредованная деятельность в специальной сфере, где происходит вербальная репрезентация специального знания, т. е. концепта [Алексеева, Мишланова 2002: 54—62]. В рамках когнитивно-дискурсивного подхода язык рассматривается как когнитивный механизм, который репрезентирует мир через систему концептов, представленных в сознании человека [Болдырев 2009: 44]. Концепт представляет собой «сложноорганизованное ментальное образование» [Жданова, Мишланова, Поляков, Строканов 2012: 101], совокупное знание по определенной проблеме и имеет множество способов языкового выражения, одним из которых являются эвфемизмы. Традиционно эвфемизмы определяют как «способствующие эффекту смягчения косвенные заменители наименований страшного, постыдного или одиозного, вызываемые к жизни моральными или религиозными мотивами» [Кацев 1988: 5]. Когнитивно-дискурсивный подход позволяет рассмотреть эвфемизмы как один из способов вторичной репрезентации знаний в языке, что позволяет представить эвфемизмы как механизм формирования нового смысла в результате взаимодействия нескольких концептов, а также выявить концептуальные схемы и модели, которые лежат в основе эвфемизации [Болдырев 2009: 50]. Различают три основных механизма формирова-

ния эвфемизмов в зависимости от способа и степени изменения концептуального содержания:

- 1) нейтрализация негативных характеристик исходного концепта;
- 2) снижение степени выраженности негативного признака;
- 3) смена оценочной характеристики с отрицательной на положительную [Болдырев, Алексикова 2010: 7].

Особый интерес представляет изучение функционирования эвфемизмов в политическом дискурсе. Политический дискурс определяется как «совокупность дискурсивных практик, идентифицирующих участников и формирующих конкретную тематику политической коммуникации» [Баранов 2004: 7]. Одной из главных целей политического дискурса можно считать завоевание и удержание власти. Специфика политического дискурса проявляется в стратегиях и тактиках репрезентации концепта. Выбор средств для достижения цели в конкретных условиях общения рассматривается как реализация определенной стратегии в дискурсе, так как одна и та же коммуникативная цель может быть достигнута разными способами. Тактика рассматривается как способ реализации стратегии дискурса [Фирстова 2008: 7]. Когнитивно-дискурсивная стратегия является речементальным конструированием коррелята социально значимого события, которая допускает разную степень точности и детализации, смысловые искажения и нарушения фокуса изображения события, а также использование разных способов подачи ин-

формации, т. е. специальные технологии информирования [Мельникова 2016: 10]. К когнитивно-дискурсивным стратегиям можно отнести способы представления информации газетами, отражающими взгляды правых и левых партий^[1].

Целью настоящего исследования является изучение репрезентации концепта «Военное событие» («Сервал»^[2]) и особенности функционирования эвфемизмов в процессе концептуализации в политическом дискурсе правых и левых партий. Материалом исследования послужили французские газеты правых и левых партий: *Libération*, *Le monde*, *Courrier International*, *Le Nouvelle Observateur*, *Marianne*, *Le Figaro*, *Le Point*, *Journal du Dimanche*, *Valeur Actuelle*, *La Tribune*. Были проанализированы газетные статьи за период с 11 января 2013 г. до 31 марта 2013 г. Всего было выделено более 30 000 прямых номинаций, среди которых было отобрано и проанализировано более 1000 эвфемистических выражений. Для достижения поставленной цели исследования решались сле-

дующие задачи: описание структуры концепта и онтологии предметной области «Война», разработка методики идентификации эвфемизмов в дискурсе.

Сначала проводится идентификация эвфемизмов и определяется их роль в репрезентации события в политическом дискурсе. Для проведения исследования разработана методика идентификации эвфемизмов. Для идентификации эвфемизмов в дискурсе были изучены и модифицированы процедуры идентификации метафоры и гиперболы [Мишланова, Куприянычева, Химинец 2016; Praggeljaz Group 2007; Burgers, Brugman, Lavalette, Steen 2016].

Для систематизации материала была использована онтология как структура предметной области, описывающая понятия этой предметной области и отношения между ними [Жданова, Мишланова, Поляков, Строканов 2012; Куприянычева, Мишланова 2015; Мишланова, Куприянычева 2012]. Рассмотрим онтологию предметной области «Война», представленную на схеме 1.

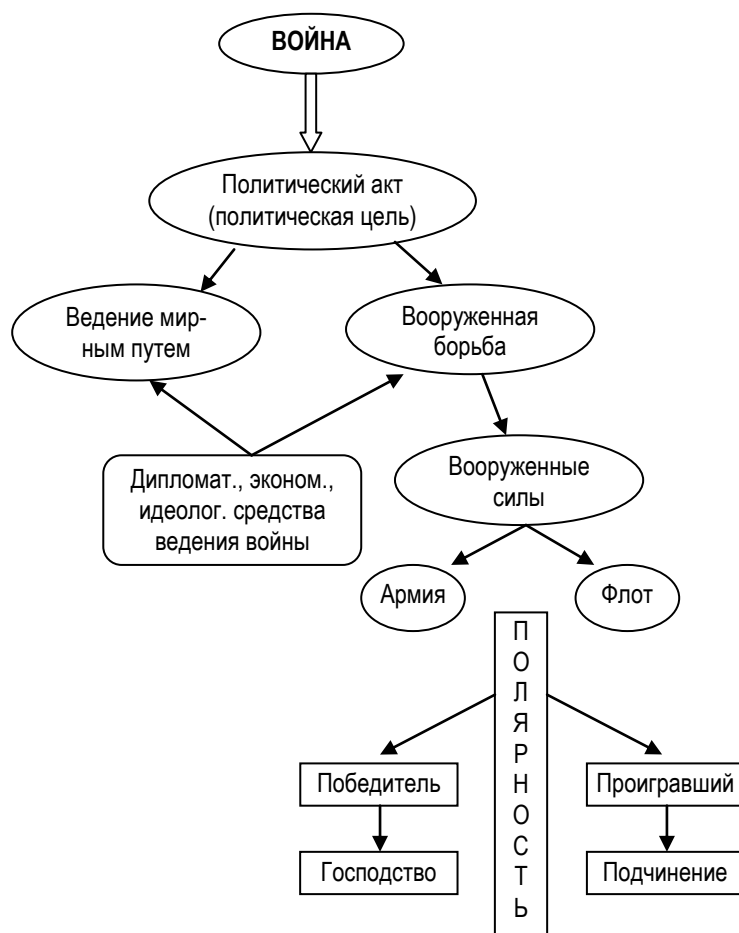

Схема 1. Структура онтологии предметной области «Война»

Война трактуется как политический акт, направленный на достижение конкретной политической цели, осуществляемый либо мирным путем, либо средствами вооруженной борьбы; как правило, оба варианта развития действий предполагают определенную организацию. В качестве основного средства ведения вооруженной борьбы рассматриваются вооруженные силы, состоящие из армии и флота. Вспомогательными средствами ведения войны могут быть также дипломатические, экономические, идеологические и другие. Войне присущ принцип полярности: вооруженная борьба ведется двумя противоположными величинами, в результате одна из них одерживает победу и, как правило, получает господство над чем-либо/кем-либо, другая получает статус проигравшей и вступает в подчинение по отношению к первой величине. Противоположные величины — условность, под которой подразумеваются конкретные участники войны. Ими могут быть государства, народы, социальные группы — от этого зависит тип войны. Вооруженная борьба выливается в акты насилия, агрессию, гнет, разрушение, смерть участников, в преступления, совершаемые против человеческой личности. Следовательно, в структуру предметной области «Война» входит несколько основных составляющих, среди которых цель военных действий, вид действий, а также агент и пациент, т. е. субъект и объект действий. Данные составляющие онтологии предметной области характерны и для военного события «Сервал».

Обратим внимание на событие, которое активно освещали все газеты Франции — операцию «Сервал», проводимую Францией на территории Мали. Операция «Сервал» являлась важным шагом для французского правительства, целью которого было противостояние террористам, захватившим север страны, так как события на территории Мали ставили под угрозу государственную целостность страны и представляли угрозу для соседних государств. Приведем пример презентации военного события «Сервал», а также продемонстрируем на практике процедуру идентификации эвфемизмов.

L'intervention française n'en est qu'à ses débuts [Libération 2013] / Французское вмешательство только в своем начале.

Находим в тексте военной тематики единицы, не принадлежащие к данной предметной области. Далее с помощью компонентного анализа выделяем основные семы значения лексемы и проводим сравнительный

анализ сем. На втором этапе идентификации эвфемизмов переходим к идентификации интегрирующих (родовых, общих) и дифференцирующих (видовых, отличающих) сем контекстуального и базового значений [Мишланова, Филиппова 2010: 103—135]. Представим процедуру идентификации эвфемизмов в виде схемы (см. схему 2).

Как показано на схеме 2, на первом этапе анализа обращаются к военным словарям и проводят компонентный анализ лексемы «вмешательство» с целью выявления сем базового значения. Сразу отметим, что в словаре военных терминов данная лексема не представлена, однако двуязычный военно-политический словарь определяет «вмешательство» как интервенцию, выступление, боевые действия и операцию [Французско-русский военно-политический словарь 1991: 190]. В толковых словарях «вмешательство» на первом этапе определяют в понятиях межличностного конфликта *принять участие* или *вмешаться в чужие, личные дела или отношения*, а также с помощью военных понятий, например *вооруженное вмешательство в дела другого государства, интервенция*: «Непрошенное или насильственное *участие в чужих делах, отношениях*; действия, противоречащие самостоятельности или независимости другого, либо как *вмешательство в личные дела* или *вооруженное вмешательство в дела другого государства* называют интервенцией» [Ушаков]. Французские толковые словари также определяют «вмешательство» в понятиях межличностного конфликта: *вмешаться в дела* — *action d'intervenir dans une affaire, действие против кого-либо, чтобы что-то получить* — *démarche (auprès de quelqu'un) pour obtenir quelque chose, специфическое действие* — *action spécifique*, например: «**Action d'intervenir dans une affaire** (où d'autres personnes sont concernées). **Démarche** (auprès de quelqu'un) **pour obtenir quelque chose. Action spécifique** en matière économique, sociale, policière, etc. Action thérapeutique destinée à enrayer une maladie, à modifier un état pathologique. Fait d'agir, d'avoir un rôle déterminant (parmi d'autres éléments, d'autres facteurs). Action de se produire au cours d'une évolution» [CNTRL]. Следовательно, компонентный анализ лексемы «вмешательство» позволяет установить количественно преобладающие семы, относящиеся к межличностным конфликтам, и незначительное количество сем военного события.

I ЭТАП			
	Военный словарь	Общезыковой словарь	Семы
Базовое значение «intervention» / «вмешательство»	Интервенция, вмешательство, политика вмешательства, выступление, начало боевых действий, боевые действия, операции, нападение, вступление в бой [Французско-русский военнополитический словарь 1991: 190].	<ul style="list-style-type: none"> – Action d'intervenir dans une affaire (où d'autres personnes sont concernées) – Démarche (auprès de quelqu'un) pour obtenir quelque chose. – Action spécifique en matière économique, sociale, policière, etc. – Action thérapeutique destinée à enrayer une maladie, à modifier un état pathologique. – Fait d'agir, d'avoir un rôle déterminant (parmi d'autres éléments, d'autres facteurs). – Action de se produire au cours d'une évolution [CNTRL]. 	<ul style="list-style-type: none"> – принять участие – начать (боевое) действие или нападение – получить что-либо – специальные действия – терапевтические действия – играть главную роль
Контекстуальное значение «война»	общественно-политическое явление, продолжение политики насильственными средствами. Современная война ведется всей страной, затрагивает все сферы жизни и деятельности общества. Специфическое содержание войны составляет вооруженная борьба. Главным и решающим средством ее ведения являются вооруженные силы, а также другие военизированные формирования. Для достижения поставленных политических целей в войне применяются также экономические, дипломатические, идеологические и другие средства и соответствующие им формы борьбы [Словарь военных терминов].	Вооруженная борьба между государствами или народами, между классами внутри государства. Борьба, враждебные отношения с кем-нибудь, с чем-нибудь [Ожегов, Шведова].	<ul style="list-style-type: none"> – общественно-политическое явление – ведение политики насильственными средствами – вооруженная борьба – применение вооруженной силы, военизированных формирований – достижение политических целей – враждебные отношения
II ЭТАП			
Интегрирующие семы эвфемистического выражения: – принять участие – участие вооруженное – вмешаться в дела государства – получить что-либо	Дифференцирующие семы эвфемистического выражения: – общественно-политическое явление – достижение политических целей – начать (боевое) действие или нападение – специальные действия – терапевтические действия – играть главную роль	Принцип эвфемизации: снижение степени негативной оценки за счет обращения к номинации с широкой семантикой Механизм эвфемизации: генерализация	Особенности: частичный интердискурсивный переход из военного дискурса

Схема 2. Процедура идентификации эвфемизма

Далее рассмотрим результаты компонентного анализа лексемы «война» и выделим семы контекстуального значения. Понятие «война» определяется отраслевыми словарями как *общественно-политическое явление, ведение политики насильственными средствами, вооруженная борьба, применение вооруженной силы и военизированных формирований для достижения политических целей*, например: «**Общественно-политическое явление, продолжение политики насильственными средствами.** Современная война ведется всей страной, затрагивает все сферы жизни и деятельности общества. Специфическое

содержание войны составляет **вооруженная борьба**. Главным и решающим средством ее ведения являются **вооруженные силы**, а также другие **военизированные формирования**. Для достижения поставленных политических целей в войне применяются также экономические, дипломатические, идеологические и другие средства и соответствующие им формы борьбы» [Словарь военных терминов]. Толковые словари определяют лексему «война» как *вооруженную борьбу и враждебные отношения: «Вооруженная борьба* между государствами или народами, между классами внутри государства. Борьба, **враждебные отно-**

шения с кем- или чем-нибудь» [Ожегов, Шведова]. Следовательно, преобладают семы военного события, участники ситуации — государство, народ, затрагиваются все сферы общества, что говорит о масштабности события.

В результате анализа были выделены интегрирующие семы: *принять участие, участие вооруженное, вмешаться в дела государства, получить что-либо*. Далее были выделены дифференцирующие семы: *общественно-политическое явление, достижение политических целей, начать (боевое) действие или нападение, специальные действия, остановить болезнь, играть главную роль*. Проведенный анализ лексикографических источников позволяет сделать вывод, что контекстуальное значение понятия «война» включает больше негативных сем (насильственные средства, вооруженная борьба, враждебное отношение) по сравнению с понятием «вмешательство». Следовательно, понятие «вмешательство» используется для замены более негативного понятия «война», т. е. является эвфемизмом. Применяется механизм генерализации за счет обращения к номинации с широкой семантикой, также можно отметить частичный интердискурсивный переход из военного дискурса в общеязыковой.

Отметим, что в политическом дискурсе реализуются различные дискурсивные стратегии, а продуктивными лингвистическими механизмами эвфемизации являются генерализация и нейтрализация значения с последующей сменой оценочного знака с отрицательного на положительный. В ходе исследования было выявлено, что дискурсивные стратегии реализуются в политическом дискурсе левых и правых партий различными средствами, что связано с выбором фокуса изображения события и применяемой тактикой.

Подводя итоги, сформулируем выводы. Дискурс — это вербально опосредованная деятельность в специальной сфере, в которой образуются и объективируются концепты, а специфика политического дискурса проявляется в стратегиях и тактиках репрезентации военного события. Эвфемизация — особый способ репрезентации военного события в политическом дискурсе. Она представляет собой когнитивно-дискурсивный феномен, когнитивными механизмами которого являются концептуализация и категоризация, а продуктивными механизмами эвфемизации — генерализация, нейтрализация значения, а также последующая смена оценочного знака с отрицательного на поло-

жительный. В разных типах политического дискурса (правых и левых партий) представлено разное количество эвфемизмов, образованных с помощью определенных (доминантных) механизмов. Сопоставительный анализ эвфемизмов в разных типах дискурса свидетельствует о разных стратегиях репрезентации военного события в политическом дискурсе. В дискурсе левых партий представлена стратегия оправдания действий правительства, а в дискурсе правых партий — критика.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]. В функции партий входит, помимо борьбы за власть, социальное представительство, социальная интеграция, разработка и осуществление политического курса. Действующий президент Франции, Франсуа Олланд, является представителем левых партий, а именно Социалистической партии. Среди основных социал-демократических принципов можно назвать приоритет социальной справедливости и равенства граждан независимо от их общественного положения. У правых партий политической ориентацией являются активная внешняя политика, консерватизм, направление, отстаивающее ценность государственного и общественного порядка, неприятия «радикальных» реформ и экстремизма, а также интеграция в Евросоюз [Основные политические партии современной Франции].

[2]. Операция «Сервал» началась 11 января 2013 г., объявлена законченной 14 июля 2014 г. Французская военная операция в ответ на начало внутривнутриполитического кризиса в Мали и угрозу прихода там к власти радикальных исламистских организаций [Мезенцев 2014: 3—4].

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева Л. М., Мишланова С. Л. Медицинский дискурс: теоретические основы и принципы анализа. — Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 2002. 200 с.
2. Болдырев Н. Н. Оценочная метареферентация: проблемы изучения и описания // Когнитивные исследования языка. Исследование познавательных процессов в языке. — М. ; Тамбов : Ин-т языкознания РАН : Издат. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2009. Вып. 5. С. 43—51.
3. Болдырев Н. Н., Алексикова Ю. В. Когнитивный аспект эвфемизации (на материале английского языка) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2010. № 2. С. 5—11.
4. Жданова С. Ю., Мишланова С. Л., Поляков В. Б., Строканов А. А. Концепт «терроризм» в дискурсе международных новостей интернет-ресурсов // Вектор науки Тольяттин. гос. ун-та. 2012. № 4 (11). С. 284—287.
5. Кацев А. М. Языковое табу и эвфемия. — Л. : Просвещение, 1988. 112 с.
6. Куприянычева Е. А., Мишланова С. Л. Построение онтологии предметной области «ВОЙНА» на материале лексикографических источников // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики : материалы ежегодной международной конференции. — Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2015. С. 153—161.
7. Куприянычева Е. А., Мишланова С. Л., Химинец Е. М. Особенности идентификации гиперболы и эвфемизма // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Т. 8, № 4 (2). С. 152—155.
8. Мезенцев С. В. Внутренние и международно-политические аспекты кризиса в Мали и французская опера-

ция «Сервал» // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 25, Междунар. отношения и мировая политика. 2014. № 1. С. 3—28.

9. Мельникова Е. А. Когнитивно-дискурсивные особенности медиарепрезентации события в англоязычном тексте новостного сообщения : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Волгогр. гос. ун-т. — Волгоград, 2016. 23 с.

10. Мишланова С. Л., Куприянычева Е. А. Моделирование концепта «экстремизм» на материале лексикографических источников // Историческая и социально-образовательная мысль. 2012. № 5 (15). С. 170—175.

11. Мишланова С. Л., Филиппова А. А. Внутритраслевая полисемия в методическом дискурсе. — Пермь : Перм. гос. ун-т, 2010. 200 с.

12. Новые особенности войн XXI века. URL: <http://eurasian-defence.ru/?q=node/33518> (дата обращения: 10.10.2016).

13. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. URL: <http://ozhegov-online.ru/> (дата обращения: 10.10.2016).

14. Основные политические партии современной Франции. URL: <http://www.twirpx.com/file/119261/> (дата обращения: 10.10.2016).

15. Словарь военных терминов. URL: http://slovarionline.ru/slovar_voennyih_terminov/search/?word=война&select=slovar_v

oennyih_terminov&sub.x=0&sub.y=0 (дата обращения: 10.10.2016).

16. Ушаков Д. Н. Толковый словарь. URL: <http://ushakovdictionary.ru> (дата обращения: 10.10.2016).

17. Фирстова Л. А. Дискурсивные стратегии и тактики в рамках телепублицистического дискурса (на материале русскоязычных и англоязычных информационных программ) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. / Сарат. гос. ун-т. — Саратов, 2008. 21 с.

18. Французско-русский военно-политический словарь : ок. 20 000 терминов. — М. : Воениздат, 1991. 395 с.

19. Burgers Christian, Brugman Britta C., Lavalette de Renardel Kiki Y., Steen Gerard J. HIP: A method for linguistic hyperbole identification in discourse // Metaphor and Symbol. 2016. № 31 (3). P. 163—178.

20. CNTRL. URL: <http://www.cnrtl.fr/definition/intervention> (date of access: 10.10.2016).

21. Libération. URL: http://www.liberation.fr/planete/2013/01/12/mali-l-intervention-francaise-n-en-est-qu-a-ses-debuts_873559 (date of access: 10.10.2014).

22. Praggeljaz Group. MIP: A method for identifying metaphorically used words in discourse // Metaphor and Symbol. 2007. № 22 (1). P. 1—39.

E. M. Khiminets
Perm, Russia

THE ANALYSIS OF EUPHEMISMS IN POLITICAL DISCOURSE

ABSTRACT. *The article presents the analysis of political discourse based on the cognitive-discursive approach. Discourse is viewed as a verbally mediated activity in the social sphere, where special knowledge (concept) finds its verbal representation. Concept represents the cumulative knowledge of a problem and possesses a variety of means of verbal representation, euphemistic being one of them. Cognitive-discursive approach regards euphemism as a means of secondary verbal representation of knowledge which allows seeing euphemism as a mechanism of formation of a new meaning. Political discourse is characterized as a set of discursive practices identifying the participants and defining the thematic content of political communication. In political discourse representation of a socially important event is determined by the pragmatic tasks which are realized with the help of discursive strategies. Among the discursive strategies we find the means of representation of a socially important event in the discourse of the right-wing and left-wing parties. The article attempts to suggest a procedure of euphemism identification comprising several stages of analysis, considers the principal mechanisms of euphemism creation and presents the results of the comparative research regarding the functioning of euphemisms in the discourse of the opposing political parties in France. Different types of political discourse (right-wing and left-wing parties) possess different number of euphemisms, formed by certain (dominant) mechanisms. Comparative analysis of euphemisms in different types of discourse revealed different strategies of representation of the military event in political discourse. The discourse of left-wing parties uses the strategy of justifying the government, while the discourse of right-wing parties is characterized by criticizing them.*

KEYWORDS: *cognitive linguistics; political discourse; opposing political parties; concept; euphemism.*

ABOUT THE AUTHOR: *Khiminets Elena Michaylovna, Lecturer of the Department of Linguodidactics, Perm State National Research University, Perm, Russia.*

REFERENCES

1. Alekseeva L. M., Mishlanova S. L. Meditsinskiy diskurs: teoreticheskie osnovy i printsipy analiza. — Perm' : Izd-vo Perm. un-ta, 2002. 200 s.

2. Boldyrev N. N. Otsnochnaya metareprezentatsiya: problemy izucheniya i opisaniya // Kognitivnye issledovaniya yazyka. Issledovanie poznavatel'nykh protsessov v yazyke. — Moskva ; Tambov : In-t yazykoznanija RAN : Izdat. dom TGU im. G. R. Derzhavina, 2009. Vyp. 5. S. 43—51.

3. Boldyrev N. N., Aleksikova Yu. V. Kognitivnyy aspekt evfemizatsii (na materiale angliyskogo yazyka) // Voprosy kognitivnoy lingvistiki. 2010. № 2. S. 5—11.

4. Zhdanova S. Yu., Mishlanova S. L., Polyakov V. B., Strokanov A. A. Kontsept «terrorizm» v diskurse mezhdunarodnykh novostey internet-resursov // Vektor nauki Tol'yattin. gos. un-ta. 2012. № 4 (11). S. 284—287.

5. Katsev A. M. Yazykovoe tabu i evfemiya. — L. : Prosveshchenie, 1988. 112 s.

6. Kuprianycheva E. A., Mishlanova S. L. Postroenie ontologii predmetnoy oblasti «VOYNA» na materiale leksikograficheskikh istochnikov // Aktual'nye problemy germanistiki, romanistiki i rusistiki : materialy ezhegodnoy mezhdunarodnoy konferentsii. — Ekaterinburg : Ural. gos. ped. un-t, 2015. S. 153—161.

7. Kuprianycheva E. A., Mishlanova S. L., Khiminets E. M. Osobennosti identifikatsii giperboly i evfemizma // Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'. 2016. T. 8, № 4 (2). S. 152—155.

8. Mezentsev S. V. Vnutrennie i mezhdunarodno-politicheskie aspekty krizisa v Mali i frantsuzskaya operatsiya «Serval» //

Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 25, Mezhdunar. otnosheniya i mirovaya politika. 2014. № 1. S. 3—28.

9. Mel'nikova E. A. Kognitivno-diskursivnye osobennosti mediareprezentatsii sobytiya v angloyazychnom tekste novostnogo soobshcheniya : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk / Volgogr. gos. un-t. — Volgograd, 2016. 23 s.

10. Mishlanova S. L., Kuprianycheva E. A. Modelirovanie kontsepta «ekstremizm» na materiale leksikograficheskikh istochnikov // Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'. 2012. № 5 (15). S. 170—175.

11. Mishlanova S. L., Filippova A. A. Vnutritraslevaya polisemiya v metodicheskom diskurse. — Perm' : Perm. gos. un-t, 2010. 200 s.

12. Novye osobennosti voyn XXI veka. URL: <http://eurasian-defence.ru/?q=node/33518> (data obrashcheniya: 10.10.2016).

13. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka. URL: <http://ozhegov-online.ru/> (data obrashcheniya: 10.10.2016).

14. Osnovnye politicheskie partii sovremennoy Frantsii. URL: <http://www.twirpx.com/file/119261/> (data obrashcheniya: 10.10.2016).

15. Slovar' voennykh terminov. URL: http://slovarionline.ru/slovar_voennyih_terminov/search/?word=voyna&select=slovar_voennyih_terminov&sub.x=0&sub.y=0 (data obrashcheniya: 10.10.2016).

16. Ushakov D. N. Tolkovyy slovar'. URL: <http://ushakovdictionary.ru> (data obrashcheniya: 10.10.2016).

17. Firstova L. A. Diskursivnye strategii i taktiki v ramkakh telepublitsisticheskogo diskursa (na materiale russkoyazychnykh i

angloyazychnykh informatsionnykh programm) : avtoref. dis. ...
kand. filol. nauk. / Sarat. gos. un-t. — Saratov, 2008. 21 s.

18. Frantsuzsko-russkiy voenno-politicheskiy slovar' :
ok. 20 000 terminov. — M. : Voenizdat, 1991. 395 s.

19. Burgers Christian, Brugman Britta C., Lavalette de Renardel
Kiki Y., Steen Gerard J. HIP: A method for linguistic hyperbole
identification in discourse // Metaphor and Symbol. 2016. № 31
(3). P. 163—178.

20. CNTRL. URL: <http://www.cnrtl.fr/definition/intervention>
(date of access: 10.10.2016).

21. Libération. URL: http://www.liberation.fr/planete/2013/01/12/mali-l-intervention-francaise-n-en-est-qu-a-ses-debuts_873559
(date of access: 10.10.2014).

22. Pragglejaz Group. MIP: A method for identifying metaphor-
ically used words in discourse // Metaphor and Symbol. 2007.
№ 22 (1). P. 1—39.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.

РАЗДЕЛ 3. ЯЗЫК — ПОЛИТИКА — КУЛЬТУРА

УДК 81'42:81'38:81'27

ББК Ш105.51+Ш105.55+Ш100.621

ГСНТИ 16.31.02; 15.21.45; 19.21.11

Код ВАК 10.02.19

К. А. Демин, И. Н. Пушкарева, Ю. Р. Тагильцева
Екатеринбург, Россия

КОМПЬЮТЕРНЫЕ ИГРЫ ВОЕННОГО ЖАНРА КАК ЭЛЕМЕНТ ПРОПАГАНДЫ В ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЕ РОССИИ И США

АННОТАЦИЯ. Проблема противостояния между Россией и США актуальна и сегодня. Ряд политологов (как отечественных, так и зарубежных) отмечают, что Россия и США находятся в состоянии «новой холодной войны». Главная составляющая холодной войны — идеологическая борьба. На сегодняшний момент значительный перевес в ведении информационного противоборства находится на стороне США. Главную роль в этом сыграло развитие информационных технологий, которые ответственные за пропаганду американские ведомства активно внедряли в свою деятельность. В свете развития компьютерных технологий и доступности российской молодежи информационной среды, формируемой по правилам, созданным преимущественно западными специалистами, авторы статьи поднимают проблему использования компьютерных игр военного жанра в качестве средства пропаганды. С выходом в 1998 г. художественного кинофильма «Спаси рядового Райана» («Saving private Ryan») начался новый виток обращения к тематике Второй мировой войны в искусстве. К 2002 г. вычислительные возможности компьютеров достигли еще более высокого уровня. Тогда разработчики компании «2015 Inc.» выпустили первую игру, которая по зрелищности не уступала вышеуказанному фильму. Игра называлась «Медаль за отвагу. Нападение союзников» (Medal of honor: Allied assault) и повторяла сюжет картины «Спаси рядового Райана» в части, касающейся высадки армии США в Нормандии. Рост количества выпущенных игр, объединенных единым замыслом — тенденциозным освещением роли России в мировой истории как агрессора — указывает на то, что это целенаправленная работа специально созданных в структуре ВС США органов по связям с иностранной общественностью. Также подчеркивается необходимость активизации идеологической работы на этом направлении в России.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: противостояние; идеологическая борьба; информационная война; Интернет; компьютерные игры военного жанра; пропаганда.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Демин Константин Андреевич, сотрудник Управления ФСБ РФ по Свердловской области; 620014, г. Екатеринбург, ул. Вайнера, д. 4; e-mail: konstantino.d@narod.ru.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Пушкарева Инна Николаевна, кандидат биологических наук, доцент, зав. кафедрой теоретических основ физического воспитания, Уральский государственный педагогический университет; 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 257; e-mail: inna.ru.80@mail.ru.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Тагильцева Юлия Ринатовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры рекламы и связей с общественностью, Уральский государственный педагогический университет; 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 149; e-mail: jennifer1979@yandex.ru.

Геополитическое противостояние Востока и Запада существовало всегда. Но на протяжении XX в., согласно политической концепции А. Дугина, оно было выражено в перманентной борьбе между основными идеологиями: либерализмом, социализмом и фашизмом [Дугин]. Первым ключевым историческим событием, испытавшим на прочность эти политические взгляды, стала Вторая мировая война, по итогам которой фашистская идеология в лице Германии потерпела поражение. Вторым — так называемая «холодная война», по итогам которой поражение потерпел социализм в лице СССР. При этом США, опираясь на либеральную систему ценностей в политике и экономике (внутренней и внешней), одержали победу в обеих войнах. В первом случае вместе с СССР, а во втором случае уже над СССР.

Таким образом, победившей системой взглядов на социальную действительность стал либерализм. Его олицетворением считается западный мир во главе с официальным Вашингтоном. А Россия, как преемник СССР — государства, не только победившего фашизм, но и определявшего политику

стран Центрально-Восточной Европы во второй половине XX в., вынуждена выстраивать новую идеологию на основе либеральных идей, источником которых является главным образом США.

По мнению А. Дугина, «США победили в „холодной войне“ не потому, что накопили больше потенциала и вырвались в технологическом соревновании, но потому, что основались на либеральной идеологии, доказавшей и свою техническую состоятельность, и свою историческую правоту в войне, подводящей баланс Нового времени» [Дугин].

Противостояние между Россией и США актуально и сегодня. На это указывают конкретные факты: разжигание цветных революций в СНГ и санкционная политика Запада с целью подорвать геополитический вес официальной Москвы на постсоветском пространстве.

Ряд политологов, как отечественных (например, С. Караганов), так и американских (Р. Левголд) отмечают, что Россия и США находятся в состоянии «новой холодной войны» [Росбалт 2014; Голос Америки 2014].

Статья написана в рамках работы по гранту Российского фонда фундаментальных наук (проект № 16-29-09512 «Интернет как инструмент формирования психологической готовности молодежи к экстремистскому поведению»).

© Демин К. А., Пушкарева И. Н., Тагильцева Ю. Р., 2016

Другие политологи (А. Коэн, М. Кофман, К. Мартен, К. Сейвиц) утверждают, что война выдумана российским политологическим сообществом и действующей властной элитой. При этом они делают оговорку, что политический истеблишмент как в России, так и в США надеется на возвращение холодной войны, так как можно будет оправданно перейти к логике конфронтации [Сучков 2016]. На недавнем форуме экспертов НАТО, проходившем 8—9 июля в Варшаве, генеральный секретарь Йенс Столтенберг подтвердил существующие опасения по поводу начала новой холодной войны «и выразил консолидированное мнение военных кругов альянса, заявив, что она ушла в историю и должна там остаться» [Росбалт 2016].

Несмотря на различные точки зрения, специалисты сходятся в одном: новый конфликт возможен, и как бы сильно этого не хотелось его потенциальным участникам, скорее всего, это единственный путь разрешения сложившихся международных разногласий.

Главная составляющая холодной войны — идеологическая борьба. Раньше она шла между капиталистическим (либеральным) и коммунистическим (социалистическим) политическими режимами, теперь принимает иные формы из-за отсутствия в России государственной идеологии. С учетом победы в предыдущей войне Запада новая холодная война развернется на родном и понятном для США поле, по правилам, принимаемым Россией, с использованием технологий «мягкой силы».

Известно, что сущность холодной войны по причине взаимного ядерного сдерживания обеих стран имела культурный характер, главную роль в противостоянии сыграли различные фонды, управлявшие культурным фронтом на Западе, действовавшие под предлогом свободы выражения и определявшие «холодную войну» как «битву за человеческие умы». Для этого они располагали целым арсеналом: журналами, книгами, конференциями, семинарами, выставками, концертами, престижными премиями [Стонор-Сондерс 2014: 1, 9]. В XXI в. этот сценарий повторится лишь с некоторыми новыми нюансами: арсенал средств воздействия пополнится среди прочего и компьютерными играми (преимущественно военного жанра), а так называемое противостояние на бумаге перейдет в сетевую сферу.

Работ, дающих оценку результатам воздействия пропаганды через компьютерные игры на массовое сознание, в том числе молодежи, в печати не встречается. Но ближайшую аналогию по эффективности влияния можно провести с кино и литературой,

так как игра является синтезом этих двух форм искусства. С одной стороны, игрок, как в кино, глядя в экран монитора, наблюдает за определенным действием, происходящим по сценарию, с другой — как в литературе, предпринимает действия: словно переворачивая страницы книги, он продвигает героя по сюжетной линии, форсируя неинтересные места или дольше оставаясь в более увлекательных местах.

К началу XX в. эффективным средством пропаганды продолжала оставаться книга. Существовавшая в то время система цензуры подтверждает это утверждение. Однако недавно возникшему кинематографу еще предстояло доказать свою эффективность. Оба средства пропаганды в полной мере использовал В. И. Ленин. Еще в феврале 1919 г. в проекте программы Российской коммунистической партии большевиков в качестве одной из основных задач в период подготовки условий, делающих возможным полное осуществление коммунизма, им была обозначена необходимость «устройства библиотек... и кинематографов в целях расширения пропаганды» [Ленин 1963: 96]. Уже в 1922 г. Народному комиссариату просвещения В. И. Лениным были даны директивы, в соответствии с которыми в РСФСР необходимо было демонстрировать пропагандистские фильмы о жизни народов капиталистических стран, посвященные колониальной политике Англии в Индии, голодающим в Берлине и т. п. [Ленин 1964: 360]. Аналогичная ситуация обстояла и с развитием системы библиотек в Советской России. Изложенные В. И. Лениным идеи о развитии кинематографа и библиотечного дела поддерживались советской властью и после его смерти, что благоприятным образом сказалось на распространении коммунистических идей не только внутри СССР, но и за его пределами.

В 1950—1960-х гг. на волне популярности коммунистических идей на Западе Вашингтон принял конкретные меры, направленные на нейтрализацию «красной угрозы». В частности, была создана программа «воинствующей свободы», воплощением которой стали голливудские фильмы и литературные произведения молодых в то время писателей. Также была запущена программа книгоиздательства, которую курировало Центральное разведывательное управление, с целью добиваться издания идеологически правильных книг и их распространения за рубежом без раскрытия вмешательства со стороны США. Эти программы субсидировались из бюджета независимо от рентабельности [Стонор-Сондерс 2014: 6].

Постепенно значительный перевес в ведении информационного противоборства оказался на стороне США. Главную роль в этом сыграло развитие информационных технологий, которые ответственные за пропаганду американские ведомства активно внедряли в свою деятельность.

Начиная с 1970-х г. широко популярными становятся персональные компьютеры (далее ПК), которые стали использовать не только для работы с документацией или программирования, но и для компьютерных игр. Однако из-за дороговизны ПК большее распространение получили игровые видеоприставки, имевшие исключительно игровую функцию. На этом этапе, если в играх и прослеживался политический окрас, то он был обусловлен скорее взглядами разработчиков, нежели распоряжениями институтов пропаганды.

Ситуация изменилась после распада Советского Союза и принятия Конституции России в 1993 г. За двадцатилетний промежуток времени игровая культура претерпела значительные изменения. Флагманом в этой нише продолжали оставаться США, так как в СССР не велось хоть сколько-нибудь значимых работ в данном направлении. В период с 1990-х по 2010-е гг. изменился не только облик игр, но и так называемый игровой процесс (gameplay): они стали более реалистичными, благодаря совершенствованию графических технологий достигнув уровня кино, и более интересными за счет усложнения сюжетной линии до уровня художественного произведения. Игрок стал не просто проводить время за увлекательным действием, он стал буквально вживаться в роль и сопереживать своему компьютерному герою.

Что касается военного жанра, то здесь стоит отметить рубеж, за которым игры перестали быть просто развлечением, а превратились в средство пропаганды.

С выходом в 1998 г. художественного кинофильма «Спаси рядового Райана» (*Saving private Ryan*) *начался новый виток обращения к тематике Второй мировой войны в искусстве*. В первую очередь это связано с беспрецедентной реалистичностью фильма, в который погружался зритель: детально проработанные батальные сцены взятия немецких укреплений американскими солдатами, взрывы снарядов и на метры разбросанные разорванные тела с еще пульсирующими конечностями. Ужасающая картина, созданная С. Спилбергом, заставляла поверить в происходящее безошибочно. К 2002 г. вычислительные возможности компьютеров достигли еще более высокого уровня. Тогда разработчики компании «2015 Inc.» выпустили первую игру, которая

по зрелищности не уступала вышеуказанному фильму. Игра называлась «Медаль за отвагу. Нападение союзников» (*Medal of honor: Allied assault*) и повторяла сюжет картины «Спаси рядового Райана» в части, касающейся высадки армии США в Нормандии. Как и фильм, игра получила широкое распространение, а в среде российских подростков стала культовой. На протяжении шести миссий игроку в роли лейтенанта американской армии предлагалось пройти по театрам боевых действий в Алжире, Норвегии, Франции и Германии. В ходе развития сюжета зрителю неоднократно демонстрировался героизм американских солдат, освобождающих Европу от нацистской Германии, и ничего не сообщалось о вкладе советской армии в мировую победу над фашизмом. Достойного ответа со стороны российской культурной среды не последовало. В первую очередь не из-за отсутствия аналогичных студий, занятых разработкой компьютерных игр, а скорее из-за отсутствия государственной инициативы.

На волне популярности этой игры разработчики предложили поклонникам данного жанра целый остросюжетный «военно-исторический сериал», состоящий из 16 игр, последняя из которых вышла в 2012 г. [Игромания]. В каждом из случаев игроку предлагалось вжиться в роль американского солдата, сражающегося за демократические свободы не только своей страны, но и остального мира. Таким образом, целое поколение подростков России (2002—2012), поголовно увлеченных компьютерными играми, неоднократно в образе американского солдата доблестно сражалось на европейском театре военных действий против фашистов, участвовало в войне на Тихом океане, где победоносно разгромило преступный нацистский режим Японии, а также удачно боролось с международным терроризмом и победило его. Даже спустя 10 лет достойного ответа от российских разработчиков компьютерных игр не последовало.

Интересен тот факт, что одна из игр линейки «Медаль за отвагу», вышедшая в 2010 г., носила обратный пропагандистский характер. Разработчики перестарались: предоставили игрокам возможность выбора — выступить на стороне либо талибов, либо США. В результате получалось, что игрок в сетевом режиме мог сражаться на стороне террористов против армии США. Реакция военного руководства была мгновенной — игру запретили распространять на территориях военных частей [NEWSLAND 2010].

Пример с «Медалью за отвагу» не единичен. Ежегодно на российском рынке появля-

ются десятки американских компьютерных игр, не только прославляющих подвиг иностранного солдата в борьбе за демократию, но и приносящих роль Советского Союза (России) в мировой истории. В настоящее время американскими разработчиками поддерживаются несколько основных и самых популярных линеек компьютерных игр военного жанра:

1. «Call of duty» (преемница «Medal of honor»).

Выходит с 2003 г. Выпущено уже 28 игр, 2 готовятся к выходу в ноябре 2016 г. [Игромания]. Как и в «Медали за отвагу», игроку предстоит сражаться в роли американского солдата на европейском фронте Второй мировой войны, на Тихом океане, во Вьетнаме и даже воевать с русскими захватчиками, вторгшимися на территорию США («Call of duty: Modern warfare 3»). Примечательно, что во вторую часть «Modern warfare», вышедшей в 2009 г., разработчиками игры была включена миссия под названием «Ни слова по-русски», в ходе которой игроку предлагалось принять роль террориста и осуществить расправу над вымышленном московском аэропорту над Имраном Захаевым (sic!) с мирными гражданами, сотрудниками полиции и ФСБ. Выглядело это следующим образом: группа террористов, вооруженная пулеметами и неограниченным запасом патронов, расстреливала толпы посетителей и полицию аэропорта, а когда прибывал спецназ ФСБ, то его тоже ждала участь жертвы. Реакция со стороны российских властей последовала, но предпринятые меры оказались неэффективными, а шумиха вокруг этой игры вызвала еще больший интерес к ней [Lenta.ru]. В одних только США и Великобритании за 24 часа после выпуска в продажу было реализовано 4,7 млн копий игры [Lenta.ru]. В России из-за неразвитой системы защиты авторских прав лицензионная копия игры находилась в свободном доступе на торрент-трекерах, что позволило ей разойтись по всему СНГ огромными тиражами, которые невозможно подсчитать.

2. «Tom Clancy's Ghost recon».

Выходит с 2001 г. Выпущено 13 игр, последняя — в 2014 г. [Игромания]. В первой части серии игроку предстояло управлять спецподразделением из 6 солдат, в задачи которого входило уничтожение террористов и военных преступников в СНГ, преимущественно на территории России. Игра началась со спецоперации секретного отряда в Грузии, затем он перемещался в Южную Осетию, Латвию, Литву, и заканчивалось все борьбой с русскими повстанцами и мятежниками за демократические свободы. Конечно, все это было воспринято российской молодежью положительно, в первую очередь из-

за инновационной на то время графики и нестандартного игрового процесса. На протяжении 13 лет, что выпускались игры в этой серии, сценарий нисколько не изменился. В вышедшей в 2012 г. версии «Tom Clancy's Ghost recon: Future soldier» по-прежнему предлагается сначала выполнить спецоперации в Центральной Америке, Южной Америке, Африке, на Ближнем Востоке и затем победить мировое зло в его логове — России. Однако путь для спецподразделения нелегок: предстоит провести военные операции в Мурманской, Калининградской, Архангельской областях, в Дагестане, Карачаево-Черкесии, Арктике, Москве и Приморском крае. Сценарий всех игр этой серии был написан по одноименному произведению американского писателя Тома Клэнси, который эксплуатировал антисоветскую (антироссийскую) тематику в своих романах и был популярен в годы холодной войны в США, но известность в России приобрел только благодаря компьютерным играм. О выпуске и распространении на территории США отечественными разработчиками подобных проектов информации нет.

3. «Company of heroes».

Выходит с 2006 г. За этот период разработчиками было выпущено 8 игр, последняя из которых вышла в свет в 2015 г. [Игромания]. В ней так же, как и в «Медали за отвагу», рассказывается о победе Союзных войск над нацистской Германией с обязательным подчеркиванием героизма американского солдата, отдавшего свою жизнь за мир в Европе. Примечательным остается другой факт: в 2013 г. в продолжение серии вышла вторая часть, в которой тенденциозно освещается ключевая роль СССР в победе над Гитлером. Советские солдаты, отдавшие свои жизни за победу в Великой Отечественной войне, представлены здесь беспринципными разрушителями, уничтожающими все живое на своем пути. В центре сюжетной линии история о том, как политзаключенный Лев Абрамович Исакович (sic!), желая рассказать мировому сообществу о зверствах красных командиров, пытается прорваться к союзникам, но его ловят и отправляют в ГУЛАГ. В игре присутствуют в изобилии красочные картины с заградительными отрядами и циничными офицерами Красной армии: показывается не подвиг советского солдата, а то, что он якобы вел себя как животное, которое ведут на убой, цеплялся за жизнь всеми возможными способами, совершая низменные поступки. Такого рода «подвиги» в толковании иностранного разработчика (студия находится в Канаде) ни в какое сравнение не идут с подвигами

союзников во Второй мировой войне. Реакция игроков из стран СНГ была моментальной. После выхода второй части в России ее начали бойкотировать в сети Интернет [Канобу]. Продажи на дисках были остановлены, но игра по-прежнему доступна в магазинах цифровой дистрибуции и на отечественных торрент-трекерах. Здесь необходимо заметить, что у «Company of heroes» есть российский аналог — серия игр «В тылу врага», которая выходит с 2004 г. и насчитывает уже 9 выпущенных игр, последняя из которых вышла в свет в 2014 г. [Игромания]. Обе серии являются конкурентами как в экономическом, так и в культурном смысле, за одним немаловажным исключением: «В тылу врага» не распространяется на Западе так активно, как распространяется иностранный аналог во всем мире.

Если подводить итоги всему вышесказанному, то ситуация с пропагандой западных ценностей в компьютерных играх осложняется и тем, что указанные выше примеры из-за отсутствия достойных российских аналогов являются эталонами для всех разработчиков игр военного жанра вне зависимости от того, в какой стране располагаются их офисы. Создатели охарактеризованных выше игр действуют как первопроходцы, которые задают не только задают технические стандарты, но и определяют типичную тематику. Далее их идеи подхватывают разработчики статусом ниже и создают игры более низкого качества, но в основу сюжета все так же ложатся негативные образы власти, существовавшей в СССР или правящей в современной России. Таким образом, создается информационный тренд, которому следует большинство компаний, желающих получить больше прибыли на волне успеха наиболее популярных серий. Воздействие таких компьютерных игр военного жанра, во-первых, негативно сказывается на правильном понимании истории России в среде молодежи; во-вторых, на лояльности национальным ценностям, которые продолжают существовать, но становятся незаметными из-за широко организованной иностранной пропаганды; в-третьих, на оценке молодежью своей роли в развитии государства.

Подробное изучение содержания самых популярных компьютерных игр военного жанра показало, что, с одной стороны, они достигают эффекта убедительности из-за современной графики и физиологического правдоподобия игрового процесса — зрелищности, а с другой — являются тенденциозными, эксплуатируют облеченные в новую форму темы времен холодной войны:

1. Солдат армии США — доблестный воин, который защищает демократические свободы не только у себя в стране, но и за ее пределами, помогая другим народам обрести свободу от диктатур преступной власти (террористы на Ближнем Востоке, нацисты гитлеровской Германии, военные преступники из СССР и России).

2. Определенный вклад советского солдата в исход Второй мировой войны имеется, но он ограничивается борьбой за освобождение территории своей страны, тогда как американский солдат воевал на европейском и тихоокеанском театрах военных действий.

3. Единственное решение глобальных проблем военного характера — это вмешательство армии США, которая с помощью самых современных средств и хорошо обученных сотрудников спецподразделений может нейтрализовать любых опасных преступников.

Во всем этом усматриваются признаки информационной спецоперации США, которая облечена в форму культурной диверсии и, согласно предложенной В. Е. Курилло терминологии, проводится в целях контроля над информационным пространством [Курилло 2013: 469], в данном случае России. Однако для большей эффективности информационная спецоперация должна проводиться в рамках информационной войны, направленной на формирование национального сознания [Владимиров 2013: 421]. Для этих целей в военном ведомстве США созданы специальные подразделения, которые проводят операции по информационному обеспечению боевых действий (Military information support operations), заключающиеся в оказании влияния на иностранные правительства, организации, группы и отдельных людей с целью изменить их поведение в выгодном для США направлении [Давыдов: 6]. Возможно, данные ведомства выступают не только консультантами отдельных игровых проектов, но и их инициаторами. Цель — создание условий для благоприятного восприятия образа американского солдата и почвы для возникновения коллаборационизма среди жителей тех стран, где США предполагают вести боевые действия. Опасность здесь в том, что Россия, не организовав идеологической работы на должном уровне, выступает в роли инертного потребителя западных ценностей, которые несут в себе совершенно четкое политическое и идеологическое значение.

В свете вышесказанного ясно, что сфера компьютерных игр используется Россией в целях пропаганды национальных интересов не в полной мере. По сравнению со многими странами в стране есть потенциал для раз-

работки масштабных проектов с дальнейшим их распространением если не по всему миру, то обязательно на Западе. Это подтверждается конкретными примерами, имеющими прежде всего коммерческий смысл («В тылу врага»). Но должен быть и идеологический смысл создания игр по отдельным темам, среди которых — Великая Отечественная война. В государстве должна появиться возможность освещения таких тем через игры по аналогии с кинофильмами. Затраты на их производство и прокат зачастую не окупаются, но оставляемый ими культурный след в обществе имеет огромное значение для гражданского самосознания большинства людей. Если не использовать эту возможность, с дальнейшим развитием компьютерных технологий утверждение о том, что США — единственный гарант безопасности во всем мире, будет восприниматься безоговорочно всеми.

ЛИТЕРАТУРА

1. Владимиров А. И. Основы общей теории войны : моногр. В 2 ч. Ч. 1. Основы теории войны. — М. : Московский финансово-промышленный университет «Синергия», 2013. 832 с.
2. ВС США запретили продажи новой Medal of honor на территории баз. URL: <https://newsland.com/user/4296648051/content/vs-ssha-zapretili-prodazhi-novoi-medal-of-honor-na-territorii-baz/4080689>.
3. Давыдов Д. Информационные операции как инструмент достижения целей военно-политического руководства США // Зарубежное военное обозрение. 2013. № 10. С. 3—10.
4. Дугин А. Г. Четвертый путь. Введение в четвертую политическую теорию. — М. : Академический проект, 2015. 683 с.
5. Курилло В. Е. Латентная политика. Политическая латентология : учеб. пособие. — М. : Спутник+, 2013. 724 с.
6. Ленин В. И. Проект программы РКП(б) // Полн. собр. соч. / В. И. Ленин. 1963. Т. 38. 580 с.
7. Ленин В. И. Директивы по киноделу // Полн. собр. соч. / В. И. Ленин. 1964. Т. 44. 726 с.
8. Начался сбор подписей под петицией против Company of heroes 2. URL: <http://kanobu.ru/news/nachalsya-sbor-petitsij-protiv-company-of-heroes-2-367325>.
9. Продажи Modern Warfare 2 принесли издателю миллиард долларов. URL: <https://lenta.ru/news/210/01/13/mwsales>.
10. Российский политолог: Закончить «холодную войну» не позволяет позиция США. URL: <http://www.rosbalt.ru/main/2014/06/11/1279379.html>.
11. Серия «В тылу врага» // Игромания : электрон. журн. URL: <http://www.igromania.ru/series/224045>.
12. Серия Call of duty // Игромания : электрон. журн. URL: <http://www.igromania.ru/series/57555>.
13. Серия Company of heroes // Игромания : электрон. журн. URL: <http://www.igromania.ru/series/549328>.
14. Серия Medal of honor // Игромания : электрон. журн. URL: <http://www.igromania.ru/series/174180>.
15. Серия Tom Clancy's Ghost recon // Игромания : электрон. журн. URL: <http://www.igromania.ru/series/533299>.
16. Столтенберг: НАТО не нужна новая «холодная война». URL: <http://www.rosbalt.ru/world/2016/07/08/1530284.html>.
17. Стонор-Сондерс Ф. ЦРУ и мир искусств: культурный фронт холодной войны. — М. : Кучково поле, 2014. 416 с.
18. США-Россия: новая «холодная война». URL: <http://www.golos-ameriki.ru/a/new-cold-war/1894864.html>.
19. Сучков М. Ящик Пандоры. Западные политологи — о противостоянии России и США. URL: <https://slon.ru/posts/65544>.
20. No Russian. URL: <https://lenta.ru/articles/210/01/14/codextreme>.

К. А. Demin, I. N. Pushkareva, Y. R. Tagiltseva
Ekaterinburg, Russia

MILITARY GENRE COMPUTER GAMES AS AN ELEMENT OF PROPAGANDA IN INFORMATION WARFARE BETWEEN RUSSIA AND THE USA

ABSTRACT. *The problem of confrontation between Russia and the USA is a burning issue of today. Some political experts, both Russian and foreign, highlight the fact that Russia and the USA are involved in “the new Cold War”. The main component of cold war is ideological confrontation. Today the USA have a serious advantage in the information warfare. It happens because of the high level of development of information technologies, which were implemented by the American administration. Computer technologies and information environment attract a lot of young Russians. These technologies were developed by the foreign specialists on the basis of their standards and views, and thus military computer games can be treated as a means of propaganda, and should be studied properly. The film “Saving Private Ryan”, released in 1998, manifested the new era of appeals to the topic of the II World War in art. By 2002 computers became very powerful. The company “2015 Inc.” released the first military computer game, which attracted as much attention as the film “Saving Private Ryan”. The game was called “Medal of honor: Allied assault” and was based on the episode of the film, depicting the US army landing in Normandy. The growing number of the games of the similar plot, when Russia is presented as the world aggressor, highlights the fact that it is a well-planned campaign of the US Defense Agencies. The importance of ideological work in Russia is argued.*

KEYWORDS: *confrontation; ideological struggle; information warfare; Internet; military computer games; propaganda.*

ABOUT THE AUTHOR: *Demin Kinstantin Andreevich, Officer of the Federal Security Service of the Russian Federation in Sverdlovsk Region, Ekaterinburg, Russia.*

ABOUT THE AUTHOR: *Pushkareva Inna Nikolayevna, Candidate of Biology, Associate Professor, Head of Department of Physical Education, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.*

ABOUT THE AUTHOR: *Tagiltseva Yulia Rinatovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Advertising and PR, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.*

REFERENCES

1. Vladimirov A. I. Osnovy obshchey teorii voyny : monogr. V 2 ch. Ch. 1. Osnovy teorii voyny. — M. : Moskovskiy finansovo-promyshlenny universitet «Sinergiya», 2013. 832 s.
2. VS SShA zapretili prodazhi novoy Medal of honor na territorii baz. URL: <https://newsland.com/user/4296648051/content/vs-ssha-zapretili-prodazhi-novoi-medal-of-honor-na-territorii-baz/4080689>.
3. Davydov D. Informatsionnye operatsii kak instrument dostizheniya tseley voenno-politicheskogo rukovodstva SShA // Zarubezhnoe voennoe obozrenie. 2013. № 10. S. 3—10.
4. Dugin A. G. Chetvertyy put'. Vvedenie v chetvertuyu politicheskuyu teoriyu. — M. : Akademicheskii proekt, 2015. 683 s.
5. Kurillo V. E. Latentnaya politika. Politicheskaya latentologiya : ucheb. posobie. — M. : Sputnik+, 2013. 724 s.
6. Lenin V. I. Proekt programmy RKP(b) // Poln. sobr. soch. / V. I. Lenin. 1963. T. 38. 580 s.
7. Lenin V. I. Direktivy po kinodelu // Poln. sobr. soch. / V. I. Lenin. 1964. T. 44. 726 s.
8. Nachalsya sbor podpisey pod petitsiy protiv Company of heroes 2. URL: <http://kanobu.ru/news/nachalsya-sbor-petitsij-protiv-company-of-heroes-2-367325>.
9. Prodazhi Modern Warfare 2 prinesli izdatelyu milliard dollarov. URL: <https://lenta.ru/news/210/01/13/mwsales>.
10. Rossiyskiy politolog: Zakonchit' «kholodnuyu voynu» ne pozvolyaet pozitsiya SShA. URL: <http://www.rosbalt.ru/main/2014/06/11/1279379.html>.
11. Seriya «V tylu vraga» // Igromaniya : elektron. zhurn. URL: <http://www.igromania.ru/series/224045>.
12. Seriya Call of duty // Igromaniya : elektron. zhurn. URL: <http://www.igromania.ru/series/575555>.
13. Seriya Company of heroes // Igromaniya : elektron. zhurn. URL: <http://www.igromania.ru/series/549328>.
14. Seriya Medal of honor // Igromaniya : elektron. zhurn. URL: <http://www.igromania.ru/series/174180>.
15. Seriya Tom Clancy's Ghost recon // Igromaniya : elektron. zhurn. URL: <http://www.igromania.ru/series/533299>.
16. Stoltenberg: NATO ne nuzhna novaya «kholodnaya voyna». URL: <http://www.rosbalt.ru/world/2016/07/08/1530284.html>.
17. Stonor-Sonders F. TsRU i mir iskusstv: kul'turnyy front kholodnoy voyny. — M. : Kuchkovo pole, 2014. 416 s.
18. SShA-Rossiya: novaya «kholodnaya voyna». URL: <http://www.golos-ameriki.ru/a/new-cold-war/1894864.html>.
19. Suchkov M. Yashchik Pandory. Zapadnye politologi — o protivostoyanii Rossii i SShA. URL: <https://slon.ru/posts/65544>.
20. No Russian. URL: <https://lenta.ru/articles/210/01/14/codextreme>.

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, доц. М. Б. Ворошилова.

М. Р. Желтухина, П. В. Павлов
Волгоград, Россия

СОЦИАЛЬНАЯ СЕТЬ «FACEBOOK» КАК СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА И ИНСТРУМЕНТ ОРГАНИЗАЦИИ СОВРЕМЕННЫХ КОММУНИКАЦИЙ И ПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ

АННОТАЦИЯ. Тема функционирования социальной сети «Facebook» в виртуальной коммуникации очень актуальна и представляет интерес для специалистов из разных областей знания: лингвистов, социологов, политологов, психологов, культурологов, религиоведов, юристов и др. В качестве объекта исследования определены медиатексты социальной сети «Facebook» на русском и английском языках. Предметом данной работы выступают особенности социальной сети «Facebook», которые раскрывают роль социальной сети в современном медиaprостранстве. Целью данного исследования является установление роли социальной сети «Facebook» в виртуальном пространстве. В работе используются такие методы исследования, как описательный метод, контент-анализ, дискурсивный анализ, стилистический анализ. Материал, отобранный из социальной сети «Facebook» путем применения приема сплошной выборки, охватывает период 2011—2016 гг. Феномен социальных сетей рассмотрен в данной статье на базе социальной сети «Facebook». Представлен обзор ряда теоретических и прикладных исследований, посвященных проблемам социальных сетей. Установлена роль социальной сети «Facebook» как социальной структуры и инструмента организации современных коммуникаций и политических конфликтов. Учет этой роли адресантом в медиакommunikации может способствовать гармонизации виртуального общения или порождению виртуальных и реальных бытовых и политических конфликтов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Интернет; социальная сеть; «Facebook»; социальная коммуникация; интернет-коммуникация; функционал социальной сети; политические конфликты.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Желтухина Марина Ростиславовна, доктор филологических наук, профессор, академик РАЕН, профессор кафедры теории английского языка, зав. научно-исследовательской лабораторией «Дискурсивная лингвистика», Волгоградский государственный социально-педагогический университет; 400066, Волгоград, пр-т Ленина, 27; e-mail: zzmtr@mail.ru.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Павлов Павел Викторович, магистрант кафедры теории английского языка, Волгоградский государственный социально-педагогический университет; 400066, Волгоград, пр-т Ленина, 27; e-mail: pulse.inside@gmail.com.

В середине прошлого века сформировался комплекс математических, социологических, психологических и лингвистических исследований, который явился научной основой теории социальных сетей. Феномен социальных сетей представляет интерес для специалистов разных областей науки как один из типов взаимоотношений людей. Социологи определили такие отношения термином «координация», так как при координации обеспечивается взаимосвязь и согласованность работы всех звеньев системы. Социальную сеть нельзя назвать иерархической организацией, так как нет управления в обычном понимании. Социальная сеть является множеством, в котором есть связи, и держится она не на должностных обязанностях, а на личном желании. Развитие информационных технологий и глобальной сети Интернет позволило осуществлять новую эффективную опосредованную двухстороннюю коммуникацию, что создало прецедент формирования массовых социальных сетей и других коммуникационных продуктов в интернет-пространстве. Уникальность данной коммуникационной среды заключается в том, что она способна саморазвиваться и открывать новые виды каналов общения, проникая во все сферы человеческой деятельности, вызывая возрастающую роль политического, юридического, рекламного, делового, педагогического, терапевтического дискурсов в массмедийальном пространстве [Желтухина 2010: 12—19]. Развитие интернет-технологий повлекло за собой развитие

коммуникативной и аксиологической функций массовой коммуникации и интернет-пространства [Zheltukhina, Krasavsky, Slyshkin & Popomarenko 2016: 1411—1418]. Возникновение Интернета как качественно нового канала связи выявило социальную необходимость в общении и дало возможность значительно увеличить аудиторию коммуникантов из любой страны мира и разных слоев общества, что привело к возникновению глобального общества пользователей. Все это объясняет актуальность данного исследования.

Цель данного исследования состоит в установлении роли социальной сети «Facebook» в виртуальном пространстве. Для достижения поставленной цели в работе решены следующие задачи: 1) анализ теоретических и прикладных исследований, посвященных проблемам социальных сетей; 2) рассмотрение феномена социальных сетей на базе социальной сети «Facebook»; 3) выявление и описание предназначения социальной сети «Facebook» в современной коммуникации. Научная новизна исследования заключается в установлении роли социальной сети «Facebook» как социальной структуры и инструмента организации современных коммуникаций и политических конфликтов.

В результате появления новых средств коммуникации общество приобретает новые сетевые черты, становится сетевым, хотя, как справедливо замечает М. Кастельс, «сети — это достаточно старые формы материализации человеческой деятельности,

однако в наши дни они обрели новую жизнь в результате превращения их в информационные сети, объединенные Интернетом» [Кастельс 2004: 13]. Таким образом, эволюционный скачок в развитии технических наук: математики, электроники, информатики и других, прямым образом отражается на развитии социологии, психологии, лингвистики, смежных с ними гуманитарных науках и социально-культурной деятельности человека. С развитием Интернета создаются серьезные социальные сети, выступающие как средство коммуникации. Анализ специальной литературы и фактического материала позволил рассматривать термин «социальная сеть», с одной стороны, как социальную структуру, представленную группой узлов, иначе социальными объектами (человек, общность, социальная группа), в совокупности реальных взаимодействий, с другой стороны, как инструмент или технологическое средство общения, предназначенное для организации социальных взаимоотношений.

Социальная сеть «Facebook» как феномен частной коммуникации имеет выраженную коммуникативную особенность, изучение которой дает возможность выявить закономерности виртуального общения для исследования протекающих в реальном времени социальных процессов. «Ключевой проблемой коммуникации является механизм, который переводит индивидуальный процесс передачи и восприятия информации в социально значимый процесс персонального и массового воздействия. Этот механизм заложен в речевой деятельности людей — именно в ней реализуются социально обусловленные нормы и правила общения» [Конецкая www; см. также о воздействии: Желтухина 2011, 2014, 2015].

Проводимые в нашей работе исследования социальной сети «Facebook» обусловлены изучением развития современных аспектов лингвистики, в центре которых находится социум, человек, его представления о мире и происходящих событиях, отраженные в языке. Необходимо отметить, что с изменением структуры и возможностей канала передачи неизбежно происходят изменения в языке, жанре, стиле СМИ, что, в свою очередь, приводит к изменению мировосприятия и мироощущения в обществе. Лингвистической особенностью интернет-коммуникации является соотношение устной и письменной формы существования языка, иными словами, электронное общение имеет комбинированную устно-письменную форму реализации [Палкова 2012: 110—118]. С. А. Лысенко отмечает, что письменное пространство интернет-коммуникации определяется

приближением к устной форме существования языка за счет увеличения степени синхронности, разговорности и эмоциональности [Лысенко 2010]. Л. Ю. Щипицина утверждает, что в компьютерно опосредованной коммуникации важна текстовая сторона, т. е. вербальная, через которую раскрывается человеческая психика, открываются представления и ощущения интернет-коммуникантов. Необходимо изучать месседжи пользователей — медиатексты в сети Интернет, выявлять особенности их языкового наполнения, устанавливать механизмы речевого поведения акторов виртуальной коммуникативной среды для разработки коммуникативных интернет-компетенций [Щипицина 2009]. В соответствии с основными научными парадигмами современного языкознания исследование текста осуществляется в нескольких направлениях: структурном, лингвокультурологическом, коммуникативном [Карасик 2006]. Предметом рассмотрения в этом разрезе, на наш взгляд, должна стать языковая личность пользователя сети Интернет как генератор сетевого интернет-дискурса, изучение коммуникативно-прагматических характеристик которого поможет в осмыслении новых форм социальных интеракций. Проведенный нами анализ специальной литературы и фактического материала позволяет сделать вывод, что представители социальной сети разделяются на две базовые социальные категории: непосредственно зарегистрированные пользователи сети с именами и никами, имеющими индивидуальные и культурно-исторические черты [Zheltukhina, Krasavsky, Slyshkin & Popomarenko 2016: 1411—1418], которые выступают в роли как адресатов, так и адресантов, и представители всевозможных СМИ и различных мотивированных структур, выступающих, как правило, в роли адресантов [Zheltukhina, Vikulova, Slyshkin & Vasileva 2016: 7195—7205]. В связи с этим можно сделать вывод, что языковая личность социальной сети обладает своим особым персональным интернет-дискурсом, который формируется в коммуникационном процессе виртуального медиапространства на пересечении личностно ориентированного и институционального типов дискурса [Zheltukhina 2015: 913—920]. Важно отметить, что влияние канала коммуникаций социальных сетей сказывается на изменениях информационной нормы основных ее функциональных стилей: делового, публицистического и разговорного, которые выражены в презентации электронных отношений адресанта с адресатом.

В. И. Карасик считает, что важнейшей особенностью маскультуры выступает ее

направленность на снятие табу, поскольку социум всегда противопоставляет высокий и низкий регистры общения [Карасик 2010]. В ходе исследования мы выяснили, что основной вид общения в соцсетях, в частности в социальной сети «Facebook», происходит в жанре интернет-комментария, для которого характерны лаконичность, экспрессивность, разговорность, динамизм при неформальном общении нескольких лиц с пассивной обратной связью в отсроченном режиме и установление возможного последующего контакта собеседников с целью выражения чувств и эмоций. Процесс «внедрения» разговорной речи охватил все интернет-пространство, язык раскованности и свободы проник во все стили и жанры, что характеризуется снижением стилевой нормы, изменением «стандартизированных синтаксических конструкций, используемых участниками речевого взаимодействия в Сети» [Холодковская 2014: 80]. В социальной сети «Facebook» отмечается увеличение частотности использования просторечных и сниженных, даже обсценных фразеологических и лексических единиц, которые передаются как в полном, так и в сокращенном виде, на которые вводится цензура, которые также регламентируются пользователями индивидуально путем предупреждений и удаления постов и френдов. В качестве ярких примеров приведем сообщения пользователей с сохранением орфографии и пунктуации: *Дорогой Фейсбук! (Не к Цукербергу же мне обращаться). У меня хорошая память. Не надо мне напоминать о том что было 4 года назад. Мне это не интересно. Ты уже давно собрал обо мне столько всякой х-ни и совсем не х-ни, так может скажешь — что будет через четыре года Смайлик „wink“ (20.03.2016); Мне надоел мат в ленте. Если бы это еще была изящная, остроумная литературная нецензурщина, как у неподражаемого Юза Алешковского — тогда бы еще другое дело; но таким слогом из всех моих знакомых владеет разве что один Андреев, да и тот использует его ровно там, где он нужен во всяких прозаических экзерсизах. У всех остальных эта матерщина ничем не отличается от написания слова Х. Й на заборе -такая же унылая, бездарная, вонючая и тоскливая, как старые заскорузлые портянки. Поэтому я придумал такую вещь: я публикую здесь этот пост, а одноизвилинные остряки пишут под ним матерные комменты. Потом я прихожу, комменты стираю, а остряков удаляю из списка френдов — в общем, все высказались, и все довольны. И так же поступаю и впредь. По-моему,*

это должно сработать ☺ (11.08.2012). Кроме цензуры со стороны самих пользователей, во многих странах вводятся законодательные ограничения применения вербалики и невербалики, направленные на предупреждение экстремизма, разжигания национальной и религиозной розни, оскорбления чести, достоинства и деловой репутации коммуникантов и третьих лиц. Следующий пост, фрагменты которого приводятся ниже, иллюстрирует значимость социальной сети в конфликтогенности новостей пользователей и разжигании бытовых и политических конфликтов. Михаил Горбаневский 29 июля 2015 г. В Архангельской области растёт число уголовных дел по фактам возбуждения ненависти и вражды в Интернете. Что такое экстремизм? Если провести опрос, наверняка многие навскидку ответят: разжигание межнациональной розни. На самом деле это понятие гораздо шире. Так, само слово произошло от латинского „крайний“ и означает приверженность к радикальным мерам в политике. Но чаще всего мы слышим об экстремизме в связи с уголовными делами о возбуждении ненависти по национальному или религиозному признаку. Как правило, все происходит в Интернете: пользователь социальной сети размещает на своей странице информацию, которую экспертиза впоследствии признает разжигающей рознь. <...> „Экстремизм“ — относительно новое для России понятие, — пояснил Алексей Иванович. — Оно появилось как правовая категория в 2002 году, с принятием федерального закона о противодействии экстремистской деятельности. В его первой статье перечислено то, что в нашей стране считается экстремизмом. Это деятельность, направленная на изменение основ конституционного строя и нарушение целостности РФ, подрыв её безопасности, захват или присвоение властных полномочий, создание незаконных вооруженных формирований, террористическая деятельность, возбуждение расовой, национальной, религиозной или социальной розни и так далее. Отдельными пунктами в законе прописаны пропаганда и публичное демонстрация нацистской атрибутики, публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности, её финансирование либо иное содействие. (<https://www.facebook.com/mvqmsk/posts/960386827351786>). Иллюстрацией экстремизма выступает Архангельская область, автор сообщает об увеличении виртуальных экстремистских сообщений, перечисляет основные направления уголовных дел по соцсетям, а также главных действующих лиц и

возможные уголовные наказания: возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства — это статья 282 — и публичные призывы к экстремизму (статья 280). <...> А что грозит, например, за публикацию на странице в социальной сети записи, оскорбительной для представителей какой-либо национальности? — Прежде это были преступления небольшой тяжести. С прошлого года наказание ужесточили. Теперь за пост на стене в соцсети, содержание которого является экстремистским, можно получить от двух до пяти лет колонии. В Уголовном кодексе РФ есть ещё статья 205 со значком 2 — публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма. Она также связана с Интернетом. Максимальное наказание по этой статье — пять лет лишения свободы. <...> — Кто чаще всего привлекается по экстремистским статьям? — Как правило, это молодые люди от 18 до 40 лет, обычные интернетпользователи, различные по своему социальному статусу, к уголовной ответственности ранее не привлекавшиеся. — А сама социальная сеть отвечает за появление такого контента? — В этом заключается ещё одна проблема. По закону в рамках расследования уголовного дела следователь вправе вносить представление об устранении причин и условий, которые способствовали совершению преступления. И в адрес юридических лиц, в том числе владельцев социальных сетей, такие представления вносятся регулярно. В ответ руководство социальных сетей сообщает, что принимает меры по удалению противозаконного контента. Но, к сожалению, мониторить действия всех пользователей технически сложно. Сети ссылаются также на то, что каждый пользователь сам отвечает за свои действия. В связи с этим органы прокуратуры согласно закону обращаются в суды с требованиями признать размещенные в сети подобные материалы экстремистскими и ограничить доступ к ним (<https://www.facebook.com/mvngmsk/posts/960386827351786>). В статье поднимается также проблема разграничения критики и экстремистских высказываний, однако рассуждения на данную тему не уменьшают роль конфликтогенности в медиадискурсе социальной сети, а только увеличивают агрессию пользователей, которые выплескивают эмоции, не имея сдерживающих внутренних механизмов. Критика не запрещена — Можно предположить, что некоторые фигуранты

уголовных дел и думать не думали, что совершают экстремистское преступление. Не от большого ума и культуры сами что-то написали или сделали репост. Как просветить пользователей? Может, им лучше вообще не затрагивать национальный вопрос? — Многие размышляют так: моя страница — стало быть, пишу на ней, что хочу. Но к этой странице имеет доступ неограниченный круг лиц. Следовательно, имеет место публичное распространение. Кстати, до 2014 года в Уголовном кодексе одним из способов совершения подобных преступлений являлись средства массовой информации. Затем законодатель указал в соответствующих статьях и СМИ, и Интернет. После этого любой комментарий на каком-либо сайте может стать поводом к проведению процессуальной проверки. Сегодня очень легко нарушить закон, имея айфон. Что касается содержания, то в каждом случае назначается лингвистическая или психолого-лингвистическая экспертиза. Ведь свободу слова тоже никто не отменял. Но грань между просто критикой и возбуждением вражды или унижением достоинства очень тонкая. Перешел ли её человек — решать специалистам-экспертам, правоохранителям и судьям. — Если с национальностью и религией всё более-менее ясно, то как понимать „унижение достоинства человека по принадлежности к какой-либо социальной группе“? Несколько лет назад в России возбуждали уголовные дела по экстремистским статьям за оскорбление милиционеров, что вызвало возмущение правозащитников. <...> — Если подытожить: что самое сложное в борьбе с Интернет-экстремизмом? — Правильная правовая оценка действий человека. С одной стороны, экстремистская деятельность у нас запрещена, с другой — Конституция гарантирует свободу суждений. Правоохранительные органы должны отделить одно от другого. Критика политических организаций, идеологических и религиозных объединений, убеждений, национальных или религиозных обычаев сама по себе не должна рассматриваться как действие, направленное на возбуждение ненависти или вражды (<https://www.facebook.com/mvngmsk/posts/960386827351786>). Пользователь социальной сети «Facebook» разместил в своей ленте пост — полный текст статьи «За пост в соцсети — до пяти лет колонии» Марины Ледяевой в газете «Правда севера» от 29.07.2015 (<http://pravdasevera.ru/-dmhj4a6c>). Данная статья передана автором поста полностью, без изменений, без комментариев

как со стороны адресанта, так и со стороны массового адресата — пользователей сети, которые ограничились только лайками.

«Facebook» учитывает пожелания своих участников, совершенствуя свой функционал (инструментарий). На основе всестороннего анализа посещения каждого пользователя сеть «Facebook» предлагает в новостной ленте именно те новостные сообщения, которые способны привлечь и заинтересовать данного пользователя больше других, осуществляет обновления лайкнутых ранее страниц, приводит новые посты друзей, информацию о мероприятиях, рекомендует страницы для посещения, предлагает рекламу, становится более удобной для проведения досуга и ведения бизнеса [Бусыгина, Желтухина 2015: 641—653]. Искусственному каналу передачи информации социальной сети «Facebook» свойственно постоянное техническое развитие и совершенствование функционала в сторону доступности, удобства и качества осуществления коммуникации. Современные социальные сети, применяя новейшие разработки прикладных программ (виджеты), становятся все более востребованными не только на персональных компьютерах, но и на мобильных устройствах (гаджетах), таких как ноутбуки, планшеты, сотовые телефоны, смартфоны. Благодаря этому социальная сеть «всегда в кармане», а это значит, что коммуникативные процессы намного упрощаются и общение с необходимым человеком, живущим в соседней комнате или на другой стороне планеты, можно осуществлять в любое время суток, находясь дома, на остановке, в транспорте, в поле, в лесу, на работе. В начале XX в. телефонная связь, а в конце века сотовая телефонная связь были огромным прорывом в возможностях осуществления коммуникационных контактов. Однако сегодня найдены более комфортные и менее затратные, с точки зрения финансов, каналы коммуникации, которыми являются средства интернет-коммуникации. «Facebook» — идеальная платформа для получения информации из «первых рук» о событиях в мире и обсуждении в режиме реального времени со всеми желающими. В середине 2015 г. «Facebook» и BBC, «NBC News» и «The New York Times» и другие подписали контракт на размещение новостей прямо на портале. Теперь социальная сеть «Facebook» приобрела черты не только собирателя и накопителя ссылок, но и особенного глобального средства массовой информации, порождающего медиатексты, влияющего на процесс общения, получения информации и на процесс порождения и употребления новостей [Желтухина 2013:

7—11; Желтухина, Павлов 2016: 89—93; 2015: 76—81]. Коммуниканты имеют возможность читать новости, заходя на свою ленту и ленты друзей в сети «Facebook».

По мнению И. И. Засурского, Facebook принимает аполитичную позицию принципиально, в связи с тем, что данная социальная сеть для создателей — это прежде всего «бизнес-проект, для них политика не представляет интереса, более того, желание инвесторов больше зарабатывать, в том числе за счет продвижения спонсируемых постов, размывает алгоритм, когда интересный материал постоянно перед глазами пользователя» [Мухаматулин www]. Однако проведенный нами анализ показал, что социальные сети, в том числе и «Facebook», становятся инструментом в информационной войне, предвыборных дебатах и политических конфликтах [Желтухина, Павлов 2016: 89—93; 2015: 76—81]. Яркими примерами могут служить сообщения пользователей соцсети «Facebook», размещенные в ленте не только для друзей, но и для всеобщего обозрения. Так, некоторые пользователи соцсети решили, что «Фейсбук» вводит кнопку *Dislike* для разжигания конфликтов, так как люди в Интернете ненавидят друг друга, а теперь они могут это открыто демонстрировать. При этом месседжи адресантов по-разному стилистически окрашены, например: *Alek Frolov 16 сентября 2015 г. Фейсбук вводит кнопку Dislike. Правильно, люди в интернете недостаточно сильно ненавидят друг друга. Представляете, сколько прибавится порушенных дружб и судеб*). А далее на белом фоне крупными черными буквами предлагается текст: «Сильнее всего вредят отношениям две вещи — вранье и честность»; *Андрей Шеркунов 19 сентября 2015 г. А вы знаете, что Фейсбук вводит кнопку "Dislike"? И правильно — люди в интернете ещё недостаточно сильно ненавидят друг друга...* А далее предлагается рисунок — фотография двух обращенных друг к другу человеческих теней; одна из них, которая справа, показывает пальцами рук сердечко, а другая, которая слева, в правой руке держит нож (https://www.facebook.com/search/top/?q=%D0%A4%D0%B5%D0%B9%D1%81%D0%B1%D1%83%D0%BA%20%D0%B2%D0%B2%D0%BE%D0%B4%D0%B8%D1%82%20%D0%BA%D0%BD%D0%BE%D0%BF%D0%BA%D1%83%20Dislike&init=mag_glass&tas=0.10123167525215282&search_first_focus=1476205150768). Представленные сообщения в ленте содержат вербальные и невербальные черты для усиления воздействия на адресата. Оба сообщения подтверждают высокую степень агрессии в современном обществе, в кото-

ром социальная сеть «Facebook» выступает лакмусовой бумагой измерения степени агрессивности социума в виртуальном пространстве. Агрессия и вседозволяющая толерантность современного общества создают мозаичный образ акторов соцсети, что проявляется в текстах сообщений и комментариев. Мозаичному характеру текста способствуют функциональные возможности «Facebook» по созданию и использованию инфографики и креолизованных текстов с их гипертекстуальностью на просторах Интернета [Желтухина 2013: 127—132; Желтухина, Морозова 2013: 228—231; Zheltukhina 2014: 257—275].

Таким образом, рассмотренные выше положения позволяют сделать следующий вывод. В результате проведенного исследования мы установили, что социальная сеть «Facebook», благодаря функционалу, является социальной структурой с высоким коммуникативным потенциалом не только в проведении досуга, но и в политической борьбе, порождая определенные интенции и вызывая необходимые реакции коммуникантов, влияя тем самым на настроение и поведение социума в нужном направлении. Желание инвесторов во время политических и прочих конфликтов зарабатывать на разжигании вражды превалирует над желаемой и афишируемой аполитичностью создателей сети. Учет роли социальной сети «Facebook» как социальной структуры и инструмента организации современных коммуникаций и политических конфликтов может способствовать гармонизации виртуального общения или порождению виртуальных и реальных бытовых и политических конфликтов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бусыгина М. В., Желтухина М. Р. Корреляция понятий «пресс-релиз», «новости», «реклама» в современном медиадискурсе // Когнитивные исследования языка. 2015. № 20. С. 641—653.
2. Желтухина М. Р. Вербальное медиавоздействие на политическое сознание в кризисной ситуации // Вестник ЦМО МГУ. 2011. № 3. С. 7—12.
3. Желтухина М. Р. Медиавоздействие на сознание и поведение адресата // Вестник ЦМО МГУ. 2014. № 4. С. 65—73.
4. Желтухина М. Р. Медиатексты в современной массовой коммуникации // Вестник ЦМО МГУ. 2013. № 3. С. 7—11.
5. Желтухина М. Р. Политические манипуляции сознанием адресата в СМИ: воздействие и понимание // Soft power, мягкая сила, мягкая власть. Междисциплинарный анализ : кол. моногр. / сост. и ред. Е. Г. Борисова. — М. : ФЛИНТА : Наука, 2015. С. 153—166.
6. Желтухина М. Р. Роль информации в медиадискурсе // Вестн. ЦМО МГУ. 2010. № 3. С. 12—19.
7. Желтухина М. Р. Современный медиадискурс и манипулятивная инфографика // Магия ИННО: новые технологии в языковой подготовке специалистов-международников : материалы науч.-практ. конф. к 70-летию фак-та междунар. отношений (Москва, 4—5 окт. 2013 г.). — М. : МГИМО-Университет, 2013. Т. 2. С. 127—132.
8. Желтухина М. Р., Морозова К. В. Алгоритм создания инфографики и ее интенциональность // Бизнес. Образование. Право. Вестн. Волгоград. ин-та бизнеса. 2013. № 3 (24). С. 228—231.
9. Желтухина М. Р., Павлов П. В. Социальная сеть «Facebook» в XXI веке: от инструмента коммуникации к инструменту информационной войны // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 7—3 (61). С. 89—93.
10. Желтухина М. Р., Павлов П. В. Социальная сеть Facebook как благоприятная среда для формирования образа врага в сознании адресата // Вестн. ЦМО МГУ. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. 2015. № 4. С. 76—81.
11. Карасик В. И. О категориях дискурса. — Тверь, 2006. URL: <http://homepages.tversu.ru/~ips/JubKaras.html>.
12. Карасик В. И. Языковая кристаллизация смысла. — Волгоград : Парадигма, 2010. 421 с.
13. Кастельс М. Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе и обществе. — Екатеринбург : У-Фактория : Изд-во Гуманит. ун-та, 2004. 327 с.
14. Конечкая В. П. Социология коммуникаций. — М. : Международный университет бизнеса и управления. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/koneck/intro.php.
15. Лысенко С. А. Взаимодействие устной и письменной формы существования языка в интернет-коммуникации : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2010. 24 с.
16. Мухаматулин Т. Не велика опасность получить по физиономии // Газета.Ru. 2014. 4 февр. URL: http://www.gazeta.ru/science/2014/02/05_a_5880181.shtml.
17. Палкова А. В. «Multimediu» Интернет в контексте развития средств массовой информации и коммуникации // Вестн. Тверск. гос. ун-та. Сер.: Филология. 2012. № 10. Вып. 2 : Лингвистика и межкультурная коммуникация. С. 110—118.
18. Холодковская Е. В. Особенности синтаксиса англоязычного интернет-комментария социальной сети Facebook // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2, Языкозн. 2014. № 1 (20). С. 80.
19. Щипицина Л. Ю. Жанры компьютерно-опосредованной коммуникации. — Архангельск : Поморский университет, 2009. 238 с.
20. Zheltukhina M. R. Institutional, Stereotypical and Mythological Media Markers of Modern Society // Biosciences Biotechnology Research Asia. 2015, Apr. Vol. 12 (1). P. 913—920.
21. Zheltukhina M. R., Zinkovskaya A. V., Katermina V. V., Shershneva N. B. Dialogue as a Constituent Resource for Dramatic Discourse: Language, Person and Culture // International Journ. of Environmental and Science Education. 2016. № 11 (15). P. 7408—7420.
22. Zheltukhina M. R., Vikulova L. G., Slyshkin G. G., Vasileva E. G. Naming as Instrument of Strengthening of the Dynastic Power in the early middle Ages (France, England, Vth — XIth Centuries) // International Journ. of Environmental and Science Education. 2016. № 11 (14). P. 7195—7205.
23. Zheltukhina M. R., Krasavsky N. A., Slyshkin G. G., Ponomarenko E. B. Utilitarian and Aesthetic Values in the Modern German Society (Through the Example of Print Media Advertisements) // IEJME-Mathematics Education. 2016. № 11 (5). P. 1411—1418.
24. Zheltukhina M. R. Interkulturelle semantische und pragmatische Parallelen im modernen Mediendiskurs: der funktionale Aspekt // Interkulturalität unter dem Blickwinkel von Semantik und Pragmatik / Csaba Földes (Hrsg.). — Sammelbände. Tübingen : Narr, 2014. S. 257—275. (Beiträge zur interkulturellen Germanistik ; Bd. 5).

M. R. Zheltukhina, P. V. Pavlov
Volgograd, Russia

SOCIAL NETWORK "FACEBOOK" AS SOCIAL STRUCTURE AND TOOL OF THE ORGANIZATION OF MODERN COMMUNICATIONS AND POLITICAL CONFLICTS

ABSTRACT. *The subject of functioning of the social network Facebook in virtual communication is very topical and is of interest to experts from different areas of knowledge: linguists, sociologists, political scientists, psychologists, culturologists, religion scientist, lawyers, etc. Media texts of the social network Facebook in the Russian and English languages are the object of research. The subject of this work is the features of the social network Facebook that disclose the role of a social network in modern media space. The goal of this research is to determine the role of the social network Facebook in virtual space. The research employs the following methods: descriptive method, content analysis, discourse analysis and stylistic analysis. The research data is selected by means of continuous sampling method from the social network Facebook in the period of 2011-2016. The phenomenon of social networks is considered in this article based on the social network Facebook. The review of a number of the theoretical and applied researches devoted to problems of social networks is submitted. The role of the social network Facebook as social structure and tool of the organization of modern communications and political conflicts is studied. If the addresser in media communication takes into account the role of the social network, it can promote well-balanced virtual communication or generation of virtual and real domestic and political conflicts.*

KEYWORDS: *Internet; social network; Facebook; social communication; Internet communication; social network functions; political conflicts.*

ABOUT THE AUTHOR: Zheltukhina Marina R., Dr., prof., member of the Russian Academy of Natural Sciences, full prof. of the English Language Theory chair, Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russia.

ABOUT THE AUTHOR: Pavlov Pavel V., undergraduate of the English Language Theory chair, Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russia.

REFERENCES

1. Busygina M. V., Zheltukhina M. R. Korrelyatsiya ponyatiy «press-reviz», «novosti», «reklama» v sovremennoy mediadiskurse // Kognitivnye issledovaniya yazyka. 2015. № 20. S. 641—653.
2. Zheltukhina M. R. Verbal'noe mediavozdeystvie na politicheskoe soznanie v krizisnoy situatsii // Vestnik TsMO MGU. 2011. № 3. S. 7—12.
3. Zheltukhina M. R. Mediavozdeystvie na soznanie i povedenie adresata // Vestnik TsMO MGU. 2014. № 4. S. 65—73.
4. Zheltukhina M. R. Mediateksty v sovremennoy massovoy kommunikatsii // Vestnik TsMO MGU. 2013. № 3. S. 7—11.
5. Zheltukhina M. R. Politicheskie manipulatsii soznaniem adresata v SMI: vozdeystvie i ponimanie // Soft power, myagkaya sila, myagkaya vlast'. Mezhdistsiplinarnyy analiz : kol. monogr. / sost. i red. E. G. Borisova. — M. : FLINTA : Nauka, 2015. S. 153—166.
6. Zheltukhina M. R. Rol' informatsii v mediadiskurse // Vestn. TsMO MGU. 2010. № 3. S. 12—19.
7. Zheltukhina M. R. Sovremennyy mediadiskurs i manipulyativnaya infografika // Magiya INNO: novye tekhnologii v yazykovoy podgotovke spetsialistov-mezhdunarodnikov : materialy nauch.-prakt. konf. k 70-letiyu fak-ta mezhdunar. otnosheniy (Moskva, 4—5 okt. 2013 g.). — M. : MGIMO-Universitet, 2013. T. 2. S. 127—132.
8. Zheltukhina M. R., Morozova K. V. Algoritm sozdaniya infografiki i ee intentsional'nost' // Biznes. Obrazovanie. Pravo. Vestn. Volgograd. in-ta biznesa. 2013. № 3 (24). S. 228—231.
9. Zheltukhina M. R., Pavlov P. V. Sotsial'naya set' «Facebook» v XXI veke: ot instrumenta kommunikatsii k instrumentu informatsionnoy voyny // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2016. № 7—3 (61). S. 89—93.
10. Zheltukhina M. R., Pavlov P. V. Sotsial'naya set' Facebook kak blagopriyatnaya sreda dlya formirovaniya obraza vruga v soznanii adresata // Vestn. TsMO MGU. Filologiya. Kul'turologiya. Pedagogika. Metodika. 2015. № 4. S. 76—81.
11. Karasik V. I. O kategoriyakh diskursa. — Tver', 2006. URL: <http://homepages.tversu.ru/~ips/JubKaras.html>.
12. Karasik V. I. Yazykovaya kristallizatsiya smysla. — Volgograd : Paradigma, 2010. 421 s.
13. Kastel's M. Galaktika Internet: razmyshleniya ob Internete, biznese i obshchestve. — Ekaterinburg : U-Faktoriya : Izd-vo Gumanit. un-ta, 2004. 327 s.
14. Konetskaya V. P. Sotsiologiya kommunikatsiy. — M. : Mezhdunarodnyy universitet biznesa i upravleniya. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/koneck/intro.php.
15. Lysenko S. A. Vzaimodeystvie ustnoy i pis'mennoy formy sushchestvovaniya yazyka v internet-kommunikatsii : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Voronezh, 2010. 24 s.
16. Mukhamatulin T. Ne velika opasnost' poluchit' po fizionomii // Gazeta.Ru. 2014. 4 fevr. URL: http://www.gazeta.ru/science/2014/02/05_a_5880181.shtml.
17. Palkova A. V. «Multimedium» Internet v kontekste razvitiya sredstv massovoy informatsii i kommunikatsii // Vestn. Tversk. gos. un-ta. Ser.: Filologiya. 2012. № 10. Vyp. 2 : Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. S. 110—118.
18. Kholodkovskaya E. V. Osobennosti sintaksisa angloyazychnogo internet-komentariya sotsial'noy seti Facebook // Vestn. Volgogr. gos. un-ta. Ser. 2, Yazykozn. 2014. № 1 (20). S. 80.
19. Shchipsina L. Yu. Zhanry komp'yuterno-oposredovannoy kommunikatsii. — Arkhangel'sk : Pomorskiy universitet, 2009. 238 s.
20. Zheltukhina M. R. Institutional, Stereotypical and Mythological Media Markers of Modern Society // Biosciences Biotechnology Research Asia. 2015, Apr. Vol. 12 (1). P. 913—920.
21. Zheltukhina M. R., Zinkovskaya A. V., Katermina V. V., Shershneva N. B. Dialogue as a Constituent Resource for Dramatic Discourse: Language, Person and Culture // International Journ. of Environmental and Science Education. 2016. № 11 (15). P. 7408—7420.
22. Zheltukhina M. R., Vikulova L. G., Slyshkin G. G., Vasileva E. G. Naming as Instrument of Strengthening of the Dynastic Power in the early middle Ages (France, England, Vth — XIth Centuries) // International Journ. of Environmental and Science Education. 2016. № 11 (14). P. 7195—7205.
23. Zheltukhina M. R., Krasavsky N. A., Slyshkin G. G., Ponomarenko E. B. Utilitarian and Aesthetic Values in the Modern German Society (Through the Example of Print Media Advertisements) // IEJME-Mathematics Education. 2016. № 11 (5). P. 1411—1418.
24. Zheltukhina M. R. Interkulturelle semantische und pragmatische Parallelen im modernen Mediendiskurs: der funktionale Aspekt // Interkulturalität unter dem Blickwinkel von Semantik und Pragmatik / Csaba Földes (Hrsg.). — Sammelbände. Tübingen : Narr, 2014. S. 257—275. (Beiträge zur interkulturellen Germanistik ; Bd. 5).

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, доц. М. Б. Ворошилова.

М. Н. Лату, А. В. Раздубев
Пятигорск, Россия

**ДИСКУРСИВНАЯ СПЕЦИФИКА ДЕФИНИЦИИ ТЕРМИНА
(НА ПРИМЕРЕ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ)**

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена анализу дискурсивной специфики дефиниции термина как одного из жанров научного дискурса на примере политических терминов и их определенной в терминологических словарях. Особенности научной терминологии связаны с сутью научного дискурса: это в значительной степени институциональный (статусно ориентированный) тип дискурса в противоположность персональному (лично ориентированному). Исследуются особенности дискурсивных признаков дефиниции термина, среди которых типовые участники (специалист-лексикограф, специалист-политолог; участники коммуникации имеют относительно равный статус, поскольку дефиниция, составляемая одним специалистом, предназначена другому), хронология (не имеет четких локально-темпоральных ограничений, однако коммуникация является опосредованной в письменной форме и кратковременной), цели (дефиниция направлена на просвещение, информирование, (само)образование в области политологии, в некоторой степени на формирование у адресата стремления следовать каким-либо социально-политическим идеям), ценности (формирование определенной грамотности у читателя-реципиента, проведение разъяснения и коррекции полученной информации в рамках научно-профессионального (политического) дискурса), материал, стратегии, разновидности и жанры, прецедентные тексты (отсылки к высказываниям и классическим работам политических деятелей) и дискурсивные формулы (лексические и синтаксические повторы, определенные синтаксические конструкции, значительное количество терминов, определенные прототипичные информационные блоки). Устанавливаются признаки, составляющие дискурсивную специфику дефиниции по отношению к некоторым другим жанрам научного дискурса.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: дефиниция; дискурс; термин; политический термин; дискурсивный признак; толкование.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Лату Максим Николаевич, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры западноевропейских языков и культур, директор научно-образовательного центра «Прикладная лингвистика, терминоведение и лингвокогнитивные технологии»; Институт переводоведения и многоязычия, Пятигорский государственный университет; 357532, г. Пятигорск, пр-т Калинина, д. 9; e-mail: laatini@yandex.ru.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Раздубев Алексей Валерьевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры западноевропейских языков и культур, Институт переводоведения и многоязычия, Пятигорский государственный университет; 357532, г. Пятигорск, пр-т Калинина, д. 9; e-mail: westyaz.pf@pglu.ru.

Данная статья посвящена изучению словарной дефиниции термина в когнитивно-дискурсивном аспекте, а именно с позиции описания особенностей характерных дискурсивных признаков. Как известно, научный дискурс — широкое многоаспектное понятие, подразумевающее в значительной степени институциональный (статусно ориентированный) тип дискурса в противоположность персональному (лично ориентированному). Дискурс любой научной или профессиональной сферы подразумевает наличие конкретного объема знаний, владение понятийным аппаратом и соответствующей терминологией, нормы поведения и коммуникации, схемы, формулы общения и т. д. Объектом исследования в рамках настоящей работы является словарная дефиниция русскоязычного политического термина как одного из жанров научно-профессионального дискурса, а в качестве конкретного предмета изучения выступают дискурсивные особенности словарной дефиниции термина в современном русском языке. Цель работы заключается в рассмотрении специфики дефиниции термина в научно-профессиональном дискурсе, а также в выявлении на прак-

тике на конкретных примерах особенностей дискурсивных признаков словарной дефиниции термина по сравнению с некоторыми другими жанрами научного дискурса, такими как толкование, научная статья и т. д. Материалом для исследования послужили 350 политических терминов современного русского языка и около 500 их дефиниций, приведенных в специализированных словарях политических терминов [Кулаков 2006; Погорелый и др. 2010; Сирота 2012 и др.].

Изучение дискурсивной специфики словарной дефиниции в рамках научно-профессионального дискурса представляется актуальным, поскольку лингвистические характеристики данного значимого фрагмента дискурса еще не подвергались комплексному детальному изучению в этом аспекте. Необходимо заметить, что в лингвистической литературе представлено определенное количество работ, в которых дефиниция анализируется с использованием различных подходов и с разных точек зрения: как жанр [см., в частности: Эпштейн http; Коротеева 1999], как типологическая разновидность научного текста [Зарва 2003], как метатекст [Шилова 2005], как предмет лингвистическо-

Публикация выполнена в рамках проектов «Комплексное когнитивное исследование и разработка прототипической модели дефиниции термина на основе реконструкции фрейма и семантической сети (на примере разных направлений научного знания)» по гранту Президента РФ (ФГБОУ ВО «ПГУ», проект № МК-4389.2014.6, науч. рук. — канд. филол. наук, доц. М. Н. Лату) и «Когниолингвистическое и лексикографическое моделирование фрагментов прикладной и фундаментальной научной картины мира (русский и английский языки)» по Государственному заданию Министерства образования и науки РФ на 2014—2016 гг. (ФГБОУ ВО «ПГУ», проект № 3078, науч. рук. — д-р филол. наук, проф. О. А. Алимуратов).

го описания [Соколова 2011]. Несмотря на наличие разных подходов к изучению дефиниции, дискурсивные особенности данного жанра научно-профессионального дискурса практически не освещены. Следует также отметить, что сегодня исследование дефиниций терминов в рамках научно-профессионального дискурса является одним из значимых и активно разрабатываемых направлений в терминоведении и когнитивной лингвистике. В основу настоящего исследования положена следующая гипотеза: словарная дефиниция термина является неоднородным образованием с характерной структурно-семантической организацией, дискурсивные признаки которого обладают определенными специфическими чертами.

Само слово «дефиниция» является заимствованием из английского языка, которое этимологически восходит к лексемам древнефранцузского и латинского языков: слово *definition* употребляется с конца XIV в. в значении «решение, установление границ», происходит от древнефранцузского *definicion*, от латинского *definitionem* — имени действия от основы причастия прошедшего времени *definire*. Значение «изложение существенной природы чего-либо» датируется концом XIV в., по отношению к словам стало употребляться с 1550 г. В логике значение «акт установления того, что что-либо обозначает» развилось с 1640-х гг. [Definition. Online Etymology Dictionary]. В «Новейшем философском словаре» под *дефиницией* понимается логическая операция, 1) раскрывающая содержание (смысл) имени посредством описания существенных и отличительных признаков предметов или явлений, обозначаемых данным именем (денотата имени), 2) эксплицирующая значение термина [Грицанов, 1999: 265]. Не секрет, что определить термин — это значит установить четкие границы понятия, которое он вербализует.

Для характеристики словарной дефиниции на примере определения политического термина мы возьмем за основу схему описания институционального дискурса, предложенную В. И. Карасиком, в рамках которой выделяются *типовые участники, хронотоп, цели, ценности, материал (тематика), стратегии, разновидности и жанры, прецедентные тексты и дискурсивные формулы* [Карасик 2002: 189].

Мы считаем, что словарная дефиниция как фрагмент научного (в нашем случае политического) дискурса характеризуется такими *типовыми участниками*, как специалист-лексикограф, специалист в рассматриваемой области (в нашем случае политолог), который может являться автором-состави-

телем научного текста, представляющего собой научное определение термина, а также привлекаться в качестве эксперта. Последние выполняют роль как адресанта, так и адресата, реципиента, обращающегося к словарю с образовательной или профессиональной целью для уточнения интересующей его информации в сфере политологии. Здесь значимым является тот факт, что дефиниция термина, представленная в терминологическом словаре, составляется специалистом для специалиста (будущего специалиста, обучающегося), и в этой связи участники имеют относительно равный статус. Толкование, которое дается отдельным терминам, называемым актуальными для общества понятия и вышедшим за пределы научного дискурса, составляется специалистом для неспециалиста, человека, не искусенного в тонкостях области научного или профессионального знания, к которой принадлежит определяемое понятие. В этой связи участники имеют неравный статус и реализуют различные роли эксперта и популяризатора, что выражается в структурных и семантических особенностях этих двух видов определений, подаче информации в толковании в упрощенной, адаптированной форме, понятной для неспециалиста, и др. Одной из значимых характеристик адресанта является наличие у него высокого уровня квалификации в конкретной области научного знания, предполагающего соответствующий уровень образования, интеллектуальных способностей, общественного признания. Представляется логичным факт, что информация, содержащаяся в определении, отправляется удаленным, множественным адресатам, которые потенциально могут характеризоваться социокультурной неоднородностью (т. е. к словарю политических терминов в целом и к дефиниции какого-либо политического термина в частности может обратиться человек практически любого возраста, а к толкованию в неспециализированном словаре еще и любой социальной группы). Ввиду того, что данный жанр реализуется в письменной форме, коммуникация представляется опосредованной, не прямой. Кроме того, авторы словарных статей, дефиниций и составители словаря могут быть объединены под понятием *коллективного автора* данного дискурсивного жанра.

Хронотоп (время и место) существования и функционирования дефиниции политического термина не имеет четких локально-темпоральных ограничений, как и в случае других письменных жанров научно-профессионального (политического) дискурса в целом: обращение к словарю, особенно

в его оцифрованном формате, может происходить как днем, так и ночью, как с использованием специальных технических средств (компьютера, планшета, телефона и т. д.), так и без них. Тем не менее, как уже отмечалась, коммуникация между типовыми участниками является опосредованной в письменной форме и достаточно кратковременной. Новое понятие для обозначения явления в политической сфере, репрезентируемого термином, рано или поздно получает дефиницию, которая закрепляется в терминологических словарях и в течение определенного времени сохраняет свою актуальность. В этой связи особенно важным является вопрос о развитии научного и профессионального знания, динамике представлений о референте, отражаемых в содержательном пространстве дефиниции, которые в разные периоды развития науки могут различаться. Например, если сравнить дефиниции политических терминов, приведенных в современных энциклопедиях и энциклопедиях и словарях советского времени, то можно заметить как схожие черты, так и определенные различия:

Коммунизм — общественно-экономич. формация, основанная на общественной собственности на средства произ-ва. В своем развитии она проходит две фазы, различающиеся по степени зрелости, — низшую, называемую социализмом, и высшую, называемую полным К. или просто К. [Константинов, 1960—1970].

Коммунизм (от лат. *communis* общий) — общее название различных концепций, в основе которых отрицание частной собственности (первобытный коммунизм, утопический коммунизм и др.). В марксистской концепции исторического процесса общественно-экономическая формация, сменяющая капитализм и проходящая в своем развитии две ступени (фазы) — низшую, называемую социализмом, и высшую, называемую полным коммунизмом [Санжаревский, 2010] (текстовые выделения наши. — М. Л., А. Р.).

Общие черты в дефинициях содержат информацию о том, что коммунизм — это «общественно-экономическая формация» с «общественной собственностью» / «отрицанием частной собственности», проходящая «две фазы» — «низшую, называемую социализмом, и высшую, называемую полным коммунизмом». Различия заключаются в том, что в современной политологии под коммунизмом понимается объединение нескольких концепций, указывается на *первобытный* и *утопический* коммунизм, которые называют отдельные видовые понятия, де-

тализируются особенности *марксистской концепции*, в соответствии с которой *коммунизм* призван прийти на смену *капитализму*. Для сравнения также приведем определение данного термина из энциклопедии по социологии:

Коммунизм — одна из радикальных версий общественного идеала, сопряженная с мифом о достижимости всеобщего равенства людей на основе многомерного и беспредельного изобилия. В социально- и историко-философском измерении идея К. может быть охарактеризована как интеллектуальное явление эсхатологического и сотериологического порядка, выступившее своеобразной гипнотизирующей мутацией идеи о неограниченности и линейности общественного прогресса, присущего западноевропейской философии истории конца 18 — середины 20 в. [Социология: Энциклопедия, 2003].

В качестве другого примера рассмотрим также дефиницию термина «автономия»:

Автономия (греч. *auto* — сам и *nomos* — закон) — 1) ограниченная самостоятельность в рамках системы управления (автономия учреждений, автономия общностей); 2) закрепленная в законодательстве форма самоуправления территориальной единицы государства, которая проявляется в самостоятельном решении вопросов местного значения. Видами национально-территориальной (этнотерриториальной) автономии являются **политическая (государственная) автономия**, имеющая некоторые внешние признаки государственности — парламент, правительство и пр., сфера компетенции которых определяется конституцией (Автономная Республика Крым — в Украине, Гренландия — в Дании и др.); **административная (местная) автономия** [Погорелый и др., 2010: 10]. Социально-политическая ситуация в мире меняется постоянно, и если приведенная дефиниция в целом остается релевантной и сегодня, то примеры достаточно быстро устаревают, в частности с 2014 г. Крым вошел в качестве республики в состав Российской Федерации. По этой причине считаем, что часть приведенной в дефиниции термина информации (приведенные примеры автономий) характерна скорее для энциклопедической статьи или толкования термина, поскольку напрямую не указывает на место понятия в системе научного знания, его дифференциальные признаки и, как следствие, представляется избыточной. То же справедливо и в отношении других статей, содержащих дополнительную информацию, в том числе отражающих субъективные

представления об определяемом референте, например:

Бюрократия (фр. *bureaucratie*, букв. *господство канцелярии*, от фр. *bureau* — бюро, канцелярия и греч. *kratos* — власть) — 1) высший слой чиновников в аппарате государственной власти, обладающий определенными привилегиями; 2) иерархически организованная система государственного управления, осуществляемая закрытой группой чиновников, деятельность которых основана на жестком распределении функций и полномочий, четком соблюдении установленных правил и стандартов деятельности. М. Вебер определял бюрократию как **наиболее рациональную и наиболее эффективную форму достижения организационных целей** [Погорелый и др. 2010: 42] (текстовые выделения наши. — М. Л., А. Р.).

С точки зрения цели дефиниция, как и другие жанры научного дискурса, направлена на просвещение, информирование, (само)образование в области политологии, в некоторой степени на формирование у адресата стремления следовать каким-либо социально-политическим идеям и т. д. Дефиниция термина реализует и более частную цель, а именно определение места понятия в системе научного знания путем установления границы понятия и указания дифференциальных признаков, выделяющих данное понятие на фоне смежных ему видовых понятий. В отличие от дефиниции, частной целью толкования термина является раскрытие сущности сложного специального явления вне системы научного знания, простым языком, понятным для непрофессионала. Как уже было упомянуто выше, дефиниция создается специалистом и, в отличие от толкования, также предназначена для специалиста (будущего специалиста). Бесспорно, на верхних уровнях иерархии ценностей для рассматриваемого жанра стоит истинность информации, представленной в содержательном пространстве определения понятия. Базовые ценности словарной дефиниции термина как дискурсивного жанра предполагают формирование определенной грамотности у читателя-реципиента, проведение разъяснения и коррекции полученной информации в рамках научно-профессионального (политического) дискурса в целом (основной ценностью которого, в свою очередь, является борьба за власть).

Материал словарных дефиниций политических терминов, в отличие от их толкований, приводится в строгом соответствии с политической тематикой соответствующих

словарей, где значимую роль играет терминологическая плотность текста, проявляющаяся в использовании смежных терминологических единиц в составе определения (например, при указании на родовое и видовые понятия, характеристики, процессы и др., передаваемые терминами данной области). Исходя из целей и адресата толкования, в составе этого вида определения представлена преимущественно общеупотребительная лексика, а также детерминологизированные термины. В отдельных случаях в словарную статью также включаются цитаты афористичного характера, примеры, дополняющие академически строгое и точное изложение материала, биографические данные и другие интересные сведения об ученых и государственных деятелях, внесших весомый вклад в политическую науку. Несмотря на то, что, как уже отмечалось, данные элементы характерны для энциклопедической статьи, они не нарушают политическую тематику, а скорее уточняют приведенный материал, например:

Политический абсентеизм (лат. *absentia* — отсутствие) — **уклонение избирателей от участия в голосовании на выборах. Абсентеизм выступает своеобразным проявлением политической свободы личности, в то время как тотальная политическая активность свидетельствует о псевдоучастии (участии без возможности выбора), автократическом характере существующего политического режима...**

„В политике не может быть невинного воздержания... Те, кто практикует абсентеизм, полагают, что они находятся вне политической жизни, „поверх“ конфликтующих групп. Однако истина заключается в ином. Абсентеизм — это тоже политическая позиция“. (Санистебан Л. *„Основы политической науки“*) [Погорелый и др. 2010: 7—8] (текстовые выделения наши. — М. Л., А. Р.).

Для сравнения приведем толкование данного термина, предложенное В. Л. Логвиной:

Абсентеизм — это безразличное отношение людей к своим общественно-политическим правам [Логвина 2006].

Как видим, политическая тематика прослеживается как собственно в дефиниции термина (употребление смежных политических терминов *избиратель, голосование, выборы, политическая свобода, политическая активность, автократия, политический режим* и т. д.), так и в приведенном высказывании Л. Санистебана (использование политических терминов *политика, полити-*

ческая жизнь, конфликтующие группы, абсентизм, политическая позиция).

Коммуникативные стратегии и тактики как план оптимальной реализации коммуникативных намерений, задуманных адресантом — автором дефиниции, учитывают как объективные, так и субъективные факторы и условия, а также обуславливают особенности и структуру коммуникативного сообщения, подразумевают использование определенных языковых средств [Михалева http]. Примечательно, что особенности письменной формы и дефиниции как жанра значительно сужают спектр возможных стратегий и тактик, которые выделяются для разновидностей научного дискурса в соответствии с конкретной областью научного знания. Мы придерживаемся мнения о том, что в связи с особенностями научно-профессионального (политического) дискурса основной коммуникативной стратегией словарной дефиниции является *стратегия информирования*, т. е. донесение объективной и точной информации до реципиента — читателя словаря полностью без каких-либо экспрессивно-оценочных средств. Например:

Политический плюрализм — принцип организации общества, выражающий многообразие и конкуренцию социальных сил [Сирота 2012: 24].

Электорат — часть населения, постоянно голосующая на выборах и поддерживающая ту или иную политическую силу [Кулаков 2006: 42].

Разновидности дефиниций включают: 1) *реальные дефиниции*, которые определяют конкретный предмет (в том числе одушевленный); 2) *номинальные дефиниции*, которые раскрывают, уточняют, вводят значение терминов [Конверьский 2012: 167]. В случае с реальной дефиницией определение может осуществляться через род и ближайшее видовое отличие, через указание на противоположность, а может представлять собой генетическое, операциональное или индуктивное определение. Номинальные дефиниции делятся на синтаксические и семантические, а семантические, в свою очередь, на аналитические и синтетические [Конверьский 2012: 167—171].

Отсылка к *прецедентным текстам*, упоминание *прецедентных феноменов* в определенной степени присутствуют в научно-профессиональном дискурсе в целом, в энциклопедических статьях и толкованиях. В дефинициях политических терминов, представленных в терминологических словарях, присутствует большое количество отсылок к высказываниям и классическим работам политических деятелей, среди ко-

торых К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин и др., что, по-видимому, определяется спецификой рассматриваемой сферы знания. Приведем некоторые примеры:

Железный занавес — это словосочетание в политическом лексиконе появилось в XX в. После речи У. Черчилля в 1946 г. выражение стало метафорой для обозначения границы между капиталистическими и социалистическими странами [Кулаков 2006: 10]. Таким образом, речь У. Черчилля с упоминанием «железного занавеса» (англ. *iron curtain*) является прецедентным текстом, на который ссылается автор дефиниции.

Неомарксизм — собирательное наименование ряда течений в западной общественной мысли, в той или иной мере опирающихся на теоретическое наследие К. Маркса и интерпретирующих его в русле иных идейных традиций — неогегельянства, философии жизни, экзистенциализма, неофрейдизма, структурализма, философской герменевтики и т. д. [Кулаков 2006: 25]. Помимо отнесения к создателю изначальной теории «марксизма» К. Марксу в самом термине, в дефиниции мы наблюдаем также отсылку к знаменитым философским и политическим деятелям Г. Гегелю, З. Фрейдю и их научным работам: «неогегельянство», «неофрейдизм» и др.

Разделение властей — один из фундаментальных принципов организации и важнейший механизм функционирования демократической государственной власти, в соответствии с которыми единая политическая власть в государстве включает три особые самостоятельные ветви — законодательную, исполнительную и судебную. Эту идею обосновал фр. мыслитель Ш. Монтескье в своем труде «О духе законов» (1748 г.): «Для того, чтобы предупредить... злоупотребление властью необходимо, как это вытекает из самой природы вещей, чтобы одна власть сдерживала другую. Когда законодательная и исполнительная власти объединяются в одном и том же органе... не может быть свободы, если судебная власть не отделена от законодательной и исполнительной... И наступит конец всему, если одно и то же лицо или орган, дворянский или народный по своему характеру, станет осуществлять все три вида власти...» [Кулаков 2006: 35]. Труд Ш. Монтескье «О духе законов» (1748) является прецедентным текстом для других политических текстов о разделении властей в целом и для данной дефиниции в частности.

Дискурсивные формулы — это «своеобразные обороты речи, свойственные обще-

нию в соответствующем социальном институте» [Карасик 2002: 330—335]. Дефиниция, как правило, состоит из одного сложного или нескольких предложений, где характерной особенностью является использование подчинительной связи и причастных оборотов. В рамках словарных дефиниций дискурсивные формулы подразумевают употребление лексических и синтаксических повторов, определенных синтаксических конструкций, значительного количества терминов, а также наличие определенных прототипичных информационных блоков, среди которых блок родовой принадлежности, видовых отношений, блок целеполагания, блок составляющих, блок указания на местоположение и другие, которые могут быть представлены или отсутствовать в зависимости от типа понятия и его сущности в рамках системы научного знания. В толковании термина, отражающего обыденное понимание определяемого явления, их количество может быть редуцировано по сравнению с дефиницией. В отличие от дефиниции, толкование может характеризоваться и метафоричностью содержательных элементов. В связи со своей целью словарная дефиниция предполагает точность и строгость, а значит, высокую степень терминологичности, например:

Политический кризис — это крайняя форма проявления политического конфликта, которая проявляется в глубокой дестабилизации политической системы. Выделяют внешнеполитические (международные) и внутривнутриполитические (парламентские, правительственные, конституционные) кризисы. К основным кризисным моделям развития конфликтов относят войну и революцию [Погорелый и др. 2010: 305].

Революция — это вид политического процесса, характеризующийся радикальными политическими изменениями, полной сменой политической системы или же вытеснением из ее структуры отдельных элементов [Погорелый и др. 2010: 305] (текстовые выделения наши. — М. Л., А. Р.). Как видим, в дефинициях обоих приведенных терминов содержится значительное количество определяющих их терминологических единиц (*политический конфликт, дестабилизация политической системы, внешнеполитический кризис, внутривнутриполитический кризис, политический процесс, политическая система* и т. д.). Частичные лексические повторы (в том числе в составе терминов) являются вполне уместными в связи с отнесением к определенной области человеческого знания (в нашем случае — политологии): **политический процесс, по-**

литическими изменениями, политической системы и т. д.

Таким образом, как показал проведенный анализ, дискурсивные признаки дефиниции как особого жанра научного дискурса обладают определенной спецификой по сравнению с толкованием термина. Наиболее ярко она проявляется при рассмотрении типовых участников, целей, материала и дискурсивных формул. Также определенная дискурсивная специфика прослеживается и в отношении некоторых других жанров научного дискурса, таких как научная статья, монография и др., например, участие лексикографа в качестве типового участника, наличие выделяемых разновидностей дефиниций термина, наличие прототипичных информационных блоков, используемых при разработке дефиниции понятия. Обратим также внимание и на тот факт, что в отдельных случаях дискурсивные особенности дефиниции коррелируют со спецификой области знания, к которой принадлежат определяемые понятия. Так, например, было выявлено, что словарные дефиниции русскоязычных политических терминов в специализированных словарях нередко содержат информацию, отсылающую к прецедентным текстам, что, на наш взгляд, отчасти связано с особым антропоцентричным характером рассмотренной нами политической терминосферы, отличной в этом, например, от терминологий естественных наук. При этом в рамках рассмотрения дискурсивного признака материал, наличие в составе дефиниции терминов, принадлежащих к конкретной области научного знания, позволяет отличить ее от словарных дефиниций терминов других сфер человеческой деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зарва А. М. Дефиниция как типологическая разновидность научного текста : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19. — Нальчик, 2003. 156 с.
2. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — Волгоград : Перемена, 2002. 477 с.
3. Конверський А. Є. Логіка. Підручник для студентів юридичних факультетів. — Київ : Центр навчальної літератури, 2012. 296 с.
4. Коротеева О. В. Дефиниция в педагогическом дискурсе : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19. — Волгоград, 1999. 208 с.
5. Краткий словарь-справочник по политологии / сост. А. П. Кулаков. Изд. 2-е, испр., доп. — Новосибирск, 2006. 43 с.
6. Логвина В. Л. Політологія. Навчальний посібник — Київ : Центр навчальної літератури, 2006. 304 с.
7. Михалева О. Л. Дискурс объекта vs дискурс субъекта. URL: <http://rus-lang.isu.ru/about/group/mikhaleva/state15/> (дата обращения: 01.09.2016).
8. Новейший политологический словарь / авт.-сост. Д. Е. Погорелый, В. Ю. Фесенко, К. В. Филиппов. — Ростов н/Д : Феникс, 2010. 318 с.
9. Новейший философский словарь / сост. и гл. науч. ред. А. А. Грицанов. — Минск : Книжный дом, 1999. 896 с.

10. Санжаревский И. И. Политическая наука : слов.-справочник / сост. проф. полит. наук И. И. Санжаревский. — М. : Политология : РГУ, 2010. 745 с.
11. Сирота Н. М. Политология. Классики науки. Термины. Тесты. — СПб., 2012. 32 с.
12. Соколова А. Г. Лексикографическая дефиниция как предмет лингвистического описания : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. — Архангельск, 2011. 296 с.
13. Социология : энцикл. / А. А. Грицанов, В. Л. Абушенко, Г. М. Евелькин, Г. Н. Соколова, О. В. Терещенко. — Минск : Интерпрессервис : Книжный дом, 2003.

14. Философская энцикл. : в 5 т. / под ред. Ф. В. Константинова. — М. : Советская энциклопедия, 1960—1970.
15. Шилова Е. В. Терминологическая дефиниция как метатекст в русскоязычной и англоязычной научно-технической литературе : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20. — Екатеринбург, 2005. 226 с.
16. Эпштейн М. Словарная статья как жанр и как целостный образ семиосферы. URL: <http://old.russ.ru/antolog/intelnet/dar224.htm> (дата обращения: 01.09.2016).
17. Definition. Online Etymology Dictionary. URL: http://etymonline.com/index.php?allowed_in_frame=0&search=definition (date of access: 01.09.2016).

M. N. Latu, A. V. Razduyev
Pyatigorsk, Russia

DISCURSIVE FEATURES OF THE TERM DEFINITION (BASED ON RUSSIAN POLITICAL TERMS)

ABSTRACT. *The paper studies the discursive features of the term definition as one of the genres of scientific discourse on the basis of political terms and their definition in terminological dictionaries. The peculiarities of scientific terminology are connected with the nature of scientific discourse, which is institutional (status-focused) type of discourse opposed to personal (personality-focused) discourse. Discursive features of the term are analyzed, among which are typical participants (lexicographer, political science expert, the members of communication process have equal status, because definition is written by one specialist but it is addressed to the other), chronotope (has no strict local-temporal limits, but communication is in the written form and is short-term), the goals (definition aims to give knowledge, information, (self)education in the field of political science and to make the reader follow certain social and political ideas), values (literacy of the reader, explanation and interpretation of the information in the frames of scientific-professional (political) discourse), resources, strategies types and genres, precedent texts (references to the sayings and works of politicians) and discursive formulae (lexical and syntactical repetitions, certain syntactical constructions, terms, certain typical information units). The characteristics, that comprise discursive features of the definition with regard to some other genres of scientific discourse are emphasized.*

KEYWORDS: *definition; discourse; term; political term; discursive sign; definition for a non-specialist.*

ABOUT THE AUTHOR: *Latu Maksim Nikolayevich, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Western European Languages and Cultures, Director of Scientific-educational Centre "Applied Linguistics, Term Study and Lingo-cognitive Technologies"; Institute of Translation Studies and Multilingualism, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia.*

ABOUT THE AUTHOR: *Razduyev Aleksey Valerievich, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Western European Languages and Cultures, Institute of Translation Studies and Multilingualism, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia.*

REFERENCES

1. Zarva A. M. Definititsiya kak tipologicheskaya raznovidnost' nauchnogo teksta : dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.19. — Na'chik, 2003. 156 s.
2. Karasik V. I. Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs. — Volgograd : Peremena, 2002. 477 s.
3. Konvers'kiy A. C. Logika. Pidruchnik dlya studentiv yuridichnikh fakul'tetiv. — Kiiv : Tsentri navchal'noi literaturi, 2012. 296 s.
4. Koroteeva O. V. Definititsiya v pedagogicheskom diskurse : dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.19. — Volgograd, 1999. 208 s.
5. Kratkiy slovar'-spravochnik po politologii / sost. A. P. Kulakov. Izd. 2-e, ispr., dop. — Novosibirsk, 2006. 43 s.
6. Logvina V. L. Politologiya. Navchal'niy posibnik — Kiiv : Tsentri navchal'noi literaturi, 2006. 304 s.
7. Mikhaleva O. L. Diskurs ob"ekta vs diskurs sub"ekta. URL: <http://rus-lang.isu.ru/about/group/mikhaleva/state15/> (data obrashcheniya: 01.09.2016).
8. Noveyshiyy politologicheskii slovar' / avt.-sost. D. E. Pogorelyy, V. Yu. Fesenko, K. V. Filippov. — Rostov n/D : Feniks, 2010. 318 s.
9. Noveyshiyy filosofskiy slovar' / sost. i gl. nauch. red. A. A. Gri-tsanov. — Minsk : Knizhnyy dom, 1999. 896 s.
10. Sanzharevskiy I. I. Politicheskaya nauka : slov.-spravochnik / sost. prof. polit. nauk I. I. Sanzharevskiy. — M. : Politologiya : RGU, 2010. 745 s.
11. Sirota N. M. Politologiya. Klassiki nauki. Termini. Testy. — SPb., 2012. 32 s.
12. Sokolova A. G. Leksikograficheskaya definititsiya kak predmet lingvisticheskogo opisaniya : dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.01. — Arkhangel'sk, 2011. 296 s.
13. Sotsiologiya : entsikl. / A. A. Gritsanov, V. L. Abushenko, G. M. Evel'kin, G. N. Sokolova, O. V. Tereshchenko. — Minsk : Interpresservis : Knizhnyy dom, 2003.
14. Filosofskaya entsikl. : v 5 t. / pod red. F. V. Konstantinova. — M. : Sovetskaya entsiklopediya, 1960—1970.
15. Shilova E. V. Terminologicheskaya definititsiya kak metatext v russkoyazychnoy i angloyazychnoy nauchno-tekhniche-skoy literature : dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.20. — Ekaterin-burg, 2005. 226 s.
16. Epshteyn M. Slovarnaya stat'ya kak zhanr i kak tselostnyy obraz semiosfery. URL: <http://old.russ.ru/antolog/intelnet/dar224.htm> (data obrashcheniya: 01.09.2016).
17. Definition. Online Etymology Dictionary. URL: http://etymonline.com/index.php?allowed_in_frame=0&search=definiti-on (date of access: 01.09.2016).

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. О. А. Алимуратов.

Ю. Г. Ткаченко
Екатеринбург, Россия

ЯЗЫКОВАЯ МАТРИЦА ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ

АННОТАЦИЯ. В настоящей статье проводится анализ формирования у человека гендерных стереотипов женственности посредством их первичной передачи через язык матери, который является обусловленным ее стереотипным мышлением. Целью работы является демонстрация того, что язык участвует в познании, оказывает на него непосредственное влияние, способствуя конструированию и укреплению гендерной социальной доксы, принуждающей женщин и мужчин выражать свой биологический пол строго в рамках, обозначенных социумом национальной культуры, все когнитивные элементы которой находят свое отражение в языке. Языковая картина мира выступает как матрица смыслов, несущих в себе способ мировидения народа и передающихся от одного поколения другому. Она является консервативной по своей сути, исторически-традиционной. Сознание русского человека ограничено представлениями русской культуры, проявляющими себя и закрепленными в языковом сознании. Данные утверждения подтверждаются практическими языковыми примерами. В заключительной части статьи приводятся размышления о возможностях преодоления гендерной языковой матрицы, могущих способствовать относительной нейтрализации в целом языкового сексизма и привлечению внимания общественности к женскому вопросу в современной России.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: когнитивная лингвистика; познание; языковая картина мира; гендерные стереотипы; доксистское мышление; гендерная докса; маскулинность; фемининность; женский вопрос.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Ткаченко Юлия Геннадьевна, старший преподаватель кафедры делового иностранного языка Уральского государственного экономического университета; 620144, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8-го Марта / Народной Воли, 62/45; e-mail: tka55@yandex.ru.

Перед лингвистическими когнитивными исследованиями ставится задача изучения процессов закрепления опыта и знаний человека о мире в языке — того, как назвать, осмыслить, систематизировать то, что познается, и может ли, по словам М. Фуко, культура и язык как ее проявление определять то, как происходит познание [Фуко 1994: 32].

Согласно последним исследованиям в области когнитивной робототехники, познание действительности основано прежде всего на внутренней врожденной мотивации и любопытстве ребенка [Khamassi, Doncieux 2016: 15], который с первого дня после рождения начинает познавать окружающий мир: он смотрит, слушает, трогает его руками, пробует на вкус. В его мозге происходят процессы сопоставления, сравнения, запоминания, анализа, выстраиваются логические связи. Ребенок еще не владеет языком; он оперирует ментальными, зрительными, сенсорными образами, и, слушая, как мать каждый день называет предметы, описывает их признаки, многократно комментирует простые действия, малыш овладевает соотношением предмета, признака и определенного действия с конкретным звуковым или знаковым изображением. Человек конструирует для себя картину мира, первоначально опосредованную матерью, как «знания о мире, воплощенные и выраженные языковыми средствами, представляющими собой языковую картину» [Колшанский 2010: 21], языковое сознание. При этом язык, пронизывая все сферы человеческой жизни, оказывает непосредственное влияние на познание. М. Фуко отмечает, что «люди выражают свои мысли словами и думают, что слова им повинуются, в то время как языковые формы

существовали задолго до них и уже вобрали в себя всю историю народа» [Шульц, Любимова 2008: 45]. В таком случае язык выступает как то, что заключает «в рамки» реальную действительность, обуславливая ее отражение в человеческом сознании. Такие ученые, как В. Гумбольдт, А. А. Потебня, Н. Хомский утверждали, что не только мыслительные процессы по познанию окружающего мира обуславливают свое выражение в языке, но и сама языковая картина оказывает влияние на мышление как таковое.

При воспитании своего сына или дочери мать неосознанно следует определенным языковым «программам», заложенным в ней ее предками, обществом, культурой и в целом той средой и временем, в которых она находится. В этой связи необходимо обратиться к понятию «доксы». Этот термин, пришедший из древнегреческого языка, означает наличие у человека или группы людей общепринятых положительных и отрицательных мнений, предрассудков, стереотипов, домыслов и убеждений, сформировавшихся исторически и закрепленных в языке.

С самого детства у каждого мужчины и женщины закладывается своя докса, то, что делает возможным само существование внутри социума, так как, согласно П. Бурдьё, она означает шаблон, согласие, послушание [Бурдьё 1996: 8—31]. Изменения доксы практически невозможны, так как она представляет собой совокупность личностных принципов и установок, которые люди страстно защищают.

В своем произведении «Дух государства» П. Бурдьё утверждает, что если докса это прежде всего личностная матрица, то одновременно можно говорить о расовой,

этнической, государственной, классовой доксе, т. е. об идеологии доминирующих, которые заставляют остальных признать ее в качестве всеобщей, единственно правильной и возможной [Бурдьё 1999: 125—166]. Докса имеет множество способов своего проявления: например, через государственные институты, ритуалы, религию, социальные структуры и т. д. При всем этом она использует язык, дискурс как определенный способ говорения с продвижением содержания этой идеологии. Соответственно, люди вынуждены ей подчиняться, иначе они отвергаются социумом как те, кто противоречат общей, конформистской доксе. Томас Бернхард, знаменитый австрийский драматург и писатель, называет школу первой ступенью формирования слуг социума, не обладающих своим мышлением и своими собственными идеями, а лишь теми, которые им дает и разрешает иметь докса.

На основании доксических схем или матриц происходит формирование общества и, как следствие, распределение в нем гендерных ролей. Следовательно, можно говорить о том, что существует гендерная докса как общепринятая, узаконенная «социальная форма полового различия между мужчинами и женщинами, которая задается подчинением нормам, ценностям, образцам поведения, приписываемым обществом полам в качестве их сущностных характеристик» [Энциклопедия эпистемологии и философии науки 2009: 137].

Из мысли о главенствующей роли языка матери в формировании у ребенка видения мира логически следует утверждение о том, что мать конструирует социальный пол своего ребенка, соответствующий его биологическому полу, который проявится в социальной половой роли — маскулинной или фемининной. Мать посредством языка напрямую передает ребенку свою женскую гендерную доксу и опосредованно мужскую как набор стереотипов, т. е. «стандартизированных, устойчивых, эмоционально насыщенных, ценностно-определенных образов, представлений о том, какими должны быть мужчина и женщина» [Социологический словарь 2008: 502]. Рассуждая о лингвистических аспектах гендера, А. В. Кирилина говорит о том, что если социальный пол и не является языковым явлением, то он обязательно выражает себя в языке через лингвистически проявляемое содержание женственности и мужественности как культурно закрепленных представлений [Кирилина 1999: 39]. Стереотип исторически представлен в языковой обыденной картине народа (сказания, легенды, пословицы, сказки, на-

родные песни, устойчивые выражения и словосочетания, фразеологизмы) и постоянно воспроизводится человеком с учетом его личностных характеристик. Иерархическая структура западного и российского обществ является патриархальной и проявляется во всех сферах, а отношения между полами соотносятся с нравами, запретами, условиями, обязательствами прошлых эпох и «целенаправленно сохраняются посредством мужского дискурса», который является доминирующим [Франс 2012: 268].

В словаре пословиц русского народа В. Даля мы видим, что почти все пословицы составлены от имени мужчины, женщину и девушку называют в них бабой с отрицательной коннотативной окраской и воспринимают их через призму того, что требуется в жизни мужчине. Л. Н. Толстой очень любил читать рассказ Чехова «Душечка» своим гостям, чтобы его также слышала жена, Софья Андреевна, тем самым желая ей показать, как «настоящая жена должна восторженно и послушно сливаться с делом мужа» [Искандер 2000: 126]. Паремии русского языка актуализируют следующие гендерные стереотипы:

– **Женщина не рассматривается в качестве субъекта и сама за себя решать не может** (ср.: *Курица не птица, а баба не человек; Я думал идут двое, ан мужик с бабой; Баба что мешок: что положишь, то и несет*) [Даль 2012] (далее примеры взяты из этого же источника).

– **Женские дела всерьез мужчинами не воспринимаются** (ср.: *Лучше раз в году родить, чем день-деньской бороду брить; Бабы города не долго стоят*).

– **Нормой является то, что женщина виновата одна за всех и должна быть наказана** (ср.: *Жена виновата искони бе; Бабий быт — за все бит*).

– **Женщина должна уметь все делать по дому, а не за красотой следить** (ср.: *Для щей люди женятся; Выбирай жену не в хороводе, а в огороде*).

– **Женщина не может быть равной мужчине, а тем более главнее его** (ср.: *Худо мужу тому, у кого жена большая в дому; Нет досадней, как своя же дворняжка на тебя лаает. Баба да кошка в избе, хозяин да собака во дворе*).

– **Наказание женщины с целью воспитания — обычное дело** (ср.: *Чем больше жену бьешь, тем щи вкуснее; Бей жену до детей, бей детей до людей! Бей жену к обеду, а к ужину опять (без боя за стол не сядь); Бей жену обухом, припади да понюхай: дышит да морочит, еще хочет*).

– **Женщина должна дома сидеть, домашними делами заниматься** (ср.: *Баба да*

кошка в избе, хозяин да собака во дворе; Бабе дорога — от печи до порога).

– **Нельзя позволять женщине делать то, что она хочет** (ср.: *Дал муж жене волю — не быть добру*).

«Русский женский голос» в своем видении мира и особенно в отношении мужчин представлен в фольклоре скудно и ограниченно: отсутствуют примеры пословиц, репрезентирующих мужчин в качестве объекта, имеющего определенную функциональную полезность или требующего применения воспитательных мер при неподчинении. Русская женщина воспринимает как должное факт наличия мужа как такового, к тому же применяющего в отношении нее физическое наказание (ср.: *Хоть бы в щеку бил, да щеголь был; Хоть бита, да сыта; Говорю мужу-ворогу: не бей меня в голову, а он кол да кол; Хоть за лысого, да близкого; Хотя за нищего, да в Татищево*).

Социальные половые стереотипы отражаются в языке, а именно в соответствующих им лингвокогнитивных категориях женственности и маскулинности как «ячейках упорядоченных знаний и представлений» о том, кто такой настоящий мужчина и женщина [Дзюба 2015: 187]. Одним из примеров стереотипной наивной маскулинной и фемининной лингвокогнитивной категории со стороны матери могут служить следующие гендерные штампы:

Маскулинная для мальчиков: *сорванец, богатырь, непоседа, сорви-голова, шалун, джигит, командир: сильный; не плачет; защищает девочек; терпит боль; шумит и балуется, дерется; сдерживает чувства; стремится быть лучшим; играет в машинки и в войну; не носит платья; ничего не боится.*

Маскулинная для мужчины: *сильный; умный; работающий; ответственный; напористый; сексуально активный.*

Фемининная для девочек: *капризуля, модница, красавица, привереда, умница, помощница, хозяйка: тихая и спокойная; не шумит, не бежит, не дерется; играет в куклы и в дом; следит за своей одеждой и внешним видом; помогает маме по дому; плачет; хочет быть красивой.*

Фемининная для женщин: *красивая и стройная; нежная и уступчивая; эмоциональная; заботливая; добрая; хозяйственная; воспитывает детей; сексуально сдержанная; верная.*

Примеры, приведенные выше, подтверждаются данными Русского ассоциативного словаря Ю. Н. Караулова относительно слов-стимулов *женщина / мужчина*, где первыми тремя самыми частотными реакциями

являются для женщин — *красота и материнство*, а для мужчин — *сила*:

• **Женщина:** всего реакций — 528:

красивая — 66; *мать* — 36; *молодая* — 11; *красота* — 10.

• **Мужчина:** всего реакций — 545:

сильный — 43; *высокий* — 27; *красивый* — 16; *сила* — 12 [Русский ассоциативный словарь 2002].

Т. Б. Рябова отмечает, что стереотипные утверждения четко различают и противопоставляют свойства маскулинности и феминности, превращают их в бинарные и социально неравнозначные [Рябова 2003: 125]. Нет никакого сомнения в том, что мать, осознанно и неосознанно вербализуя гендерные патриархальные стереотипы, является инициатором их закрепления в сознании ребенка. Мальчикам говорится о том, как много в мире интересного и как важно добиться в жизни чего-то большого: «Работай, будь первым, и все двери откроются перед тобой» [Социологический словарь 2008: 38]. А девочкам нет необходимости упорно учиться и трудиться, быть активными, сильными и напористыми. Самое главное — это быть красивыми, хозяйственными, заботливыми, ведь замужество для них является основной целью. Как замечает в своей статье А. В. Павловская, весь русский уклад жизни воплощал в себе семейственность, где для женщины высшее благо — забота о муже и воспитание детей [Павловская 2008: 100].

В своем интервью модному журналу известная актриса театра и кино Анна Михалкова рассказывает: « В моей жизни был период, когда важным было доказать свой творческий потенциал. Оказалось, этот внутренний и внешний труд не нужен никому, семье в том числе. Да и какая мужу и детям разница, сколько у меня призов на полке, когда надо приготовить завтрак и прийти на родительское собрание?» [Журнал Interview 2016: 103] Дискурс главы Российского государства в качестве властного манифестирует женскую социально-половую роль как задачу «не откладывать рождение детей на более поздний возраст, планировать свое репродуктивное поведение на долгосрочный период», причем «на государственном уровне необходимо повышать статус семей, в основе которых многодетность» [Заседание президиума Госсовета... 2014]. Государственная гендерная докса пропагандирует в России *моногамную семью как производственно-хозяйственную ячейку*, для которой важны следующие характеристики: *отец — глава семьи, подчинение ему детей и отчасти супруги, женщина — хранительница домашнего очага, хозяйка,*

женский домашний труд воспринимается как норма, различия в воспитании мальчиков и девочек, женщина как основа семьи, брак как необходимость и условие рождения детей, многочисленность детей — контроль над рождаемостью [Воронина 2009: 56]. Любая попытка изменения данных стереотипов, например, со стороны российского феминистского дискурса, рассматривается как угроза традиционным русским семейным ценностям, вне которых российская женщина вообще не рассматривается.

Философия постмодернизма утверждает зависимость познания реальности от языковых форм, когда язык, вобрав в себя окружающий мир, передает человеку знания о нем как стереотипные матрицы. Гендерные стереотипы закреплены в языке и усваиваются человеком с детства, оказывая влияние на соответствующее восприятие им действительности, направленное на подчинение мужскому дискурсу. Российское общество выступило против возможного принятия закона «О государственных гарантиях равных прав и свобод мужчин и женщин и равных возможностей для их реализации». Аргументы против такого закона были следующими: в массе своей российская общественность равнодушна к таким инициативам; закон разрушит традиционные представления о семейной политике, подменит само понятие биологического пола и его структуры и приведет к увеличению нетрадиционных меньшинств с возможностью выбора социального пола.

Возможным способом сопротивления языковой гендерной матрице является метод деконструкции Жака Деррида, при котором стереотипы мышления, подкрепляемые языковыми штампами, разрушаются изменением бинарных оппозиций путем сглаживания их противостояния или создания равновесия. Примером деконструкции является искусственный язык лаадан известной американской писательницы Сюзет Элджин. Целью использования такого языка являлось предоставление способов (отсутствующих в естественном мужском языке) для выражения женщинами их восприятия мира, когда женщины, посредством иной лексики, грамматических и синтаксических конструкций, тонового выделения эмоционального фона, могут давать названия тому, что является чисто женским без бинарных характеристик: женская любовь, сексуальность, выражение эмоций, беременность и материнство, отношение к мужчине. Идентифи-

кация, анализ языковых гендерных стереотипов со стороны лингвокогнитологов и их сознательное разрушение социумом могут способствовать снижению языкового сексизма и, как результат, повышению актуальности проблемного женского вопроса в России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурдьё П. Университетская докса и творчество: против схоластических делений // Альманах Российско-французского центра социологических исследований Ин-та социологии Рос. акад. наук. — М.: Socio-Logos, 1996. С. 8—31.
2. Бурдьё П. Дух государства: генезис и структура бюрократического поля // Альманах Российско-французского центра социологии и философии Ин-та социологии Рос. Акад. наук. — М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1999. С. 125—166.
3. Воронина О. А. Конструирование женственности: социокультурный анализ // Человек : журн. 2009. № 5. С. 50—66.
4. Даль В. Пословицы русского народа : в 2 т. — Изд-во «Белый город» : Воскресный день, 2012. 312 с.
5. Дзюба Е. В. Этноспецифические особенности лингвокогнитивной категоризации в русском и китайском языковом сознании // Педагогическое образование в России. 2015. № 11. С. 187.
6. Дроздова М. А. «Злая жена» древнерусской словесности // Русская речь. 2006. № 4. С. 67—74.
7. Журнал Interview. 2016. № 39, сент. 242 с.
8. Заседание президиума Госсовета, посвящ. политике в области семьи, материнства и детства : от 17 февр. 2014 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/20265>.
9. Искандер Ф. Понемногу о многом // Новый мир. 2000. № 10. С. 116—130.
10. Кирилина А. В. Гендер: лингвистические аспекты. — М.: Ин-т социологии РАН, 1999. 80 с.
11. Колшанский Г. В. Объективная картина мира в познании и языке / отв. ред. А. М. Шахнарович; предисл. С. И. Мельник. Изд. 4-е. — М.: Комкнига, 2010. 128 с.
12. От стимула к реакции: более 100 000 реакций. — М.: АСТ-Астрель, 2002. 992 с. URL: <http://www.thesaurus.ru/dict/dict.php>.
13. Павловская А. В. Место и роль семьи в русском мире // Вестн. Моск. ун-та Сер. 19, Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. № 3. С. 90—108.
14. Русский ассоциативный словарь. В 2 т. Т. 1. От стимула к реакции : ок. 7000 стимулов / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. — М.: АСТ-Астрель, 2002. 784 с.
15. Рябова Т. Б. Стереотипы и стереотипизация как проблема гендерных исследований // Личность. Культура. Общество. 2003. Т. 5, вып. 1—2 (15—16). С. 120—138.
16. Социологический словарь / отв. ред. Г. В. Осипов, Л. Н. Москвичев. — М.: Норма, 2008. 608 с.
17. Франс А. Остров пингвинов. — М.: АСТ : Астрель, 2012. 349 с.
18. Шульц В. Л., Любимова Т. М. Язык как метареальность и прогностическая структура // Вопросы философии. 2008. № 7. С. 38—50.
19. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / пер. с фр. В. П. Визгина, Н. С. Автономовой; вступ. ст. Н. С. Автономовой. — СПб.: А-скад, 1994. — Печ. по изд.: Мишель Фуко. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. — М.: Прогресс, 1977. 407 с. (Для научных библиотек).
20. Энциклопедия эпистемологии и философии науки. — М.: Канон+ : РООИ «Реабилитация», 2009. 1248 с.
21. Khamassi M., Doncieux S. Nouvelles approches en Robotique Cognitive // Intellectica, Association pour la Recherche sur la Cognition. 2016 № 1 (65). P. 7—25.

Y. G. Tkachenko
Ekaterinburg, Russia

THE LANGUAGE MATRIX OF GENDER STEREOTYPES

ABSTRACT. *This article analyzes the formation of human gender stereotypes of femininity through their primary transmission by the mother's language which is influenced by her stereotypical thinking. The aim is to demonstrate that language is involved in cognition, it has a direct impact on it contributing to the strengthening of gender social doxa, forcing women and men to express their biological gender strictly within the limits designated by the society of national culture, all cognitive elements of which are reflected in the language. The linguistic worldview appears as a matrix of meanings, embodying the way of people world view and transmitted from one generation to another. It is conservative and historical-traditional in its essence. Russian human consciousness is limited by the views of Russian culture, manifesting itself as consciousness fixed in the language. These statements are underpinned by practical language examples. In the final part of the article there are reflections on the possibilities of breaking the gender language matrix, which may contribute to the relative neutralization, in general, of linguistic sexism and attract public attention to the problem of women's issues in modern Russia.*

KEYWORDS: *cognitive linguistics; cognition; language picture of the world; gender doxa; gender stereotypes; doxa thinking; masculinity; femininity; women's issues.*

ABOUT THE AUTHOR: *Tkachenko Yuliya Gennadiyevna, Senior Lecturer, Department of Business Foreign Language, University of Economics, Ekaterinburg, Russia.*

REFERENCES

1. Burd'e P. Universitetskaya doksa i tvorchestvo: protiv skholarsticheskikh deleniy // Al'manakh Rossiysko-frantsuzskogo tsentra sotsiologicheskikh issledovaniy In-ta sotsiologii Ros. akad. nauk. — M. : Socio-Logos, 1996. S. 8—31.
2. Burd'e P. Dukh gosudarstva: genezis i struktura byurokraticheskogo polya // Al'manakh Rossiysko-frantsuzskogo tsentra sotsiologii i filosofii In-ta sotsiologii Ros. Akad. nauk. — M. : In-t eksperimental'noy sotsiologii ; SPb. : Aletyya, 1999. S. 125—166.
3. Voronina O. A. Konstruirovaniye zhenstvennosti: sotsiokul'turnyy analiz // Chelovek : zhurn. 2009. № 5. S. 50—66.
4. Dal' V. Posloviy russkogo naroda : v 2 t. — Izd-vo «Belyy gorod» : Voskresnyy den', 2012. 312 s.
5. Dzyuba E. V. Etnopsichicheskie osobennosti lingvokognitivnoy kategorizatsii v russkom i kitayskom yazykovom soznanii // Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii. 2015. № 11. S. 187.
6. Drozdova M. A. «Zlaya zhen» drevnerusskoy slovesnosti // Russkaya rech'. 2006. № 4. S. 67—74.
7. Zhurnal Interview. 2016. № 39, sent. 242 s.
8. Zasedaniye prezidiuma Gossoveta, posvyashch. politike v oblasti sem'i, materinstva i detstva : ot 17 fevra. 2014 g. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/20265>.
9. Iskander F. Ponemnogo o mnogom // Novyy mir. 2000. № 10. S. 116—130.
10. Kirilina A. V. Gender: lingvisticheskie aspekty. — M. : In-t sotsiologii RAN, 1999. 80 s.
11. Kolshanskiy G. V. Ob"ektivnaya kartina mira v poznanii i yazyke / otv. red. A. M. Shakhnarovich ; predisl. S. I. Mel'nik. Izd.4-e. — M. : Komkniga, 2010. 128 s.
12. Ot stimula k reaktzii: bolee 100 000 reaktsiy. — M. : AST-Astrel', 2002. 992 s. URL: <http://www.thesaurus.ru/dict/dict.php>.
13. Pavlovskaya A. V. Mesto i rol' sem'i v russkom mire // Vestn. Mosk. un-ta Ser. 19, Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. 2008. № 3. S. 90—108.
14. Russkiy assotsiativnyy slovar'. V 2 t. T. 1. Ot stimula k reaktzii : ok. 7000 stimulov / Yu. N. Karaulov, G. A. Cherkasova, N. V. Ufimtseva, Yu. A. Sorokin, E. F. Tarasov. — M. : AST-Astrel', 2002. 784 s.
15. Ryabova T. B. Stereotipy i stereotipizatsiya kak problema gendernykh issledovaniy // Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo. 2003. T. 5, vyp. 1—2 (15—16). S. 120—138.
16. Sotsiologicheskii slovar' / otv. red. G. V. Osipov, L. N. Moskvichev. — M. : Norma, 2008. 608 s.
17. Frans A. Ostrov pingvinov. — M. : AST : Astrel', 2012. 349 s.
18. Shul'ts V. L., Lyubimova T. M. Yazyk kak metareal'nost' i prognosticheskaya struktura // Voprosy filosofii. 2008. № 7. S. 38—50.
19. Fuko M. Slova i veshchi. Arkheologiya gumanitarnykh nauk / per. s fr. V. P. Vizgina, N. S. Avtonomovoy ; vstup. st. N. S. Avtonomovoy. — SPb. : A-cad, 1994. — Pech. po izd.: Mishel' Fuko. Slova i veshchi. Arkheologiya gumanitarnykh nauk. — M. : Progress, 1977. 407 s. (Dlya nauchnykh bibliotek).
20. Entsiklopediya epistemologii i filosofii nauki. — M. : Kanon+ : ROOI «Reabilitatsiya», 2009. 1248 s.
21. Khamassi M., Doncieux S. Nouvelles approches en Robotique Cognitive // Intellectica, Association pour la Recherche sur la Cognition. 2016 № 1 (65). P. 7—25.

Статью рекомендует к публикации Е. В. Дзюба.

РАЗДЕЛ 4. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА: ЯЗЫК И ПРАВО

УДК 81'42:81'27:342.4
ББК Ш105.51+Х400.1

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.19

Е. И. Замотина, Т. В. Дубровская
Пенза, Россия

МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЮРИДИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: РЕПРЕЗЕНТАЦИИ И ТОПОСЫ (НА ПРИМЕРЕ КОНСТИТУЦИЙ РОССИИ И США)

АННОТАЦИЯ. Статья обсуждает дискурсивное конструирование межнациональных отношений на материале конституций России и США. Авторы считают юридический дискурс социально-конструирующим явлением и подходят к анализу материала с позиций критического анализа дискурса. Анализ направлен на выделение типичных репрезентаций нормативных межнациональных отношений в юридическом дискурсе двух стран, а основными категориями анализа являются социальные акторы, репрезентации и топосы. Результаты исследования показывают, что во внутригосударственные межнациональные отношения вовлечены разные социальные акторы: национальности как абстрактные группы, коренные народы, само государство. Универсальными топосами для обеих конституций являются топос единства, топос равноправия и топос верховенства права, однако их реализация в текстах законов обнаруживает национальную специфику. Конституция РФ эксплицитно констатирует национальное единство и запрет национальной розни, тогда как Конституция США делает акцент на единении вокруг ценности благополучия народа. Специфика конструирования межнациональных отношений затрагивает репрезентации коренных народов двух стран. В российском законе они представлены как группа, интегрированная в общее правовое пространство, а американская Конституция исключает коренные народы из состава американского народа, приравнивая к иностранцам. Только в российской Конституции есть ссылка на верховенство международного права в контексте межнациональных отношений; американское государство оставляет эту сферу закрытой для внешнего вмешательства.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: межнациональные отношения; юридический дискурс; репрезентация; топос; социальный актор; языковые средства.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Замотина Евгения Игоревна, кандидат филологических наук, доцент кафедры «Английский язык» Пензенского государственного университета; 440026, г. Пенза, ул. Красная, 40; e-mail: pgu-english@mail.ru.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Дубровская Татьяна Викторовна, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой «Английский язык» Пензенского государственного университета; 440026, г. Пенза, ул. Красная, 40; e-mail: gynergy74@gmail.com.

1. Введение

Данная статья является частью научного проекта, основная цель которого состоит в выявлении механизмов дискурсивного конструирования межнациональных отношений в политическом, юридическом и массмедийном типах дискурсах. В традициях критического анализа дискурса, опирающегося в значительной степени на положения социального конструкционизма, дискурс рассматривается нами не только как феномен социально обусловленный, формирующийся в условиях некоторого социального устройства, но и как социально-конструирующее явление, определяющее это социальное устройство. Исключением не является юридический дискурс, который «направлен не только на точное описание положения дел в социальной реальности, но и на реализацию действий по ее изменению» [Кожемякин 2013: 126]. (Юридический дискурс в терминах социального конструкционизма обсуждался нами ранее [Дубровская 2016].)

Конструирующая функция юридического дискурса реализуется в том числе применительно к межнациональным отношениям, которые выступают как предмет дискурсивных практик и изучение которых возможно посредством интерпретации существующих

юридических текстов, взятых в социально-политическом контексте.

Задачей данного фрагмента исследования является выявление в юридическом дискурсе репрезентаций межнациональных отношений и выделение соответствующих этим репрезентациям топосов и языковых средств.

Статья состоит из 4 разделов, включая введение, описание материала и метода, анализ материала и заключение. Статья завершается списком литературы.

2. Материал и метод

Эмпирическую базу исследования составляют Конституция РФ (от 12 декабря 1993 г. с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) и Конституция США — The United States Constitution (Adapted from S.PUB.103-21 (1994)). Их выбор обусловлен несколькими факторами. Во-первых, это высокая юридическая сила анализируемых законов. Во-вторых, совпадение российского и американского документа по своей функциональной ценности и регулируемым аспектам социальных отношений. В-третьих, обращение

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта №15-34-14001 «Политический, юридический и масс-медийный дискурс в аспекте конструирования межнациональных отношений Российской Федерации».

© Замотина Е. И., Дубровская Т. В., 2016

к материалу двух стран — РФ и США — позволит, на наш взгляд, более точно выявить как универсальные, так и контекстуально обусловленные дискурсивные механизмы, задействованные в конструировании межнациональных отношений.

Источниками материала являются официальный сайт справочно-правовой системы России «Консультант Плюс» (<http://www.consultant.ru>) и официальный правительственный сайт США (<http://www.senate.gov>).

С точки зрения методологии исследование базируется на дискурсивном подходе, а в качестве основных категорий анализа используются социальный актор, репрезентация и топос.

Согласно определению в словаре терминов дискурс-анализа, «**социальные акторы** — это обычно одушевленные существа и/или люди, но они могут включать группы или абстрактные сущности, к примеру, ‘совет’ или ‘сообщество’» [Baker, Ellese 2011: 133] (перевод с английского здесь и далее наш. — Т. Д., Е. З.). Важно отметить, что социальные акторы, индивидуальные или коллективные, всегда выступают исполнителями социально значимых действий в рамках некоторых социальных институтов.

В критическом дискурс-анализе **репрезентация** традиционно толкуется со ссылкой на С. Холла, в частности как «создание мысленного образа посредством искусства, языка или других средств, где создается смысл <...> Она предполагает практики означивания и символические системы, через которые мы производим смыслы. Дискурс-анализ часто изучает, как конкретные феномены (люди, понятия, события и т. д.) репрезентируются посредством использования языка» [Baker, Ellese 2011: 117]. Иными словами, репрезентация является результатом конструирования, интерпретации.

Категория **топоса**, берущая начало в риторике и достаточно широко в ней применяемая, приобрела несколько иное значение в дискурсивных исследованиях. В частности, Т. А. ван Дейк считает, что топосы «представляют собой исходные предпосылки, принимаемые как данные, самоочевидные и достаточные для того, чтобы принять вывод» [van Dijk 2006: 735]. Обобщенный характер топосов и их способность приводить к определенным умозаключениям отмечены Дж. Ричардсоном, который понимает под топосами «вместилища обобщенных ключевых идей, из которых могут генерироваться конкретные утверждения или аргументы» [Richardson 2004: 230]. Таким образом, в нашем понимании топосы — это смысловые доминанты, получающие вербальное выра-

жение в тексте и способствующие созданию таких репрезентаций действительности, которые соответствуют стратегическим коммуникативным задачам автора (в случае с нормативными актами — обезличенного законодателя). Базовые топосы юридического дискурса в аспекте конструирования межнациональных отношений были выделены нами ранее и будут использованы в данной работе [Замотина, Дубровская 2015].

3. Результаты

Свойством юридического дискурса, как мы отмечали выше, является его конструирующий характер. Сам по себе юридический текст еще не гарантирует фактических изменений социальной действительности, но конструирует репрезентации нормативных социальных отношений, в том числе отношений межнациональных. Эти репрезентации соответствуют внутренним и внешнеполитическим задачам, которые стоят перед государством.

Отметим характер репрезентаций межнациональных отношений в отечественном и американском законодательстве. Прежде всего предлагаем различать межнациональные отношения внутри государства и на межгосударственном уровне. И те, и другие являются объектами конструирования в рассматриваемых нами документах. Однако в данной статье мы ограничимся изучением конструирования только внутригосударственных межнациональных отношений.

3.1. Межнациональные отношения и топос единства народа

Внутригосударственные межнациональные отношения находятся в центре Конституций как основных государственных законов РФ и США. Преамбула Российской Конституции содержит эксплицитное указание на многонациональный состав народа страны, а также на характер отношений между национальностями. Преамбула репрезентирует эти отношения как построенные на ряде объективных факторов, принципов и ценностей, включая историческую общность, единство, мир и согласие, равноправие и самоопределение:

(1) Мы, многонациональный народ Российской Федерации, соединенные общей судьбой на своей земле, утверждая права и свободы человека, гражданский мир и согласие, сохраняя исторически сложившееся государственное единство, исходя из общепризнанных принципов равноправия и самоопределения народов, чтя память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость, возрождая суверенную государственность России и утверждая незыбле-

мость ее демократической основы, стремясь обеспечить благополучие и процветание России, исходя из ответственности за свою Родину перед нынешним и будущими поколениями, сознавая себя частью мирового сообщества, принимаем КОНСТИТУЦИЮ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (Преамбула Конституции РФ).

Вступление к основному тексту Конституции США также написано от имени всего народа:

(2) *We the People of the United States, in Order to form a more perfect Union, establish Justice, insure domestic Tranquility, provide for the common defense, promote the general Welfare, and secure the Blessings of Liberty to ourselves and our Posterity, do ordain and establish this Constitution for the United States of America* (Преамбула Конституции США).

Интересно, что американский закон конструирует единение не только между современниками, но и проводит нить преемственности между поколениями американцев (*secure the Blessings of Liberty to ourselves and our Posterity*). Актором принимаемой Конституции становится страна в целом, включая будущих граждан. Эпитет *domestic* указывает на внутригосударственный характер отношений, закрепленных в принимаемой Конституции. В то же время эксплицитное указание на многонациональный состав американского народа отсутствует.

Полагаем, что топос единства выступает в качестве ключевого в Конституциях РФ и США. Пользуясь методом толкования топосов, основанном на построении условных суждений [Reisigl, Wodak 2001: 75], предлагаем сформулировать топос единства следующим образом:

Если некоторые социальные акторы едины, это приводит к всеобщему благополучию. Следовательно, следует стремиться к единению.

Результатом народного единства представлены благополучие и процветание стран. В преамбулах Конституций топос единства выражен инклюзивными местоимениями «мы» (*Мы, многонациональный народ Российской Федерации*) и «we» (*We the People of the United States*), а также лексическими средствами с семантикой единения (*соединенные общей судьбой, мир, согласие, единство, общепризнанных принципов, common defense, general Welfare*).

Топос единства выделяется и непосредственно в текстах ряда статей Конституции РФ (ст. 3, 13, 29). Статьи 13 и 29 формулируют императив единства от противного, запрещая национальную рознь. Запреты выражены эксплицитно глагольными формами

в настоящем времени (запрещается, не допускаются):

(3) **Запрещается** создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, **разжигание** социальной, расовой, **национальной** и религиозной **розни** (ст. 13 Конституции РФ).

(4) **Не допускаются** пропаганда или агитация, возбуждающие социальную, расовую, **национальную** или религиозную **ненависть и вражду**. **Запрещается** пропаганда социального, расового, **национального**, религиозного или языкового **превосходства** (ст. 29 Конституции РФ).

Топос единства страны просматривается и в тексте Конституции США:

(5) *The Congress shall have Power to lay and collect Taxes, Duties, Imposts and Excises, to pay the Debts and provide for the **common Defence and general Welfare of the United States**; but all Duties, Imposts and Excises shall **be uniform throughout the United States*** (The Constitution of the US, Article I, Section 8).

Лингвистическими средствами выражения топоса единения в данном примере являются предлог с пространственно-временным значением (*throughout*) и прилагательные с семантикой единения (*common, general, uniform*). Отметим, однако, что пример из американского закона иллюстрирует скорее единство правоприменительных практик, тогда как эксплицитные констатации национального единства в американской Конституции отсутствуют.

3.2. Межнациональные отношения и топос равноправия

В связке с основным топосом единства выступает топос равноправия. Императив равенства людей всех национальностей реализуется через эксплицитную констатацию, посредством суждения в настоящем времени (*Государство **гарантирует равенство** прав и свобод человека и гражданина **независимо от** пола, расы, **национальности**, языка, происхождения <...>* (ст. 19 Конституции РФ)), а также посредством отрицания национального превосходства (см. ст. 29, процитированную выше).

Американская Конституция также актуализирует топос равноправия и содержит подобное положение, гарантируя право голоса независимо от расы и цвета кожи:

(6) *The right of citizens of the United States to vote **shall not be denied** or abridged by the United States or by any State **on account of***

race, color, or previous condition of servitude (The Constitution of the US, Article XV (Amendment 15 — Rights of Citizens to Vote)).

Топос равноправия в текстах Конституций РФ и США реализуется не только посредством констатации равенства граждан страны, но и посредством указания на равенство административных единиц стран — субъектов РФ и штатов США:

(7) *Российская Федерация состоит из республик, краев, областей, городов федерального значения, автономной области, автономных округов — равноправных субъектов Российской Федерации* (ст. 5 Конституции РФ);

(8) *The United States shall guarantee to every State in this Union a Republican Form of Government, and shall protect each of them against Invasion; and on Application of the Legislature, or of the Executive (when the Legislature cannot be convened) against domestic Violence* (The Constitution of the US, Article IV, Section 4).

Как и в российском документе, в тексте Конституции США топосы могут получать языковое выражение от противного. Использование отрицательных конструкций (*no person, no State*) со значением запрета, реализующих топос равноправия, придает утверждению абсолютный характер и ставит штаты в равное положение:

(9) *No State shall enter into any Treaty, Alliance, or Confederation; grant Letters of Marque and Reprisal; coin Money; emit Bills of Credit; make any Thing but gold and silver Coin a Tender in Payment of Debts; pass any Bill of Attainder, ex post facto Law, or Law impairing the Obligation of Contracts, or grant any Title of Nobility* (The Constitution of the US, Article 1, Section 10).

Предлагаем сформулировать топос равноправия так:

Если социальные акторы равны, это позволяет избежать внутренних конфликтов и приводит к всеобщему благополучию. Следовательно, следует обеспечить равенство акторов.

В Конституции РФ в качестве отдельных акторов межнациональных отношений упоминаются коренные малочисленные народы (ст. 69) и национальные меньшинства (ст. 71, 72), защиту прав которых гарантирует государство:

(10) *Российская Федерация гарантирует права коренных малочисленных народов в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации* (ст. 69 Конституции РФ).

В отличие от коренных народов России, которые конструируются в тексте Конститу-

ции РФ как неотъемлемая часть национального богатства, индейцы, коренное население США, представлены в Конституции США как отдельная группа акторов. К примеру, племена индейцев упоминаются наравне с иностранными государствами, порядок торговли с которыми устанавливает Конгресс США:

(11) *The Congress shall have Power <...> To regulate Commerce with foreign Nations, and among the several States, and with the Indian Tribes* (The Constitution of the US, Article I, Section 8).

В другом фрагменте Конституции США индейцы выделяются в отдельную группу, не облагаемую налогом, и таким образом получают особый статус, исключаящий их из американского народа как коллективного актора:

(12) *Representatives and direct Taxes shall be apportioned among the several States which may be included within this Union, according to their respective Numbers, which shall be determined by adding to the whole Number of free Persons, including those bound to Service for a Term of Years, and excluding Indians not taxed, three fifths of all other Persons* (The Constitution of the US, Article I, Section 2).

3.3. Межнациональные отношения и топос верховенства закона и международного права

В Конституциях РФ и США реализуется также топос верховенства закона и международного права, который является универсальным и может быть сформулирован следующим образом:

Если социальные акторы следуют закону и нормам международного права, то права и свободы всех социальных акторов защищены. Следовательно, необходимо соблюдать нормы международного права.

Благодаря своей универсальности этот топос способствует созданию репрезентаций разной направленности. В Конституции РФ правовые основы выступают как основа российской государственной системы в целом:

(13) *Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора* (ст. 15, п. 4 Конституции РФ).

Однако ссылка на верховенство международного права встречается и в контексте репрезентации межнациональных отношений. Так, в статье 69 Конституции РФ (см. пример 10 выше) права малочисленных на-

родов гарантируются не только российским, но и международным правом. Таким образом, международное право выступает в качестве посредника между государством и народами некоторых национальностей.

В Конституции США акторы внутригосударственных правовых отношений представлены безотносительно к их национальной принадлежности. К примеру, судебная власть регулирует все споры между двумя или более штатами; между штатами и гражданами другого штата, между гражданами разных штатов, между гражданами одного штата, а также между штатом или его гражданами и иностранными государствами, гражданами или субъектами:

(14) *The judicial Power shall extend to all Cases, <...> to Controversies to which the United States shall be a Party; — to Controversies between two or more States; — between a State and Citizens of another State; — between Citizens of different States; — between Citizens of the same State claiming Lands under Grants of different States, and between a State, or the Citizens thereof, and foreign States, Citizens or Subjects* (The Constitution of the US, Article III, Section 2).

4. Заключение

Внутригосударственные межнациональные отношения выступают в качестве предмета дискурсивного конструирования как в российской, так и в американской Конституции. Репрезентации в обоих текстах базируются на основных топосах: топосе единства, топосе равноправия и топосе верховенства закона и международного права. Несмотря на универсальный для обеих Конституций характер выделенных топосов и схожесть используемых языковых средств, реализация топосов в текстах законов обнаруживает национальную специфику.

В то время как Конституция РФ эксплицитно констатирует национальное единство и запрет межнациональной розни, Конституция США делает акцент на единении вокруг таких ценностей, как совместная оборона и общее благополучие народа. Топос равноправия людей разных национальностей актуализируется как в российской, так и в американской Конституциях. Причем в обеих Конституциях наряду с национальным равенством констатируется и равенство административных единиц. Специфика конструирования межнациональных отношений в

рассматриваемых законах состоит в том, какие репрезентации получают коренные народы двух стран. В российском законе коренные народы представлены как самобытная и ценная группа, интегрированная в общее правовое пространство, а американская Конституция дает индейцам статус особой группы и исключает их из состава американского народа, приравнивая к иностранцам. Топос верховенства права представляется универсальным для обеих Конституций, но только в российском документе есть ссылка на верховенство международного права в контексте межнациональных отношений. Таким образом, российское государство допускает свое подчинение международному праву в вопросах построения межнациональных отношений, тогда как американское государство оставляет эту сферу закрытой для внешнего вмешательства.

Перспективы изучения юридического дискурса в аспекте конструирования межнациональных отношений лежат в выявлении специфики дискурсивного конструирования межнациональных отношений на межгосударственном уровне посредством репрезентаций, закрепленных в законодательстве разных стран.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дубровская Т. В. Юридический дискурс как предмет социального конструкционизма (конструирование межнациональных отношений) // Вестн. Кемеров. гос. ун-та. 2016. № 3. С. 117—123.
2. Замотина Е. И., Дубровская Т. В. Топосы юридического дискурса (на примере российского и американского миграционного законодательства) // Проблемы гуманитарного образования: филология, журналистика, история. — Пенза : Изд-во ПГУ, 2015. С. 229—232.
3. Кожемякин Е. А. Юридический дискурс // Дискурс-Пи. 2013. Т. 10, № 3. С. 126—127.
4. Конституция РФ. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=2875> (дата обращения: 17.09.2016).
5. Конституция США. URL: http://www.senate.gov/civics/constitution_item/constitution.htm (дата обращения: 17.09.2016).
6. Baker P., Ellece S. Key terms in discourse analysis. — London : Continuum, 2011.
7. Richardson J. E. (Mis)Representing Islam: the racism and rhetoric of British broadsheet newspapers. — Amsterdam : John Benjamins, 2004.
8. Van Dijk T. A. Politics, Ideology, and Discourse // Encyclopedia of Language and Linguistics. — Amsterdam : Elsevier, 2006. P. 728—740.
9. Reisigl M., Wodak R. Discourse and Discrimination. Rhetorics of Racism and Anti-Semitism. — London : Routledge, 2001.

E. I. Zamotina, T. V. Dubrovskaya
Penza, Russia

**INTERETHNIC RELATIONS IN LEGAL DISCOURSE: REPRESENTATIONS AND TOPOI
(BASED ON RUSSIAN AND AMERICAN CONSTITUTIONS)**

ABSTRACT. *The paper focuses on discursive construction of international (interethnic) relations based on the data of Russian and American Constitutions. The authors view legal discourse as a socially constructive phenomenon and apply Critical Discourse Analysis. The analysis is aimed at revealing typical representations of normative interethnic relations as they are constructed in legal discourse in the two countries, the main analytical categories being social actors, representations and topoi. The results of the study demonstrate that intrastate interethnic relations involve heterogeneous social actors: nationalities as abstract entities, native people and the state. The topoi that are universal for both Constitutions include the topos of unity, the topos of equality and the topos of the rule of law. However, they are actualized in the legal texts in nationally specific ways. The Constitution of Russia explicitly states national unity and forbids ethnic dissention, while the Constitution of the USA emphasizes unity based on the value of national welfare. The specifics of the construction of interethnic relations concern representations of native people in both countries. In the Russian document they are represented as a group that is integrated in common legal space, while the American document excludes the Indians from the American people, making them equal to foreigners. The Russian document refers to the rule of law in the context of interethnic relations, and the American state keeps this sphere inaccessible to external intervention.*

KEYWORDS: *interethnic relations; legal discourse; representation; topos; social actor; linguistic means.*

ABOUT THE AUTHOR: *Zamotina Evgenya Igorevna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of English Language, Penza State University, Penza, Russia.*

ABOUT THE AUTHOR: *Dubrovskaya Tatiana Viktorovna, Doctor of Philology, Associate Professor, Head of Department of English Language, Penza State University, Penza, Russia.*

REFERENCES

1. Dubrovskaya T. V. Yuridicheskiy diskurs kak predmet sotsial'nogo konstruksionizma (konstruirovaniye mezhnatsional'nykh otnosheniy) // Vestn. Kemerov. gos. un-ta. 2016. № 3. S. 117—123.
2. Zamotina E. I., Dubrovskaya T. V. Toposy yuridicheskogo diskursa (na primere rossiyskogo i amerikanskogo migratsionnogo zakonodatel'stva) // Problemy gumanitarnogo obrazovaniya: filologiya, zhurnalistika, istoriya. — Penza : Izd-vo PGU, 2015. S. 229—232.
3. Kozhemyakin E. A. Yuridicheskiy diskurs // Diskurs-Pi. 2013. T. 10, № 3. S. 126—127.
4. Konstitutsiya RF. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=2875> (data obrashcheniya: 17.09.2016).
5. Konstitutsiya SShA. URL: http://www.senate.gov/civics/constitution_item/constitution.htm (data obrashcheniya: 17.09.2016).
6. Baker P., Ellece S. Key terms in discourse analysis. — London : Continuum, 2011.
7. Richardson J. E. (Mis)Representing Islam: the racism and rhetoric of British broadsheet newspapers. — Amsterdam : John Benjamins, 2004.
8. Van Dijk T. A. Politics, Ideology, and Discourse // Encyclopedia of Language and Linguistics. — Amsterdam : Elsevier, 2006. P. 728—740.
9. Reisigl M., Wodak R. Discourse and Discrimination. Rhetorics of Racism and Anti-Semitism. — London : Routledge, 2001.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Н. Д. Голев.

Н. Н. Лыкова
Тюмень, Россия

**ТЕРМИНОЛОГИЯ ПРАВОСУДИЯ В СТАРОФРАНЦУЗСКОМ И ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКАХ:
СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ**

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается терминология понятийной сферы «Правосудие» в старофранцузском и древнерусском языках. В изучаемой понятийной сфере выделяется четыре понятийных ядра: юрисдикция, судебные учреждения; субъекты права; следствие по делу; судебное разбирательство. Сравнивается терминология каждой понятийной группы, выявляются общие черты и черты, специфичные для каждой складывающейся терминологии. Расхождения анализируются в количественном и качественном аспектах. При анализе терминов устанавливаются особенности, касающиеся формы, семантики терминов и их эквивалентности понятийной структуре. В частности, формальный анализ позволил выявить продуктивные суффиксы, используемые для образования производных терминов, и особенности префиксального терминоподобия в начальный период формирования терминологии права в русском и французском языках. При анализе семантики обнаружены характерные особенности синонимичных и дублетных терминоподобия, выявлена специфика многозначных лексем и метафорических обозначений. Рассмотрены особенности дефиниций терминов в ранних правовых текстах. При анализе эквивалентности терминологий понятийной структуре выявлено различие в степени терминологической разработанности отдельных подгрупп и наличие лакун, отсутствие средств языкового выражения некоторых правовых понятий.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: терминология права; термин; сопоставление; старофранцузский язык; древнерусский язык.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Лыкова Надежда Николаевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры французской филологии Института филологии и журналистики Тюменского государственного университета; 625003, г. Тюмень, ул. Республики, 9; e-mail: nlykova@utmn.ru.

Терминология правосудия относится к одной из доминантных понятийных сфер права. В юриспруденции правосудие понимается как форма государственной деятельности, заключающейся в рассмотрении и разрешении судом отнесенных к его компетенции дел [БЮС 2001: 469]; оно опирается на право, т. е. систему общеобязательных социальных норм, правил поведения, установленных обществом. Общее представление о правосудии может быть отражено в концептуальной системе, состоящей из нескольких тематических структур, содержащих основную, типическую информацию, ассоциированную с тем или иным концептом. На наш взгляд, понятийная сфера «Правосудие» включает в себя четыре понятийных ядра: 1) юрисдикция, судебные учреждения; 2) субъекты права; 3) следствие по делу; 4) судебное разбирательство.

Сопоставительный анализ терминологии правосудия в старофранцузском и древнерусском языках, который предпринят в данной статье, опирается на проведенное автором исследование начального периода формирования терминологии права как отдельного пласта специальной лексики в русском и французском языках [Лыкова 2005]. Сопоставление помогает выявить общие и специфичные черты, характеризующие ранний период существования данной терминологии в изучаемых языках.

Если сопоставить терминогруппу, в которую входят лексемы, номинирующие юрисдикцию, округ в старофранцузском и древнерусском языках, то обнаруживаемое сходство проявляется в том, что и в старофранцузском, и в древнерусском языке права в этой группе используются, с одной стороны,

общие термины (*bandon, destroit, dition, justice, obeissance, part, pooir, poroffe / земля, волость, область, удел*) и, с другой стороны, термины конкретные, уточняющие, под чьей юрисдикцией находится округ (*bail, banissement, chastelenie, conté, duchee, finage, justicerie, vestiaire, visconté, voerie / земля княжая, княжщина*). Наблюдаемые расхождения касаются количественного состава данной группы: так, во французском языке она включает 21 единицу, а в русском — 10 единиц. При формальном анализе обнаруживается, что в обоих языках представлены как непрямые (*bail, destroit, justice, pooir, poroffe / волость, город, земля, область*), так и производные однословные термины (*banissement, bandon, chastelenie / княжщина, посад, присуд*), образованные суффиксально-префиксальным способом. Старофранцузские термины этой подгруппы образуют, кроме того, словообразовательные гнезда: *bandon — banissement — embanir; justice — justiciable — justifier*.

Терминоподобия суда (трибунала) представлены в обоих языках. В старофранцузском языке права их одиннадцать. Это однословные термины, и большинство их не уточняет вид суда, т. е. они выступают как дублетные, не дифференцируя отдельные признаки объекта, как например, *audience, cort, jugement, justicerie, justice, oiance, plet*. Тогда как в древнерусском языке права терминоподобия суда группируются вокруг одной лексемы (*суд*) и представляют собой составные адекватные термины, состоящие из двух компонентов, второй из которых уточняет состав суда, его местонахождение, специализацию: *суд княж (княжий), суд владычный, волостной, городской, посадничий,*

суд общий (волчий), смесный, торговый. Уже в ранних французских правовых текстах специализация, правомочность суда маркируется терминологически: *haute justice / basse justice*. Многозначность терминов, составляющих эту группу, свойственна обоим языкам. Так, все старофранцузские однословные термины обладают несколькими значениями, от двух (*cohue, justicerie*) до пяти (*cort, justice*), причем, как правило, лишь одно или два значения связывают их с правовой областью. Исключение составляет только термин *justice*, все значения которого относятся к правовой сфере, таким образом, изначально этот термин обладает исключительно юридической принадлежностью. В древнерусском же языке многозначность лексемы *суд* связана с областью права, она снимается за счет ее вхождения в состав атрибутивных словосочетаний (см. выше).

В группе терминов, номинирующих субъектов права, отмечается, что в обоих языках эти термины отличаются двойной или тройной принадлежностью, т. е. принадлежностью к общему языку и/или другому специальному языку и языку права. По своему происхождению терминообозначения феодалов в старофранцузском языке восходят к понятию 'человек' (*baron, seigneur*), а в терминологии зависимых от феодала лиц признак антропоцентричности не выявляется. Косвенно это подтверждает, что в средневековом сознании сохраняется память о прежних воззрениях, когда владение кем-либо приравнивалось к владению вещью. В этой группе выделяется родовой термин (*serf*) и видовые, уточняющие вид крепостной или иной зависимости (*amoissonneur, aloat, faidif, mansionnaire*). В древнерусском языке права признак антропоцентричности характеризует не только терминообозначения феодала, но и терминологию лиц, зависимых от него: *княж муж, свободен муж, людин / люди, холоп, челядин, челядь, смерд*. Во французском языке наименование крепостного отражает традицию заимствования этого названия у других народов [ср. Бенвенист 1995: 235—236], тогда как древнерусский язык нарушает эту традицию: здесь все слова с этим значением являются исконными и восходят к наименованиям детей и подростков, наименее защищенных в правовом отношении, имеющих меньшие права [см. Трубачев 2002: 221]. При сравнении форм обнаруживается, что производные термины этой группы в обоих языках образованы с помощью морфологических способов словообразования, в основном за счет суффиксации (*chastelain, mansionnaire / челядин, рядович, наймит, огнищанин*). При наименовании

субъектов права в древнерусском языке широко используется суффикс единичности *-ин* (*огнищанин, дворянин, людин, челядин*). Во французском языке отмечается, кроме того, субстантивация прилагательных или причастий (*faidif, feutable, reseant, soplast*) и словосложение (*mainmuable, mainpast*). В древнерусском языке очень часто термин, обозначающий субъекта права, входит в состав терминологических сочетаний, уточняющих статус данного лица (*холоп одерноватый, полный, княж; муж княжий, свободен*). Этот вид терминообразования встречается и в старофранцузском языке (*home coustumier*), но на начальном этапе становления этой терминогруппы для обозначения зависимого лица в старофранцузских правовых текстах используются преимущественно однословные термины.

Следствие по делу состоит из нескольких этапов: возбуждение дела, предварительное следствие и судебное следствие. И в старофранцузских, и в древнерусских правовых документах терминологически не различаются предварительное следствие и судебное следствие, что свидетельствует о недостаточной дифференцированности этого понятия в изучаемый период в обоих языках. В сопоставляемых языках внутренняя форма слов, использующихся в качестве обозначения оснований для возбуждения дела, отражает устный характер жалобы или иска (*claim, complainte, deplaint, querele, reclaim / жалоба*). В древнерусском языке специфично то, что к этому признаку добавляется еще наименование действия: *иск*. Кроме этого, не только словесное, но и конкретное физическое действие знаменуют начало обращения за помощью правосудия: *челобитье*. Данная терминогруппа в старофранцузском языке более объемна, она включает четырнадцать однословных терминов со значением 'жалоба, иск', а в древнерусском языке их всего четыре. Отличительной чертой старофранцузских терминов этой подгруппы являются словообразовательные гнезда: *claim — clamer — reclaim, complainte — deplaint — deplandre — plainte*. В номинации иска, жалобы обоим языкам свойственна синонимическая вариативность. Синонимия ранних терминообозначений объясняется особенностью мысли подмечать общее, сходное, подобное при познании предметов и явлений, но это явление имеет некоторые отличия в сравниваемых языках. Так, например, старофранцузские правовые документы свидетельствуют о том, что некоторые синонимы были не абсолютными, а относительными и уже различались терминологически, как например: *claim — demande —*

complainte, а в древнерусских текстах подобного различия не было обнаружено.

К качественным расхождениям относим выделяемую в старофранцузском языке права довольно представительную группу слов с общим значением 'расследование, следствие, дознание'. В нее входит 17 субстантивных и глагольных однословных единиц. В древнерусском же языке права подобную терминоподгруппу выделить не удалось. Старофранцузские термины, образующие эту группу, восходят к идее розыска и преследования и формируют словообразовательные серии: *enquête* — *enquêter* — *esquerre* — *inquisition* — *quise*; *porsuire* — *porsivement*.

В обеих культурах дознание включало в себя такие операции, как розыск, допрос, процедуру проведения очной ставки и судебного поединка. В процедуре *розыска* также выделяются общие этапы: оповещение о краже, розыск от владельца к владельцу. Терминология розыска в обоих языках представлена в основном составными терминами, описывающими динамику данной правовой ситуации: *lever le cri apres lui*, *aler de garantisseeur jusques à sept / a заклучють и на торгу, а заповесть на торгу, след гнати, по верви искати татя*. Они употребляются, как правило, не только в языке права, но и в общем языке, т. е. относятся к терминам двойной принадлежности.

Допрос в древнем праве был связан с применением пыток, которые служили средством получения признания. Признание было основным элементом следствия и выступало в качестве основного доказательства вины. Терминология допроса, соединенного с пыткой (*question*, *question préparatoire*, *question definitive*, *enquerre*, *examiner*), и вытекающего из него признания (*aveu*, *gehine*, *metre a gehine*, *ferre cognoissance*, *repentir*) была развита в старофранцузском языке права и фактически отсутствует в ранних памятниках древнерусского права, появляясь лишь в документах XIV—XV вв. В пытке, пишет М. Фуко, как будто смешались акт расследования и элемент наказания, поскольку она рассматривается как способ дополнения доказательства и как одно из наказаний [Фуко 1999: 63].

Ордалии, судебные поединки могут рассматриваться как реликт древней правовой деятельности, основой которой была идея божественного воздаяния по справедливости. Судебные поединки практиковались в разрешении спорных вопросов и в том, и в другом социуме, что нашло свое отражение в соответствующей терминологии, представленной преимущественно составными

терминами в обоих языках: *bataille*, *champ de bataille*, *bataille cors à cors*, *esgarder une bataille*, *jugier une bataille*, *maler*, *champ malé*, *torne(s) de (la) bataille*, *gages de bataille*, *tenir bataille / битися на поле, на поле лезем, смав на поле, поле присужати*. В этих лексемах проявляется архаизирующая функция терминов, поскольку они отражают предшествующую правовую ситуацию, которая находится в состоянии исчезновения в изучаемый период и не одобряется законодателем, королевской властью: *Li Rois deffent les batailles en son demaine par ses establissemens* [Louis II, 38: 637].

Терминология *судебного разбирательства* включает в себя ряд терминоподгрупп, не все из которых в равной мере представлены в обоих языках. В терминоподгруппе «Вызов в суд» в старофранцузском языке (8 однословных терминов) преобладают глагольные термины, противопоставляющие устный и письменный характер вызова или же опирающиеся на идею принуждения или близости: *avochier*, *somement*, *voer / descrire / traire*, *traitier / aprismier*, *aproismier*. В древнерусском языке терминов этой группы немного, и они представлены однокоренными словами (-зов-) разной частеречной принадлежности: *позов*, *позовка*, *позывати*.

Терминоподгруппа *судебного процесса* в обоих языках включает обширную группу терминов (около 20), номинирующих собственно судебный процесс, его организацию, судебное дело. Большинство старофранцузских терминов общего характера, связанных с проведением судебного процесса, восходят к двум латинским основам (*placitum* и *jus*, в том числе через народную словообразовательную основу -judge-): *plaid*, *pledeis*, *plaidier*, *plaidoier / fere justice*, *jugier*, *desjugier*, *ajugier*, *besjugier*, *mesjugier*. В древнерусском языке права эта терминология группируется вокруг слов *суд* и *правда*, последнее отражает понимание суда как суда правого, справедливого: *суд*, *судити*, *судом судити*, *дати ему правду* 'удовлетворить судом'. Так же как и в старофранцузском языке, древнерусская юридическая практика еще не выработала понятие предварительного следствия, и термины *суд* и *судити* имели синкретичное значение: 'следствие, в ходе которого собираются необходимые доказательства', и 'судебное заседание', и 'право вести процесс' [Благова 1998: 28]. Процессуальное действие обращения в суд передается глаголами: *иматися за* 'судиться за', *утягати* 'добиваться судом'.

В старофранцузском языке широко представлена терминология *лиц, защищающих интересы тяжущихся сторон* (14 единиц).

В основе наименования большинства из них лежит десигнативный признак говорения: *avant-parlier, conteor, emparleor, plaidif, plaideis, plaideor, voé*. Среди этих терминов встречаются как синонимы (*avocat* и *avant-parlier*), так и дублиеты. В древнерусском языке терминология лиц, представляющих интересы сторон в суде, не выявлена (отсутствуют), таким образом, отмечается лакуна, незаполненное пространство данной понятийной сферы.

Для обозначения *истца* (и *ответчика*) старофранцузский язык права располагает многочисленными лексемами, которые образовывались по модели «глагольная основа + именной суффикс *-eor, -eur* (или *-if*), указывающий на производителя действия»: *apeleor, clameor (clamif), defendeur (defenderes), demandeur, plaideor, plaintif, proveor, questor, respondeor, suitor, vocheor* или путем субстантивации герундия или причастия настоящего времени: *plaignant, requerant*. Внутри этой группы обнаруживаются гиперпонимические отношения. В качестве родового термина выступает лексема *partie*, она применяется по отношению к обоим тяжущимся сторонам. В древнерусском языке права лица, участвующие в судебном процессе (истец и ответчик), именовались одним термином (*истец*), что является показателем недостаточной дифференциации этого понятия в указанную эпоху. Термин, обозначающий вторую сторону в процессе, появится лишь в более поздних текстах.

Терминология *судьи* в старофранцузском языке (15) отличается развитой синонимикой, в них выделяются отдельные характеристики объекта. В основу знакообозначения терминов этой группы положены десигнативные признаки говорения (*disor, jureor, voirjuré*), права, справедливости (*droiturier, juge, justice, justiceor*), принятия решений (*arbitre, plaideor*), знания (*connoisseur*), поиска истины (*inquisiteur*), владения (*terrier*). В древнерусском же языке в качестве основного используется один термин (*судья*), который употреблялся как родовый, а атрибутивные терминологические сочетания с этим словом — как видовые: *судья волостной, городской, земский, княжий, митрополит, монастырской, общий, вопчий, съезжий* [Кочин: 462].

Синонимия и специализация синонимов характерна и для наименований *свидетелей* (6 однословных терминов) в старофранцузском языке. Так, термины *tesmoigneor, testimoine* восходят к латинскому *testis* 'свидетель, очевидец', то есть это тот, кто видел и может рассказать. Термином *jureor, jureur* обозначались свидетели, которые приходи-

ли в суд подтвердить клятвой невиновность обвиняемого. У термина *recordeor* также существовала специализация, он применялся по отношению к свидетелям, присутствующим при отправлении сержантами определенных правовых актов. Для обозначения лжесвидетеля применялся термин с ясно выраженной внутренней формой: *faussonier*. В древнерусском языке права также существовало несколько терминологических свидетельств, но чаще всего употреблялся термин *послух*. В обоих языках термины со значением 'свидетельские показания, свидетельство', 'свидетельствовать' образованы от наименования свидетелей, а наименование лжесвидетеля и лжесвидетельства отличается негативной оценочностью, отражая сходное восприятие этого явления в разных культурах.

Значимым для древнего права было понятие *клятвы, присяги*, поэтому соответствующая терминология выделяется в обоих языках, она представлена однословными и составными (глагольными) терминами. Национальные особенности в понимании этого понятия проявляются в том, что старофранцузский язык в клятве выделяет признак словесного действия: *juror seor sains, fere le serement, conter par serement*, а древнерусский — действия физического: *зарок, рота, ити на роту, ротитися, целовати крест*. Термины *рота, ротитися* — одного корня с лексемами *рать, ратитися* 'борьба', 'драться'.

В группу терминов старофранцузского языка, передающих понятие об *обвинении*, входят лексемы, обозначающие обвиняемого, обвиняющего, действие обвинения и результат этого действия. В этой многочисленной группе значительная часть субстантивных терминов представляет собой производные от глагольных терминов той же группы, например, *encuser, accuser* — *encusement, acuse, encuseor*. Терминогруппа обвинения в древнерусском языке права четко не выделяется, представлены лишь отдельные лексемы, отражающие некоторые стороны обвинения (*вывести виру, свержет виру, повинити*). Наиболее широко представлены обозначения ложных обвинений: *клепати, облыгати, поклеп, прирок*. Наблюдается, таким образом, качественное и количественное расхождение в терминологии этой подгруппы.

Заключительной фазой судебного следствия является *вынесение приговора* или *решения по делу*. В старофранцузском языке права приговор и решение суда обозначаются одним термином *jugement*, который может конкретизироваться добавлением к

нему уточняющего определения (*li communs jugementz, li jugementz capital*). Терминология вынесения приговора отражает процесс принятия решения и возможности подачи апелляции. Отдельная совокупность терминов номинирует такое явление, как вынесение неправильного, ошибочного, несправедливого приговора (*ferre faus jugement, fausser jugement*). К отличительным чертам этих терминогрупп в изучаемых языках относится отсутствие в самых ранних памятниках русского права («Русская правда») терминологии, связанной с принятием судебного решения, однако в более поздних документах появляются отдельные термины для обозначения письменного решения суда и устного его объявления (*судная грамота, судница дати сказывати суд, приговор, отсудити*). Апелляция судебного решения не предусматривалась. Терминология этого этапа судебного разбирательства в древнерусском языке права находится еще в зачаточном состоянии, поскольку, видимо, в сознании отправляющих правосудие этот этап из общей процедуры отчетливо не выделялся, он воспринимался как естественное ее продолжение и часто носил материальный или действенный характер: возврат вещи, предмета, денежный штраф, судебный поединок.

При анализе терминов, образующих терминосферу «Правосудие» в старофранцузском и древнерусском языке права, можно установить ряд особенностей, касающихся а) формы, б) семантики терминов и в) их эквивалентности понятийной структуре (терминополю).

При формальном анализе обнаруживается, что в обоих языках однословные термины представляют собой непрямые производные лексемы, образованные средствами родного языка, путем семантической деривации или аффиксации. Среди суффиксальных производных в сопоставляемых языках широко употребляются суффиксы со значением лица, деятеля: так, во французском языке — *-or, -eor, -ier* (*clameor, jugeor, suitor, droiturier*), в русском — *-ец, -ок, -ин, -ник, -щик* (*истец, видок, огнищанин, мечник, недельщик*). Из других суффиксов старофранцузского языка в разных терминогруппах, характеризующих правосудие, продуктивен многозначный суффикс *-(e)ment*: *ametement, banissement, demenement, encolpement, jugement, porsivement, serjantement, somement, voement*. Особенностью префиксального словообразования терминов, входящих в данную терминологию в старофранцузском языке, является возможность присоединять разные префиксы к одной производящей основе, формируя таким образом префик-

сальные серии: *enquerre — esquerre — enquester — porquerre; ajugier — besjugier — desjugier — mesjugier*. Одна основа могла служить базой для производных разной природы: *ban — banissement — embanir*.

Другие способы словообразования в обоих языках являются менее продуктивными, тем не менее можно отметить такие способы, как регрессивная деривация (*claim, plait, reclaim, recort, ret / иск, довод, позов*), субстантивация причастий (*aloé, juré, garant, plaignant, requerant, reseant, traite*) и прилагательных (*sopost, citeain, faidif / полишное*). Несколько терминов представляют собой результат словосложения по моделям «N + N» (*mainpast, voirjuré / челобутье*), «N + Adj» (*mainmuable*), «Adv + N» (*avant-parlier*).

В обоих языках представлены составные термины, среди которых можно выделить субстантивные словосочетания с разным количеством компонентов (*champ de bataille, torne(s) de (la) bataille, gages de bataille, cors à cors, champ malé*). В древнерусском языке права отмечается также большое количество адъективных словосочетаний, служащих для дифференциации понятия: *суд княжий, холоп обельный, мужи судные, добрые люди*. Однако большую часть составных терминов в сопоставляемых языках составляют глагольные сочетания: *ferre jugement, ferre plainte, ferre claim, metre en l'enquete, metre en voir, porter garentie, tenir bataille, tourner garents / битися на поле, стати на поле, дати правду, ити на роту (ити роте), след знати, ждати прока, ставити перед князем, целовати крест*. Глагольные словосочетания могли включать факультативные единицы, образуя варианты конструкции: *ferre droit jugement — ferre faus jugement, rendre jugement — rendre loyal jugement*.

В сопоставляемых языках отмечается не только синтаксическая, но и графическая (*lignée, lignie, lignage, lygnage; bastar, bastart, bastard / мятельник, метельник, метальник; рома, рума*) и морфологическая вариативность форм (*lignage, lignerie, lign; bast, bastart; juge, jugeor / истец, ищия; позов, позовка; судебница, судебня*), обусловленная не выработанными еще нормами графики, разными способами записи, принятыми разными школами, отражающими, возможно, особенности местного, диалектного произношения или фиксирующими региональные формы.

При анализе семантической стороны отмечаем, что в обоих языках широко распространены синонимичные или дублетные терминообозначения в каждой из выделенных терминогрупп, причем синонимичными могут быть не только однословные термины,

но и составные: *ferre plainte* — *ferre claim* — *clamer haussage*; *tourner garen* — *lever garen*; *traire à tesmoing* — *lever un tesmoing*; *ferre faus jugement* — *fausser jugement*. Синонимом аналитического образования может быть синтетическая форма: *ferre claim* — *clamer*, *ferre plainte* — *se plaindre* / земля княжая — княжщина, слуга дворный — дворянин. Л. Л. Кутина, объясняя особенности синонимии на начальном этапе формирования терминологии, подчеркивает, что контекст, играющий двоякую роль (отождествляющую и дифференцирующую), в этом случае выполняет только отождествляющую функцию, и эта отождествляющая сила идет от понятия, с которым соединяется знак [Кутина 1970: 87].

В выделенных терминологических группах во французском языке довольно часто встречаются аналитические модели с глаголом действия: *faire* + N. В лингвистической литературе отмечается, что это выражение, восходящее к латинскому «*facere* + N», свойственно неороманскому языку, часто употребляется в поздней латыни и достигает триумфального преобладания в романских языках. Выделяют две разновидности этой аналитической модели: 1) модель, в которой группа составляющих равна одному синтетическому глаголу, и 2) устойчивые перифразы, в которых глагол действия замещают другие глаголы в составе аналитической модели, приобретая зачастую идиоматическое значение. В первой модели наблюдается синонимичность перифразы и однокомпонентной формы, во второй — нет [Зеликов 2001: 111]. В нашем случае отмечаются аналитические модели первого типа, они относятся к древнейшим аналитическим образованиям, им свойственна функциональная эквивалентность синтетическим формам, относительная свобода структурных компонентов, возможность расширения конструкции: *juger* — *ferre jugement* — *ferre droit jugement* — *ferre faus jugement*.

Большинство терминов, составляющих терминосферу «Правосудие», являются многозначными лексемами, когда лишь одним из значений лексема принадлежит области правосудия: *obeissance*, *part*, *pooir*, *reconoissance*. С другой стороны, выделяется ряд лексем, полисемия которых проявляется и внутри правового поля; так, например, правовой термин *justice* имеет пять значений, благодаря которым он может входить в разные правовые терминологические группы: 'наказание', 'правосудие', 'юрисдикция', 'суд', 'судья'. Многозначность может отмечаться внутри правовой терминологии или даже внутри одной терминологической группы, например,

термин *jugement*, благодаря своим значениям 'решение, приговор' и 'суд', входит в состав разных терминологических групп терминологии правосудия, *question* является многозначным внутри терминологической группы, поскольку обладает следующими значениями: 'допрос', 'следствие, соединенное с пыткой', 'пытка'; также как термин *testimonie* 'свидетель' и 'свидетельство, свидетельское показание'. В русском языке подобным примером может служить термин *суд*.

Таким образом, степень терминологичности языковой единицы может быть более или менее высокой, иначе говоря, терминологические семы могут быть представлены в слове в большей или меньшей степени. Так, например, почти половина однословных единиц, объективирующих концепт «Правосудие» в старофранцузском языке, имеет только терминологические семы в семантической структуре слова (46 %), другая половина характеризуется наличием терминологических и нетерминологических сем (47 %), небольшая часть единиц (7 %) не обладает собственно терминологическими семами (в основном в терминологической группе «Субъекты права»).

Среди особенностей, относящихся к семантике терминов данного терминополья, следует отметить наличие метафорических обозначений: *mont*, *lignée* / холоп, след гнати. Метафора дает возможность использовать потенции понятийной сферы-источника при концептуализации новой понятийной сферы [Чудинов 2001: 36]. Метафоры, выявленные в данных терминологических группах, во французском языке относятся к онтологическим (столкновение живого и неживого), а в русском — к структурным (использование одной понятийной сферы для номинации другой).

В ряде правовых терминов старофранцузского и древнерусского языка прослеживается негативная оценочность: *false*, *ferre faus jugement*, *fausser jugement*, *vilain* / клепаши, облыгати, поклеп, послушествовати лживо, причем в некоторых правовых терминах старофранцузского языка негативная оценочность передается морфологическими средствами: *bastard*, *besjugier*, *mesjugier*.

Уже в ранних правовых текстах обнаруживаются дефинированные термины, относящиеся к сфере правосудия. В древнерусских текстах таких терминов — единицы: *холопство обелное*, *суд княжий* [ПП, 110: 72; ПСГ, 1: 331], тогда как в старофранцузских текстах, опирающихся на римские законы и дающих прямые ссылки на них, подобных терминов больше, и они принадлежат разным терминологическим группам: «Юрисдикция, округ» — *haute justice*, *basse justice* [Beaum., 1642-3: 340—341], «Субъекты права» — *baron*

[Louis, II, 36: 633], «Лицо, представляющее интересы сторон в суде» — *procurateur, conteor, pledeor, avocat* [Louis, II, 8, 14: 577, 592], «Клятва» — *serement* [Louis, 1: 364], «Приговор, решение» — *jugemenz comuns, jugemenz capital* [Plet, XXV: 283]. Как правило, подобные «протодефиниции» представляют собой разъяснение понятия, выполненное в форме описания или перечня сторон, характеристик, составных элементов. Разъяснение вводится конструкцией с глаголом *appeler* 'называть, называться': *Procurateur est appellés cil qui...* — «Судебным стряпчим называют того, кто...» — или конструкциями с указательными местоимениями: *Li comun jugement sunt cil...* — «Общие решения — это ...», *Се суд княжей, ож...*

Что касается эквивалентности терминов понятийной структуре, то можно отметить, что и в русском, и во французском языке данная терминология представляет собой достаточно упорядоченное образование, в котором термины в целом соответствуют системе понятий, этот порядок задается существующей иерархией понятий. Однако эти терминологии в сопоставляемых языках не являются симметричными. Так, в русском языке на начальном этапе развития терминологии права отмечаются лакуны, отсутствие средств выражения некоторых понятий, таким образом, нарушается внутренняя понятийная связь внутри терминопольа («Расследование, следствие, дознание», «Допрос», «Признание», «Лицо, представляющее интересы сторон в суде»). В обоих языках отмечается отсутствие дифференциации понятий «предварительное следствие — следствие по делу»; в древнерусском языке в самых ранних текстах права: «истец — ответчик»; в старофранцузском языке права: «адвокат — обвинитель». Наблюдается также асимметрия внутри терминогрупп в обоих языках, выражающаяся в большей или меньшей терминологической разработанности отдельных подгрупп (терминогруппы «Обвинение», «Приговор» в древнерусском языке права представлены отдельными терминами), в различном объеме групп терминов, лишенных коннотативных значений, и терминов, в семантической структуре которых присутствует оценочность.

Степень систематизации правового материала, а значит и терминологии, различна в сопоставляемых языках. Старофранцузские тексты законов делятся на главы по тематическому принципу, заголовков которых анонсирует (более или менее подробно) содержание главы, например: *Ici commence li .LVIII. chapitres de cest livre liqeus parole de haute justice et de basse, et des cas qui*

apartient a l'une et a l'autre, et comment il est mestiers que chascuns euvre de sa justice [Beaum. LVIII: 340]. — «Здесь начинается 58-я глава этой книги, в которой говорится о высшем и низшем правосудии, которое каждый осуществляет в своем округе»; *Quex genz devient porter garentie et quex non* [Plet, 9, XV: 177]. — «Какие люди могут свидетельствовать в суде, а какие — нет». Главы подразделяются на статьи, и, таким образом, осуществляется предварительная классификация правового материала. Тогда как в древнерусских текстах законов деление на главы отсутствует и лишь некоторые статьи имеют краткие заголовки: *О княжи мужи. О своде. О холопе. О закупе* [ПП, 11, 36, 63, 64], *О поличном. О неправом суде. Указ наместником о суде городским* [Суд.1497, 13, 19, 37].

ИСТОЧНИКИ

1. ПП = Суд Ярославль Володимирич. Правда Русская. Пространная редакция // Российское законодательство X—XX вв. В 9 т. М.: Юридическая литература, 1984. С. 64—73.

2. ПСГ = Псковская Судная грамота // Российское законодательство X—XX вв. В 9 т. Т. 1. Законодательство Древней Руси / отв. ред. В. Л. Янин. — М.: Юридическая литература, 1984. С. 331—342.

3. Суд.1497 = Судебник 1497 года Лета 7006-го месяца септемвриа уложил князь Великий Иван Васильевич всяя Руси с детми своими и с бояры о суде, как судити бояром и околичим // Российское законодательство X—XX вв. В 9 т. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / отв. ред. А. Д. Горский. — М.: Юридическая литература, 1985. С. 54—62.

4. Beaum. = Beaumanoir Ph. De. Coutumes de Beauvaisis T. 1 / Texte critique publ. avec une introduction, un glossaire et une table analytique par Am. Salmon. — Paris: Picard, 1899. 512 p.

5. Louis = Les Etablissements de Saint Louis // Recueil général des anciennes lois françaises depuis l'an 420 jusqu'à la révolution de 1789 / par MM. Jourdan, Decrusy, Isambert. — Paris: Plon, s.a. T. 2: 1270—1308. P. 361—643.

6. Plet = Li Livres de Jostice et de Plet. / publ. par Rapetti. — Paris: F. Didot, 1850. LII, 451 p.

ЛИТЕРАТУРА

7. Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов: пер. с фр. / общ. ред. и вступ. ст. Ю. С. Степанова. — М.: Прогресс-Универс, 1995. 456 с.

8. Благова Н. Г. Лексика и фразеология памятников русского права XVII века: (На материале Уложения 1649 г.). — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1998. 104 с.

9. Большой юридический словарь = БЮС / под ред. А. Я. Сухарева, В. Е. Крутских. 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Инфра-М, 2001. 704 с.

10. Зеликов М. В. Модели с глаголом действия в языках Западной Романии // Вопросы языкознания. 2001. № 4. С. 107—128.

11. Кочин Г. Е. Материалы для терминологического словаря Древней Руси / под ред. Б. Д. Грекова. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. 487 с.

12. Кутина Л. Л. Языковые процессы, возникающие при становлении научных терминологических систем // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии: материалы совещания, проведенного АН СССР в Ленинграде 30 мая — 2 июня 1967 г. / отв. ред. С. Г. Бархударов. — М.: Наука, 1970. С. 82—94.

13. Лыкова Н. Н. Генезис языка права: начальный этап (на материале французских и русских документов X—XV веков): дис. ... д-ра филол. наук / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2005. 410 с.

14. Трубачев О. Н. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. Изд. 2-е, доп. — М.: Наука, 2002. 489 с.

15. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с франц. В. Наумова; под ред. И. Борисовой. — М.: Ad Marginem, 1999. 479 с.

16. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000) / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2001. 238 с.

N. N. Lykova
Tyumen, Russia

COMPARATIVE ASPECT OF LEGAL TERMINOLOGY IN OLD FRENCH AND OLD RUSSIAN

ABSTRACT. *The article studies the conceptual scope of Justice Terminology in old French and old Russian languages. The definitions of the analyzed field distinguish 4 core notions: jurisdiction, judicial institutions; subjects of law; judicial scrutiny; and judicial settlement. This research compares the terminology of each group of definitions. Moreover it marks similarities and specific terms of every group of terms. Qualitative and quantitative approaches are used to analyze the divergence of the definitions. The terminology analysis sets the particularities of forms, semantics of terms and their correlation with the definition structure. In particular, formal analysis educed productive suffixes used to create derivative terms. It also contributed to understanding of prefix term formation at the initial stages of terminology formation in Russian and French. The analysis of semantics revealed specific characteristics of synonymic and doublet term names and distinguished the specifics of polysemous lexical tokens and metaphor references. The article examines the particularities of term definitions in early legal texts. Analysis of the equivalence of terminology and definition structure uncovered the difference in terminological status of several subgroups. It also revealed the existence of lacunas, the absence of means of language expression of some of the legal notions.*

KEYWORDS: *legal terminology; term; comparison; old French; old Russian.*

ABOUT THE AUTHOR: Lykova Nadezhda Nikolaevna, Doctor of Philology, Professor, Department of French Philology, Institute of Philology and Journalism, Tyumen State University, Tyumen, Russia.

REFERENCES

1. PP = Sud Jaroslavl Volodimerich. Pravda Russkaia. Prostrannaia redaktsiia. // Rossiiskoie zakonodatelstvo X — XX vv.: V 9 t. — T. 1. Zakonodatelstvo Drevnei Rusi. / Otv.red. V.L.Ianin. — M.: Iuridicheskaiia literatura, 1984. S. 64-73.

2. PSG = Pskovskaia Sudnaia gramota. // Rossiiskoie zakonodatelstvo X — XX vv.: V 9 t. — T. 1. Zakonodatelstvo Drevnei Rusi. / Otv.red. V.L.Ianin. — M.: Iuridicheskaiia literatura, 1984. S. 331-342.

3. Sud.1497 = Sudebnik 1497 goda Leta 7006-go mesiasia septemvria ulozhil kniaz Velikii Ivan Vassilievich vseia Rusi s detmi svoimi i s boiary o sude, kak suditi boiarom i okolnichim. // Rossiiskoie zakonodatelstvo X — XX vv.: V 9 t. — T. 2. Zakonodatelstvo perioda obrazovaniia i ukreplenia Russkogo tsentralizovannogo gosudarstva. / Otv.red. A. D. Gorskii. — M.: Iuridicheskaiia literatura, 1985. S. 54-62.

4. Beaum = Beaumanoir Ph. De. Coutumes de Beauvaisis. / Texte critique publ. avec une introduction, un glossaire et une table analytique par Am. Salmon. T.1. — P.: Picard, 1899. 512 p.

5. Louis = Les Etablissements de Saint Louis. // Recueil général des anciennes lois françaises depuis l'an 420 jusqu'à la révolution de 1789. / Par MM.Jourdant, Decrusy, Isambert. T.2. (1270-1308) — P.: Plon, s.a. P. 361-643.

6. Plet = Li Livres de Jostice et de Plet. / Publ. par Rapetti. — P.: F.Didot, 1850. LII, 451 p.

7. Benveniste E. Slovar indoevropeskikh sotsialnykh terminov. — M.: Progress-Univers, 1995. 456 s.

8. Blagova N.G. Leksika i frazeologija pamiatnikov russkogo prava XVII veka: (Na materiale Ulogheniia 1649 g.). — SPb.: Izd-vo S.-Peterburgskogo un-ta, 1998. 104 s.

9. Bolshoi uridicheskii slovar. / pod red. A. Ia.Sukhareva, V.E. Krutskikh. — 2 izd., pereb. i dop. — M.: Infra-M, 2001. 704 s.

10. Zelikov M. V. Modeli s glagolom dejstviia v iazykakh Zapadnoi Romanii. // Voprosy iazykoznaniiia. 2001. № 4. S. 107-128.

11. Kochin G.E. Materialy dlia terminologicheskogo slovaria drevnei Rusi. /Pod red. B.D. Grekova. — M.-L.: Izd-vo AN SSSR, 1937. 487 s.

12. Kutina L.L. Iazykovye protsessy, vznikaiushchie pri stanovlenii nauchnykh terminologicheskikh system. // Lingvisticheskie problemy nauchno-tekhnicheskoy terminologii: Materialy soveshchaniia, provedennogo AN SSSR v Leningrade 30 maya-2 iyunia 1967 g./ Otv.red. S.G. Barkhudarov. — M.: Nauka, 1970. S.82-94.

13. Lykova N.N. Genezis iazyka prava: nachalniyi etap (na material frantsuzskikh i russkikh dokumentov X-XV vekov): diss. ... d-ra filol. nauk. — Ekaterinburg: Uralskii gos.ped.universitet, 2005. 410 s.

14. Trubachev O. N. Etnogenez i kultura drevneyshikh slavian. Lingvisticheskie issledovaniia. Izd. 2, dop. — M.: Nauka, 2002. 489 s.

15. Foucault M. Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie turmy. / Per. s frants. V. Naumova. Pod red. I. Borisovoy. — M.: Ad Marginem, 1999. 479 s.

16. Chudinov A. P. Rossia v metaforicheskom zerkale: Kognitivnoe issledovanie politicheskoi metafory (1991-2000). / Ural.gos.ped.un-t. — Ekaterinburg, 2001. 238 s.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.

РАЗДЕЛ 5. ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

УДК 81'42:82.0
ББК Ш300.1

ГЧНТИ 16.21.33; 17.07.65

Код БАН 10.02.19; 10.01.08

K. G. N'Guessan
Abidjan, Côte d'Ivoire

IN THE NAME OF THE AUTHOR AND OF THE TEXT: WRITING AS (PRO)CREATION

ABSTRACT. *Writing can be seen as an act of (pro)creation. It is a complex process through which the author combines words to give a meaning. A single idea at the beginning, the text progressively takes form as other ideas are brought in. In doing so, a strong "filial relationship" is created between the text and the writer, a creator-created object relationship. Also, like in the process of human procreation which takes several months, the construction of a text is achieved through a long mechanism of reflection, choice of words, language, crossing outs, rereading, and rephrasing to have a final product. This article first shows how the text is constructed. Then, it explores the way this process of construction reveals the author as a "father," bringing to light the metaphor of human (pro)creation. In fact, the metaphor of procreation at stake here hints at the creation of the text as it confers to the writer (creator), a property right on his text (created object). Thus, in the same way as the child that comes to life thanks to its parents, the literary text exists thanks to the author.*

KEYWORDS: *author; text; (pro)creation; creator; metaphor; authorship; writing.*

ABOUT THE AUTHOR: *N'Guessan Kouadio Germain, Ph.D, Associate Professor of the English Department, University Felix Houphouët-Boigny, Côte d'Ivoire; 01 BP V 34 Abidjan 01, Côte d'Ivoire, office:5A; e-mail : kouadiogermain@yahoo.fr.*

Introduction

The creative art is the product of the imagination of the author. It first germinates in the latter's mind and progressively gets a well-structured frame in the same way a seed germinates and develops to become a plant or a tree. Like a spider's web, it starts with a single thread to which many other threads are successively attached to finally make up a whole structure. Before becoming a whole text, the process of writing generates thinking. One might have an idea, but in the process of writing nothing may be left of that idea. Thus, ideas are brought in as contributing elements. Bit by bit, the story takes shape and becomes a whole structure. This structuring requires from the author to lean on paradigms, styles or patterns that may be personal or are borrowed from other authors or models. This brings to light the notion of authorship, which I metaphorically compare in this paper to procreation. The objective is to inspect the creation of the literary text as a process that reflects the act of procreation. Clearly, I intend to show that writing is a long, hard, and time-consuming process in the same way as procreation is a complex and divine act that requires from man and woman preparation and engagement.

Indeed, while writing his text, every single idea of the writer is fertilized or strengthened by others to make up the narrative. My comparison between "procreation" and "writing" is an inclusive allusion to authorship that obliterates gender differentiation — since the author can be a male or female individual — to insist on the capacity to (pro)create. To better investigate this comparison, I will look into the way the writer organizes his text, that is to say how the text reveals (from the point of view of semiotics and structuralism) as a structure where each element is defined only according to its relation-

ship with the others. Also, the analysis of this interrelation between the textual elements complies with deconstructionist perspective and contributes to the larger field of philology by exploring the writer's language, style, and grammar. Finally, once finished, the text becomes the writer's creation whilst the process of writing symbolizes procreation.

1. In the Beginning is the Text

To begin with, it is important to recall this question that French philosopher and critic Michel Foucault asked in 1969: What is an Author? Or put differently, who deserves being called an author or who can claim such title? The importance of this question relates to the fact that many people think that writing is a simple exercise of putting ideas on a sheet of paper and probably get someone to publish them to believe they are writers or authors. In fact, claiming authorship is more than that. It is a complex exercise of thinking and organization. For Foucault, *writing is an interplay of signs arranged less according to its signified content than according to the very nature of the signifier. Writing unfolds like a game that invariably goes to manifest beyond its own rules and transgresses its limits. In writing, the point is not to manifest or exalt the act of writing, nor is it to pin a subject within language; it is, rather, a question of creating a space into which the writing subject constantly disappears* (http://www.movementresearch.org/classesworkshops/melt/Foucault_WhatIsAnAuthor.pdf).

Though writing is a game, it is ironically difficult and complex since failure to master its rules can be harmful. Playing this game is both theoretical and technical: there are the critical work of arranging the textual elements and how the author proceeds to create his work. Writing can be an individual or a collaborative enter-

prise. An author may decide to write alone about something or together with other author(s). But in both cases, author(s) must show complete involvement in what they write.

Collaboration in the work of writing extends to the reader as s/he plays an important role in the construction of the meaning of the text. One might even argue that without the reader, the text does not or even cannot have meaning. For it is through the activity of reading that the message contained in the text as well as the author's intention(s) are deciphered and revealed. When reading a text, the words (signs according to Foucault) that the author used and which can be considered just as an arrangement on a paper, are rendered explicit through an activity of interpretation or of critical reading. Through this activity, the reader makes inferences and draws conclusions. This calls into play knowledge of the events narrated, involvement in what one reads.

When authors decide to write a story or to create a style, they think first of how to weave the different threads or pieces of their story to make a unified whole. This occurs as a complex process which requires from them some predispositions in a complex discursive environment. Indeed, the author needs to know the contours of the environment of which he wants to write the story. Without this knowledge, it will be impossible for him to write his story. No text can exist without the author's mastering of the environment or the context of the story he wants to create. This privileged posture helps the author choose the elements of his story and organize them to create meaning.

The time an author spends to write his work shows the difficulty he has to master this environment. Put differently, the more the author knows about the environment of his story, the more quickly he can gather the information he needs to create his text. Or when he fails to grasp this environment, it becomes difficult for him to collect information and it takes him a longer time to write his story. In a word, the knowledge of an environment and its context is very important in the construction of a story. Thus, because the author usually writes for a reader or an audience, he must organize the elements that he chooses following a structure that informs his art.

The organization of a work is decided by the author according to his need. The structure, the plot, the mood, the setting, the characters and their development, the narrative levels, the storyline, the sequences, to quote but a few, are all chosen by the author in accordance with his desires, his intentions, and what he seeks to achieve as an artist. However, the author can be influenced by the outside world. For exam-

ple, something that he had considered trivial or less important at a certain moment of the storyline can suddenly reveals very significant and worthy of interest. Similarly, what he had thought very interesting may appear less important as the story progresses and he discovers or comes across new situations and realities. In both circumstances, a reorganization of his story becomes necessary. All these unexpected realities show how writing is a long and complex process made of rewording, rephrasing, crossing-outs, and reformulation. When an author sets out to write something or about something, he surely desires to pass on a message. The text, therefore, stands as a place of the manifestation of his ideological and creative intentions. At the same time, by writing, he invites his reader(s) to share his ideology and his intentions.

In a work of fiction, for example, the above mentioned elements are interdependent. They are bound together to such an extent that the removal or the misuse of one or some of them can disrupt the logics of the storyline or the organization of the whole structure and thereby, blur the message. Authors generally construct their texts basing on their own experiences or on those they have been told. Some say that they got inspired by situations they lived or heard of and to which they add new information to create a story. Others — mostly in autobiographical works — argue that their stories are real life events. Though fiction works are pure imaginations of their authors, the narratives are arranged as succession of ideas. Each text or genre has its own language. Thus, discussing the language in fiction, James Wood (2008) writes: *If prose is to be as well written as poetry — the old modernist hope — novelists and readers must develop their own third ears. We have to read musically, testing the precision and rhythm of a sentence, listening for the almost inaudible rustle of historical association clinging of the hems of modern words, attending to patterns, repetitions, echoes, deciding why one metaphor is successful and another is not, judging how the perfect placement of the right verb or adjective seals a sentence with mathematical finality. We must proceed on the assumption that almost all prose popularly acclaimed as beautiful ("she writes like an angel") is nothing of the sort, that almost every novelist will at some point be baselessly acclaimed for writing "beautifully" as almost all flowers are at some point acclaimed for smelling nice* [Wood 2008: 182].

Here, Wood stresses the importance of language as an essential feature in the construction of a text, precisely in prose writing. But the importance of his argument relates to how the reader judges the quality of the work.

To him, reading a text is like listening to music. When we read a text, we feel something musical, something pleasant to our ears, what Roland Barthes (1970) calls "pleasure." Syntax, rhetorical figures, choice of words, verbs, etc., are all cognizant to the author's style, desire, and intention or the editor's advice. They create this musicality Barthes talks about. When we read a text, this musicality deploys throughout the narrative structure. To appreciate it, we need to look into its organization.

Generally, a work of fiction has the following scheme: the exposition, the rising action, the climax, the falling action and the denouement. As such, the climax cannot come after the denouement. Similarly, the falling action cannot come before the exposition or the rising action. The removal or misplacement of one of these stages totally breaks the internal logics of this scheme and the text becomes deconstructed; the reader gets lost. Reading and correcting the manuscript, rewording, rephrasing, as the ideas come to the author, intend not only to keep the order of the story's scheme, but they are contingent for the text to get a good structure.

The acclaim granted to a work is greatly dependent on the way it is organized. The narrative may happen in one day, several weeks, months, even years or a whole lifetime. The plot can start in a specific place and end in another. Some characters can appear at the beginning of the story and disappear in the course of the narrative; new ones can be integrated. Tenses can change so can settings; flashbacks can be used. All these dispositions add to the structure of the text. Usually, texts that are qualified as popular or interesting by readers owe their quality to the author's arrangement of these elements and his development of the theme he commits to investigate. However, it is important to note that the quality of the structure is determined in large part by how effectively this structure works with the content. In a text, indeed, such features as transitions, text structure elements to draw conclusions and make inferences about the author's purpose, and relevant parts that reflect the author's purpose contribute to the quality of the text structure.

Such texts as Zora Neale Hurston's *Their Eyes Were Watching God* (1937) or Ralph Ellison's *Invisible Man* (1952) do not own their public acclaim only by the themes they treat but by the way the authors treat them. If both texts explore the persistent racism Blacks are faced with in America, they differ from each other by the authors' technique. For example, in *Invisible Man*, through the experience of a nameless character, Ellison inspects African Americans' symbolic invisibility in America through the institutionalized racism that deprives them of their

citizenship and makes them evolve as outcast. In terms of structure, *Invisible Man* exemplifies that of the jazz: the broken structure of that music (with the singer's incessant and sudden changes in tone and mood while striving to keep the same storyline) pervades the narrative. There are a Prologue and Epilogue. The text opens in the present, switches to flashback, and returns to the present, but a step forward from the Prologue so that sometimes the reader seems unable to follow the logical storyline. But taken as a whole, all this structuring chronicles the invisible character's odyssey to the North in search of a way-out. Even the idea of "invisibility," which is here a sight-based and not sound-based concept is nurtured by the structure of jazz: *Perhaps I like Louis Armstrong because he's made poetry out of being invisible. I think it must be because he's unaware that he is invisible. And my own grasp of invisibility aids me to understand his music. [...] Invisibility, let me explain, gives one a slightly different sense of time, you're never quite on the beat. Sometimes you're ahead and sometimes behind. Instead of the swift and imperceptible flowing of time, you are aware of its nodes, those points where time stands still or from which it leaps ahead. And you slip into the breaks and look around. That's what you hear vaguely in Louis' music* [Ellison 1952, Prologue: 8].

By turn sad, playful, shy, loud, drawing on different styles and traditions of writing, mixing constant refrains throughout the narrative, Ellison creates in *Invisible Man* a whole aesthetic of literary jazz.

In *Their Eyes Were Watching God*, Zora Neale Hurston leans on southern folklore through Janie's language that reflects that of Black population at the time of slavery. Painstakingly, she crafts a text infused with southern language and folklore to make her character's voice at the same time lyrical, philosophical, and almost classical but also, colloquial, and real. Hurston succeeds in bringing her character's voice and that of the narrator together. This structuring pervades the whole narrative and even stands out as a stylistic trait of her writing. The following passage is a perfect illustration: "Janie saw her life like a great tree in leaf with the things suffered, things enjoyed, things done and undone. Dawn and doom was in the branches. 'Ah know exactly what I got to tell yuh, but it's hard to know where to start at.'" (20) Here, the narrator's voice shows Janie's comparison of her life to a tree. When Janie speaks to the reader directly, Hurston utilizes a style that captures the sound of Janie's speech phonetically: instead of "I," we get "Ah." Instead of "you," we get "yuh." Also, we get a sentence that ends on a preposition

“at”) — what the narrator would never do. Despite these differences, we notice that the narrator describes Janie’s thoughts while Janie herself gives her words. In both cases, the text deals with the same character.

The narrative voices or linguistic levels — “plurilinguism” in Bakhtine’s terminology — translate not only Hurston’s knowledge of the folklore of her community, but her creation of a personal style that plunges the reader into southern language and speech. By staying true to their speech, Hurston represents her characters and refuses to change it for a more formal-minded audience. At the same time, Hurston’s narrator, with lofty insights, demonstrates that despite what we might think about the characters’ informal language, their inner lives are more lyrical. Finally, through her characters’ informal language, Hurston celebrates the richness of African-American culture and shows that more than a stylistic choice, her use of that language helps show that it is something very special. As it can be seen, in both texts, beyond the description of Blacks’ collective experience, Ellison and Hurston make of their creation something particular that reflects their personal inspiration and creativity and they impose it to their readers as consumers.

The judgment readers passed on a text is in large part influenced by how they know about what is written. This response to the text characterizes the writer’s intention as something not just ideal but questionable through critical reading. No surprising, the readers of Beaudelaire’s *Les Fleurs du mal* (1857), Salman Rushdie’s *The Satanic Verses* (2008) or Toni Morrison’s *Beloved* (1987) will show different even contradictory appreciations of these texts. Depending on the posture they have, they will not consider these works just as combinations of words intended to pass on a message but may let themselves be driven or influenced by their often personal emotions. As a matter of fact, readers interested in nature, dream, journey of the mind or lyricism will acclaim *Les Fleurs du mal*. Those who see slavery as a dehumanizing system to be abolished will read *Beloved* with passion, and those who want to discover the “hidden” side of Muslim religion will love reading *The Satanic Verses*. On the whole, readers whose expectations are not in line with these texts will find them uninteresting and worthless. By the same token, when Alice Walker published *The Color Purple* (1983), many critics reproached her with deviating Blacks’ struggle. For them, as a black writer, she had better unite with her community to fight against their common social castration and victimization by white racist world instead of exposing Blacks’ intra-racial problems. What is interesting in Walker’s

approach and draws attention is her desire to teach that though it is essential for Blacks to unite to face their oppression, it is also important not to look sight of the behaviors and attitudes that contribute to destroy their community or delay its development. For her, only this introspective appraisal of their community can give them strength to overcome their hardship.

A text can be read from different perspectives. For example, there are those who find it in line with their world view and accordingly see it as a good one. Opposite to this first perspective are those for whom the text fails to respond to their perception of the world. For this group, the text is not good. They will therefore not recommend it or pass a good judgment on it. A good reading of a text requires that the reader takes into account this variety of perspectives. It helps him develop a critical analysis likely to help him avoid radical positions since he will know in advance that another possible interpretation of what he reads exists.

When reading a text, readers are invited into a communicative scheme. A text is organized around its function and not the author. That is to say that while writing, the author invests his text with some “divine” mission of teaching, sensitizing, and educating. Once written, the text is expected to fulfill this mission. African American popular lecturer, poet, and novelist Frances Ellen Watkins Harper was mindful enough when she often ended her novels on a hope for a peaceful world: *And now, in conclusion, permit me to say under the guise of fiction, I have essayed to weave a story which I hope will subserve a deeper purpose than the mere amusement of the hour, that it will quicken and invigorate human hearts and not fail to impart a lesson of usefulness and value* [in: Foster 1994: 285].

Or:

There is light beyond the darkness,
Joy beyond the present pain;
There is hope in God’s great justice
And the negro’s rising brain.
Though the morning seems to linger
O’er the hill-tops far away,
Yet the shadows bear the promise
Of a brighter coming day [Harper 1987:
282].

The reception of Harper’s text, indeed, amounts to the reader’s ability to grasp the correlation between the socio-historical environment of Harper’s time and the mission she invests her texts with. Her choice of words, language, and structure are intended to act on the reader’s mind. Obviously, for a reader who knows this context, he will understand that Harper appeals to forget about the injustices against

Blacks and turn to a hopeful America. Put in the present world context where many people are victims of various kinds of injustices for their position (political, ethnic, sexual, cultural, religious), we can say that Harper's call is topical.

The achievement of the mission the author invests the text with rests on the organization of the textual elements he uses. It provides the text with an identity that differs from that of the author. Actually, both identities occur concurrently in the text as the story deploys without conflicting each other. The author lets the identity of the text evolve and embark the reader in its movements: it makes him dream, fly, sleep, laugh, weep, as the narrative unfolds. Thus, in the above quotations, this identity lies in an internal structure culminated or limited to the discourse through the text's invitation to ignore the injustices and turn toward an ultimate hope. In the extract taken from *Iola Leroy*, the "shadows," pictogram of suffering, that logically contrast with the "brighter coming day" infer this message of hope for a better tomorrow. In fact, despite their difficulties, Harper invites Blacks and beyond them, those people who are victim of injustices to take their sufferings as a source of inspiration to face their future with optimism. This appeal and didactic power Harper confers to her texts reinforce the idea that the quality of a text resides in the perfect organization of its elements by the author. This organization helps well articulate the theme that the author undertakes to investigate and the message he wants to convey. Finally, through the long and complex process of construction of his text, the author brings to the fore the act of procreation.

2. And the Text Becomes (Pro)creation

In this section, emphasis will be laid on the parental relationship between the author and his text. In the same way the child is brought to life by its parents, the text is made to exist by the author. Indeed, discussing the writer's creation of the character in her article "Le romancier et ses personages (1)" Nathalie Piégay-Gros writes: "The creation of the character is mainly achieved as the key moment in fiction writing. It can be thought of as procreation [...] Creating a character would be like giving birth to a person" [Piégay-Gros 2006: 15]. (All the translated parts of this article are mine. — K. N'Guessan). She adds: *The character is conceived as the transposition of an experience or a real person. Without wanting to simplify this complex alchemy by which the novel draw on the novelist's experience, very often the invention is rooted in reality to lead to a fictional character: not that it simply reproduces it, but it displaces it, imposes on it different magnification methods, attenuation, hybridization... This last point is without*

doubt the most important: a character of a novel is never the mere transposition of a real person; s/he is the product of a brewing between different traits of different persons and the novelist is himself involved in that [Ibid.].

Interestingly, Piégay-Gros's idea sheds light on the process of crafting the text as a metaphor of procreation. Actually, the act of procreation differs from the creation of the text in that the former is a complex and divine undertaking while the latter, though complex too, does not comprise the same divinity. My interest here in drawing a parallel between both creations is the relationship of dependence that the created object (child or text) entertains with the creator (parents or author). The child cannot exist without its parents. Similarly, the text cannot exist without the author. It then turns out that both created objects exist only because their creators exist. To extrapolate, we can say that these created objects exist because of their creators' will even if in the particular case of procreation many methods exist today which do not involve biological parents. The symbolic of the procreation in the construction of the text exemplifies the filial bond between the child and its parents. When the child is born, it is given a name to authenticate its parents' creative power on it. In some societies, this naming is a great ceremony that involves the whole community. It is the time when the child officially bears the name of its "creator" and the parents, in turn, officially leaves their imprint on their "creation."

In the context of literary creation, this public validation of the writer's authorship over the text occurs when the text is published, that is when it is brought to public readership. However, contrary to the parents/child creative bond, the creative link between the author and his text occurs differently. An author chooses the title of his text before it is known to the public. He decides about the name of his text before he starts writing. This name may change in the course of the writing depending on the events or the ideas as they come to the author's mind. For specific reasons, an author may decide to change the title of a novel he has been writing days, months, even years earlier. All the same, he can decide to change this name after he has finished writing his text. But whatever the situation, the final name is brought to public access at the end of his creation. At that moment, the text reveals as his "child." And like a name given to a child, this name or title the author gives to his text is imposed to readers.

An interesting aspect that greatly contributes to defining the text as procreation is what that grants the writer a property right over the text. Everything happens as if the author conceives a child: he creates his text, gives it a

name that is imposed to readers exactly as in the process of human procreation. Parents' long reflection to find a name for their child also happens with the author. Generally, names are very significant. They can determine the behavior of the persons who bear them. This is why in most African traditional communities, they are always chosen after consultation and sound reflection by elders. Sometimes, the naming ceremony is accompanied by rituals to solicit the ancestors' blessing and their leniency so that they help them choose a name that will positively impact the personality and behavior of the bearer. In the same way, choosing a title of a work is not an easy task for the author as this can impact the acclaim readers will grant his work. A title can incite readers to want to read a book in the same way it can make them dislike it. In other words, the more a title is inciting, the more it will arouse a large readership and the less it is inciting, the less it will receive public acclaim.

In creative art, the idea of procreation as what that is created and imposed is well articulated through such elements as narrative techniques, narrators' characterization, styles, rhetoric figures, among others. When an author creates a style, a theory or a concept, he decides about the name to be given to it and how to use it. As a consequence, readers or users wanting to use these elements are bound to take into account the context of use as defined by the author. Thus, someone who wants to use narratology is compelled to study the narrative techniques and structures as they intertwine in literary texts. Someone who wants to use orthodox Marxism is invited to look into how Karl Marx conceptualized his theory. The same thing happens with someone who wants to use feminism, deconstruction, semiotics, postcolonial theory or psychoanalysis. Each of these theories has its own operating principles and criteria. And those who want to use them are compelled to respect. Without respect to these principles, it is obvious that these persons are not using these theories.

English poet and playwright William Shakespeare gave an interesting example of what that is created and imposed to users through his sonnet form with the rhyming pattern *abab-cdcd-efef-gg*. Any sonnet having this pattern is therefore known as a Shakespearean sonnet. This even emulated many poets such as African American poet Claude McKay in his famous poem "If We Must Die" (1919):

If we must die — let it not be like hogs (a)
Hunted and penned in an inglorious spot, (b)
While round us bark the mad
and hungry dogs, (a)
Making their mock at our accursed lot. (b)

If we must die — oh, let us nobly die, (c)
So that our precious blood may not
be shed (d)
In vain; then even the monsters we defy (c)
Shall be constrained to honor us
though dead! (d)
Oh, Kinsmen! We must meet
the common foe; (e)
Though far outnumbered, let us show us
brave, (f)
And for their thousand blows
deal one deathblow! (e)
What though before us lies the open grave? (f)
Like men we'll face the murderous,
cowardly pack, (g)
Pressed to the wall, dying, but
fighting back! (g)
[Harcourt Brace Jovanovich Publishers
1953]

All genres, theories, textual elements, writing techniques are created by authors with the intention of adding something to the intellectual debate of their eras. They also express a desire to leave something to their contemporaries and to the generations after them. It is fundamental therefore that they define the operating principles of their creations. As creators, only their desires are taken as norms. In this context, anyone seeking to use their creations is doomed to follow these norms.

When Jacques Derrida coined his deconstructionist theory, he defined what he meant by "binary opposition" and how it functions. Similarly, Gérard Genette developed a personal approach of poetics from Structuralism. His concept of Diegesis is very central in literary analysis, insisting on how time and space interplay and function in a work of fiction. To him, any narration is linked to this concept in the sense that the narrator in a text is an essential element of the story related. From this, Genette defined the different types of narrators: heterodiegetic, homodiegetic, autodiegetic, extradiegetic, intradiegetic. My intention here is not so much to linger on these examples or multiply the examples but to highlight the idea that once created the author's concept or theory establishes itself as a norm. Thus, critics desiring to analyze time and space in a work of fiction have good reasons to use Genette's concept. Those who want to scrutinize the binary oppositions in a text have a basis to use Derrida's theory. As it can be seen, these examples indicate users' dependence on the approach to use in their analysis. Suffice for them to depart from the principles of the theory or the concept they want to use to give evidence that they are not using it.

The prizes awarded to various publications in different areas of research across the world serve to reinforce the creator/created object

relationship and the public acclaim granted to their authors. Many writers received national and/or international awards for their writings. These prizes demonstrate the recognition of their talents by the national and/or international intelligentsia. At the same time, they shed light on the notion of fatherhood and posit their writings or their discoveries (in the case of experimental sciences) as procreation. African American novelist Toni Morrison, for example, was awarded a Nobel Prize in literature in 1992 for the quality of her literature. Apart from this international recognition, she received other prizes from other national institutions of her country.

While writing their texts or processing their experimentations, these authors or scientists seek to demonstrate hypotheses or postulates. In the end, what is written or discovered proves to be interesting landmarks for the whole population of the concerned field to understand their own reality as human beings. All the literature about how theories function and how they can apply to other fields reflect the idea that the author is a creator. That users of theories and discoveries strictly follow the principles and rules defined by their authors is very important. As I have already said, only the parents (and sometimes his community) can decide a name for their creation. Published texts, theories or formulas created after many tests are accepted and will remain valid as long as other texts, theories or formulas are not developed to contradict them. Even when such situation occurs, these theories or formulas continue to evolve solely since each of them can defend or justify its operating postulates. In this context, all the areas concerned with these theories and formulas function as areas that are marked out. In turn, people in these areas seem to be imprisoned even if they have a relative freedom of action.

Though users are compelled to respect the structures of a text or the findings of a research, they feel a sort of freedom when it comes to analyze this text or use these findings. Indeed, the analysis of a text can lead to things the reader did not think about at first sight or things that the author himself did not think about while writing his text. Similarly, the use of the findings of a research can give way to other interesting researches, findings or discoveries. These often unpredicted but interesting situations bring to light all the significance of Roland Barthes's idea of "the death of the author." Discussing the fact that once the text is published, the author somewhat disappears to let his creation assume its own identity, that he no longer has authority over his creation, Barthes writes: *Writing is the destruction of every voice, every origin. Writing is that neuter, that composite,*

that obliquity into which our subject flees, the black-and-white where all identity is lost, beginning with the very identity of the body that writes [Barthe 1986: 49].

As a human being, the author has a voice and an identity. But while writing, that "voice loses its origin, the author enters into his own death." [Ibid.] In fact, during the narrative process, "the author is supposed to feed his work, e.i., he lives before it, thinks, suffers, lives for it; he has the same relation of antecedence with his work that a father [or a mother] sustains with [his/her] child." [Ibid.: 52] Through the narrative structure, he provides his text with an identity and a voice. The latter assumes that identity and that voice as the creative activity progresses. Like a child who assumes the responsibility of his acts after he becomes mature, the text assumes its own voice all along the process of writing. This maturation becomes complete at the end of the process.

As a mature creation, the text speaks on its own behalf. The author ceases to intervene in the same way parents watch over their child until it reaches majority. Here, the parallelism between the parent/child and author/text paradigms in the context of procreation reveals again the idea that once mature, both the child and the text are left to their own. They no longer depend on their creators but evolve as independent identities. On the whole, the idea of the text as procreation alludes to the idea that by creating his text, the author makes it function as the parents contribute to conceiving the child. Through the act of writing, the author perpetuates this parent(s)/child dependency.

Conclusion

Like in the process of human procreation, the text has a creator. In this article, I have essayed to develop two aspects of the process of writing. In the first aspect, I tried to show how the author undertakes to construct his text. I insisted on the idea that this creation is a complex composure which requires from the author a whole knowledge of the environment and the context of the event he wants to write about. This knowledge is even a sine qua non condition to incite the reception of the text. This amounts to saying that the reception of the text critically depends on the author's arrangement of the different elements he uses to construct it. The second aspect of my argumentation was intended to show that by creating his text, the author metaphorically perpetuates the human act of procreation. All along the process of writing, the text is seen as a creation in the same way as a baby is conceived: it is given a name and an identity. A parallel was therefore drawn between the parents' naming of their child and

the author's giving a title to his text. Thus, as the child grows up and becomes mature, it assumes responsibility of its acts. Similarly, the text progressively reaches maturation during the process of writing and assumes an identity, a voice. Finally, both creations, after reaching maturation become independent identities and cease to be under the influence of their creators: the parent(s) and the author.

REFERENCES

1. Barthes R. Le Plaisir du texte. — Paris : Éditions du Seuil, 1973.
2. Barthes R. The Rustle of Language / transl. Richard Howard. — California : Univ. of California Pr., 1986.
3. Ellison Ralph. Invisible Man. — New York : Vintage Books, 1952.
4. Foster Frances S. (ed.). Minnie's Sacrifice, Sowing and Reaping, Trial and Triumph: Three Rediscovered Novels by Frances E. W. Harper. — Boston : Beacon Pr., 1994.

5. Goldstein P. Reader-Response Theory and Criticism // The John Hopkins Guide to Literary Theory and Criticism. 2nd Ed. — Baltimore : John Hopkins Univ. Pr., 2005.
6. Harper Frances E. W. Iola Leroy or Shadows Uplifted [1892]. — Boston : Beacon Pr., 1987.
7. Harcourt Brace Jovanovich Publishers. Selected Poems of Claude McKay. — San Diego ; New York ; London : A Harvest Book, 1953.
8. Beaudelaire Charles. Les Fleurs du mal. — Paris : Auguste Poulet-Malassis, 1857.
9. Rushdie Salman. The Satanic Verses. — United Kingdom : Random House, 2008.
10. Morrison Toni. Beloved. — New York : Vintage, 1987.
11. Hurston Zora Neale. Their Eyes Were Watching God. — New York : J. B. Lippincott, 1937.
12. Reuter Y. L'analyse du récit. — Paris : Armand Colin, 2005.
13. Sartre J. P. Situations II, littérature et engagement. — Paris : Gallimard, 1948.
14. Todorov T. Introduction à la littérature fantastique. — Paris : Éditions du Seuil, 1970.
15. Wood J. How Fictions Works. — New York : Picador, 2008.
16. Piégay-Gros N. Le romancier et ses personnages (1) // Nouvelle Revue Pédagogique — Lycée. — Paris : Nathan, 2006. No 22.

К. Ж. Н'Гессан

Абиджан, Кот-д'Ивуар

ВО ИМЯ АВТОРА И ТЕКСТА: ЛИТЕРАТУРНОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ КАК (СО)ТВОРЕНИЕ

АННОТАЦИЯ. *Появление литературного произведения может восприниматься как акт рождения. Оно является сложным процессом, в который автор вовлекает слова, чтобы создать смысл. Начавшись с простой идеи, текст постепенно принимает форму по мере того, как в него включаются другие идеи. В этом процессе между автором и текстом возникает тесная «родственная связь», отношения «создатель — созданный объект». Подобно тому как процесс вынашивания ребенка длится не один месяц, построение текста проходит через стадии размышлений, подбора слов, форм, замен, перечитывания и переформулировки для того, чтобы получился конечный продукт. Настоящая статья, во-первых, показывает то, как рождается литературный текст. Во-вторых, исследуется то, как в процессе создания текста обнаруживается автор как его «родитель» и разъясняется значение метафоры зачатия человека. В действительности метафора, о которой здесь идет речь, предполагает такое восприятие создания текста, которое наделяет писателя (создателя) правом собственности на текст (созданный объект). Как ребенок, который рождается благодаря своим родителям, литературный текст появляется благодаря автору.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: автор; текст; (со)творение; создатель; метафора; авторство; литературное произведение.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Н'Гессан Куадио Жермен, доктор философии, доцент департамента английского языка, Университет им. Феликса Уфуэ-Буаньи, Кот-д'Ивуар; адрес: Кот-д'Ивуар, Абиджан 01, 01 почтовый ящик V 34, каб. 5А; e-mail: kouadiogerman@yahoo.fr.

М. Стышинский

Познань, Польша

Перевод с английского Э. В. Будаева

ДЖИХАДИСТСКАЯ ПРОПАГАНДА В ИНТЕРНЕТЕ И СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА

АННОТАЦИЯ. Настоящая статья посвящена исследованию коммуникативных стратегий, используемых в пропаганде двух основных джихадистских организаций — «Аль-Каиды» и «Исламского государства Ирака и Леванта» (в альтернативном переводе «Исламского государства Ирака и Сирии»; обе организации запрещены в РФ). Как показывает практика, агитация, осуществляемая данными террористическими организациями, позволила значительно расширить их идеологическое влияние в мире. С одной стороны, пропаганда «Аль-Каиды» и ИГИЛ играет значимую роль в вербовке боевиков со всего мира для участия в боевых действиях в Ираке и Сирии, с другой — поощряет сторонников пропагандируемой идеологии осуществлять террористические акты на Западе. Анализ пропаганды «Аль-Каиды» показывает, что дискурс данной организации опирается на ограниченный набор средств убеждения — литургическую проповедь и традиционную арабскую риторику. Пропаганда ИГИЛ характеризуется использованием новых техник пропаганды: традиционные литургические выступления на арабском языке, адресованные посетителям мечетей, сочетаются с современными формами коммуникации, такими как радио, телевидение, социальные медиа, в том числе передовое программное обеспечение, высококачественные изображения, графика и видео. Более того, исследование джихадистской пропаганды обнаруживает идеологическую конкуренцию между «Аль-Каидой» и ИГИЛ, пытающихся воздействовать на эмоциональную сферу адресата и привлечь сторонников.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: ИГИЛ; ислам; джихадизм; риторика; коммуникация.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Марчин Стышинский, доктор, доцент, факультет арабских и исламских исследований, Университет им. Адама Мицкевича (Познань, Польша); 61-714, Polska, Poznań, al. Niepodległości, 24; e-mail: martin_styszynski@go2.pl.

СВЕДЕНИЯ О ПЕРЕВОДЧИКЕ: Будаев Эдуард Владимирович, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков, теории и методики обучения, Российский государственный профессионально-педагогический университет; 620012, г. Екатеринбург, ул. Машиностроителей, д. 11; e-mail: aedw@mail.ru.

Введение

Растущая угроза и влияние джихадистских организаций по всему миру, таких как ИГИЛ или «Аль-Каида» (организации запрещены в РФ. — *Ред.*), основываются на их идеологических, военных, финансовых и оперативных возможностях. Вместе с тем радикальные исламистские группы не смогли бы достичь известных успехов без соответствующей пропаганды и использования коммуникативных стратегий, позволяющих рекрутировать и воодушевлять сторонников, включая иностранных добровольцев.

«Аль-Каида» была первой организацией, которая эффективно эксплуатировала средства массовой информации, опираясь на аудиовизуальные обращения, транслируемые арабскими спутниковыми каналами и интернет-сайтами. Создание обращений не требовало сложного технического оборудования, а сами обращения основывались на традиционных формах коммуникации в арабском мире.

В последнее время в пропагандистских кампаниях ИГИЛ используются новые технологии и социальные медиа. Смерть У. бен Ладена в 2011 г. и других лидеров «Аль-Каиды» вроде Анвара аль-Авлаки или Абу Яхья аль-Либи, а также события «арабской весны» изменили идеологические и оперативные возможности террористов. Провал переходного процесса в постреволюционных странах и свержение представителей исла-

мистов светскими и военными силами углубили кризис в рядах боевиков «Аль-Каиды», которые ожидали других результатов и надеялись разделить власть или увидеть реализацию своих идеологических планов.

Абу Бакр аль-Багдади, лидер ИГИЛ, уловил эти чаяния и предложил новое понимание джихада и реализации законов шариата, а также поставил целью основание халифата. Успешные военные действия, поддержка суннитских сообществ, контроль над обширными территориями Ирака и Сирии, а также террор и жестокие казни усилили позиции организации и определили новые формы джихада, ассоциируемые с достоинством, доблестью, славой и приключениями. На данный момент более чем 30 различных организаций и объединений, в том числе из Азии и Африки, присягнули аль-Багдади [Feakin, Wilkinson 2015: 7—8].

Более того, «Аль-Каида» и ИГИЛ соревнуются между собой за авторитет среди джихадистов по всему миру. Недавние теракты в Париже иллюстрируют этот феномен. Атаку против французских журналистов «Шарли Эбдо» в январе 2015 г. осуществили братья Куаши, которые были инспирированы Организацией «Аль-Каида» на Аравийском полуострове (АКАП), в то время как Амеди Кулибали, возглавивший атаку против кошерного супермаркета в Париже, заявил, что его поддерживало ИГИЛ [Callimachi, Yardley 2015].

Перевод выполнен за счет гранта Российского научного фонда (проект №16-18-02102).

Английская версия статьи: *Политическая лингвистика*. 2016. № 2. С. 161—167.

© Styszynski M., 2016

© Будаев Э. В., перевод на русский язык, 2016

Техники пропаганды сыграли решающую роль в процессе мотивации молодых людей к совершению жестоких террористических актов против гражданских лиц во Франции. Подобная ситуация дает импульс другим новобранцам, воодушевленным информацией, распространяемой в Интернете и социальных сетях.

Традиционное понимание джихадистской пропаганды

Первые формы джихадистской пропаганды, которые практиковали в «Аль-Каиде», были довольно простыми. Они сводились к вербальным и письменным манифестам. Аудиовизуальным и стилистическим особенностям пропаганды уделяли немного внимания, потому что лидеры «Аль-Каиды», такие как Усама бен Ладен, Айман аз-Завахири или Мусаб аз-Заркави, обычно делали заявления в сложных логистических условиях, в зоне военных действий в Афганистане, Пакистане и Ираке. Пропагандистские материалы, распространяемые официальными исламистскими сайтами или телевизионными каналами вроде «Аль-Джазиры», отличались простой графикой, незамысловатым видом и шаблонными изображениями, на которых освещение падало на фигуру говорящего.

Вместе с тем техники пропаганды, применяемые в официальных манифестах, включали в себя использование литургических проповедей, называемых *хутба*, и арабскую риторику *балагу*. Хутба — одна из старейших форм нарратива в арабском и мусульманском мире. Проповедь хутба совершается имамом во время пятничного богослужения или по праздникам. Стилистически хутба состоит из двух частей. Первая часть состоит из коротких молитв, религиозных призывов и цитирования коранических стихов. Она всегда заканчивается возгласом *wa ba'd*, который служит разделом между частями хутбы.

Вторая часть хутбы совершается после короткого перерыва и является главной частью проповеди. Обычно в ней речь идет о религиозных и моральных ценностях или социальных проблемах, таких как безработица, наркотики, организованная преступность, кризис семейных ценностей. Обсуждение вопросов строится на Коране и хадисах (предании о словах и действиях пророка Мухаммеда) или на различных аллегориях из истории или обыденной жизни. Речь завершается религиозными цитатами [Jones 2012: 195—232].

Более того, эта часть проповеди насыщена ораторскими приемами и риторическим

фигурами, такими как сравнения, метафоры, повторы и антитезис [Gaffney 2012: 271—293]. Хутба также включает в себя невербальные аспекты, такие как теологический опыт, авторитет среди верующих, совершенные проповеди с литургического подиума, расположенного на возвышении, а также сакральная одежда, уравновешенный голос и жесты [Jones 2012: 195—232].

Необходимо иметь в виду, что религиозный дискурс часто политизировался исламистскими группами, которые использовали структуру хутбы и балагу для совершения политических воззваний во второй части проповеди. Примеры джихадистской пропаганды, представленные в настоящем исследовании, взяты из личного архива автора, который собирал их на различных исламистских сайтах, в социальных сетях и интернет-секции «Аль-Джазиры», публиковавшей манифесты «Аль-Каиды» в 2001—2011 гг. Впоследствии «Аль-Джазира» заблокировала доступ к секции.

К примеру, лидеры «Аль-Каиды» У. бен Ладен и А. аз-Завахири часто начинали свои выступления со слов «Во имя Бога Славного и Милосердного», «Да пребудет мир и молитва с пророком», «Да пребудет мир с теми, кто идет правильным путем» или «Я ишу защиту у Аллаха от ненавистного дьявола». После восклицания *wa ba'd* они переходили ко второй части, которая представляла собой сочетание идеологических, политических и религиозных слоганов и требований.

Публикации и медиапрезентации «Аль-Каиды» фокусировались на двух противоположных стратегиях. Первая основывалась на критике, обвинениях и проклятиях в адрес различных политических врагов: западных правительств и вооруженных сил, а также местных властей. Вторая сводилась к прославлению террористической деятельности и воодушевлению боевиков и сторонников. Эти стратегии основывались на различных риторических средствах, оказывающих сильное воздействие на эмоции и мнения слушателей. Применительно к врагам с Запада и местным властям лидеры «Аль-Каиды» использовали слова, несущие в себе историческую или религиозную символику: *salibiyyun* (крестоносцы), *sihyuniyyun* (сионисты), *taghut* (дьявол, сатана). Оппонентов часто называли *kuffar* (грешники), *murtaddun* (отступники) или *a'da Allah ta'ala* (враги Аллаха). Лидеры «Аль-Каиды» стремились акцентировать внимание на национальных, религиозных и социальных противоречиях современного мира. Они адаптировали для своих целей слова с негативными коннотациями, связанными с концептами греха, дья-

вола, аморальности, враждебности, Крестовых походов и сионизма. Более того, для объяснения целей джихадизма и оправдания терроризма политические сообщения усиливались кораническими стихами и хадисами.

Манифесты также содержали в себе душещипательные описания невзгод, претерпеваемых мусульманскими сообществами в отдельных странах. Во многих манифестах описывались западные военные операции и гибель мирных жителей в Палестине, Афганистане, Ираке, Сомали и Чечне, что вызывало сочувствие к жертвам военных операций в арабо-мусульманском мире.

Негативное мнение о странах Запада формировалось также с помощью новостей, шокирующих общественное мнение. Джихадисты высвечивали события, которые демонстрировали факты надругательства над традициями и верованиями мусульманских сообществ по всему миру. Сообщения оповещали о пытках заключенных в Гуантанамо и Абу-Грейб, а также о карикатурах на пророка Мухаммеда или о запретах на ношение никаба в Европе. После аргументов подобного рода следовали заключительные фразы о новых крестовых походах против ислама, которые требовали ответа в виде военных и террористических действий.

Отдельное внимание уделялось прославлению террористов, ответственных за теракты в Нью-Йорке 9 сентября 2001 г., в Мадриде в 2004 г. и в Лондоне в 2005 г. Разрушение башен-близнецов метафорически описывалось как уничтожение языческого идола. Террористические акты оправдывались и восхвалялись, потому что они актуализировали религиозные коннотации, связанные с борьбой против язычества и зла. Более того, «Аль-Каида» ссылалась на славные страницы арабо-исламской истории и описания выдающихся мусульманских деятелей и героев, таких как пророк Мухаммед, знаменитые халифы или талантливые военачальники.

Традиционный литургический дискурс повлиял на лидера ИГИЛ Абу Бакра аль-Багдади, который применял элементы проповеди в своих выступлениях. Показательным примером в данном контексте является его выступление, в котором он провозгласил основание халифата в месяц рамадан 2014 г. [Strange 2014]. В отличие от предыдущих лидеров джихадистов, аль-Багдади соблюдал все условности и нюансы, связанные с невербальными и нарративными особенностями хутбы. Его проповедь была представлена на классическом арабском в главной мечети Мосула на подиуме, возвышавшемся над аудиторией. Аль-Багдади был одет в

сакральные одежды, он провел первую часть проповеди стоя, а вторую — сидя. Он говорил тихим голосом, избегал спонтанных жестов и эмоций, а также использовал указательный палец, чтобы подчеркнуть или уточнить какой-либо тезис.

Также аль-Багдади строго следовал стилистическим и композиционным правилам хутбы и балоги. Он начал свою речь с религиозных призывов и цитат, а после короткого перерыва обратился к духовным ценностям святого месяца, который избавляет от грехов и очищает человеческие души. Описание рамадана сочеталось с особым пониманием джихада, который аль-Багдади связывал со священными усилиями по ускорению поражения врагов, установлению исламских ценностей и восстановлению халифата.

Далее аль-Багдади приводил аргументы в поддержку своих идей, цитируя Коран, хадисы и изречения знаменитых мусульман. Например, он ссылался на речь Абу Бакра, ставшего первым мусульманским халифом (632—634 г.) после смерти пророка Мухаммеда. Аль-Багдади апеллировал к знаменитой речи Абу Бакра, которую тот произнес после захвата власти: «Мне дана власть над вами, но я не лучший из вас. Если я буду поступать правильно, помогайте мне. Если я буду поступать неправильно, поправьте меня. Истинное стремление к правде — это верность, а пренебрежение истиной — предательство. Слабый среди вас будет сильным со мной, пока я буду оберегать его права, если на то будет воля Аллаха. А сильный среди вас будет слабым со мной, пока я не вырву силой у него права других, если на то будет воля Аллаха. Повинуйтесь мне так долго, сколько я буду повиноваться Богу и Его Пророку. Но если я ослушаюсь Бога и Его Пророка, не повинуйтесь мне. Молитесь, Бог милосерден к вам...» [Munir 2005: 39—40].

Аль-Багдади заявил о послушании приказам Аллаха, подобно тому как это сделал Абу Бакр. Он избегал прямых политических заявлений, но обращение к символической речи Абу Бакра создало почву для провозглашения нового халифата, высветило особенности власти нового мусульманского лидера и стимулировало лояльность других джихадистских групп. Одновременно речь и ее стилистика оправдывали жестокую политику ИГИЛ по внедрению законов шариата, казни заложников и представителей других религиозных сообществ.

Медиа- и интернет-ресурсы «Аль-Каиды»

Техники пропаганды Аль-Каиды совершенствовались вместе с появлением новых технологий и развитием Интернета. Органи-

зация расширила свою деятельность за счет сайтов *Ansar al-mujahidun* («Приверженцы моджахедов»), *Shabakat al-jihad al-alamiyi* («Сеть глобального джихада»), *Shabakat ash-shumukh al-islamiyya* («Сеть исламской славы»). Сайты часто меняли названия и технические параметры из-за блокировки.

Интернет-пропаганда включала в себя материалы, распространяемые медиацентрами, такими как *as-Sahab* («Облако»), фокусирувавшим внимание на глобальных новостях, и локальным центрами: *Furqan* («Победа») и *al-Fajr* («Рассвет») в Ираке, *Kataib* («Батальон») в Сомали, *al-Andalus* («Андалусия») в Магрибе и *al-Malahim* («Эпопея») в странах Персидского залива. Деятельность «Аль-Каиды» в Сети характеризовалась нарастающим количеством аудиовизуальных материалов. К примеру, в 2007 г. *as-Sahab* выпустил 97 материалов, в то время как в 2002 г. их было только 6 [Whitlock 2008].

Медиакампании опирались на децентрализованные сети, которые размещали онлайн-материалы — обычно это были видеотчеты о боевых действиях на Ближнем Востоке, в Азии или Северной Африке. Заявления джихадистов на местах характеризовались той же самой композицией текстов, что и у лидеров «Аль-Каиды». Во всех материалах сообщались дата и место террористической атаки, а также информация о разрушениях и жертвах среди сил правопорядка и граждан.

Региональные материалы усиливались видеосюжетами, которые начинались с показа лидеров «Аль-Каиды», вещавших на фоне изображений терактов в Нью-Йорке 9 сентября 2001 г., в Мадриде в 2004 г. и в Лондоне в 2005 г. Манифесты перемежались с отрывками из официальных новостей, посвященных результатам действий «Аль-Каиды». Видеосюжеты сопровождались религиозными песнями, прославляющими террористов и порицающими врагов, а также демонстрацией тяжелого положения мусульманских сообществ по всему миру.

Изображения лидеров «Аль-Каиды» сочетались с видео, на которых демонстрировались теракты против местных властей, военных патрулей США, конвоев и зданий официальных организаций. В видеосюжетах обычно показывали захваченные машины, которые взрывались перед военным транспортом или правительственными зданиями. При этом детально описывался каждый шаг в подготовке и проведении теракта.

Первая сцена видеосюжета, которая называлась *Idad al-ghazwa* (подготовка атаки), демонстрировала подготовку взрывчатки и автомобиля. За ними следовали пожелания

и наставления командиров бойцам. Следующая сцена, называемая *Rihla* (путь), показывала доставку автомобиля и взрывчатки к цели. Завершающая сцена демонстрировала детонацию взрывчатки в автомобиле или грузовике. Иногда в заключительной сцене замедленно повторялся момент взрыва и разрушения объектов, против которых был направлен теракт. Все фильмы сопровождались батальными песнями, призывающими аудиторию присоединиться к «Аль-Каиде».

Прославление террористических атак также строилось на эксплуатации концептов достоинства, славы и счастья погибших воинов. Видеоряд демонстрировал улыбающиеся и счастливые лица смертников, сопровождавшиеся надписью «После жертвы от их тел исходил запах мускуса». Нередко авторы приносили мистические и сверхъестественные смыслы в репрезентацию терактов как героических поступков.

Новые формы джихадистской пропаганды

Мероприятия по борьбе с террористической пропагандой снизили роль официальных сайтов «Аль-Каиды», которые цензурировались, запрещались и блокировались. Веб-мастера имели ограниченный доступ к сервисам сети Интернет, и боевики были вынуждены использовать соответствующие логины и пароли.

ИГИЛ извлекло урок из этой ситуации и внедрило некоторые новые формы пропаганды, которые включали в себя новые технологии, такие как телевизионные каналы, радиостанции, социальные сети и электронные журналы, выпускаемые в PDF-версии. Материалы размещаются на различных веб-хостингах или сайтах, позволяющих загружать пропагандистский контент. Материалы выпускаются на разных языках, для того чтобы привлечь широкую аудиторию, особенно молодежь из западных стран [Daninos 2015: 10—14].

Журнал *Dabiq* стал важной платформой для коммуникации радикальных исламистов по всему миру. Название отсылает к исторической битве на равнине Мардж Дабик возле Алеппо (Халеба) в Сирии. В 1516 году армия Османской империи захватила большую часть Ближнего Востока, в том числе Сирию, и построила новую империю [Gray 1975: 14—15]. Вместо обстоятельных теологических и политических дискуссий журнал содержит короткие сообщения, основанные на провокационных фотографиях и графических изображениях, подобных тем, что печатаются в таблоидных изданиях или комиксах. На об-

ложке и первых страницах журнала обычно помещены заголовки статей, включающие в себя лозунги относительно политики и стратегии нового халифата. За манифестами и короткими репортажами всегда следуют фотографии, иллюстрирующие успешные атаки ИГИЛ в Сирии и Ираке, изображения раненых солдат среди огня и взрывов и победных маршей боевиков в завоеванных городах, уборочных кампаний и раздачи еды и воды. Другие фотографии показывают жестокие казни шиитов, христиан и езидов или эффектные террористические атаки по всему миру. Изображения сопровождаются символическими высказываниями, такими как «Так провозгласил Халиф», «Новая эра началась», «Или Исламское государство, или потоп».

Журнал *Dabiq* эксплуатирует традиционные способы пропаганды, которые были популяризированы предшествующими джихадистскими лидерами, такими как Усама бен Ладен и Абу Мусаб аль-Заркави. Например, оппонентов обычно называют *salibiyyun* (крестоносцы), *taghut* (дьявол, сатана) или *kuffar* (грешники) и *murtaddun* (еретики). Радикальные исламисты традиционно сравнивают западные и местные органы власти с дьяволом, грехом, безнравственностью, крестовыми походами или сионизмом. Кроме того, *Dabiq* транслитерирует арабские слова, не имеющие английских эквивалентов, для того чтобы сохранить стилистические традиции джихадистской пропаганды и определить символические значения, которые объединяют боевиков и сторонников ИГИЛ. Нужно отметить, что ИГИЛ позаимствовало многие стилистические и лингвистические особенности у журнала *Inspire*, выпускаемого Анваром аль-Авлаки, который был убит в 2011 г. взрывом управляемой бомбы в провинции Джаф, Йемен [Koplowitz 2013]. Изощренный и современный стиль журнала *Inspire* проявлялся в том, что издание содержало короткие сообщения на английском языке, базирующиеся на графических изображениях и многозначительных картинках, напоминающих бульварную прессу или комиксы и граффити. Лозунги, приведенные в журналах, обычно подчеркивают мученичество и храбрость боевиков, а также разрушительную деятельность западных стран.

Помимо электронных журналов, ИГИЛ использует радиостанцию, которая называется *al-Bayan* («Высказывание»), медиацентр *al-Hayat Media Center* и интернет-сервис *A'maq Ikhbariyya* («Глубина информации»). Аудиовизуальные инструменты дают возможность представить сложные программы и заголовки, включая фотогра-

фии высокого качества, графику и видео. Содержание вещания включает в себя информацию о терактах, репортажи на нескольких языках с мест ведения военных действий в Ираке и Сирии, демонстрацию жестоких казней заложников, а также манифесты, прославляющие атаки против врагов, и новости о внедрении законов ИГИЛ на подконтрольных территориях [Ajroudi 2015]. Некоторые медиаресурсы модифицировали изображения из популярных видеоигр и голливудских фильмов таким образом, что место героев занимали местные боевики.

Заявления, распространяемые ИГИЛ, часто напоминают военные репортажи «Аль-Каиды». Они содержат данные о времени и типе атаки, количестве жертв среди представителей силовых ведомств и гражданских лиц. Вместе с тем графика и логотип в видеосюжетах позволяют однозначно идентифицировать их как принадлежащие ИГИЛ.

ИГИЛ также активно эксплуатирует *Twitter*. Боевики обычно избегают использовать профили *Facebook* и *Instagram*, потому что, по их мнению, они не соответствуют требованиям по безопасности и шифрованию данных. Более того, среди джихадистов все большее распространение получают новые программы шифрования, позволяющие защищать переписку и затруднять идентификацию личности [Zetter 2015]. «Твиттер» позволяет джихадистам ускорять коммуникацию и публиковать короткие сообщения, изображения и видео. Профили ИГИЛ содержат соответствующие аватары, позволяющие понять характер политических взглядов и выставляемых материалов. Каждый твит генерирует посты на профилях, которые распространяют идеи джихадизма, прославляют боевиков, проклинают местные и западные власти и распространяют угрозы будущих атак. В «Твиттере» также неофициально представлены сервисы *Hayat Media Center*, *A'maq Ikhbariyya*, а также менее известные *Somood* из Афганистана, *Qabas* и *Rimah*, фокусирующие внимание на политике ИГИЛ в мире, Ираке и Сирии.

В «Твиттере» бойцы ИГИЛ могут свободно высказывать свое мнение, выкладывать манифесты, графику и видео. Во время террористических атак против работников журнала *Charlie Hebdo* в Париже в 2015 г. последователи ИГИЛ публиковали фото мертвого полицейского, лежащего на земле. Напомним, что было доступно видео, на котором был запечатлен момент, когда террорист стреляет в полицейского, пытавшегося защитить журналистов редакции *Charlie Hebdo*. На твиттер-аккаунтах, используемых ИГИЛ, появились изображения убитого по-

лицейского с короткими подписями: «Если мы не отомстим за Пророка, мы никогда не узнаем благоденствия» и «Атака против газеты, которая оскорбляла Пророка». Комментарии оправдывали теракт и прославляли политику ИГИЛ.

Блокировка аккаунтов в Твиттере малоэффективна, потому что заблокированные профили воспроизводятся под новыми именами и аватарами. Согласно данным Министерства обороны США, «Твиттером» пользуются 6000 активно действующих игиловцев. Некоторые исследования приводят данные о 46 000 сторонников ИГИЛ, использующих твиттер-аккаунты [White Paper 2015: 11—13].

Необходимо отметить, что коммуникация между джихадистами основывается на определенных словах и фразах из арабского языка, которые позволяют идентифицировать аккаунты и хеш-теги. Обычно пользователи ориентируются на арабские хеш-теги *khilafa* (халифат), *dawla islamiyya* (Исламское государство), *jund al-khilafa* (солдаты халифата), *shabakat al-jihad al-alamiyi* (всемирная джихадистская сеть), а также производные от названий джихадистских сайтов *a'maq ikhbariyya* (глубина информации) и *ansar al-mujahidin* (последователи моджахедов). Слова часто модифицируются с помощью эпитетов на арабском языке в случае приостановки или блокировки. Многие аккаунты «Твиттера» также содержат угрозы и короткие комментарии, размещенные после конкретных террористических атак. Аккаунты обычно связаны с хеш-тегом *ghazwa tubaraka* (благословенное вторжение) и названием страны, в которой планируется или был осуществлен теракт.

Заключение

Исследование, представленное в настоящей статье, продемонстрировало некоторые коммуникативные и пропагандистские стратегии основных джихадистских организаций: ИГИЛ и «Аль-Каиды». Анализ технологий пропаганды показал, что «Аль-Каида», опираясь на ограниченные технические средства, составляла манифесты на основе религиозной проповеди и арабской риторики. Кроме того, за последнее время пропагандистские возможности «Аль-Каиды» уменьшились из-за цензуры и приостановки действия официальных сайтов.

Процесс агитации был заменен успешными идеологическими и военными операциями ИГИЛ, сторонники которого расширили арсенал средств пропаганды за счет социальных сетей, особенно «Твиттера».

Исследователи джихадистской пропаганды выявили некоторые общие пропаган-

дистские механизмы, применяемые «Аль-Каидой» и ИГИЛ. Обе организации практиковали литургические выступления. Вместе с тем обращения аль-Багдади оказали более эффективное воздействие на аудиторию, которая ценила приверженность определенным стилистическим принципам в проповедях, идеологических или теологических сообщениях.

Обе организации публиковали схожие заявления, напоминавшие военные отчеты, которые включали в себя соответствующую графику, стилистические и риторические особенности речи, а также подробные описания террористических атак и информацию о разрушениях и жертвах. Это явление также отразил журнал *Dabiq*, издаваемый ИГИЛ, и журнал *Inspire*, выпускаемый Анваром аль-Авлаки, состоящим в «Аль-Каиде». В этом отношении обе организации работали как хорошо скоординированное предприятие с определенной символикой, соответствующими графическими или цветовыми схемами.

Однако, в отличие от медиакампаний «Аль-Каиды», ИГИЛ эксплуатировало альтернативные каналы коммуникации, используя новые интернет-технологии. Например, активность в социальных сетях позволила усилить идеологическое и оперативное влияние ИГИЛ и подвигнуть боевиков по всему миру присоединяться к организации аль-Багдади. Создание множества учетных записей в Интернете и профилей в «Твиттере» позволило пропагандировать джихадистские цели и распространять экстремистские идеи среди интернет-пользователей с целью привлечь новых боевиков и вдохновить их на террористические атаки.

Исследование, представленное в настоящей статье, продемонстрировало некоторые новые сложности в сфере обеспечения безопасности и реализации контртеррористической политики в мире. Необходимо отметить, что всё труднее идентифицировать террористов и их потенциальных сторонников, потому что они используют различные аватары, профили, символы, а также объединяют их и упрощают обмен информацией. Блокирование аккаунтов в «Твиттере» неэффективно, потому что приостановленные профили заменяются новыми аккаунтами с новыми аватарами.

REFERENCES

1. Ajroudi A. It sounds like BBC: ISIS seeks legitimacy via 'caliphate' radio service" // Al-Arabiya News. 2015 12 June. URL: <http://english.alarabiya.net/en/media/television-and-radio/2015/06/12/-It-sounds-like-BBC-ISIS-seeks-legitimacy-via-caliphate-radio-service-.html> (date of access: 10.11.2015).
2. Callimachi R., Yardley J. From Amateur to Ruthless Jihadist in France // The New York Times. 2015. 17 Jan. URL:

<http://www.nytimes.com/2015/01/18/world/europe/paris-terrorism-brothers-said-cherif-kouachi-charlie-hebdo.html> (date of access: 10.11.2015).

3. Daninos F. Internet, arme de persuasion massive // *Hors-Serie science et avenir*. Juillet-Aout, 2015.

4. Feakin T., Wilkinson B. The future of jihad. What next for ISIL and al-Qaeda? *Strategic Insight*. — Australian Strategic Policy Institute. 2015, June. 16 p.

5. Gaffney P. The Prophet's pulpit. — Berkeley : Univ. of California Pr., 1994. 367 p.

6. Gray R. The Cambridge history of Africa. — Cambridge : Cambridge Univ. Pr., 1975. Vol. 4. 754 p.

7. Jones L. The Power of oratory in the medieval Muslim world. — Cambridge : Cambridge Univ. Pr., 2012. 298 p.

8. Kopolowitz H. US Formally Admits Killing Anwar Al-Awlaki, 3 Other Citizens, In Drone Strikes // *International Business Times*. 2013. 22 May. URL: <http://www.ibtimes.com/us-formally-admits-killing-anwar-al-awlaki-3-other-citizens-drone-strikes-full-text-1275805> (date of access: 29.06.2014).

9. Munir R. *Al-Khitaba ind al-arab*. — Bayrut : Dar al-Fikr al-Arabi, 2005.

10. Strange H. Islamic State leader Abu Bakr al-Baghdadi addresses Muslims in Mosul // *The Telegraph*. 2014. 5 July. URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/middleeast/iraq/10948480/Islamic-State-leader-Abu-Bakr-al-Baghdadi-addresses-Muslims-in-Mosul.html> (date of access: 09.11.2015).

11. White Paper on SMA Support to SOCCENT: ISIL Influence and Resolve / Allison Astorino-Courtois, Sarah Canina (eds.). — 2015, Sept. 71 p.

12. Whitlock C. Al-Qaeda's Growing Online Offensive // *The Washington Post*. 2008. 24 June. URL: <http://www.washingtonpost.com> (date of access: 09.11.2015).

13. Zetter K. ISIS's Opsec manual reveals how it handles cybersecurity // *Wired*. 2015. 19 Nov. URL: <http://www.wired.com/2015/11/isis-opsec-encryption-manuals-reveal-terrorist-group-security-protocols/> (date of access: 19.11.2015).

M. Styszynski
Poznan, Poland

JIHADIST PROPAGANDA IN THE INTERNET AND SOCIAL MEDIA

ABSTRACT. *The present paper concerns studies on communication and propaganda strategies of the main jihadist groups al-Qaeda and the Islamic State of Iraq and Syria (ISIS). In fact, agitation campaigns implemented by those organizations enabled to expand ideological and operational influences as well as to encourage different militants in the world to join the battlefield in Syria and Iraq or to carry out terrorist attacks in the West.*

Analysis of propaganda techniques reflects al-Qaeda propaganda, which concentrates on limited technical facilities and written manifestos based on liturgical sermon and Arabic rhetoric.

Besides, the research presents some innovative propaganda techniques implemented by ISIS. They concern traditional, liturgical speeches in Arabic addressed to local audiences in mosques and modern forms of communication such as radio and TV stations, social media including sophisticated programs, high quality pictures, graphics and videos. Moreover, studies on jihadist propaganda show specific ideological competitions between al-Qaeda and ISIS, which try to attract the audience and affect emotions of followers who support particular group.

KEYWORDS: *ISIS; Islam; jihadism; rhetoric; communication.*

ABOUT THE AUTHOR: *Dr Marcin Styszynski, Assistant Professor, Faculty of Arabic and Islamic Studies, Adam Mickiewicz University in Poznan (Poland).*

ABOUT THE TRANSLATOR: *Eduard Vladimirovich Budaev, Doctor of philological sciences, professor of the foreign languages department, Russian state vocational pedagogical university; 620012, Yekaterinburg, Mashinostroiteley st., 11; e-mail: aedw@mail.ru.*

М. Эдельман
США

Перевод с английского И. С. Пирожковой, С. М. Полякова

КАТЕГОРИЗАЦИЯ, ВОСПРИЯТИЕ И ПОЛИТИКА (2)

АННОТАЦИЯ. Продолжение перевода главы «Категоризация, восприятие и политика» из книги «*Политический язык: успех слова и провал политики*» («*Political Language: Words that succeed and policies that fail*», 1977). Одной из наиболее часто встречающейся формой политической категоризации является определение какой-либо большой группы людей, представляющей такую серьезную угрозу, что их физическое существование, наиболее характерные для них образ мысли и чувств или то и другое вместе взятые должны быть уничтожены или безжалостно подавлены. Языковые референции порождают «реальность», которая феноменологически не отличается от любой другой реальности. Рассматриваются также важные для политического дискурса явления, как порождение предположений языковыми средствами и языковая реконструкция фактов (политические факты, беспокоящие людей и приводящие к конфликту, часто реконструируются так, чтобы они соответствовали общим убеждениям о том, что должно произойти). Языковая сегментация политического мира не оставляет возможности заниматься проблемами с учетом их логических и практических связей друг с другом, политический язык подталкивает к их восприятию как отдельных явлений. Отношение к проблемам и политике создает в голове каждого представления о цепочке кризисов, передряшек, оснований для тревоги и надежды.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс; языковая категоризация; образ врага; социальный консенсус; метафорика; стереотип мышления.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Мюррей Эдельман (1919—2001), магистр исторических наук (1942), доктор политических наук. Работал в Иллинойском университете (с 1948 г.), в Висконсинском университете в Мадисоне (с 1966 г.), с 1990 г. официально не работал.

СВЕДЕНИЯ О ПЕРЕВОДЧИКАХ: Пирожкова Ирина Сергеевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного, Уральский государственный педагогический университет; 620017, пр-т Космонавтов, 26; e-mail: irene22@live.ru.

Поляков Сергей Михайлович, кандидат филологических наук, доцент, декан факультета иностранных языков, Шадринский государственный педагогический университет; 641800, г. Шадринск, ул. К. Либкнехта, 3; e-mail: sepol@list.ru.

Категоризация врагов

Одной из наиболее часто встречающихся форм политической категоризации является определение какой-либо большой группы людей, представляющей такую серьезную угрозу, что их физическое существование, наиболее характерные для них образ мысли и чувств или то и другое вместе взятые должны быть уничтожены или безжалостно подавлены. Геноцид тысяч (а в случае с нацистами — миллионов) людей, пытки политзаключенных, несправедливое преследование людей, ведущих подрывную деятельность, или охота на ведьм, т. е. людей, подозреваемых в сотрудничестве с дьяволом, а также избивание участников митингов протеста при их аресте практикуются везде служат наиболее яркими примерами такой формы мышления, которая всегда приводила к преследованию значительной части мирового населения при явно выраженной или молчаливой поддержке остальных людей. В работе, посвященной расстрелу студентов в университете Кента, штат Огайо, Джеймс Мишнер пишет, что «мать двух студентов колледжа в штате Огайо выступила в поддержку стрельбы по студентам даже за малые проступки, такие как хожде-

ние босиком или длинные волосы» [Struggle for Justice 1971: 155].

Наиболее враждебные действия всегда направлялись против людей, которых позднее признавали невиновными в преступлениях, приписываемых им современниками: так было с евреями в нацистской Германии и в России на рубеже XIX—XX вв., с еретиками во времена инквизиции, католиками во время антикатолического движения 1830-х гг. в США, с американскими индейцами в XIX в. и с представителями контркультуры в 1960-х гг. Противники, причиняющие физический вред, в отличие от тех, которые выступают психологическими и политическими соперниками, вызывают другое отношение; но даже несмотря на то, что отнесение невиновных в категорию врагов повторяется в истории, каждый случай позднее считается несчастным исключением; так происходит потому, что трудно согласиться с тем, что общепринятые убеждения оправдывают преследование с целью наказания.

Может показаться, что другие проявления этого же психологического феномена относятся к явлениям другого порядка, но так происходит только потому, что они являются еще более обычными. Часто в обществе появляется желание наказать за такие

Перевод выполнен за счет гранта Российского научного фонда (проект №16-18-02102).

Продолжение. Предыдущая часть перевода: *Политическая лингвистика*. 2016. № 4. С. 244—250.

© Эдельман М., 1977

© Пирожкова И. С., Поляков С. М., перевод на русский язык, 2016

«преступные действия» без потерпевших, как нетрадиционный секс, употребление наркотиков и попытку самоубийства. Страх перед бедными и чужими лежит на поверхности сознания многих людей, и он становится особенно сильным, когда бедные или чужие демонстрируют нетрадиционное поведение. В такой ситуации правительство легко находит поддержку в обществе для ограничения моральной свободы таких людей под видом помощи, даже когда такая помощь предполагает лишение свободы.

Низкий социальный статус сам по себе способствует формированию подозрения в угрозе обществу. Теодор Сабрин отмечает, что слово «dangerous» (опасный), «возможно, произошло от языковой единицы со значением *относительное положение* в социальной структуре».

«Люди или группы людей, угрожающие существующей структуре власти, являются опасными. В любой исторический период для идентификации индивида, имеющего статус члена „опасного класса“... использовался ярлык „преступник“ ...Конструкт „преступник“ не используется для классификации всех нарушителей закона, а только тех, чье положение в общественной структуре свидетельствует об их принадлежности к опасным классам» [Sarbin 1969].

Учитывая, что идеи преступности и бедности связаны между собой лингвистически, следует заметить, что они еще более тесно связаны в определении и наказании преступления, что подтверждает точку зрения Теодора Сабрина. В то время как преступления представителей средних и высших классов (ценовой сговор, хищение, незаконная торговля) обычно рассматриваются как вполне понятные нарушения законной деловой практики, не очень опасные для общества и редко строго наказуемые, преступления бедняков (воровство, нападение) считаются свидетельством их природной опасности и наказываются гораздо более сурово, несмотря на то, что они затрагивают незначительную часть людей, по сравнению с числом пострадавших от преступлений «белых воротничков», и редко причиняют своим жертвам такой же серьезный вред с такими же длительными последствиями.

Существуют поразительные характеристики «врагов», которые порождают сильные эмоции и желание наказать. Во-первых, значительная часть населения вообще не считает таких врагов преступниками. Скорее всего, сам факт, что их категоризация противоречива, усиливает страх тех людей, которые воспринимают их как угрозы, в связи с тем что на кону их собственная способность

рационально мыслить. Убеждение в реальности этих врагов становится для большинства контрольным показателем собственной адекватности и критерием самооценки.

Во-вторых, группа, которую определяют как врагов, представляет собой относительно слабый сегмент населения и часто является незначительным меньшинством. Они могут выглядеть как студенты, бизнесмены или обычные политические диссиденты, но все они реально участвуют в секретной подрывной деятельности, опасной для их окружения и для них самих. Категоризация таких людей как тайно творящих зло означает игнорирование их очевидных человеческих качеств и оправдание их уничтожения.

Этот тип дефиниции становится более понятным при сравнении с политическим определением и восприятием обычных противников. Против оппозиции, практикующей явно враждебную тактику, следует принимать тактические и стратегические ответные меры, а не репрессии. Необходимо учитывать способности оппонентов к планированию и вероятность ошибки; каждая сторона должна попытаться посмотреть на ситуацию с точки зрения оппонента, чтобы лучше понять его или ее стратегию. Восприятие оппонента как обычного человека с его склонностью к расчету и возможностью ошибки должно лежать в основе отношений и действий в таких противостояниях. Но представление чужого как человека, который тайно творит зло, характеризует его как бесчеловечное и жуткое существо (мы использовали определение Фрейда для сходной формы представления). Соответственно мы не можем поставить себя на его место и не сможем посмотреть на ситуацию с его точки зрения, не сможем договориться с ним или играть с ним в стратегические игры. Только репрессия может принести избавление.

Мы рассмотрели эти контрастные позиции с точки зрения их характеристик: восприятие, предсказуемость, принятие социальной роли и чувство. Эти позиции могут приниматься как выражения языковой категоризации (более подробно об описании этих феноменов в терминах психологической или языковой категоризации см.: [Pears 1970: 149—178]). В одних случаях оппонент классифицируется как цивилизованный противник, наделенный интеллектом, с недостатками, похожими на наши собственные несовершенства, что позволяет нам «вступить с ним в игры», хотя эти игры могут быть опасными и даже смертельными. С этих позиций обычно характеризуются начальство, спортивные соперники, профсоюзы, соперничающие политические группы и политиче-

ские партии, противоборствующие стороны в суде и военные противники. Все они являются «видимыми» людьми, занимающимися своей деятельностью в соответствии с ее названием как «спортивные соперники», «союзы», «враг Великобритании» и т. д. Враги другого рода носят названия, которые подчеркивают их тайные, бесчеловечные и непредсказуемые свойства, что делает невозможным обращение с ними как с человеческими существами: «участник коммунистического заговора», «нигилист», «уголовник», «психопат» или, в другие времена и эпохи, «ведьма» и «пособник дьявола». Метафора и метонимия усиливают такие образы, давая заинтересованным людям основания для убеждения в том, что все нормальные люди понимают и чувствуют так же, как он или она.

Обратите внимание на то, что только посредством названий и других словесных знаков такие невидимые враги узнаются и воспринимаются. По определению, они либо тайно действуют, либо имеют скрытые внутренние пороки. Языковые референции порождают «реальность», которая феноменологически не отличается от любой другой реальности.

Порождение предположений языковыми средствами

Некоторые языковые формы порождают важные представления, которые некритически и подсознательно принимаются как само собой разумеющееся. В политике они часто касаются таких вопросов, как выгодность государственной программы, кто несет ответственность за ее успех или провал или отчетливость выбранного курса действий.

Давайте рассмотрим несколько простых примеров. Кампании по пропаганде безопасной езды, спонсируемые государством или торговой ассоциацией, делают акцент на водителе как возможной причине аварии: на его небрежном или рискованном вождении или пренебрежении к поддержанию автомобиля в хорошем рабочем состоянии. Эти кампании отвлекают общественное внимание от информации, согласно которой аварии неизбежны, независимо от стиля вождения, потому что биологические и психологические способности человека просто не позволяют справиться со всеми неожиданными обстоятельствами, которые случаются на дороге. Дефекты проекта и конструкции делают автомобиль «опасным при любой скорости»; кроме того, большая мощность двигателя, высокие лимиты скоростей, спуски и повороты создают ситуации, с которыми человеческий мозг и нервная система вряд

ли способны справиться на сто процентов, независимо от того, насколько осторожен водитель или надежна машина. Независимо от того, успешна или нет кампания по пропаганде безопасной езды, она создает предположение о сути проблемы и об ответственности за ее решение, которое может быть только отчасти верным. Акцент на недисциплинированном водителе допускает, без каких бы то ни было доказательств, много такого, что требует скептического анализа; и это принимается людьми без сопротивления и внутреннего сомнения: разве кто-то может сомневаться в достоинстве безопасного вождения? Такая форма представления на руку производителям автомобилей и дорожному лобби для поощрения общественной критики попавшего в аварию водителя и зарождения сомнения в себе и чувства вины у водителей.

Яркие метафоры, иногда включающие статистические данные о реальных или гипотетических событиях, могут создавать эталоны, которые формируют у людей суждения об успехе или провале определенных программ. Заявление о том, что правительство планирует сократить безработицу до уровня 6,8 % в течение года, или удержать ожидаемый рост ниже уровня 7,5 %, создает эталон успеха, по которому оценивается будущее положение дел. Внимание акцентируется на достижении заявленной цели, а не на семи или восьми миллионах людей, которые продолжают оставаться без работы. В соответствии с таким представлением явным образом принимается как должное государственная политика, которая допускает, что всегда будет от четырех до шести миллионов человек, которые не могут найти работу, а также миллионы потерявших всякую надежду на трудоустройство. Подобные неоднозначные эталоны способствуют формированию предположений о том, насколько разумным является социальный или военный бюджет и в какой мере правдивы отчеты правительства об успехах.

Эти примеры основаны на сегментном представлении изменений в политике. Акцент на маргинальных изменениях скрывает моменты, лежащие в основе других сегментов и являющиеся наиболее важными для данной политической ситуации. Для достоверной информации о сегментных изменениях в политике или социальном обеспечении необходимо установить категории, которые скрывают истинные официальные источники проблемы. Такая форма структурирования проблемы всегда дает символические или иллюзорные результаты, так как и официальные власти, и общественность основное

внимание уделяют сегментированию как таковому, не представляя, какие проблемы существуют внутри каждого сегмента. Такие символические результаты еще больше закрепляют схему категоризации и связанное с ней общее представление о ситуации.

Языковая реконструкция фактов

Политические факты, беспокоящие людей и приводящие к конфликту, часто реконструируются так, чтобы они соответствовали общим убеждениям о том, что должно произойти. Гарольд Гарфинкель представил нам великолепный анализ использования этого лингвистического приема членами жюри, в котором показал, что члены жюри приходят к соглашению при определении, что является фактом, что — предубеждением и что относится к делу таким образом, чтобы их заключение совпадало с существующими общественными нормами. Общественная норма, так сказать, определяет факты и их интерпретацию. По словам Г. Гарфинкеля, члены жюри решают, «что является выдумкой, а что — правдой... что заранее придумано и высказывается с умыслом; что относится к делу, а что — нет; что *все равно* относится к делу, по сравнению с тем, что не имеет отношения к делу и не может быть использовано вновь, если не появится человек, заявляющий о своих претензиях; что является сугубо личным мнением, а с чем любой здравомыслящий человек готов согласиться. ...Решение о том, что „происходило в реальности“, дает членам жюри основания полагать, что они вправе рассчитывать на общественную поддержку за вынесенный вердикт» [Garfinkel 1967: 106—107]. (Укажем на другой источник, предлагающий интересные примеры языковой подсказки, влияющей на предположения и реконструкцию фактов, в нацистской Германии и Восточной Германии: [Mueller 1973: 24—42].)

Анализ примеров разрешения политического конфликта путем соглашения, основанного на вербальной формулировке, оправдывающей определенный курс действий, выявляет тот же самый процесс реконструкции фактов с помощью двусмысленности, выделения одних аспектов ситуации и скрытия других, замену всей проблемы ее частью и тонкого намека на те моменты, которые люди хотят видеть. Федеральная комиссия по связи с первых дней своего существования при выдаче лицензии отдает предпочтение заявителям, обладающим серьезными финансовыми средствами, в связи с чем богатые люди и успешные корпорации легко получают ее, в то время как люди с ограниченными доходами, включая меньшинства,

диссидентов и радикалов, часто получают отказ. Комиссия объясняет такую практику тем, что радиослушатели и телезрители будут разочарованы, если владельцы лицензии будут использовать низкокачественное оборудование или вообще разорятся; следовательно, учет финансовых возможностей обеспечивает «общественный интерес, удобство и удовлетворение потребностей», что соответствует Закону о связи 1934 г. [см.: Edelman 1950]. Вполне очевидно, что предпочтение равного представительства политических течений в эфире могло бы быть оправдано на этих же основаниях. Федеральная комиссия по связи решает, какие проблемы являются ключевыми, что является сугубо личным мнением, а с чем любой здравомыслящий человек готов согласиться и что на самом деле произойдет в будущем — точно так же, как это делают члены жюри. Большинство обладателей лицензий Федеральной комиссии по связи принадлежат к деловым кругам, в которых главный упор на финансировании закономерно принимается как здравомыслящий подход. Официальное положение этих людей, реконструкция их мышления в условиях двусмысленности законов, а также недостаточное знание ответственностью деталей волнующих проблем снижают обеспокоенность в общественном мнении и в умах членов комиссии.

Не то чтобы члены жюри, комиссии или обычные заинтересованные граждане просто забывали или отрицали наличие проблем, теряющих свою отчетливость при реконструкции. Реконструкция помогает заинтересованным лицам принимать проблемные факты и их интерпретации как допустимые и таким образом жить вместе с ними. Двусмысленность реконструированных проблем дает возможность каждой заинтересованной группе принимать ту интерпретацию, которая лучше всего соответствует их интересам, одновременно объявляя менее заинтересованным сторонам хорошую весть о том, что проблема получила рациональное решение.

Такие имплицитные противоречия в официальной риторике оправдывают правительственные меры, которые в случае подробного разъяснения их последствий были бы отвергнуты. Закон о бродяжничестве, например, был принят во времена, когда отмена рабства истощила приток дешевой рабочей силы на плантациях [Struggle for Justice 1971: 40]. Даже тогда людям было легче жить с уверенностью в том, что бродяги являются потенциальными правонарушителями, за которыми необходимо наблюдение, чем открыто признать, что система правосу-

дия просто обеспечивает работодателей послушной и дешевой рабочей силой. Такие законы и их применение шерифами графств до настоящего времени помогают контролировать диссидентов и заставлять их выполнять предлагаемую работу, достигая таким образом «запретной цели» под наиболее приемлемым названием — борьба с преступностью.

В таких случаях официальное оправдание обычно имеет двусмысленную основу. Люди, не имеющие доходов, скорее всего, могут нарушить закон, если они обеспокоены или доведены до отчаяния. Невысказанными остаются вопросы о том, должны ли подвергаться наказанию люди, которые не нарушили закон, и будет ли подходящим наказанием для нарушителей закона тюремное заключение или принудительный труд в условиях, на которые свободные рабочие люди никогда не согласятся. Определение проблемы оправдывает эти последствия, не отрицая их, а навешивая на бедняков ярлык преступников и таким образом помогая обществу, работодателям и полиции не испытывать угрызений совести.

Доминирующие категории речи и мысли определяют материально и политически успешных людей как достойных похвалы, а бедных и политических диссидентов — как умственно и морально несостоятельных. По этим же причинам политические решения, служащие интересам влиятельных кругов, воспринимаются как ожидаемые и справедливые результаты должным образом установленных правительственных практик. Метафоры и фигуры речи маскируют подверженность этих процессов подсознательному (или сознательному) манипулированию в частных интересах.

Для завоевания общественного признания политики большое значение имеют установившиеся правительственные процедуры, так как эти процедуры («установившаяся практика законодательного процесса») весьма гибки с позиций возможной мотивации и ожидаемого результата, но чрезвычайно строги с точки зрения представлений, которые они порождают. Мотивации и результаты могут быть своекорыстными, но их утверждение на выборах, в законодательской деятельности и юридической практике превращает их в публичное волеизъявление. Даже когда власти идут на трогательные уступки протестующим, которые преднамеренно нарушают юридический процесс, они открыто признают свои действия как установившуюся практику. Делая уступки нарушителям порядка в гетто, официальные представители всегда отрицают тот факт,

что они уступают насилию, и энергичность этого отрицания пропорциональна степени уверенности оппонентов в том, что они именно это и делают.

Вероятно, наиболее распространенная форма реконструкции фактов средствами языка осуществляется посредством включения в ясную или идеальную типологию случаев сомнительного или противоречивого характера. В случаях хорошо распознаваемых и широко известных примеров мошенничества со стороны получающих социальные пособия легко увидеть достаточно явную структуру в сомнительном образе. В одном из исследований образа получателей социальных пособий автор обнаруживает, что «когда респондентов просили назвать людей, которые получают от общества больше, чем заслужили, то они называли получающих пособия лиц чаще, чем любую другую категорию. Приблизительно треть респондентов в каждой категории спонтанно называли женщин, получающих пособия по уходу за ребенком, и мужчин, получающих пособия, как людей, которые получают от общества больше, чем заслужили. При этом респонденты, принадлежащие к нижнему среднему классу, и представители рабочего класса чаще включали в эту категорию людей, получающих пособия, чем богатых людей» [Lerner 1971: 66].

Вполне очевидно, что категоризация не просто создает представления и ложные представления о других физически отдаленных людях; она также оказывает влияние на функционирование двусмысленных представлений о других людях, которые находятся рядом с нами. Название категории формирует убеждения и государственную политику, превращая уникальные свойства отдельных людей, социальных проблем и политических мероприятий в действенные стереотипы.

Языковая сегментация политического мира

Проблемы, решаемые правительством, тесно взаимосвязаны в современном мире, хотя нам постоянно намекают, что их следует воспринимать как независящие друг от друга. В связи с тем, что ежедневные новости и правительственные заявления постоянно внушают обеспокоенность по поводу определенных вопросов, воспринимаемых как отдельные, не связанные между собой «проблемы» (международные события, забастовки, нехватка горючего, недостаток продовольствия, цены, партийная политика и т. д.), наши политические миры сегментируются, расчленяются, и в каждый опреде-

ленный момент в них делается акцент на небольшом наборе вопросов, даже несмотря на то, что каждая из этих «проблем» является частью все сильнее интегрирующегося целого. Войны приносят с собой нехватку товаров потребления и рост цен, что, в свою очередь, провоцирует недовольство рабочих и поиски врага. Экономическое процветание приводит к снижению воровства и бродяжничества, но стимулирует рост беловоротничковой преступности, увеличение спроса на горючее и другие отрицательные последствия. Но наше отношение к проблемам и политике создает в голове каждого из нас представления о цепочке кризисов, передряшек, оснований для тревоги и надежды. И люди отчетливо осознают связи между проблемами и понимают, что само восприятие может быть произвольным и политически управляемым по причинам, о которых мы говорили выше. Восприятие политического мира в виде последовательности отдельных событий, произвольно оказывающих угрожающее или обнадеживающее воздействие на общество, заставляет людей легко поддаваться внушению, как специально организованному, так и случайному; так происходит, потому что окружающая действительность остается непредсказуемой, а люди находятся в состоянии постоянной тревоги. Вместо того, чтобы давать нам возможность заниматься проблемами с учетом их логических и практических связей друг с дру-

гом, политический язык подталкивает нас к их восприятию как отдельных явлений. Такой путь не приводит к успешному решению проблем и, в свою очередь, усиливает тревогу.

Созданные миры

Необходимо помнить, что убеждения и представления, основанные на неясной категоризации, не являются исключениями. Во всех существенных аспектах политические проблемы и акторы усваивают характеристики объектов через восприятие определенных символов. Посредством тонких языковых намеков и соответствующих политических действий мы получаем множество убеждений о характере наших проблем, их причинах, серьезности, о наших успехах или неудачах при попытке их решения, о том, какие аспекты этих проблем постоянны, а какие изменяемы, а также какое влияние и на какие категории населения они оказывают. Подобным же образом нас подталкивают к убеждениям о том, какие органы власти могут решить те или иные проблемы, о добросовестности и компетентности различных категорий населения, о критериях оценки государственной политики, о том, кто является союзником, а кто — врагом. Хотя символические подсказки и не являются всемогущими, они вносят большой вклад в определение географии и топографии политического мира каждого человека.

M. Edelman
USA

CATEGORIZATION, PERCEPTION, AND POLITICS (2)

ABSTRACT. *This is a translation of the second part of the chapter "Categorization, Perception, and Politics" from the book "Political Language: Words that succeed and policies that fail" by Murray Jacob Edelman, published in 1977. One of the most frequent recurring forms of political categorization is the definition of some large group of people as so serious a threat that their physical existence, their most characteristic ways of thought and feeling, or both must be exterminated or ruthlessly repressed. Linguistic reference engenders a "reality" that is not phenomenologically different from any other reality. The chapter focuses on such vital discursive phenomena as the linguistic generation of assumptions and the linguistic reconstruction of facts (political facts that disturb people and produce conflict are often reconstructed so that they conform to general beliefs about what should be happening). The linguistic segmentation of the political world makes it impossible to deal with issues in terms of their logical and empirical ties to one another; the language of politics encourages us to see them and to feel them as separate. But our mode of referring to problems and policies creates for each of us a succession of crises, of respites, of separate grounds for anxiety and for hope.*

KEYWORDS: *political discourse; linguistic categorization; categorization of enemies; social consensus; metaphor; stereotypes of thinking.*

ABOUT THE AUTHOR: *Edelman Murray Jacob (1919—2001), master's degree in history (1942, University of Chicago), Ph. D. in Political Science (University of Illinois, 1948). University of Illinois (since 1948), University of Wisconsin — Madison (since 1966), retired in 1990.*

ABOUT THE TRANSLATORS:

Pirozhkova Irina Sergeevna, Candidate of Philology, Senior Lecturer of Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

Polyakov Sergey Mikhaylovich, Candidate of Philology, Associate Professor, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

REFERENCES

1. Alford Robert. Health Care Politics. — Chicago : Univ. of Chicago Pr., 1975.
2. Edelman M. Language and Social Problems // Society. 1975. № 12 (July—Aug.). P. 14—21. © 1975 Transaction, Inc.

3. Edelman Murray. The Licensing of Radio Services in the United States, 1927 to 1947. — Urbana : Univ. of Illinois Pr., 1950.
4. Garfinkel Harold. Studies in Ethnomethodology. — Englewood Cliffs, N. J. : Prentice-Hall, 1967.
5. Goodwin Leonard. Do the Poor Want to Work? — Washington, D.C. : The Brookings Institution, 1972.

6. Lerner Melvin J. All the World Loathes a Loser // *Psychology Today*. 1971. № 5 (June).
7. Merleau-Ponty Maurice. *Phenomenology of Perception*. — London : Routledge and Kegan Paul, 1962.
8. Mueller Claus. *The Politics of Communication*. — New York : Oxford Univ. Pr. 1973. P. 24—42.
9. Mueller John E. Trends in Popular Support for the Wars in Korea and Vietnam // *American Political Science Review*. 1971. № 65, June. P. 358—375.
10. Pears David. *Ludwig Wittgenstein*. — New York : Viking, 1970. P. 149—178.
11. Piven Frances F., Cloward Richard A. *Regulating the Poor*. — New York : Vintage, 1971.
12. Sarbin Theodore R. *The Myth of the Criminal Type*. — Middletown, Conn. : Wesleyan Univ., Center for Advanced Studies, 1969. (Quoted in *Struggle for Justice // American Friends Service Committee*. P. 77—78).
13. Schütz Alfred. *Common-Sense and Scientific Interpretation of Human Action // Philosophy and Phenomenological Research*. 1953. № 14, Sept.
14. *Struggle for Justice / American Friends Service Committee*. — New York : Hill and Wang, 1971.
15. U. S. Department of Health, Education and Welfare. *Work in America*. — Washington, D.C. : U.S. Government Printing Office, 1972.
16. U. S. Department of Health, Education, and Welfare. *Report of the New Jersey Graduated Work Incentive Experiment*. — Washington, D. C. : U. S. Government Printing Office, 1973.

РАЗДЕЛ 6. РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА

УДК 811.161.1'42
ББК ШП41.12-51

ГСНТИ 16.21.33

Код ВАК 10.02.20

Э. В. Будаев
Екатеринбург, Россия

МЕТАФОРА И СОЦИАЛЬНЫЙ МИР

АННОТАЦИЯ. В настоящем обзоре дается характеристика новому метафорологическому журналу «Metaphor and Social World», издаваемому в Нидерландах с 2011 г., а также рецензируется специальный выпуск журнала от 2015 г., посвященный вопросам политической метафоры. В спецвыпуске представлены работы исследователей из университетов Франции, Бельгии, Нидерландов, США. Среди авторов статей такие известные специалисты в области метафорологии, как Р. Гиббс, Х. Де Ландстхер, Дж. Стин. Сборник отражает методологическое разнообразие, существующее в современных исследованиях метафор в политическом дискурсе. В статьях представлен качественный и количественный (корпусный) подход, текстовый и мультимодальный анализ, стилистический анализ и психолингвистический эксперимент, когнитивный и дискурсивный подходы. Журнал «Metaphor and Social World» акцентирует внимание на корреляции метафоры и социума, когнитивной метафорологии и дискурсивных теорий. В российской лингвистике подход, синтезирующий достижения когнитивной лингвистики и дискурсивного анализа, не только давно разрабатывается, но и считается одним из ведущих направлений в политической метафорологии (когнитивно-дискурсивный подход). В связи с этим можно говорить о том, что стратегически политическая метафорология в России и за рубежом развиваются схожим образом.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: журнал «Metaphor and Social World»; политический дискурс; метафора; политическая метафорология; когнитивная метафора.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Будаев Эдуард Владимирович, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков, теории и методики обучения, Российский государственный профессионально-педагогический университет; 620012, г. Екатеринбург, ул. Машиностроителей, д. 11; e-mail: aedw@mail.ru.

Метафорология относится к популярным направлениям исследований в современной лингвистике. Библиография в данной области только за последние десятилетия насчитывает несколько тысяч публикаций [Будаев 2011]. Вместе с тем среди множества лингвистических периодических изданий до недавних пор существовал только один специализированный научный журнал, посвященный вопросам метафорологии. Речь идет о журнале «Metaphor and Symbol» (до 1997 г. назывался «Metaphor and Symbolic Activity»), выпускаемый с 1986 г. в Великобритании издательством «Тейлор энд Фрэнсис». В последние годы материалы этого журнала методологически тяготеют к когнитивно-психолингвистическому подходу к исследованию метафор [Chiang A., Chiang W. 2016; Coëgnarts, Kravanja 2016; MacArthur et al. 2015; Roncero et al. 2016; Tay 2016; Thibodeau 2016 и др.], что неудивительно, если учитывать специализацию главного редактора Раймонда Гиббса, работающего профессором психологии в Калифорнийском университете в Санта-Круз и являющегося ведущим экспертом по экспериментальной психологии в области фигуративного мышления.

На этом фоне нельзя не обратить внимание на появление в Голландии нового метафорологического журнала «Metaphor and Social World» («Метафора и социальный мир»), в котором акцент делается на корреляции метафоры и социума. Во вступительной статье к первому номеру журнала

Л. Кэмерон и Г. Лоу отмечают, что, несмотря на значимые достижения в области когнитивной лингвистики, теория концептуальной метафоры не объясняет многие семантические, прагматические и культурные аспекты метафоры. Журнал знаменует собой «дискурсивный поворот» в метафорологических изысканиях и призван отображать новые достижения в области дискурсивных теорий метафоры [Cameron, Low 2011: 1]. Позиция авторов сводится не к отрицанию когнитивных эвристик, а к дополнению их дискурсивными эвристиками, анализом того, как когнитивная или языковая метафора коррелирует с человеком как членом социального мира.

В конце 2015 г. вышел специальный выпуск журнала «Metaphor and Social World», посвященный политической метафоре («Special issue on the political impact of metaphors») и объединивший работы исследователей из университетов Франции, Бельгии, Нидерландов, США.

Первая статья выпуска «Framing, metaphor and dialogue. A multimodal approach to party conference speeches», подготовленная французскими лингвистами, посвящена анализу выступлений лидеров на конференциях британских политических партий [Debras, L'Hôte 2015]. В Великобритании выступление лидера партии на партийной конференции имеет особое значение. Данный «институциональный ритуал» считается важнейшей речью в карьере политика.

В исследовании совмещаются количественный и качественный подходы. Авторы

сначала проводят количественный анализ ключевых слов (keyness analysis) в письменном корпусе выступлений лидеров Лейбористской и Консервативной партий с помощью сервиса сопоставительного корпусного анализа «Wmatrix», а затем фокусируют внимание на тексте выступления Тони Блэра в 2006 г. Еще одной методологической особенностью исследования стало совмещение текстового и мультимодального анализа. При анализе текстов учитывались самые разнообразные невербальные средства коммуникации (кивки головой, наклоны головы, сжатые губы, поднятые брови, жесты руками и т. п.).

Французские лингвисты утверждают, что выступления лидеров на партийных конференциях относятся к особому поджанру политического дискурса, потому что резко отличаются от других жанров политического дискурса. Авторы видят эти отличия в том, что в текстах анализируемого поджанра чаще, чем в текстах иных политических жанров, используются концептуальные метафоры и фиксируется более высокая продуктивность метафор. При этом наиболее важные метафоры усиливаются мультимодальными средствами: жестами, выражением лица, позой и просодическими средствами.

Совсем иной подход используется в статье профессора Антверпенского университета Х. Де Ландтсхеер [De Landtsheer 2015]. Следуя традиции использовать метод количественной оценки прагматической силы метафор, автор оперирует понятием индекса метафорической силы (Metaphor Power Index). В качестве материала для анализа Х. Де Ландтсхеер выбирает тексты периода финансового кризиса. Цель исследования заключается в том, чтобы определить, в какой степени экономические и политические обстоятельства дискурса оказывают влияние на использование тех или иных метафор. Для достижения цели подвергаются экстенсивному контент-анализу 3 730 статей из нидерландских и фламандских газет за период 2006—2013 гг.

В работе используется *метод индекса метафоричности* (MPI method). Вычисление *индекса метафоричности* (MPI) зависит от *индекса частотности метафор* (MFI), *индекса интенсивности метафор* (MII) и *индекса содержания метафор* (MCI). Индекс MFI показывает частотность метафор на 100 слов текста. Индекс MII отражает соотношение «слабых», «средних» и «сильных» метафор. К слабым метафорам относятся стертые метафоры, а на противоположном полюсе данного метафорического континуума располагаются свежие и оригинальные мета-

форы. Индекс MCI учитывает сферы-источники метафорической экспансии, которые ранжируются по шести категориям с разными коэффициентами. Самый низкий коэффициент, равный единице, у метафор из сферы-источника «Материальные объекты повседневной жизни», коэффициент 2 присваивается метафорам из сферы-источника «Природа» и т. д. Наивысший коэффициент (6) приписывается метафорам болезни и смерти. Индекс метафорической силы вычисляется как произведение индексов MFI, MII и MCI.

Использование данного метода позволило обнаружить значительные корреляции между индексом метафоричности и финансово-экономическими индикаторами Евростата (ВВП, безработица, госдолг, индекс потребительского доверия, количество банкротств). Метафоричность дискурса в обеих странах резко выросла в 2007 г. В последующие годы метафоричность равномерно увеличивалась вплоть до 2013 г., что свидетельствует о незавершенности экономического кризиса.

В основу третьего исследования, выполненного бельгийскими учеными [Perrez, Reuchamps 2015], был положен эксперимент по восприятию 493 респондентами статьи из газеты «Le Soir», в которой бельгийский федерализм сравнивался с игрой в тетрис. При этом метафора была реализована как на вербальном уровне, так и в визуальном ряде креолизованного текста.

Процедура эксперимента подразумевала четыре способа предъявления информации респондентам: «текст и изображение», «только текст», «только изображение» и «контроль» (ни текста, ни изображения). Соответственно испытуемые были разделены на четыре группы. После (не)предъявления информации предлагалось ответить на вопросы и дать описание своего видения бельгийского федерализма в свободной форме. Через четыре недели все испытуемые снова давали описание своего видения проблемы, что должно было продемонстрировать долговременность эффекта воздействия метафоры на восприятие политики гражданами. Полученные тексты подвергались контент-анализу.

Результаты показали зависимость длины текстов от типа предъявляемой информации. Самые длинные тексты продуцировали респонденты, которым показывали текст и изображение, а самые короткие тексты представляли участники контрольной группы. Вместе с тем данная зависимость не обнаруживалась при повторном описании проблемы через четыре недели (в последнем

эксперименте информация респондентам не предьявлялась).

Воздействие политической метафоры на адресата объясняется также той ролью, которую играет процесс развертывания фрейма. Этой проблеме посвящено исследование «How viruses and beasts affect our opinions (or not): The role of extendedness in metaphorical framing» [Reijnierse et al. 2015], проведенное группой лингвистов из Амстердамского университета. Авторы отталкиваются от эксперимента, проведенного в Стэндфордском университете [Thibodeau, Boroditsky 2011], в котором было показано, что различия в метафорах, концептуализирующих преступления, «подсказывают» адресату разные сценарии борьбы с преступностью. В случае представления преступности как вируса (*Crime is a virus*) респонденты акцентировали внимание на профилактике преступности. Если же испытуемым предлагалась метафора преступности как дикого зверя (*Crime is a beast*), то они были склонны выступать за репрессивные методы борьбы.

Голландские исследователи снова обратились к этим двум фреймам, концептуализирующим преступность. Они задались вопросом о том, до какой степени данные фреймы подсказывают гражданам, какую политику борьбы с преступностью следует выбирать: основанную на реформах или принуждении. Результаты показали, что метафора «*Crime is a beast*» развертывалась в понятиях того же фрейма, в то время как в случае «*Crime is a virus*» развертывание фрейма не наблюдалось. Таким образом, фреймовые эффекты оказались не такими однозначными и предсказуемыми, как иногда теоретически представляется исследователями метафор.

Также проблеме развертывания метафор посвящена последняя статья рецензируемого выпуска, написанная Р. Гиббсом [Gibbs 2015]. Автор утверждает, что многие концептуальные метафоры необходимо рассматривать как аллегории. Одним из признаков аллегории, отличающих ее от развернутой метафоры, является ее богатый символический характер. Вместе с тем автор утверждает, что адресаты дискурса интерпретируют метафоры-аллегии через «воплощенную симуляцию», т. е. представляя себя участниками событий, описываемых в дискурсе. К примеру, метафора-аллегория *взбираться вверх по лестнице* осмысливается реципиентами через концептуальную симуляцию сенсомоторного опыта.

Практическая часть исследования заключалась в эксперименте, в котором испытуемым давали читать фрагменты текста,

содержащие развернутую метафору «Политические дебаты — это боксерский поединок». Текст описывал политические дебаты Б. Обамы и М. Ромни. Испытуемые письменно давали интерпретацию прочитанных фраз. Например, на предложенную фразу *I think Romney will take some hard shots* (Я думаю, Ромни нанесет несколько сильных ударов) респондент написал: *He will attempt to make President Obama look bad to make himself look better* (Он попытается заставить Обаму показать себя с плохой стороны, а себя показать с хорошей). Подобные ответы, по мысли автора, свидетельствуют о том, что понимание метафоры подразумевает не просто развертывание фрейма, а инференции аллегорической природы. Более широкий вывод Р. Гиббса сводится к сентенции, что концептуальные метафоры — это частный случай операций с аллегорическими структурами.

Таким образом, выпуск отразил разные методы (психолингвистический, контент-анализ, стилистический и др.), сумма которых дает надежду для исследователей политической метафоры получить более полные ответы на вопросы взаимодействия политического дискурса и фигуративного мышления.

В завершение нельзя не отметить, что в российской лингвистике подход, синтезирующий достижения когнитивной лингвистики и дискурсивного анализа, не только давно разрабатывается, но и считается одним из ведущих направлений в политической метафорологии (когнитивно-дискурсивный подход). В связи с этим можно говорить о том, что стратегически политическая метафорология в России и за рубежом развиваются схожим образом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Будаев Э. В. Сопоставительная политическая метафорология. — Н. Тагил, 2011. 359 с.
2. Chiang A. Y., Chiang W. Behold, I am Coming Soon! A Study on the Conceptualization of Sexual Orgasm in 27 Languages // *Metaphor and Symbol*. 2016. Vol. 31, Iss. 3. P. 131—147.
3. Cameron L., Low G. Metaphor and the Social World. Introduction to the first issue // *Metaphor and the Social World*. 2011. Vol. 1 (1). P. 1—5.
4. Coëgnarts M., Kravanja P. Perceiving Causality in Character Perception: A Metaphorical Study of Causation in Film // *Metaphor and Symbol*. 2016. Vol. 31, Iss. 2. P. 91—107.
5. Debras C., L'Hôte E. Framing, metaphor and dialogue: A multimodal approach to party conference speeches // *Metaphor and the Social World*. 2015. Vol. 5 (2). P. 177—204.
6. De Landtsheer Ch. Media rhetoric plays the market: The logic and power of metaphors behind the financial crises since 2006 // *Metaphor and the Social World*. 2015. Vol. 5 (2). P. 205—222.
7. Gibbs R. The allegorical character of political metaphors in discourse // *Metaphor and the Social World*. 2015. Vol. 5 (2). P. 264—282.
8. Landau M. J., Nelson N. M., Keefer L. A. Divergent Effects of Metaphoric Company Logos: Do They Convey What the Company Does or What I Need? // *Metaphor and Symbol*. 2015. Vol. 30, Iss. 4. P. 314—338.

9. MacArthur F., Krennmayr T., Littlemore J. How Basic Is “UNDERSTANDING IS SEEING” When Reasoning About Knowledge? Asymmetric Uses of Sight Metaphors in Office Hours Consultations in English as Academic Lingua Franca // *Metaphor and Symbol*. 2015. Vol. 30, Iss. 3. P. 184—217.

10. Perrez J., Reuchamps M. The “Belgian Tetris”: Assessing the political impact of metaphors on citizens’ representations of Belgian federalism // *Metaphor and Symbol*. 2016. Vol. 31, Iss. 1. P. 223—244.

11. Reijnierse W. G., Burgers Ch., Krennmayr T., Steen G. How viruses and beasts affect our opinions (or not): The role of extendedness in metaphorical framing // *Metaphor and Symbol*. 2016. Vol. 31, Iss. 1. P. 264—282.

E. V. Budaev

Ekaterinburg, Russia

METAPHOR AND SOCIAL WORLD

ABSTRACT. *As the title indicates, the review deals with the new metaphorological journal “Metaphor and Social World”, which has been published in the Netherlands since 2011. Special attention is given to the issue devoted to political impact of metaphors (2015). The issue included papers written by French, Belgian, Dutch and US scholars. Among the authors there are such prominent experts in metaphorology as Ch. De Landtsheer, R. Gibbs Jr., G. Steen. Papers reflect a variety of methods and approaches to political metaphor analysis including qualitative and quantitative (corpus) analysis, textual and multimodal analysis, stylistic and psycholinguistic approaches, cognitive and discourse analysis. The journal Metaphor and Social World aims at the revelation of the complex relations between metaphor and people’s lives, cognitive nature of metaphor and its discursive objectivation. The approach synthesizing cognitive and discursive heuristics has been developed in Russian linguistics for two decades and nowadays it is considered to be the leading approach to political metaphor analysis. Thus political metaphorology in Russia and abroad align in the same direction.*

KEYWORDS: *political metaphor; political discourse; Metaphor and Social World; discursive approach to metaphor.*

ABOUT THE AUTHOR: *Budaev Eduard Vladimirovich, Doctor of Philology, Professor of the Foreign Languages Department, Russian State Vocational Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.*

REFERENCES

1. Budaev E. V. Sopostavitel'naya politicheskaya metaforologiya. — N. Tagil, 2011. 359 s.

2. Chiang A. Y., Chiang W. Behold, I am Coming Soon! A Study on the Conceptualization of Sexual Orgasm in 27 Languages // *Metaphor and Symbol*. 2016. Vol. 31, Iss. 3. P. 131—147.

3. Cameron L., Low G. Metaphor and the Social World. Introduction to the first issue // *Metaphor and the Social World*. 2011. Vol. 1 (1). P. 1—5.

4. Coëgnarts M., Kravanja P. Perceiving Causality in Character Perception: A Metaphorical Study of Causation in Film // *Metaphor and Symbol*. 2016. Vol. 31, Iss. 2. P. 91—107.

5. Debras C., L'Hôte E. Framing, metaphor and dialogue: A multimodal approach to party conference speeches // *Metaphor and the Social World*. 2015. Vol. 5 (2). P. 177—204.

6. De Landtsheer Ch. Media rhetoric plays the market: The logic and power of metaphors behind the financial crises since 2006 // *Metaphor and the Social World*. 2015. Vol. 5 (2). P. 205—222.

7. Gibbs R. The allegorical character of political metaphors in discourse // *Metaphor and the Social World*. 2015. Vol. 5 (2). P. 264—282.

8. Landau M. J., Nelson N. M., Keefer L. A. Divergent Effects of Metaphoric Company Logos: Do They Convey What the Company Does or What I Need? // *Metaphor and Symbol*. 2015. Vol. 30, Iss. 4. P. 314—338.

12. Roncero C., de Almeida R. G., Martin D. C., de Caro M. Aptness Predicts Metaphor Preference in the Lab and on the Internet // *Metaphor and Symbol*. 2016. Vol. 31, Iss. 1. P. 31—46.

13. Tay D. Metaphor and Psychological Transference // *Metaphor and Symbol*. 2016. Vol. 31, Iss. 1. P. 11—30.

14. Thibodeau P. H. Extended Metaphors are the Home Runs of Persuasion: Don't Fumble the Phrase // *Metaphor and Symbol*. 2016. Vol. 31, Iss. 2. P. 53—72.

15. Thibodeau P. H., Boroditsky L. Metaphors We Think With: The Role of Metaphor in Reasoning // *PLoS ONE*. 2011. Vol. 6 (2). P. 1—11.

9. MacArthur F., Krennmayr T., Littlemore J. How Basic Is “UNDERSTANDING IS SEEING” When Reasoning About Knowledge? Asymmetric Uses of Sight Metaphors in Office Hours Consultations in English as Academic Lingua Franca // *Metaphor and Symbol*. 2015. Vol. 30, Iss. 3. P. 184—217.

10. Perrez J., Reuchamps M. The “Belgian Tetris”: Assessing the political impact of metaphors on citizens’ representations of Belgian federalism // *Metaphor and Symbol*. 2016. Vol. 31, Iss. 1. P. 223—244.

11. Reijnierse W. G., Burgers Ch., Krennmayr T., Steen G. How viruses and beasts affect our opinions (or not): The role of extendedness in metaphorical framing // *Metaphor and Symbol*. 2016. Vol. 31, Iss. 1. P. 264—282.

12. Roncero C., de Almeida R. G., Martin D. C., de Caro M. Aptness Predicts Metaphor Preference in the Lab and on the Internet // *Metaphor and Symbol*. 2016. Vol. 31, Iss. 1. P. 31—46.

13. Tay D. Metaphor and Psychological Transference // *Metaphor and Symbol*. 2016. Vol. 31, Iss. 1. P. 11—30.

14. Thibodeau P. H. Extended Metaphors are the Home Runs of Persuasion: Don't Fumble the Phrase // *Metaphor and Symbol*. 2016. Vol. 31, Iss. 2. P. 53—72.

15. Thibodeau P. H., Boroditsky L. Metaphors We Think With: The Role of Metaphor in Reasoning // *PLoS ONE*. 2011. Vol. 6 (2). P. 1—11.

М. В. Плотникова
Екатеринбург, Россия

Т. И. Зеленина
Ижевск, Россия

ОБРАЗ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

АННОТАЦИЯ. Рецензия на монографию Р. И. Зарипова «Метафорическое моделирование образа России в современном французском политическом дискурсе» (М.: Р. Валент, 2016. — 220 с.). Рецензируемая монография посвящена исследованию репрезентации образа современной российской действительности во французских СМИ. Работа выполнена в русле когнитивно-дискурсивного направления лингвистики с использованием методики метафорического моделирования. Автор выделяет основные метафорические модели, представляющие образ современной России в политических сегментах «Дело Навального», «Олимпийские игры в Сочи», «Гражданская война на Украине» в периодических французских изданиях различной политической направленности. Под политическим сегментом автор понимает отображаемый в политическом дискурсе ряд общественно значимых и взаимосвязанных событий, притягивающих внимание национальной и мировой общественности. В рамках данных политических сегментов выделяются следующие метафорические модели: основная модель «Российская политическая действительность — это война» (фреймы «Война и её разновидности», «Союзники и враги», «Организация военной службы», «Военные действия и вооружение»), «Российская политическая действительность — это игра (спортивное состязание)» (фреймы «Виды игры и спорта», «Участники соревнований и их результаты», «Правила игры и судья»), «Россия — это преступное сообщество» (фреймы «Преступники», «Преступная деятельность», «Жертвы преступлений», «Места лишения свободы»). Выявленные метафорические модели также исследуются с точки зрения экспрессивности и конфликтности их компонентов. Монография адресована лингвистам и политологам, а также широкому кругу читателей, интересующихся политикой, информационными войнами, образом России в мире.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политическая метафора; метафорическое моделирование; политический дискурс; медиатекст; экспрессивность метафор; конфликтность метафор.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Плотникова Мария Вячеславовна, доцент кафедры романских языков, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург); 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 464; e-mail: plotnikova_maryu@mail.ru.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Зеленина Тамара Ивановна, профессор кафедры романской филологии, второго иностранного языка и лингводидактики, Удмуртский государственный университет (Ижевск); 426034, г. Ижевск, ул. Университетская, 1; e-mail: zeleninatamara2@yandex.ru.

Интерес зарубежных СМИ к российской действительности имеет волновой характер и зачастую связан с наиболее яркими политическими событиями. За последние три года Россия впервые после Первой и Второй чеченских кампаний и прихода к власти В. В. Путина оказалась в фокусе столь пристального внимания Запада. В этой связи представляется очевидным и своевременным появление ряда научных исследований, отражающих данные тенденции.

Несмотря на устойчивую заинтересованность исследователей в изучении образа России во Франции [Лапина 2012; Богословская 2015], существует сравнительно небольшое количество собственно лингвистических работ, посвященных отражению современной российской действительности во французском политическом и медиадискурсах [Шаова 2005; Цилюрик 2013]. Монография Р. И. Зарипова «Метафорическое моделирование образа России в современном французском политическом дискурсе» явилась одним из первых комплексных лингвистических исследований, выполненных в ключе интереса к актуальным политическим событиям новейшей истории России.

В качестве материала исследования автором были рассмотрены французские пе-

чатные издания различной политической направленности, такие как «Le Monde», «Libération», «Le Figaro», «Le Parisien», «Le Point», «Express», «Le Nouvel Observateur», «France 24», RFI за период с 2012 по 2015 г.

Монография выполнена в русле теории концептуальной метафоры (Дж. Лакофф, М. Джонсон), теории метафорического моделирования (Э. В. Будаев, А. П. Чудинов) и дескрипторной теории метафоры (А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов), опирается на достижения дискурс-анализа (А. Н. Баранов, Т. ван Дейк, Е. В. Сидоров, В. Е. Чернявская, А. П. Чудинов, Е. И. Шейгал), а также когнитивной лингвистики, семиотики и лингвокультурологии (Н. Д. Арутюнова, Е. М. Вольф, Л. А. Гаврилов, В. Г. Гак, Н. В. Иванов, Е. С. Кубрякова, В. А. Курдюмов, Е. Ф. Тарасов, В. Н. Телия и др.). В качестве специфических методик исследования автор использует метод расчета экспрессивности и конфликтности метафор К. де Ландтсхеер.

Первая глава монографии «Основные особенности и критерии выделения концептуальной метафоры в диахроническом аспекте» имеет теоретическую направленность. Автор рассматривает механизмы функционирования метафоры в рамках различных функциональных стилей: художест-

венного, публицистического, разговорного, научного, языка технической литературы, официально-делового. При этом учитывается специфика каждого из данных стилей, присущая французскому языку. Далее в главе рассмотрена история изучения метафоры от Аристотеля до современной когнитивно-дискурсивной парадигмы.

На наш взгляд, автор несколько вольно трактует понятие «арго», относя его к разговорному стилю и рассматривая метафоризацию в качестве одного из основных механизмов его формирования. Зачастую в арготической лексике намеренно нарушен базовый для метафоризации принцип аналогии, поскольку арго имеет целью кодирование, засекречивание информации от непосвященных. Как и большинство социодialectов, арго имеет особый стилистический статус во французском языке и не в полной мере относится к разговорному стилю, занимая пограничное положение между различными функциональными стилями.

Вторая глава «Теоретические основы исследования метафорических моделей политического дискурса» посвящена подробному рассмотрению метафорического моделирования как основного метода исследования политической метафоры. Автор приводит основные положения когнитивной теории метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона, а также отражает развитие данной теории в исследованиях отечественных и зарубежных лингвистов (М. Тёрнер, Г. Фоконье, Н. Д. Арутюнова, А. Н. Баранов, Т. С. Вершинина, Ю. Н. Караулов, А. А. Каслова, Р. Д. Керимов, И. М. Кобозева, Е. В. Колотнина, Н. А. Красильникова, А. Б. Ряпосова, Н. А. Санцевич, Т. Г. Скребцова, А. М. Стрельников, Ю. Б. Феденева, Н. М. Чудакова, А. П. Чудинов, О. А. Шаова и др.). Автор заявляет, что, в соответствии с современной трактовкой метафоры, ей фактически может называться любая лексема, употребленная в переносном смысле, и предлагает следующее определение метафоры: «...метафора — не только образ, но интерпретативная, эпистемологическая категория, обладающая креативной ролью в структурировании и раскрытии мира, в ряде случаев она служит средством намеренного искажения действительности» [Зарипов 2015: 46].

В третьей главе «Метафорические образы России в современном французском политическом дискурсе» представлены основные метафорические образы России во французских СМИ в политических сегментах «Дело Навального», «Олимпийские игры в Сочи», «Гражданская война на Украине». Под политическим сегментом автор понимает ото-

бражаемый в политическом дискурсе ряд общественно значимых и взаимосвязанных событий, притягивающих внимание национальной и мировой общественности. В рамках данных политических сегментов выделяются следующие метафорические модели: основная модель «РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ — это ВОЙНА» (фреймы «Война и ее разновидности», «Союзники и враги», «Организация военной службы», «Военные действия и вооружение»), «РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ — это ИГРА (СПОРТИВНОЕ СОСТЯЗАНИЕ)» (фреймы «Виды игры и спорта», «Участники соревнований и их результаты», «Правила игры и судья»), «РОССИЯ — это ПРЕСТУПНОЕ СООБЩЕСТВО» (фреймы «Преступники», «Преступная деятельность», «Жертвы преступлений», «Места лишения свободы»). По мнению автора, под воздействием всех приведенных метафор у реципиента намеренно формируются негативные представления о политической действительности России.

Таким образом, в рамках отдельных сегментов внутренней и внешней политики РФ автор выявляет исходные метафорообразующие понятийные области, которые создают комплекс метафорических моделей образа России — собирательный метафорический образ нашей страны, формируемый в текстах французского политического дискурса.

В четвертой главе «Политическая метафорика образа России: проблема математического инструментария» выявленные ранее метафорические модели исследуются с точки зрения экспрессивности и конфликтности их компонентов. В результате проведенных расчетов автор приходит к выводу о наибольшей конфликтности метафор в политическом сегменте «Гражданская война на Украине», что с лингвистической точки зрения выражается в большем количестве конфликтных метафор образа России (военных, спортивных (игровых), социоморфных метафор, метафор нацизма) по отношению к общему количеству метафор в рамках политического сегмента «Гражданская война на Украине». Также отмечается, что конфликтность метафор в политическом сегменте «Дело Навального» выше, чем в сегменте «Олимпийские игры в Сочи». Использование оригинальной методики математической обработки лингвистических данных, безусловно, «украсило» работу, позволило обеспечить валидность и репрезентативность результатов исследования, объективность выводов. Представляется, что применение данной методики является одной из главных эвристических находок автора, имеющей

высокий потенциал использования в дальнейших исследованиях, выполняемых в русле когнитивной теории метафоры.

Значимым результатом монографического исследования также можно считать выделение доминантных метафорических моделей, представляющих образ современной российской политической действительности во французских СМИ.

В целом представленная на рецензирование монография Р. И. Зарипова вызывает несомненный научный интерес, поскольку отвечает актуальным тенденциям развития современной лингвистики. Очевидно, что проведенная автором работа позволила подготовить самостоятельное завершённое исследование, результаты которого являются релевантными как для теории языка, так и для практики его преподавания.

Тем не менее нельзя не отметить периодически встречающуюся в работе терминологическую неупорядоченность, что несколько снижает общее позитивное впечатление от прочтения. Так, например, возникает вопрос о целесообразности разграничении морбиальной метафоры и метафоры смерти, употребленных в пределах одной классификации, военной и военной метафоры и т. д. На наш взгляд, подобное смешение связано с применением в работе большого числа однотипных классификаций, не несущих значительной исследовательской нагрузки, что может быть

исправлено при дальнейших изданиях монографии.

Кроме того, вызывает сомнение несколько односторонняя, сугубо негативная репрезентация образа России. Представление альтернативных взглядов, очевидно, присутствующих во французских СМИ, с нашей точки зрения, позитивно сказалось бы на общей концепции работы, не вступая в противоречие с основными выводами автора.

Однако необходимо отметить, что высказанные наблюдения ни в коей мере не умаляют значимости проведенного автором глубокого и подробного монографического исследования, имеющего несомненный научный потенциал.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богословская Г. В. Образ России во Франции в 2000—2012 гг. По материалам французской прессы // Изв. Алтайск. гос. ун-та. 2015. Вып. 4 (88), т. 1. С. 61—65.
2. Зарипов Р. И. Метафорическое моделирование образа России в современном французском политическом дискурсе : моногр. — М. : Р. Валент, 2016. 220 с.
3. Лапина Н. Ю. Образ современной России во Франции: опыт междисциплинарного анализа : сб. ст. / РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. глобал. и регионал. проблем. Отд. глобал. проблем ; отв. ред. Н. Ю. Лапина. — М., 2012. 200 с. (Сер.: Европа: XXI век).
4. Цилюрик Д. Д. Образ России в современном французском политическом медиадискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 2013. 22 с.
5. Шаова О. А. Россия и Франция: национальные стереотипы и их метафорическая репрезентация (на материале французских газет в сопоставлении с российскими) : дис. ... канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2005. 210 с.

M. V. Plotnikova
Ekaterinburg, Russia

T. I. Zelenina
Izhevsk, Russia

THE IMAGE OF CONTEMPORARY RUSSIA IN FRENCH POLITICAL DISCOURSE

ABSTRACT. *The article is a review of the monograph "Metaphorical Modeling of the Image of Russia in Modern French Political Discourse" (M.: R.Valent, 2016. — 220 p.) by R. Zaripov. The monograph is devoted to the study of the representation of the image of contemporary Russia in French media. This work contributes to the cognitive-discursive linguistics with the use of metaphorical modeling techniques. The author maps out the main metaphoric models representing the image of modern Russia in "Navalny Case", "Winter Olympics in Sochi", "The Civil War in the Ukraine" political segments in French periodical titles of different political angles. By the political segment the author means a number of socially significant and interrelated events attracting the attention of the national and international community enounced in the political discourse. The metaphorical models are also investigated in terms of conflictogenity and expressiveness of their components. The monograph is addressed to linguists and political scientists, as well as to a number of readers interested in politics, information wars and the image of Russia in the world.*

KEYWORDS: *political metaphor; metaphorical modeling; political discourse; media text; expressiveness of metaphors; conflictogenity of metaphors.*

ABOUT THE AUTHOR: *Plotnikova Maria Vjacheslavovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Romanic Languages, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.*

ABOUT THE AUTHOR: *Zelenina Tamara Ivanovna, Doctor of Philology, Professor of Department of Romanic Philology, Second Foreign Language and Linguododactics, Udmurt State University, Izhevsk, Russia.*

REFERENCES

1. Bogoslovskaya G. V. *Obraz Rossii vo Frantsii v 2000—2012 gg. Po materialam frantsuzskoy pressy // Izv. Altaysk. gos. un-ta.* 2015. Vyp. 4 (88), t. 1. S. 61—65.
2. Zaripov R. I. *Metaforicheskoe modelirovanie obraza Rossii v sovremennom frantsuzskom politicheskom diskurse : monogr.* — M. : R. Valent, 2016. 220 s.
3. Lapina N. Yu. *Obraz sovremennoy Rossii vo Frantsii: opyt mezhdistsiplinarnogo analiza : sb. st. / RAN. INION. Tsentr nauch.-inform. issled. global. i regional. problem. Otd. global.*

problem ; otv. red. N. Yu. Lapina. — M., 2012. 200 s. (Ser.: Evropa: XXI vek).

4. Tsilyurik D. D. *Obraz Rossii v sovremennom frantsuzskom politicheskom mediadiskurse : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk.* — M., 2013. 22 s.

5. Shaova O. A. *Rossiya i Frantsiya: natsional'nye stereotipy i ikh metaforicheskaya reprezentatsiya (na materiale frantsuzskikh gazet v sopostavlenii s rossiyskimi) : dis. ... kand. filol. nauk.* — Ekaterinburg, 2005. 210 s.

М. Р. Бабилова, М. Б. Ворошилова
Екатеринбург, Россия

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА: ПРОБЛЕМАТИКА, МЕТОДОЛОГИЯ,
АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ НАУЧНОГО НАПРАВЛЕНИЯ**

АННОТАЦИЯ. Отчет о международной научной конференции «Политическая лингвистика: проблематика, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления», состоявшейся в 2016 г. в Уральском государственном педагогическом университете. Выступления, сделанные на конференции, характеризуются с точки зрения тенденций развития политической лингвистики и научной школы исследований по данной области, сформировавшейся в названном университете. В настоящее время пришло время подвести некоторые итоги развития указанного научного направления, выделить инновационный потенциал, наметить новые перспективные сферы исследования, заново рассмотреть методологию, эвристики, методы и приемы политической лингвистики. Особенно актуальным является рассмотрение особенностей политической коммуникации в условиях обострения межгосударственных отношений. Традиционно специфичным для конференции по проблемам политической коммуникации, проводимой уже в 10 раз, является совмещение различных видов работ, различных форм научного общения и широкое привлечение не только ученых, но и практиков (политиков, журналистов, специалистов в области связей с общественностью, представителей государственной власти). На этот раз, кроме традиционных форм работы, организаторы конференции предложили нововведения: для участников были организованы курсы повышения квалификации «Методология психолого-лингвистической экспертизы конфликтных политических (экстремистских) текстов». Преподаватели курса — действующие эксперты затронули актуальные и важные темы экспертной деятельности: формулировка вопросов при проведении экспертиз по преступлениям экстремистской направленности, методология проведения лингвистической экспертизы. Ученые предложили обзор новых методик лингвистической экспертизы политического текста.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политическая лингвистика; современный политический дискурс; психолого-лингвистическая экспертиза; информационная война; креолизованный текст.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Бабилова Марина Рашитовна, аспирант кафедры межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург); адрес: 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26; e-mail: marina-anvarova@yandex.ru.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Ворошилова Мария Борисовна, кандидат филологических наук, доцент, проректор по инновационной и научной деятельности Уральского государственного педагогического университета; 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 219; e-mail: shinkari@mail.ru.

Политическая коммуникация на протяжении многих столетий привлекает внимание ученых, однако как автономное научное направление сформировалась только на рубеже XX—XXI вв. и лишь в последние годы получила общественное признание.

В настоящее время пришло время подвести некоторые итоги развития данного научного направления, определить его инновационный потенциал, наметить новые перспективные сферы исследования, проанализировать и пересмотреть методологию, эвристики, методы и исследовательские приемы политической лингвистики.

Необходимо продолжить дискуссии о дифференциации, с одной стороны, общих закономерностей политической коммуникации, имеющих глобальный и отчасти вневременной характер, а с другой — национальных и исторических особенностей политической коммуникации, связанных с языком, традициями, социальными условиями и иными дискурсивными факторами.

Особенно важно обсудить самые современные проблемы, в том числе особенности политической коммуникации в условиях обострения межгосударственных отношений и пути представления российских интересов в зарубежных СМИ с различной политической ориентацией.

С этой целью ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет» при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 16-04-14113/16) провел юбилейную, X Международную научную конференцию «Политическая коммуникация» (тема этой конференции — «Политическая лингвистика: проблематика, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления»).

Международная научная конференция по политической коммуникации проводится в Екатеринбурге в 10-й раз. С 2003 г. в этом мероприятии участвовали ученые более 10 стран, сложившиеся научные связи актуальны и сейчас. Установлены прочные деловые контакты с наиболее крупными зарубежными специалистами, среди которых Патрик Серию (Франция, Швейцария), Даниэль Вайс (Германия, Швейцария), Джон Данн (Великобритания), Ричард Андерсон (США), И. Иньиго-Мора (Испания), Й. Сипко (Словакия), Э. Лассан (Литва), Л. Н. Синельникова (Украина) и многие другие. Важная тенденция последних лет — активное взаимодействие с учеными из Китая (Ли Минь, Ян Кэ, Тин Тин, Ю Айхуа и другие профессора из вузов Пекина, Гуанчжоу, Шанхай, Чанчуня) и других стран Шанхайской организации сотрудничества (Казахстан, Киргизия, Таджикистан и др.). Результатом этого

сотрудничества стали многочисленные публикации зарубежных ученых в журнале «Политическая лингвистика» (включен в Перечень ВАК, издается с 2004 г.), публикации екатеринбургских лингвистов в китайских научных журналах, а также выход монографии А. П. Чудинова «Современная политическая лингвистика» в переводе на китайский язык в издательстве Гуандунского государственного университета.

Сотрудничество с зарубежными коллегами, в частности, привело к тому, что в 2014 г. совместными усилиями российских и швейцарских лингвистов была организована конференция «ИмPLICITные и эксплицитные стратегии в восточноевропейском политическом дискурсе». На этапе подготовки интерес к конференции был столь высок, что было принято решение провести одновременно две секции: швейцарскую в Цюрихском университете и российскую в Уральском государственном педагогическом университете. Швейцарская секция конференции была организована при поддержке Швейцарского национального научного фонда (SNSF), российская — при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ, грант №14-04-0268 «Политическая лингвистика: проблематика, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления»).

Традиции эффективного научного сотрудничества и обмена опытом продолжила конференция 2016 г. Мероприятие по-прежнему характеризовалось широкой географией, на нем были представлены ученые из следующих городов Российской Федерации: Астрахань, Барнаул, Владикавказ (Республика Северная Осетия — Алания), Воронеж, Екатеринбург, Иваново, Ижевск, Кемерово, Красноярск, Москва, Нижний Новгород, Нижний Тагил, Новосибирск, Пенза, Пермь, Пятигорск, Ростов-на-Дону, Санкт-Петербург, Севастополь, Симферополь, Сургут, Таганрог, Тверь, Уфа (Республика Башкортостан), Хабаровск, Челябинск. Среди участников конференции были также представители других стран: Казахстана, Китая, Словакии, Украины. Всего в конференции приняли участие около 300 человек. Научное мероприятие объединило ведущих ученых, аспирантов, соискателей и других лиц, интересующихся такими исследовательскими сферами, как политическая коммуникация, политология, лингвокультурология, когнитивная лингвистика, межкультурная коммуникация, история и психология.

Уже традиционно отличительной чертой программы научной конференции стало совмещение различных видов работ, различных форм научного общения и широкое при-

влечение не только ученых, но и практиков (политиков, журналистов, специалистов в области связей с общественностью, представителей государственной власти и др.).

В преддверии научной конференции редакционной коллегией журнала «Политическая лингвистика» (издается в Уральском государственном педагогическом университете) был организован международный конкурс научных публикаций «Политическая коммуникация».

Конкурс проводился по трем номинациям: «Теория политической лингвистики», «Политическая коммуникация», «Язык — политика — культура». Допускались работы следующих жанров: монографии и учебные издания, научные статьи.

В секции «**Научная статья**» членами конкурсной комиссии были отмечены следующие работы:

- *Барабаш О. В.* Особенности категоризации феномена коррупции вне юридического дискурса.
- *Виноградова С. М., Мельник Г. С.* Тактические медиа: язык протеста.
- *Журавская О. С.* Использование историзмов и архаизмов в общественно-политическом дискурсе.
- *Злоказов К. В.* Влияние анонимности автора на параметры угрозы.
- *Зотова А. С.* Стратегии воздействия в российской социальной рекламе безопасности дорожного движения.
- *Катермина В. В.* Политическая неоминимация в массмедийном дискурсе.
- *Колмогорова А. В., Калинин А. А., Талдыкина Ю. А.* Языковые маркеры манипуляции в поляризованном политическом дискурсе: опыт параметризации.
- *Кондратьева О. Н.* Метафорическая динамика в идиостиле политика (к постановке проблемы).
- *Коцюбинская Л. В.* Метафора «информационная атака» как предмет лингвистического анализа.
- *Култышева И. В.* Категория комического в репрезентации образа политического врага (на примере фотокарикатур и демотиваторов).
- *Лу Тинтин.* Стратегия уклонения в политическом интервью: на материале русского и китайского языков.
- *Ольховикова Ю. А.* Метафорическое моделирование образа России в СМИ Великобритании, Германии и США в период с 2012 по 2016 г.
- *Решетникова В. В.* Процесс формирования межкультурной коммуникации и связь его с адаптацией студентов-иностранцев в условиях российского вуза.

- *Рябкова И. П., Варганов М. В.* Аудиовизуальный политический текст: анализ вербальной составляющей выступления и эмоционального состояния политика.
- *Сосипатрова А. В.* Феномен коррупции в современных СМИ сквозь призму метафоры родства.

В секции «**Монографии и учебные пособия**» были отмечены следующие издания.

- *Алферов А. В., Белова В. Ф., Зюбина И. А., Кустова Е. Ю., Лесняк М. В., Матвеева Г. Г., Червоный А. М., Ширяева Т. А.* Европейский парламентский дискурс: прагмалингвистические очерки.
- *Антонова Ю. А., Веснина Л. Е., Ворошилова М. Б., Злоказов К. В., Карапетян А. А., Тагильцева Ю. Р.* Экстремистский текст и деструктивная личность.
- *Богданович Г. Ю.* Русский язык в аспекте проблем лингвокультурологии.
- *Васильев А. Д.* Игры в слова.
- *Ворошилова М. Б.* Политический креолизованный текст: ключи к прочтению.
- *Гаврилова М. В.* Анализ программ российских политических партий начала XX и XXI веков (лингвистический аспект).
- *Корнилов О. А.* Бицзы — «Наброски кистью»: сб. статей о языке и культуре.
- *Корнилов О. А.* Контексты межкультурной коммуникации.
- *Корнилов О. А.* Языковые картины мира как производные национальных менталитетов.
- *Маник С. А.* Современные техники интерпретации английской общественно-политической терминологии.
- *Нахимова Е. А.* Прецедентные онимы в современной российской массовой коммуникации: теория и методика когнитивно-дискурсивного исследования.
- *Нахимова Е. А., Постникова А. А.* Наполеоновская эпоха в коммуникативной памяти России и Франции.
- *Островская Т. А.* Лингвосемиотика дискурса элиты.
- *Руженцева Н. Б., Антонова Ю. А.* Межнациональный дискурс: модель в контексте эпохи.
- *Руженцева Н. Б., Шустрова Е. В., Ворошилова М. Б.* Юмор и ирония в политическом дискурсе. — Екатеринбург, 2015.
- *Сегал Н. А.* Категория «пространство» в лингвокогнитивном освещении.
- *Сипко Й.* Лингвокультурные коды русского смеха.
- *Солопова О. А.* Диахроническая сопоставительная метафорология.
- *Солопова О. А.* Когнитивно-дискурсивная ретроспекция: исследование моделей будущего в политическом дискурсе.

- *Темиргазина З. К., Килевая Л. Т., Маслова В. А., Пименова М. В.* Гендерная лингвистика.
- *Темиргазина З. К.* Лингвистическая аксиология.
- *Темиргазина З. К.* Прагмалингвистика.
- *Шустрова Е. В.* Барак Обама и современная американская карикатура.

Победители и дипломанты конкурса были награждены соответствующими дипломами и получили право внеочередной публикации в журнале «Политическая лингвистика».

Накануне конференции (25 сентября) участники приняли участие в круглом столе «Новый русский язык, или Каким будет русский язык через 20 лет?». Круглый стол прошел в рамках фестиваля на природе «Культурный пикник», организованного Государственным центром современного искусства. К участию в круглом столе были приглашены филологи, журналисты, культурные деятели, бизнесмены и все неравнодушные к русскому языку люди. В число основных спикеров вошли Анатолий Чудинов и Йозеф Сипко, который сказал, что «дело не в языке. Дело в человеке. Когда вы, русские, будете сильны, то и ваш язык будет занимать сильные позиции». Эти слова стали своеобразным девизом нашей конференции.

В первых дни конференции также уже традиционно были организованы открытые лекции: представитель КНР Лу Тинтин прочитала лекцию о политической лингвистике в Китае на русском языке, об образе России в современной Словакии рассказал постоянный гость из Словакии профессор Прешовского университета директор Лингвокультурологического и переводческого центра Йозеф Сипко. Зарубежные гости установили оживленный диалог со студентами, обучающиеся активно вступали в обсуждение поднятых вопросов, высказывали свое мнение, предлагали свое, иной раз нестандартное решение поднятых зарубежными участниками конференции проблем.

Официальным открытием конференции стал круглый стол «История и лингвистика», в рамках которого прозвучали доклады на темы «Россия глазами Наполеона» (д-р ист. наук, проф. Земцов Владимир Николаевич) и «Русская кампания Наполеона 1812 г. в зеркале информационной войны (по материалам французской и русской прессы 1812 г.)» (канд. ист. наук, доцент Постникова Алена Александровна).

В рамках научной конференции будут размещены самые различные виды работы: доклады ученых и сообщения практиков, специально организованные мастер-классы ве-

дущих ученых, индивидуальные и групповые консультации специалистов по самым различным вопросам политической коммуникации.

На пленарных заседаниях конференции ученые затронули широкий круг вопросов и проблем современной политической коммуникации. Так, вниманию участников были предложены доклады на следующие темы:

- «Сны разума» в казахстанском политическом медиадискурсе (д-р филол. наук., проф. Темиргазина Зифа Какбаевна);
- «Язык распавшейся цивилизации» в интерпретации для детей (д-р филол. наук., проф. Черняк Валентина Даниловна);
- *Soft power* как инструмент политической коммуникации (д-р политических наук., проф. Русакова Ольга Фредовна);
- Декларативность в политическом дискурсе (д-р филол. наук., проф. Стексова Татьяна Ивановна);
- Использование экспрессивных этнонимов в коммуникации (д-р филол. наук., проф. Попова Татьяна Георгиевна);
- Корпусные технологии в политической метафорологии: террор и терроризм по данным электронных ресурсов (д-р филол. наук., проф. Борискина Ольга Олеговна);
- Лингвистическая ресурсная база информационной войны: создание эффекта демонизации (д-р филол. наук., проф. Иванова Светлана Викторовна);
- Предположительно экстремистские тексты как объект лингвистической экспертизы (канд. филол. наук, доц. Аблин Максим Владимирович);
- Семантическое поле «terrorism»: от «conventional terrorism» к «lone wolf attack» и «grievance-field violence» (лексикографический аспект) (канд. филол. наук., доц. Маник Светлана Андреевна);
- Советские стереотипы в ментальном пространстве литературной волшебной сказки (д-р филол. наук., проф. Гридина Татьяна Александровна, д-р филол. наук., проф. Коновалова Надежда Ильинична);
- Тактические медиа: язык протеста (д-р полит. наук., проф. Мельник Галина Сергеевна);
- Языковые маркеры манипуляции в поляризованном политическом дискурсе: опыт параметризации (д-р филол. наук., проф. Колмогорова Анастасия Владимировна).

Кроме традиционных форм работы, организаторы конференции предложили нововведения: для участников были организованы курсы повышения квалификации «Методология психолого-лингвистической экспертизы конфликтных политических (экстремистских) текстов».

В рамках курсов были проведены лекции и семинары, в ходе которых обсуждались теоретические и практические основы проведения психолого-лингвистической экспертизы, рассматривались спорные вопросы, связанные с проведением экспертиз по преступлениям экстремистской направленности. Преподаватели курса — действующие эксперты затронули актуальные и важные темы экспертной деятельности: формулировка вопросов при проведении экспертиз по преступлениям экстремистской направленности, методология проведения лингвистической экспертизы. Ученые предложили обзор новых методик лингвистической экспертизы политического текста. Ведущими лекторами были Максим Владимирович Аблин (канд. филол. наук, доц.), Кирилл Витальевич Злоказов (канд. психол. наук, доц.), Максим Николаевич Косарев (доц.), Анна Михайловна Плотникова (д-р филол. наук, проф.), Анатолий Прокопьевич Чудинов (д-р филол. наук, проф.).

Оргкомитет и участники конференции выражают благодарность Российской научному фонду за оказанную финансовую поддержку и возможность проведения необходимой и интересной встречи ученых.

Материалы конференции опубликованы в сборнике «Политическая лингвистика: проблематика, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления» (26—30 сент. 2016, г. Екатеринбург), а также в журнале «Политическая лингвистика» (номера 4 и 5 за 2016 г.).

ЛИТЕРАТУРА

1. Барабаш О. В. Особенности категоризации феномена коррупции вне юридического дискурса // Политическая лингвистика: проблематика, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления : материалы Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 23—30.09.2016) / гл. ред. А. П. Чудинов ; ФГБОУ ВО «Урал. гос. пед. ун-т». — Екатеринбург, 2016. С. 23—28.
2. Богданович Г. Ю. Русский язык в аспекте проблем лингвокультурологии. — Симферополь, 2002.
3. Борискина О. О., Донина О. В. Корпусные технологии в политической метафорологии: «террор» и «терроризм» по данным электронных ресурсов // Политическая лингвистика. 2016. № 4 (58). С. 167—171.
4. Васильев А. Д. Игры в слова. Манипулятивные операции в текстах СМИ. — СПб. : Златоуст, 2015. ISBN 978-5-86547-662-7.
5. Виноградова С. М., Мельник Г. С. Тактические медиа: язык протеста // Политическая лингвистика: проблематика, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления : материалы Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 23—30.09.2016) / гл. ред. А. П. Чудинов ; ФГБОУ ВО «Урал. гос. пед. ун-т». — Екатеринбург, 2016. С. 49—54.
6. Ворошилова М. Б. Политический креолизованный текст: ключи к прочтению / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2013. 194 с. ISBN 978-5-7186-0543-3.
7. Гаврилова М. В. Анализ программ российских политических партий начала XX и XXI веков (лингвистический аспект). — СПб. : Изд-во Невск. ин-та языка и культуры, 2011. 243 с. ISBN 978-5-91583-031-7.
8. Гридина Т. А., Коновалова Н. И. Советские стереотипы в ментальном пространстве литературной волшебной сказки //

Политическая лингвистика: проблематика, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления : материалы Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 23—30.09.2016) / гл. ред. А. П. Чудинов ; ФГБОУ ВО «Урал. гос. пед. ун-т». — Екатеринбург, 2016. С. 62—65.

9. Журавская О. С. Использование историзмов и архаизмов в общественно-политическом дискурсе // Политическая лингвистика: проблематика, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления : материалы Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 23—30.09.2016) / гл. ред. А. П. Чудинов ; ФГБОУ ВО «Урал. гос. пед. ун-т». — Екатеринбург, 2016. С. 83—85.

10. Злоказов К. В. Влияние анонимности автора на параметры угрозы // Политическая лингвистика: проблематика, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления : материалы Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 23—30.09.2016) / гл. ред. А. П. Чудинов ; ФГБОУ ВО «Урал. гос. пед. ун-т». — Екатеринбург, 2016. С. 89—91.

11. Зотова А. С. Стратегии воздействия в российской социальной рекламе безопасности дорожного движения // Политическая лингвистика: проблематика, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления : материалы Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 23—30.09.2016) / гл. ред. А. П. Чудинов ; ФГБОУ ВО «Урал. гос. пед. ун-т». — Екатеринбург, 2016. С. 92—95.

12. Иванова С. В. Лингвистическая ресурсная база информационной войны: создание эффекта демонизации // Политическая лингвистика. 2016. № 5 (59). С. 28—37.

13. Имплицированные и эксплицитные стратегии в восточноевропейском политическом дискурсе : материалы российской секции Междунар. конф. «Ain't misbehavin'? Implicit and explicit strategies in Eastern European political discourse» / под ред. А. П. Чудинова, Э. В. Будаева ; ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», Цюрихский ун-т. — Екатеринбург, 2014. 198 с. ISBN 978-5-7186-0601-0.

14. Катермина В. В. Политическая неоминимация в массмедийном дискурсе // Политическая лингвистика. 2016. № 4 (58). С. 27—33.

15. Колмогорова А. В., Калинин А. А., Талдыкина Ю. А. Языковые маркеры манипуляции в поляризованном политическом дискурсе: опыт параметризации // Политическая лингвистика. 2016. № 4 (58). С. 194—199.

16. Кондратьева О. Н. Метафорическая динамика в идиостиле политика (к постановке проблемы) // Политическая лингвистика: проблематика, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления : материалы Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 23—30.09.2016) / гл. ред. А. П. Чудинов ; ФГБОУ ВО «Урал. гос. пед. ун-т». — Екатеринбург, 2016. С. 103—105.

17. Корнилов О. А. Бицзы — «наброски кистью» : сб. статей о языке и культуре. — М. : Университетская книга, 2015. 260 с. ISBN 978-5-91304-586-7.

18. Корнилов О. А. Контексты межкультурной коммуникации. — М. : КДУ, 2015. 184 с. ISBN 978-5-98227-962-0.

19. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. — М. : КДУ, 2014. 350 с. ISBN 978-5-98227-875-3.

20. Коцюбинская Л. В. Метафора «информационная атака» как предмет лингвистического анализа // Политическая лингвистика: проблематика, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления : материалы Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 23—30.09.2016) / гл. ред. А. П. Чудинов ; ФГБОУ ВО «Урал. гос. пед. ун-т». — Екатеринбург, 2016. С. 113—116.

21. Култышева И. В. Категория комического в репрезентации образа политического врага (на примере фотокарикатур и демотиваторов) // Политическая лингвистика: проблематика, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления : материалы Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 23—30.09.2016) / гл. ред. А. П. Чудинов ; ФГБОУ ВО «Урал. гос. пед. ун-т». — Екатеринбург, 2016. С. 129—138.

22. Лу Тинтин. Стратегия уклонения в политическом интервью: на материале русского и китайского языков // Политическая лингвистика. 2016. № 4 (58). С. 60—67.

23. Маник С. А. Семантическое поле «terrorism»: от «conventional terrorism» к «lone wolf attack» и «grievance-field violence» (лексикографический аспект) // Политическая лин-

гвистика: проблематика, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления : материалы Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 23—30.09.2016) / гл. ред. А. П. Чудинов ; ФГБОУ ВО «Урал. гос. пед. ун-т». — Екатеринбург, 2016. С. 146—149.

24. Маник С. А. Современные техники интерпретации английской общественно-политической терминологии. — М. : ИИУ МГОУ, 2014. 278 с.

25. Нахимова Е. А. Прецедентные онимы в современной российской массовой коммуникации: теория и методика когнитивно-дискурсивного исследования / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2011. 276 с.

26. Нахимова Е. А., Постникова А. А. Наполеоновская эпоха в коммуникативной памяти России и Франции / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2015. 197 с.

27. Ольховикова Ю. А. Метафорическое моделирование образа России в СМИ Великобритании, Германии и США в период с 2012 по 2016 г. // Политическая лингвистика: проблематика, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления : материалы Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 23—30.09.2016) / гл. ред. А. П. Чудинов ; ФГБОУ ВО «Урал. гос. пед. ун-т». — Екатеринбург, 2016. С. 157—160.

28. Островская Т. А. Лингвосемиотика дискурса элиты. — Майкоп : Знак, 2015. 325 с.

29. Политическая лингвистика: проблематика, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления : материалы Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 23—30.09.2016) / гл. ред. А. П. Чудинов ; ФГБОУ ВО «Урал. гос. пед. ун-т». — Екатеринбург, 2016. 231 с.

30. Решетникова В. В. Процесс формирования межкультурной коммуникации и связь его с адаптацией студентов-иностранцев в условиях российского вуза // Политическая лингвистика: проблематика, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления : материалы Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 23—30.09.2016) / гл. ред. А. П. Чудинов ; ФГБОУ ВО «Урал. гос. пед. ун-т». — Екатеринбург, 2016. С. 169—171.

31. Руженцева Н. Б., Антонова Ю. А. Межнациональный дискурс: модель в контексте эпохи / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2013. 292 с. ISBN 978-5-7186-0552-5.

32. Русакова О. Ф. Soft power как инструмент политической коммуникации // Политическая лингвистика: проблематика, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления : материалы Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 23—30.09.2016) / гл. ред. А. П. Чудинов ; ФГБОУ ВО «Урал. гос. пед. ун-т». — Екатеринбург, 2016. С. 175—178.

33. Рябкова И. П., Варганов М. В. Аудиовизуальный политический текст: анализ вербальной составляющей выступления и эмоционального состояния политика // Политическая лингвистика. 2016. № 4 (58). С. 206—210.

34. Сегал Н. А. Категория «пространство» в лингвокогнитивном освещении. — Симферополь : ДиАйПи, 2015. 241 с.

35. Сипко Й. Лингвокультурные коды русского смеха. — Prešov : FF PU, 2015.

36. Солопова О. А. Диахроническая сопоставительная метафорология. Исследование моделей будущего в политическом дискурсе. — М. : Наука : Флинта, 2015. 312 с. ISBN 978-5-9765-2201-5, 978-5-02-038875-8.

37. Солопова О. А. Когнитивно-дискурсивная ретроспекция: исследование моделей будущего в политическом дискурсе. — Челябинск : Издат. центр ЮУрГУ, 2014. 175 с.

38. Сосипатрова А. В. Феномен коррупции в современных СМИ сквозь призму метафоры родства // Политическая лингвистика: проблематика, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления : материалы Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 23—30.09.2016) / гл. ред. А. П. Чудинов ; ФГБОУ ВО «Урал. гос. пед. ун-т». — Екатеринбург, 2016. С. 198—200.

39. Стеклова Т. И. Декларативность в политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2016. № 5 (59). С. 56—62.

40. Темиргазина З. К. [и др.]. Прагмалингвистика. — Павлодар : Павлодарск. гос. пед. ин-т, 2014. 476 с. ISBN 978-601-267-289-3.

41. Темиргазина З. К. «Сны разума» в казахстанском политическом медиадискурсе // Политическая лингвистика. 2016. № 4 (58). С. 68—74.
42. Темиргазина З. К. Лингвистическая аксиология: оценочные высказывания в русском языке. — М.: Флинта, 2015. 247 с. ISBN 978-5-9765-2118-6.
43. Темиргазина З. К., Килеяева Л. Т., Маслова В. А., Пименова М. В. Гендерная лингвистика: коллектив. моногр. — Павлодар, 2013. 582 с.
44. Черняк В. Д. «Язык распавшейся цивилизации» в интерпретации для детей // Политическая лингвистика: проблематика, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления: материалы Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 23—30.09.2016) / гл. ред. А. П. Чудинов;

- ФГБОУ ВО «Урал. гос. пед. ун-т». — Екатеринбург, 2016. С. 212—216.
45. Чудинов А. П. Современная политическая лингвистика. — Гуанчжоу (Китай), 2013. (на китайском языке).
46. Шустрова Е. В. Барак Обама и современная американская карикатура. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2014. ISBN 978-5-7186-0622-5.
47. Экстремистский текст и деструктивная личность: моногр. / Антонова Ю. А., Веснина Л. Е., Ворошилова М. Б., Злоказов К. В., Тагильцева Ю. П., Карапетян А. А.; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2014. 272 с. ISBN 978-5-7186-0621-8.
48. Юмор и ирония в политическом дискурсе: моногр. / Н. Б. Руженцева, Е. В. Шустрова, М. Б. Ворошилова; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2015. 253 с. ISBN 978-5-7186-0710-9.

M. R. Babikova, M. B. Voroshilova
Ekaterinburg, Russia

POLITICAL LINGUISTICS: ISSUES, METHODS, ASPECTS OF RESEARCH AND PERSPECTIVES OF THE SCIENTIFIC FIELD

ABSTRACT. *This is a report on the scientific conference “Political Linguistics: Issues, Methods, Aspects of Research and Perspectives of the Scientific Field” held in the Ural State Pedagogical University in 2016. The papers discussed at the conference are analyzed from the point of view of the tendencies of political linguistics and the scientific school of this field, functioning in the above mentioned university. It’s time to draw some conclusions of the development of the scientific field, to outline its innovative potential, to mention new promising areas for research and to discuss the methodology, heuristics, methods and procedures of political linguistics. Political communication in the frames of escalation of international relations is especially urgent nowadays. It has become a tradition, as the conference devoted to political communication is held for the 10th time, to combine different forms of work and scientific communication. The conference attracted attention of not only linguists, but also politicians, journalists, PR specialists and government members. The moderators of the conference introduced some innovations: there were advanced training courses in “Methodology of Psychological and Linguistic Expertise of Conflict Political (Extremist) Texts”. The lecturers of the course covered topical and important issues of expert work, such as the choice of words for the questions asked in the expertise on the extremist crimes and methods of linguistic expertise. The scientists offered an overview of the methods of linguistic expertise of political text.*

KEYWORDS: *political linguistics; contemporary political discourse; psychological and linguistic expertise; information warfare; creolized text.*

ABOUT THE AUTHOR: *Babikova Marina Rashitovna, Post-graduate Student, Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.*

ABOUT THE AUTHOR: *Voroshilova Maria Borisovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Vice-rector for Innovative Activity, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.*

REFERENCES

1. Barabash O. V. Osobennosti kategorizatsii fenomena korruptsii vne yuridicheskogo diskursa // Politicheskaya lingvistika: problematika, metodologiya, aspekty issledovaniya i perspektivy razvitiya nauchnogo napravleniya: materialy Mezhdunar. nauch. konf. (Ekaterinburg, 23—30.09.2016) / gl. red. A. P. Chudinov; FGBOU VO «Ural. gos. ped. un-t». — Ekaterinburg, 2016. S. 23—28.
2. Bogdanovich G. Yu. Russkiy yazyk v aspekte problem lingvokulturologii. — Simferopol, 2002.
3. Boriskina O. O., Donina O. V. Korpusnye tekhnologii v politicheskoy metaforologii: «terror» i «terrorizm» po dannym elektronnykh resursov // Politicheskaya lingvistika. 2016. № 4 (58). S. 167—171.
4. Vasil'ev A. D. Igrы v slova. Manipulyativnye operatsii v tekstakh SMI. — SPb.: Zlatoust, 2015. ISBN 978-5-86547-662-7.
5. Vinogradova S. M., Mel'nik G. S. Takticheskie media: yazyk protesta // Politicheskaya lingvistika: problematika, metodologiya, aspekty issledovaniya i perspektivy razvitiya nauchnogo napravleniya: materialy Mezhdunar. nauch. konf. (Ekaterinburg, 23—30.09.2016) / gl. red. A. P. Chudinov; FGBOU VO «Ural. gos. ped. un-t». — Ekaterinburg, 2016. S. 49—54.
6. Voroshilova M. B. Politicheskii kreolizovannyi tekst: klyuchi k prochteniyu / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2013. 194 s. ISBN 978-5-7186-0543-3.
7. Gavrilova M. V. Analiz programm rossiyskikh politicheskikh partiy nachala XX i XXI vekov (lingvisticheskii aspekt). — SPb.: Izd-vo Nevsk. in-ta yazyka i kultury, 2011. 243 s. ISBN 978-5-91583-031-7.
8. Gridina T. A., Konovalova N. I. Sovetskie stereotipy v mental'nom prostranstve literaturnoy volshebnoy skazki // Politicheskaya lingvistika: problematika, metodologiya, aspekty issledovaniya i perspektivy razvitiya nauchnogo napravleniya: materialy Mezhdunar. nauch. konf. (Ekaterinburg, 23—

30.09.2016) / gl. red. A. P. Chudinov; FGBOU VO «Ural. gos. ped. un-t». — Ekaterinburg, 2016. S. 62—65.

9. Zhuravskaya O. S. Ispol'zovanie istorizmov i arkhazimov v obshchestvenno-politicheskom diskurse // Politicheskaya lingvistika: problematika, metodologiya, aspekty issledovaniya i perspektivy razvitiya nauchnogo napravleniya: materialy Mezhdunar. nauch. konf. (Ekaterinburg, 23—30.09.2016) / gl. red. A. P. Chudinov; FGBOU VO «Ural. gos. ped. un-t». — Ekaterinburg, 2016. S. 83—85.

10. Zloказов К. В. Vliyanie anonimnosti avtora na parametry ugrozy // Politicheskaya lingvistika: problematika, metodologiya, aspekty issledovaniya i perspektivy razvitiya nauchnogo napravleniya: materialy Mezhdunar. nauch. konf. (Ekaterinburg, 23—30.09.2016) / gl. red. A. P. Chudinov; FGBOU VO «Ural. gos. ped. un-t». — Ekaterinburg, 2016. S. 89—91.

11. Zotova A. S. Strategii vozdeystviya v rossiyskoy sotsial'noy reklame bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya // Politicheskaya lingvistika: problematika, metodologiya, aspekty issledovaniya i perspektivy razvitiya nauchnogo napravleniya: materialy Mezhdunar. nauch. konf. (Ekaterinburg, 23—30.09.2016) / gl. red. A. P. Chudinov; FGBOU VO «Ural. gos. ped. un-t». — Ekaterinburg, 2016. S. 92—95.

12. Ivanova S. V. Lingvisticheskaya resursnaya baza informatsionnoy voyny: sozdanie effekta demonizatsii // Politicheskaya lingvistika. 2016. № 5 (59). S. 28—37.

13. Implitsitnye i eksplitsitnye strategii v vostochnoevropskom politicheskom diskurse: materialy rossiyskoy sektsii Mezhdunar. konf. «Ain't misbehavin'? Implicit and explicit strategies in Eastern European political discourse» / pod red. A. P. Chudinova, E. V. Budaeva; FGBOU VPO «Ural. gos. ped. un-t», Tsyurikhskiy un-t. — Ekaterinburg, 2014. 198 s. ISBN 978-5-7186-0601-0.

14. Katermina V. V. Politicheskaya neonominatsiya v massmediynom diskurse // Politicheskaya lingvistika. 2016. № 4 (58). S. 27—33.

15. Kolmogorova A. V., Kalinin A. A., Taldykina Yu. A. Yazykovye markery manipulyatsii v polyarizovannom politicheskom diskurse: opyt parametrizatsii // *Politicheskaya lingvistika*. 2016. № 4 (58). S. 194—199.
16. Kondrat'eva O. N. Metaforicheskaya dinamika v idiostile politika (k postanovke problemy) // *Politicheskaya lingvistika: problematika, metodologiya, aspekty issledovaniya i perspektivy razvitiya nauchnogo napravleniya* : materialy Mezhdunar. nauch. konf. (Ekaterinburg, 23—30.09.2016) / gl. red. A. P. Chudinov ; FGBOU VO «Ural. gos. ped. un-t». — Ekaterinburg, 2016. S. 103—105.
17. Kornilov O. A. Bitszy — «nabroski kist'yu» : sb. statey o yazyke i kulture. — M. : Universitetskaya kniga, 2015. 260 s. ISBN 978-5-91304-586-7.
18. Kornilov O. A. Konteksty mezhdunar. kommunikatsii. — M. : KDU, 2015. 184 s. ISBN 978-5-98227-962-0.
19. Kornilov O. A. Yazykovye kartiny mira kak proizvodnye natsional'nykh mentalitetov. — M. : KDU, 2014. 350 s. ISBN 978-5-98227-875-3.
20. Kotsyubinskaya L. V. Metafora «informatsionnaya ataka» kak predmet lingvisticheskogo analiza // *Politicheskaya lingvistika: problematika, metodologiya, aspekty issledovaniya i perspektivy razvitiya nauchnogo napravleniya* : materialy Mezhdunar. nauch. konf. (Ekaterinburg, 23—30.09.2016) / gl. red. A. P. Chudinov ; FGBOU VO «Ural. gos. ped. un-t». — Ekaterinburg, 2016. S. 113—116.
21. Kultysheva I. V. Kategoriya komicheskogo v reprezentatsii obraza politicheskogo vraga (na primere fotokarikatur i demotivatorov) // *Politicheskaya lingvistika: problematika, metodologiya, aspekty issledovaniya i perspektivy razvitiya nauchnogo napravleniya* : materialy Mezhdunar. nauch. konf. (Ekaterinburg, 23—30.09.2016) / gl. red. A. P. Chudinov ; FGBOU VO «Ural. gos. ped. un-t». — Ekaterinburg, 2016. S. 129—138.
22. Lu Tintin. Strategiya ukлонeniya v politicheskom interv'yu: na materiale russkogo i kitayskogo yazykov // *Politicheskaya lingvistika*. 2016. № 4 (58). S. 60—67.
23. Manik S. A. Semanticheskoe pole «terrorism»: ot «conventional terrorism» k «lone wolf attack» i «grievance-field violence» (leksikograficheskii aspekt) // *Politicheskaya lingvistika: problematika, metodologiya, aspekty issledovaniya i perspektivy razvitiya nauchnogo napravleniya* : materialy Mezhdunar. nauch. konf. (Ekaterinburg, 23—30.09.2016) / gl. red. A. P. Chudinov ; FGBOU VO «Ural. gos. ped. un-t». — Ekaterinburg, 2016. S. 146—149.
24. Manik S. A. Sovremennye tekhniki interpretatsii angliyskoy obshchestvenno-politicheskoy terminologii. — M. : IJU MGOU, 2014. 278 s.
25. Nakhimova E. A. Pretsedentnye onimy v sovremennoy rossiyskoy massovoy kommunikatsii: teoriya i metodika kognitivno-diskursivnogo issledovaniya / *Ural. gos. ped. un-t.* — Ekaterinburg, 2011. 276 s.
26. Nakhimova E. A., Postnikova A. A. Napoleonovskaya epokha v kommunikativnoy pamyati Rossii i Frantsii / *Ural. gos. ped. un-t.* — Ekaterinburg, 2015. 197 s.
27. Ol'khovikova Yu. A. Metaforicheskoe modelirovanie obraza Rossii v SMI Velikobritanii, Germanii i SShA v period s 2012 po 2016 g. // *Politicheskaya lingvistika: problematika, metodologiya, aspekty issledovaniya i perspektivy razvitiya nauchnogo napravleniya* : materialy Mezhdunar. nauch. konf. (Ekaterinburg, 23—30.09.2016) / gl. red. A. P. Chudinov ; FGBOU VO «Ural. gos. ped. un-t». — Ekaterinburg, 2016. S. 157—160.
28. Ostrovskaya T. A. Lingvosemiotika diskursa elity. — Maykop : Znak, 2015. 325 s.
29. *Politicheskaya lingvistika: problematika, metodologiya, aspekty issledovaniya i perspektivy razvitiya nauchnogo napravleniya* : materialy Mezhdunar. nauch. konf. (Ekaterinburg, 23—30.09.2016) / gl. red. A. P. Chudinov ; FGBOU VO «Ural. gos. ped. un-t». — Ekaterinburg, 2016. 231 s.
30. Reshetnikova V. V. Protseess formirovaniya mezhdunar. kommunikatsii i svyaz' ego s adaptatsiyey studentov-inostrantsev v usloviyakh rossiyskogo vuza // *Politicheskaya lingvistika: problematika, metodologiya, aspekty issledovaniya i perspektivy razvitiya nauchnogo napravleniya* : materialy Mezhdunar. nauch. konf. (Ekaterinburg, 23—30.09.2016) / gl. red. A. P. Chudinov ; FGBOU VO «Ural. gos. ped. un-t». — Ekaterinburg, 2016. S. 169—171.
31. Ruzhentseva N. B., Antonova Yu. A. Mezhdunarodnyy diskurs: model' v kontekste epokhi / *Ural. gos. ped. un-t.* — Ekaterinburg, 2013. 292 s. ISBN 978-5-7186-0552-5.
32. Rusakova O. F. Soft power kak instrument politicheskoy kommunikatsii // *Politicheskaya lingvistika: problematika, metodologiya, aspekty issledovaniya i perspektivy razvitiya nauchnogo napravleniya* : materialy Mezhdunar. nauch. konf. (Ekaterinburg, 23—30.09.2016) / gl. red. A. P. Chudinov ; FGBOU VO «Ural. gos. ped. un-t». — Ekaterinburg, 2016. S. 175—178.
33. Ryabkova I. P., Varganov M. V. Audiovizual'nyy politicheskii tekst: analiz verbal'noy sostavlyayushchey vystupleniya i emotsional'nogo sostoyaniya politika // *Politicheskaya lingvistika*. 2016. № 4 (58). S. 206—210.
34. Segal N. A. Kategoriya «prostranstvo» v lingvokognitivnom osveshchenii. — Simferopol' : DiAyPi, 2015. 241 s.
35. Sipko Y. Lingvokulturnye kody russkogo smekha. — Prešov : FF PU, 2015.
36. Solopova O. A. Diakhronicheskaya sopostavitel'naya metaforologiya. Issledovanie modeley budushchego v politicheskom diskurse. — M. : Nauka : Flinta, 2015. 312 s. ISBN 978-5-9765-2201-5, 978-5-02-038875-8.
37. Solopova O. A. Kognitivno-diskursivnaya retrospektiya: issledovanie modeley budushchego v politicheskom diskurse. — Chelyabinsk : Izdat. tsentr YuUrGU, 2014. 175 s.
38. Sosipatrova A. V. Fenomen korruptsii v sovremennykh SMI skvoz' prizmu metafory rodstva // *Politicheskaya lingvistika: problematika, metodologiya, aspekty issledovaniya i perspektivy razvitiya nauchnogo napravleniya* : materialy Mezhdunar. nauch. konf. (Ekaterinburg, 23—30.09.2016) / gl. red. A. P. Chudinov ; FGBOU VO «Ural. gos. ped. un-t». — Ekaterinburg, 2016. S. 198—200.
39. Steksova T. I. Deklarativnost' v politicheskom diskurse // *Politicheskaya lingvistika*. 2016. № 5 (59). S. 56—62.
40. Temirgazina Z. K. [i dr.]. Pragmalingvistika. — Pavlodar : Pavlodarsk. gos. ped. in-t, 2014. 476 s. ISBN 978-601-267-289-3.
41. Temirgazina Z. K. «Sny razuma» v kazakhstanskom politicheskom mediadiskurse // *Politicheskaya lingvistika*. 2016. № 4 (58). S. 68—74.
42. Temirgazina Z. K. Lingvisticheskaya aksiologiya: otsenochnye vyskazyvaniya v russkom yazyke. — M. : Flinta, 2015. 247 s. ISBN 978-5-9765-2118-6.
43. Temirgazina Z. K., Kilevaya L. T., Maslova V. A., Pimenova M. V. Gendernaya lingvistika : kolektiv. monogr. — Pavlodar, 2013. 582 s.
44. Chernyak V. D. «Yazyk raspavsheysya tsivilizatsii» v interpretatsii dlya detey // *Politicheskaya lingvistika: problematika, metodologiya, aspekty issledovaniya i perspektivy razvitiya nauchnogo napravleniya* : materialy Mezhdunar. nauch. konf. (Ekaterinburg, 23—30.09.2016) / gl. red. A. P. Chudinov ; FGBOU VO «Ural. gos. ped. un-t». — Ekaterinburg, 2016. S. 212—216.
45. Chudinov A. P. Sovremennaya politicheskaya lingvistika. — Guanchzhou (Kitay), 2013. (na kitayskom yazyke).
46. Shustrova E. V. Barak Obama i sovremennaya amerikanskaya karikatura. — Ekaterinburg : Izd-vo Ural. un-ta, 2014. ISBN 978-5-7186-0622-5.
47. Ekstremistskiy tekst i destruktivnaya lichnost' : monogr. / Antonova Yu. A., Vesnina L. E., Voroshilova M. B., Zlokazov K. V., Tagil'tseva Yu. R., Karapetyan A. A. ; Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2014. 272 s. ISBN 978-5-7186-0621-8.
48. Yumor i ironiya v politicheskom diskurse : monogr. / N. B. Ruzhentseva, E. V. Shustrova, M. B. Voroshilova ; Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2015. 253 s. ISBN 978-5-7186-0710-9.

З. К. Дербишева
Бишкек, Киргизия

М. В. Пименова
Санкт-Петербург, Россия

А. В. Цыганкова
Екатеринбург, Россия

**СЛОВО О XXII МЕЖДУНАРОДНОЙ ЛЕТНЕЙ НАУЧНОЙ ШКОЛЕ
«КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА И КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ:
РУССКИЙ ЯЗЫК И РУССКАЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА»
(15—25 АВГУСТА, КИРГИЗИЯ, БИШКЕК — ИССЫК-КУЛЬ)**

АННОТАЦИЯ. 15—25 августа 2016 года работала XXII Международная Летняя научная школа «Когнитивная лингвистика и концептуальные исследования». Эта школа была проведена на базе Российского центра науки и культуры (г. Бишкек, Киргизия). Слушателями Школы стали аспиранты, магистранты, преподаватели вузов из четырех стран: России, Киргизии, Казахстана, Польши. Лекторами на научной школе выступили профессора Замира Касымбековна Дербишева (г. Бишкек, Киргизия), Алла Алексеевна Камалова (г. Ольштын, Польша), Виктория Владимировна Красных (г. Москва, Россия), Марина Владимировна Пименова (Санкт-Петербург, Россия), Анатолий Прокопьевич Чудинов (Екатеринбург, Россия). Темами лекций на Школе стали проблемы когнитивной лингвистики, концептологии, лингвокультурологии, психолингвокультурологии, концептуальной, языковой, фольклорной и научной картин мира, лингвистической экспертизы. Красота озера Иссык-Куль, живое научное общение, обширная культурная программа — вот те основные факторы, которые привлекают ученых разных стран, приехавших на эту Школу от Балтийского моря до Иссык-Куля. Проведение Летней школы на берегах Иссык-Куля стало доброй традицией — мероприятие состоялось уже в третий раз.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: концептология; лингвокультурология; психолингвокультурология; концептуальная, языковая, фольклорная и научная картины мира.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Дербишева Замира Касымбековна, доктор филологических наук, профессор, Киргизско-Турецкий университет «Манас»; 720044, Киргизская Республика, г. Бишкек, пр-т Мира, 56; e-mail: derb-07@rambler.ru.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Пименова Марина Владимировна, доктор филологических наук, профессор, почетный доктор Военной академии материально-технического обеспечения, чл.-корр. Сибирской академии наук высшей школы, зав. кафедрой иностранных и русского языков Военной академии материально-технического обеспечения; 198511, г. Санкт-Петербург, г. Петропавловск, ул. Суворовская, д. 1; e-mail: vatt-pdv@mail.ru.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Цыганкова Анна Владиславовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры методик преподавания школьных дисциплин в специальной (коррекционной) школе; Уральский государственный педагогический университет; 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 116; e-mail: uspumspd@mail.ru.

К современным направлениям лингвистики относится когнитивная лингвистика. Киргизская наука активно осваивает эту область исследований. В Киргизии прошла уже 3-я научная школа по когнитивной лингвистике. Нынешняя школа (август 2016) отличалась высоким уровнем организации, о чем свидетельствует несколько моментов.

1. В Летней школе приняли участие ведущие ученые России, Киргизии и Польши.

2. Уровень лекций и конференции был чрезвычайно высоким.

Все лекции были выслушаны с неподдельным интересом и сопровождались бурными дискуссиями лекторов и слушателей ЛШ.

Одним из преимуществ такой формы научной коммуникации является то, что аспиранты и докторанты имеют возможность установить научные связи с приехавшими учеными и получить у них ценные консультации.

Профессор из Санкт-Петербурга, доктор филологических наук Марина Владимировна Пименова — это главный организатор, инициатор научных школ, которая «сеет разумное, доброе, вечное» на ниве когнитивной

лингвистики на всем пространстве СНГ, где слушателям предоставляется редкий шанс послушать «вживую» ведущих ученых в области новых лингвистических теорий.

М. В. Пименову уже хорошо знают в Киргизии. Ее лекции привлекают молодых исследователей, которые занимаются фольклористикой, лингвокультурологией. Благодаря проф. М. В. Пименовой киргизские молодые ученые познакомились с таким направлением, как этногерменевтика. На Летней школе М. В. Пименова прочитала цикл лекций, посвященных теории ментальности, языковой, концептуальной, фольклорной картинам мира, о концептологии как науке о ментальности народа, о кодах лингвокультуры и др.

По мнению М. В. Пименовой, многие слова, которыми мы пользуемся повседневно, показывают удивительное «лицо», когда мы начинаем раскрывать внутреннюю их суть — когда мы, отыскивая корень и первопризнак, положенный в основу именованного, видим совершенно неожиданный путь его развития в истории языка.

Давно замечено, что основная черта русского языка — образность. Образы — это картины, скрытые в словах. А ментальность — это и есть совокупность всех образов, которые скрываются в категориях и формах родного языка.

В своих лекциях проф. М. В. Пименова особое внимание уделяет этимологии слова, что позволяет выйти на лингвокультурные коды и базовые архетипы культуры народа. Так, наслаивание на корень аффиксов приводит к отступанию в тень первичных смыслов. И когда, разбирая слово, отшелушиваем с него аффиксы, как будто очищая луковицу, мы неожиданно добираемся до древних образов, связанных с исконной картиной мира русского народа, и получаем возможность сравнить эту картину мира с английской картиной мира.

М. В. Пименова прочитала лекции о кодах лингвокультуры и методике изучения концептов в Санкт-Петербургско — Кемеровской школе концептуальных исследований. Концептуальная структура формируется семью классами признаков: *мотивирующим* признаком слова — репрезентанта концепта (иногда в этимологическом словаре может быть указано несколько мотивирующих признаков, в чем можно усмотреть проявление феномена синкретизма), *образными* признаками (выявляются через сочетаемостные свойства слова — репрезентанта концепта, именно через них реализуются большинство кодов лингвокультуры), *понятийными* признаками, объективированными в виде семантических компонентов (сем и семем) слова — репрезентанта концепта, а также синонимами (которые указаны в толковых словарях и словарях синонимов), *категориальными* признаками (дифференциальными, качественными, количественными, колоративными, ценностно-оценочными, пространственными и временными), *символическими* признаками — выражающими сложные мифологические, религиозные или иные культурные понятия, закрепленные за словом — репрезентантом концепта, *ироническими* признаками (выражающими утрату ценностного компонента в структуре концепта, которая в концептуальной картине мира первоначально существовала; ср. концепт *тёща*), *сценариями*. Понятие есть часть концепта; понятийные признаки входят в структуру концепта. Процессы концептуализации и категоризации тесно взаимосвязаны и переплетены между собой. Эти процессы помогают нам вычленивать некий объект — реально или виртуально существующий — из общего фона подобных объектов, определить для него общие с другими и индивидуальные признаки.

Цикл лекций московского профессора В. В. Красных был посвящен одному из направлений когнитивной лингвистики, автором которого является сама Виктория Владимировна, а именно психолингвокультурологии (ПЛК). Чрезвычайно глубокие и четко выстроенные лекции В. В. Красных вызвали огромный интерес. В первых лекциях были изложены теоретические предпосылки формирования психолингвокультурологии, причины возникновения, предшественники, становление. Объектом ПЛК является лингвокультура, понимаемая как культура оязыковленная, явленная в языке и через язык языковому сознанию и носителю такового, проявляющаяся в языковых и речевых процессах. В качестве ключевых постулатов ПЛК В. В. Красных обозначила следующие положения:

1. «Человек говорящий предстает одновременно как субъект языка, как субъект культуры, как субъект лингвокультуры и как субъект коммуникации».

2. (Национально-)культурная детерминированность языкового сознания / образа мира.

3. (Национально-)культурная маркированность и детерминированность коммуникации.

Одна из лекций В. В. Красных была посвящена вопросам соотношения культуры и лингвокультуры. Культура в рамках ПЛК трактуется как мироощущение, мировидение, миропонимание и мироосознание некоторого сообщества. Культура (культурные ценности, оценки, установки, предпочтения, предписания, запреты и под.) наследуется от предшествующих поколений.

Лингвокультура была определена как феномен лингвокогнитивный, формируемый не языковыми единицами, но в первую очередь культурными смыслами и взаимосвязанными с ними вербализуемыми образами сознания.

В качестве предмета лингвокультуры В. В. Красных рассматривает словарь и грамматику, которые имеют иную природу и особый контент, нежели их лингвистические аналоги. Лексикографирование словаря лингвокультуры, по мнению В. В. Красных, предполагает инвентаризацию как единиц самой лингвокультуры, так и языковых единиц, обладающих культуросообразной информацией. Словарь рассматривается ученым как совокупность культурно насыщенных единиц лингвокультуры (оязыковленных / поддающихся оязыковлению культурных смыслов и образов).

В грамматику лингвокультуры лектор включила таксоны (базовые классы единиц), их категории, систему, структуру, отношения и функционирование. К базовым единицам подсистем В. В. Красных относит:

- ментефакты;
- базовые метафоры;
- «ниши» базовых эталонов;
- базовые символы.

Профессор из Польши А. А. Камалова прочитала для слушателей Летней школы цикл лекций на следующие темы:

- 1) филология как наука о познании культуры;
- 2) человек и язык;
- 3) слово и культура;
- 4) словарь и культура;
- 5) текст и культура;
- 6) любовь как культурный феномен и индивидуально-авторский концепт;
- 7) лингвокультурные модели загадки;
- 8) языковая, индивидуально-авторская и художественная картины мира.

А. А. Камалова познакомила слушателей с понятиями и категориями лингвокультурной концептологии, акцентируя внимание на том, что лингвокультурология должна рассматриваться в связи со смежными науками. В первой лекции исследователь говорила о соотношении культуры и филологии, определяя филологию как содружество гуманитарных дисциплин, изучающих культуру народа, выраженную в языке и литературном творчестве.

Ученым были разграничены общие и различительные особенности языка и культуры. Общее, что объединяет эти феномены, состоит в следующем.

1. И культура, и язык — это формы сознания, выражающие мировоззрение человека.
2. Культура и язык имеют индивидуальную и общественную форму существования.
3. Язык и культура обладают исторической памятью.

Различия проявляются в следующем.

1. Язык как средство коммуникации имеет установку на массового адресата, а культура (искусство) элитарна, здесь важно личностное начало.
2. Культура как знаковая система не способна к самоорганизации, тогда как язык как организм может перестраиваться, изменяться, умирать, рождаться.
3. Язык и культура — это разные семиотические системы.

В следующей лекции проф. А. А. Камалова продолжила разговор о лингвокультурной концептологии. Культура была представлена как вся осмысленная деятельность человека, и соответственно, по мнению А. А. Камаловой, культура — это смыслообразование. Концепты формируются на основе культурной, психологической, интеллектуальной деятельности человека. Об этом подробно слушатели познакомились на лекции, посвященной теме «Человек и культура». Тема «Слово и культура» была раскры-

та на последующей лекции. Данная лекция, запомнившаяся яркими ораторскими приемами, началась с постановки ряда интригующих вопросов, которые составляют суть проблемы определения концепта. Вот эти вопросы:

1. За каждым ли словом стоит концепт?
2. Существует ли концепт, не имеющий соответствующего наименования?
3. Должно ли слово-концепт иметь длительную историю, определенный культурный шлейф?

На этой лекции был также поставлен и раскрыт вопрос о разграничении лингвокультурного понимания концепта и когнитивного подхода к его интерпретации. Лекторское мастерство А. А. Камаловой делали ее лекции яркими, неповторимыми, благодаря чему к ним был проявлен огромный интерес со стороны слушателей.

Известный екатеринбургский специалист по политической лингвистике проф. Анатолий Прокопьевич Чудинов прочитал цикл лекций по юрислингвистике, массовой коммуникации и другим исследовательским областям. Первая лекция была посвящена экспертизе и экспертологии как отрасли знания. Слушателям было интересно узнать о следующих разделах юрислингвистики:

- 1) лингвистическая конфликтология (лингвоконфликтология), которая изучает причины возникновения, характер протекания и возможные способы предотвращения конфликтов, возникающих в языковой сфере и, в частности, регулируемых современными нормами права;
- 2) юридико-лингвистическая герменевтика — изучает устройство и функционирование юридического языка, а также особенности восприятия и понимания юридических текстов;
- 3) лингвистическая экспертология — изучает теоретические основы лингвистической экспертизы, а также занимается разработкой методического обеспечения проведения данных экспертиз по различным категориям дел.

Следующая лекция «Традиционные и новые методики лингвистической экспертизы политического текста» познакомила слушателей со сформировавшимися методами лингвистической экспертизы, а именно:

- логико-грамматическим,
- лингвостилистическим,
- текстологическим,
- лексико-семантическим,
- семантико-синтаксическим.

В целях надежности и обеспечения качества результатов специалисты в этой области изыскивают новые, нетрадиционные методы экспертизы. В их числе были названы:

- лингвистический анализ метафор,
- психолингвистические методы (с использованием опросов),
- метод семантического дифференциала.

Одну из основных лекций проф. А. П. Чудинов посвятил массовой политической коммуникации. Лектор обратил внимание слушателей на следующие проблемы:

- 1) специфика массовой коммуникации;
- 2) функции массовой коммуникации;
- 3) проблема правдивости СМИ;
- 4) преобладание негативной информации;
- 5) проблема чрезмерной демонстрации жестокости, насилия и секса.

Цикл лекций проф. З. К. Дербишевой из Бишкека был посвящен проблеме языка и этноса, а также ключевым концептам киргизской лингвокультуры.

Первая лекция называлась «Антропоцентрический взгляд на грамматику языка». У языков различается состав грамматических категорий, поскольку каждый язык сам «выбирает» для себя существенные атрибуты словарного класса, и этот отбор происходит на протяжении длительного исторического отрезка времени. Грамматическая система любого языка — это наиболее устоявшаяся и медленно поддающаяся изменению часть языкового строя. Ее формирование осуществляется в течение многих веков и даже тысячелетий, и поэтому в ней не могут не отражаться особенности национального менталитета и мышления, обусловленные социополитическим климатом и культурно-этическими ценностями, характерными для того или иного народа. Антропоцентрический подход к интерпретации грамматики киргизского языка был продемонстрирован лектором на примере категории времени, посесивности и форм пунудительного залога.

Тема второй лекции — «Пространство и движение через призму языка». По когнитивным признакам, лежащим в основе единиц лексической номинации горного пространства (около 100 лексем), можно сказать, что киргизы осмысливают горную действительность в соответствии со своим жизненным опытом. И в концептуализации этого опыта киргизское языковое сознание членит горный ландшафт, выделяя такие когнитивные признаки, как пространственное соположение, степень наклона, характер поверхности, форму, размер, высоту, пригодность к использованию, пригодность к прохождению, степень крутизны, отсутствие простора, удобство использования, меру доступности.

Многовековой опыт жизни киргизов в постоянном движении, кочевки с одного места на другое наложил свой отпечаток на процесс языковой концептуализации движения-

перемещения. Высокая номинативная плотность (около 20 непроизводных лексем, обозначающих движение) свидетельствует о том, что для сознания древних кочевников крайне важно актуализировать движение в разных направлениях (по вертикали и по горизонтали), а это демонстрирует объемное восприятие пространства. Русское языковое сознание не дифференцирует направление движения по вертикали. Необозримое равнин и бескрайние просторы, по которым русский человек большей частью передвигался вширь, по горизонтали, говорит о плоскостном восприятии пространства.

Для англичан окружающий мир был в большей степени статичным, чем динамичным. Можно предположить, что языковое сознание англичан в значительной степени субстантно. Языковым подтверждением этих положений может служить не только номинативная «скудность»: в английском языке только два глагола движения (*to go* — идти, *to come* — приходиться), но и случаи так называемой языковой «компенсации», когда для выражения глагольного движения привлекаются слова других частей речи.

Третья лекция была посвящена языковой картине мира киргизов. В предложенной лекции З. К. Дербишева представила слушателям описание киргизской языковой картины мира, которую формируют следующие макроконцепты:

- 1) жизненные ценности киргиза;
- 2) языковое восприятие пространства;
- 3) языковое восприятие времени;
- 4) родственные узы;
- 5) этноязыковой портрет киргиза;
- 6) киргизская женщина;
- 7) эмоции киргиза;
- 8) слово и разум.

Еще одна лекция проф. З. К. Дербишевой была посвящена национальной концептосфере и этноязыковому сознанию. В ходе этого выступления слушатели познакомились с национальной киргизской концептосферой, которую образуют 25 ключевых концептов: *Комуз* (национальный инструмент), *Бозуй* (юрта), *Тоо* (горы), *Бала* (ребенок), *Жылкы* (конь), *Бакыт* (счастье), *Аккалпак*, *Сөз* (слово), *Аялзат* (женщина), *Каада-салт* (обычай), *Өмүр* (жизнь), *Өлүм* (смерть), *Аш-той* (пир-поминки), *Тууган-урук* (родня), *Абийир-намыс* (совесть), *Адамкерчилик* (человечность), *Ажал* (рок), *Ынтымак* (согласие), *Кут* (благодать), *Арбак* (дух), *Арман* (нереализованное желание), *Бата* (благопожелание).

Лектор представила метод и принципы описания национальной концептосферы. Предложенное описание включало две час-

ти: краткий лингвокультурологический экскурс в историю каждого концепта и анализ результатов ассоциативного эксперимента, на основании которого были выявлены типы когнитивной интерпретации каждого слова-стимула.

Приведем впечатления о Летней научной школе, которыми поделились ее слушатели.

Лейла Юрьевна Мирзоева (д-р филол. наук, ассоциированный профессор, Университет имени Сулеймана Демиреля, г. Алма-Ата, Казахстан): «Прежде всего большое спасибо за интересную, насыщенную программу и за удачное сочетание интенсивного интеллектуального труда и яркого отдыха!

В ходе работы Летней школы было достигнуто органичное сочетание различных аспектов современной лингвистической теории и практики. Лекции профессоров М. В. Пименовой, В. В. Красных, А. А. Камаловой, А. П. Чудинова, З. К. Дербишевой отражали ключевые, насущные проблемы, с необходимостью решения которых неизбежно сталкиваются филологи, ведущие исследования в сфере лингвокультурологии и лингвоконцептологии. Глубокое проникновение в суть процесса формирования национальной картины мира отличает исследования, с которыми слушатели ознакомились на Летней школе. Огромную прикладную значимость имеют представленные слушателям школы исследования профессора А. П. Чудинова в области „молодых“ отраслей лингвистической науки — политической и юрислингвистики. Думается, информация, которой имели возможность обменяться лекторы и слушатели, представлявшие различные университеты и научные школы России, Польши, Казахстана, а также страны-организатора школы — Киргизии, очень полезна. В целом хочется пожелать продолжения интересного и плодотворного сотрудничества и реализации значительного проекта, каким является Международная научная школа „Когнитивная лингвистика и концептуальные исследования“».

Калия Одесовна Кулалиева (канд. филол. наук, ст. преп., Киргизско-Турецкий университет „Манас“, г. Бишкек, Киргизия): «Летняя школа на Иссык-Куле была организована на высоком уровне. Научные доклады российских и киргизских ученых были полезны как для молодых ученых, которые только открывают для себя мир науки, так и для тех, кто идет на защиту докторской диссертации. Дискуссии и беседы с учеными, обмен мнениями, ответы на многие вопросы, озвученные во время тренинга, помогли определить и решить многие проблемы, стоящие перед нами. Возможность неформаль-

ного общения с известными российскими учеными — одно из преимуществ этой школы. Школа предоставила нам возможность дальнейшего сотрудничества, и этому все рады.

Огорчает только одно: не все желающие могли поехать на Иссык-Куль, по разным причинам.

Желаю всем слушателям и лекторам Летней школы успехов в работе, я с удовольствием буду посещать последующие школы. Хотела бы спросить организаторов: можно ли расширить круг проблем, рассматриваемых школой? Например, включить другие филологические направления, такие как фольклористика, литературоведение и прочие».

Анна Сергеевна Зотова (помощник проректора по научной и инновационной деятельности УрГПУ): «Вчера утром мы прилетели из Бишкека, вернулись в суровую реальность рабочих будней. Ощущение, как будто тело вернулось, а душа еще на Иссык-Куле, перед глазами образы волшебных гор, красивейших роз и лица наших уважаемых лекторов и замечательных коллег, с которыми я очень рада знакомству. Возможно, вы удивитесь (а может, и нет), но в голове звучит ваш голос...

Спасибо вам за организацию замечательной Летней научной школы, внимательность и заботу. Я получила колоссальное удовольствие, массу впечатлений, информацию для размышления и вдохновение для написания диссертации.

Я желаю вам здоровья, вдохновения, талантливых учеников и всего самого доброго!»

Елена Ильясовна Жоламанова (канд. филол. наук, ст. преп., Киргизско-Турецкий университет «Манас», г. Бишкек, Киргизия): «Летняя школа на Иссык-Куле была лучшей из всех, проведенных в Киргизии.

В качестве положительных черт надо отметить следующие:

- 1) лекции проводились в строгом соответствии с планом и регламентом;
- 2) все профессора читали лекции по современным направлениям лингвистики, что очень актуально для преподавателей Киргизии, которые не имеют возможности часто ездить в Россию или тем более Европу;
- 3) молодые преподаватели Бишкека надеются на научные связи с приезжавшими лекторами, хотят активно участвовать в дальнейшей работе научного сообщества;
- 4) в Летней школе участвовали преподаватели из Нарына, Таш-Кумыра (Киргизия), Тараза (Казахстан), Чимкента, т. е. из небольших городов;
- 5) на лекциях Летней школы всегда бывают представители далекой Якутии, равно как и других регионов России;

6) в распорядок дня Летней школы гармонично вошли и занятия йогой на берегу Иссык-Куля, проводимые Аллой Алексеевной. Это удивительная женщина, которая в своем элегантном возрасте была интересной для всех слушателей и как тренер, и как талантливый оратор.

Отрицательных моментов просто не было».

Вера Станиславовна Новикова (ст. преп., Национальный исследовательский Томский политехнический университет, Россия): «Принимая участие в ЛШ, я почувствовала, что оказалась в кругу людей, поистине преданных своему делу. Хотя мы и находились в другой стране, в Киргизии, все мы разговаривали на одном языке, русском. Меня не покидало ощущение полного понимания, когда я общалась с российскими, казахскими и киргизскими коллегами. За время пребывания на Летней школе я прослушала курс очень важной лингвистической информации и вдохновилась проделанной работой и колоссальным опытом своих теперь уже друзей, но поняла — мне есть к чему стремиться! А еще мне очень понравились слова московского профессора Виктории Владимировны Красных, которая вспомнила строчки из стихотворения, что есть родство по крови и родство по слову: „...так вот, родство по слову порождает слово, а родство по крови порождает кровь, — а мы с вами, коллеги, родные по слову, и наше родство порождает слово“. Результаты моей поездки: обмен опытом с коллегами в области лингвоконцептологии, лингвокультурологии, изучение теоретических аспектов когнитивных и концептуальных исследований, методик исследования концептов».

Лина Митрофановна Готовцева (канд. филол. наук, ст. науч. сотр., Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Республика Саха (Якутия), Россия): «Считаю, что мне очень повезло, что я попала в Летнюю школу на Иссык-Куле. Все сошлось: интересные лекторы, условия проживания и еда, прекрасная погода и благословенная киргизская земля. Хочу отметить организаторские способности уважаемой Марины Владимировны, которая без особого надрыва, спокойно организовывала мероприятия, экскурсии. Спасибо лекторам, которые делились своими знаниями, любезно предоставляли материал. Мы вернулись сюда на родину с огромным багажом знаний, которые попытаемся использовать в дальнейшей работе. Отдельное спасибо киргизским коллегам, Замире Касымбековне и девушкам».

Евдокия Николаевна Афанасьева (канд. филол. наук, Политехнический институт

(филиал) Северо-Восточного федерального университета, Республика Саха (Якутия), Россия): «О школе я знала, получала информационные письма, но решила принять участие только этим летом, так как хотелось послушать лекции Марины Владимировны Пименовой и Виктории Владимировны Красных, заодно узнать побольше о Киргизии. Ранее была знакома с их работами, рекомендовала студентам при выполнении дипломных работ. В школе я получила ответы на многие интересующие меня вопросы, а также появилась возможность взглянуть на некоторые проблемы с другой стороны, найти несколько другой ракурс. Ради этого и стоило посещать занятия. Спасибо Алле Алексеевне Камаловой за уроки академической филологии и... йоги. Восхищает удивительное сочетание тонкости, хрупкости и твердой силы. Лекции Замиры Касымбековны Дербишевой мне были интересны как специалисту по якутскому языку. Как много общего сохранилось в киргизском и якутском языках, хотя распад общетюркского языка произошел достаточно давно и каждый народ выбрал свой путь развития! Невольно задумаешься об исторических связях наших народов и истоках культуры. На своих лекциях Анатолий Прокопьевич Чудинов дал понять важность практического применения возможностей современной лингвистики. Иногда нам так не хватает мужского рационального ума. В общем, было о чем и над чем подумать».

Хотя школа предназначалась для русистов и германистов, меня порадовало то, что она собрала и тюркологов, специалистов по киргизскому и казахскому языкам. Большое спасибо хозяевам, Аиде Касиевой, Нуржамал Чонмуруновой, Нурлан Алымкуловне Ахметовой за радушный прием. Привет казахским коллегам, Мире Балтымовой, Азимхану Ыбырайыму, Райхан Абнасыровой.

С большим удовольствием почувствовала себя „школьницей“, рада была сочетать приятное с полезным. Получила массу впечатлений от Иссык-Куля и Музея петроглифов — места, где встречаются древняя история и современность. Надеюсь передать полученные знания своим студентам. Выражаю большую благодарность Марине Владимировне и ее группе поддержки, особенно Анне Викторовне Хреновой, за четкость организации и непринужденность обстановки, умелое сочетание серьезной работы и отдыха».

Анна Викторовна Хренова (руководитель сектора международных программ и проектов, Сибирский государственный индустриальный университет, г. Новокузнецк, Россия): «В город Бишкек на Летнюю науч-

ную школу по когнитивной лингвистике, проводимую Мариной Владимировной совместно с киргизскими коллегами, я приезжаю второй раз. Сама идея организации научной школы как особой образовательной модели и формы общения лекторов и слушателей мне кажется замечательной. С одной стороны, слушатели, среди которых были и состоявшиеся ученые, и молодые, начинающие исследователи, получили уникальный шанс посетить лекции ведущих лингвистов-когнитологов из России, Киргизии, Польши, под разным углом взглянуть на изучаемые проблемы. С другой стороны, рекомендации, отзывы и советы, которыми делились лекторы в ходе дружеских бесед с нами — со слушателями, очень сильно помогли в работе и дали импульс к проведению новых исследований. Еще одной важной и чрезвычайно приятной составляющей Школы было место ее проведения. Мне очень нравится город Бишкек, и искренне восхищает бережное отношение киргизов к своей истории, памятникам и архитектурному облику города. И, конечно же, красота озера Иссык-Куль и снежных горных вершин никого не может оставить равнодушным. Хотелось бы сказать большое спасибо организаторам и лекторам школы! Чоң рахмат!»

Мира Рашидовна Балтымова (канд. филол. наук, зав. каф. казахской литературы, Актюбинский региональный государственный университет им. К. Жубанова, Казахстан): «Для человека, связывающего свою жизнь с образованием и наукой, даже отдых должен позволять совмещать приятное с полезным. Этим летом я получила и образование, и советы, и общение, и экскурсии благодаря Летней школе.

Во-первых, мне удалось послушать лекции именитых ученых: З. К. Дербишевой, А. А. Камаловой, В. В. Красных, М. В. Пименовой, А. П. Чудинова. Каждый из них старался сообщить как можно больше сведений из своей области научных интересов и познакомиться со своими исследованиями в форме нетрадиционной беседы.

Во-вторых, молодые ученые получили возможность апробировать свои исследовательские проекты перед известными учеными и научной публикой из нескольких стран.

В-третьих, каждый день нашего отдыха сопровождался полезными экскурсиями по живописным окрестностям Иссык-Куля и музеем. Таких мероприятий было очень много благодаря энергичности организатора Летней школы уважаемой Марины Владимировны.

В-четвертых, мы стремились всегда держаться вместе, начиная с утренних упражнений йогой вместе с очаровательным и

мудрым профессором Аллой Алексеевной Камаловой, которая всегда и везде умело объединяла всех и тем самым поддерживала дух Школы, и заканчивая вечерней дискотеккой. Мне понравилось беседовать с профессором Равилем Айсавичем, который всегда поддерживал молодых.

В-пятых, полезные и приятные знакомства с учеными серьезно повлияли на планирование будущей деятельности.

В целом Летняя школа оставила незабываемые впечатления в моей памяти, и этими впечатлениями я готова делиться со всеми.

Желаю всем творческих успехов!»

Людмила Вадимовна Загуменнова (учитель, г. Екатеринбург, Россия): «Человек хочет пить — ищет себе источник. И одному везет сразу — он находит море, другой — свою реку, а кто-то долго бродит со своим кувшином, пробуя из чужих родников и... но так и не может найти свой. Мне неожиданно повезло: я попала на Летнюю лингвистическую школу и пропала, точнее, нашла свой КЛЮЧ.

Что такое Школа? Это встречи. Разные. С людьми, наукой, природой, другой культурой. Эти общения переплетаются, ломают барьеры времени и пространства, создавая параллельную жизнь, дающую убежище от повседневности. Здесь нет границ, нет иерархии отношений. Помните, как, будучи студентами, ездили на практику „в поля“? Преподаватели, студенты в одной палатке, под одним дождем, солнцем, еда из одного котелка... А в памяти только радость некоего открытия, разговор с Учителем по нескончаемой дороге из деревни в деревню и вечерние песни под гитару у костра. Все это здесь, лишь подкорректирован формат: новый пансионат „Сайран“ на берегу живописного озера Иссык-Куль, трехразовое питание в столовой, и жаль, никто не взял с собой гитару. А все остальное — непрерывный процесс обогащения и самосовершенствования через общение».

Диана Мустафаевна Кыдыралиева (аспирантка, Киргизско-Российский славянский университет, г. Бишкек, Киргизия): «22-я международная Летняя научная школа „Когнитивная лингвистика и концептуальные исследования: русский язык и русская лингвокультурологическая школа“, в которой мне посчастливилось принять участие, дала мне не только новые знания в области когнитивной лингвистики, но и новые знакомства. О школе у меня остались только незабываемые воспоминания и приятные впечатления. Все лекции проходили очень интересно, была возможность подискутировать и

здать вопросы (причем не только по теме лекций). Летняя школа продолжила свою работу на Иссык-Куле – жемчужине Киргизии. Организаторы Школы постарались на славу, нашли прекрасный пансионат с номерами со всеми удобствами, предоставили комфортабельный транспорт. Нам удалось совместить приятное с полезным (учебу с отдыхом). Программа была очень насыщенной. Мы успевали слушать лекции, заниматься по утрам цигун-йогой, по вечерам – танцевать, после лекций ходить в походы и на экскурсии. Нам удалось в такой короткий срок посетить много достопримечательностей и музеев: от пейзажных ущелий Иссык-Куля до Музея петроглифов в Чолпон-Ате.

Для меня, как молодой аспирантки, Летняя школа дала большой опыт, новые знания, которые мне понадобятся для написания моей работы. Горячие дискуссии, общее активное времяпровождение, приятная и дружеская атмосфера — вот такими словами можно описать Летнюю школу. Судьба дала мне шанс приобрести новых друзей,

познакомиться с выдающимися лингвистами. Огромную благодарность приношу организаторам и лекторам, которые обладают не только живым умом, знаниями, но и прекрасными человеческими характеристиками, а именно добротой, отзывчивостью, веселым и дружелюбным нравом. Желаю дальнейших успехов вам и жду с нетерпением начала следующей школы!!!»

Международная Весенняя научная школа «Когнитивная лингвистика и концептуальные исследования» состоится в г. Бишкеке на базе Киргизско-Турецкого университета «Манас» (Киргизия) в период с 10 по 15 апреля 2017 г., тогда же будет проводиться Международный лингвистический симпозиум «Язык, культура, этнос». Среди лекторов Весенней школы ведущие когнитологи России, Белоруссии (Сергей Григорьевич Воркачев, Владимир Ильич Карасик, Валентина Авраамовна Маслова, Марина Владимировна Пименова, Иосиф Абрамович Стернин, Анатолий Прокопьевич Чудинов). Мы рады будем увидеться снова со своими коллегами и друзьями на этих научных мероприятиях.

Z. K. Derbisheva
Bishkek, Kyrgyzstan
M. V. Pimenova
St. Petersburg, Russia
A. V. Tsygankova
Ekaterinburg, Russia

**THE XXII SUMMER SCIENTIFIC SCHOOL “COGNITIVE LINGUISTICS AND CONCEPTUAL RESEARCH”
(AUGUST 15—25, KYRGYZSTAN, BISHKEK — ISSYK-KUL)**

ABSTRACT. *The XXII International Summer Scientific School "Cognitive Linguistics and Conceptual Research" was held in August 15-25, 2016. This school was conducted on the basis of the Russian Centre of Science and Culture (Bishkek, Kyrgyzstan). The participants were Post-graduate students, Master's Degree students and university lecturers from four countries: Russia, Kyrgyzstan, Kazakhstan and Poland. The lectures were given by the prominent Professors, among them were Zamira Kasymbekovna Derbisheva (Bishkek, Kyrgyzstan), Alla Alekseevna Kamalova (Olsztyn, Poland), Viktoria Vladimirovna Khrasnykh (Moscow, Russia), Marina Vladimirovna Pimenova (Saint-Petersburg, Russia), Anatoly Prokopievich Chudinov (Ekaterinburg, Russia). The lectures addressed the issues of cognitive linguistics, conceptology, cultural linguistics, psycho-cultural linguistics, linguistic personology, conceptual, linguistic, folklore and scientific pictures of the world and linguistic expertise. The beauty of lake Issyk-Kul, live scientific communication, extensive cultural program — these are the main factors that attract scientists from different countries, who took part in this conference. Summer school on the banks of Issyk-Kul has become a tradition — this scientific school was held for the third time.*

KEYWORDS: *conceptology; cultural linguistics; psycho-cultural linguistics; conceptual; linguistic; folklore and scientific pictures of the world.*

ABOUT THE AUTHOR: *Derbisheva Zamira Kasymbekovna, Doctor of Philology, Professor, Kyrgyz Turkish Manas University, Bishkek, Kyrgyzstan.*

ABOUT THE AUTHOR: *Pimenova Marina Vladimirovna, Doctor of Philology, Professor, Honored Doctor of the Military Academy for Logistics, Corresponding Member of the Siberian Academy of Sciences of Higher School, Head of Department of Foreign Languages and the Russian Language of the Military Academy for Logistics, St. Petersburg, Russia.*

ABOUT THE AUTHOR: *Tsygankova Anna Vladislavovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Methods of Teaching School Subjects in a Special (Correctional) School, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.*

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ АВТОРАМИ РУКОПИСЕЙ В ЖУРНАЛ «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА»

«Политическая лингвистика» издается как узкоспециализированный научный журнал, ориентированный на максимально широкий круг читателей и многонациональный состав авторов, представляющих различные научные школы и направления в России и других странах.

Журнал «Политическая лингвистика» адресован филологам, политологам, социологам, журналистам и политикам. Редакционная коллегия приглашает к сотрудничеству всех специалистов по политической лингвистике и смежным проблемам.

Мы против политической цензуры, с уважением относимся к политическим взглядам авторов наших публикаций, но за соблюдение принципов толерантности и политической корректности, в том числе в статьях, созданных в рамках критического анализа дискурса.

Авторы, предлагающие статьи для публикации, должны учитывать проблематику журнала, который включает следующие разделы:

1. Рубрика «Теория политической лингвистики» предоставляет трибуну ведущим специалистам по политической лингвистике.

2. Рубрика «Политическая коммуникация» включает теоретические статьи, в которых значительное место занимает практический анализ языковых фактов.

3. В разделе «Язык — политика — культура» представлены исследования публицистических, рекламных, разговорных и художественных текстов, в той или иной степени значимые для политической лингвистики.

4. Раздел «Лингвистическая экспертиза: язык и право» объединяет статьи по проблемам, находящимся на пересечении политической и юридической лингвистики.

5. В рубрике «Зарубежный опыт» публикуются впервые переведенные на русский язык работы, которые, хотя и написаны много десятилетий назад, сохраняют свою значимость для теории и истории науки, а также работы современных исследователей, написанные на иностранных языках.

6. Рубрика «Рецензии. Хроника» представляет современный научный дискурс: в ней публикуются рецензии на самые новые и актуальные научные труды по политической лингвистике, освещаются крупные научные конференции.

7. Непостоянная рубрика «Дискуссии» предоставляет площадку для полемики между представителями различных или диаметрально противоположных взглядов на проблемы политической лингвистики и когнитивистики. Как правило, в разделе публикуется несколько материалов, излагающих соперничающие концепции.

Научные направления:

Основная специальность: 10.00.00 — Филологические науки

Издательство: ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»

Адрес редакции: 620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов 26, каб. 219

Главный редактор: доктор филологических наук, профессор Чудинов Анатолий Прокопьевич

Телефоны/ факс: (343) 336-15-92

E-mail: ap_chudinov@mail.ru

Выпускающий редактор: кандидат филологических наук Ворошилова Мария Борисовна

Телефон: 8-922-6128661

E-mail: shinkari@mail.ru

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации **ПИ №ФС 77-34838** от 25.12.2008

Зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standard Serial Numbering — ISSN) с присвоением международного стандартного номера **ISSN 1999-2629** от 14.05.2008

Включен в каталог Роспечать. **Индекс 81954.**

С 2010 года решением Президиума ВАК Министерства образования и науки РФ включен в **Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий**, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидат наук.

Материалы журнала регулярно размещаются на платформе **Российского индекса научного цитирования** (РИНЦ). http://elibrary.ru/title_about.asp?id=28049.

Материалы для публикации присылаются в электронном виде. Набор должен быть выполнен в текстовом редакторе WORD в соответствии со следующими требованиями:

- Объем статьи не менее 18 и не более 44 тыс. знаков с пробелами.
- Формат страницы — А4; гарнитура — Times New Roman; размер кегля — 14; межстрочный интервал — 1,5.
- Ссылки на литературу делаются в тексте в квадратных скобках. Например: [Иванов 2000: 56—57]. Список литературы (по алфавиту) помещается после текста статьи и оформляется по ГОСТ 7.0.5.-2008 (см. образец).
- Отдельными файлами прилагаются: рисунки (только черно-белые, без полутонов) — в векторных форматах — AI, CDR, WMF, EMF; в растровых форматах — TIFF, JPG с разрешением не менее 300 то-

чек/дьюм в реальном размере; диаграммы из программ «MS Excel», «MS Visio» и т. п. вместе с исходным файлом, содержащим данные.

Для публикации статья должна соответствовать требованиям РИНЦ, то есть, помимо основного текста, содержать следующие сведения на русском и английском языках.

1. Сведения об авторах (если их несколько, то обо всех):

- Фамилия, имя, отчество автора полностью.
- Ученая степень, звание, должность.
- Полное и точное место работы автора.
- Подразделение организации.

Контактная информация (e-mail, почтовый адрес для рассылки и для публикации в журнале).

2. Название статьи.

3. Аннотация (объемом 200 слов, или 2000 знаков с пробелами).

4. Ключевые слова (5—10 слов).

5. Тематическая рубрика, УДК, ГСНТИ и код ВАК.

Обязательным условием публикации является наличие отзыва доктора наук.

Списки литературы следует оформлять по ГОСТ Р. 7.0.5.-2008.... Образцы оформления:

СТАТЬИ ИЗ ЖУРНАЛОВ И СБОРНИКОВ

Адорно Т. В. К логике социальных наук // Вопр. философии. 1992. № 10. С. 76—86.

Crawford P. J., Barrett T. P. The reference librarian and the business professor: a strategic alliance that works // Ref. Libr. 1997. Vol. 3. № 58. P. 75—85.

Если авторов четыре и более, то заголовок не применяют (ГОСТ 7.80-2000).

Корнилов В. И. Турбулентный пограничный слой на теле вращения при периодическом вдуве / отсосе // Теплофизика и аэромеханика. 2006. Т. 13. № 3. С. 369-385.

Кузнецов А. Ю. Консорциум — механизм организации подписки на электронные ресурсы // Российский фонд фундаментальных исследований: десять лет служения российской науке. — М.: Науч. мир, 2003. С. 340—342.

КНИГИ

Тарасова В. И. Политическая история Латинской Америки: учеб. для вузов. 2-е изд. — М.: Проспект, 2006. С. 305—412.

Допускается предписанный знак точку и тире, разделяющий области библиографического описания, заменять точкой.

Философия культуры и философия науки: проблемы и гипотезы: межвуз. сб. науч. тр. / Саратов. гос. ун-т; [под ред. С. Ф. Мартыновича]. — Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1999.

Допускается не использовать квадратные скобки для сведений, заимствованных не из предписанного источника информации

Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. 5-е изд., перераб. и доп. — М.: ИНФРА-М, 2006. 494 с.

Если авторов четыре и более, то заголовок не применяют (ГОСТ 7.80-2000)

АВТОРЕФЕРАТЫ

Глухов В. А. Исследование, разработка и построение системы электронной доставки документов в библиотеке: автореф. дис. ... канд. техн. наук. — Новосибирск, 2000.

ДИССЕРТАЦИИ

Фенухин В. И. Этнополитические конфликты в современной России: на примере Северо-Кавказского региона: дис. ... канд. полит. наук. — М., 2002. С. 54—55.

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ОБЗОРЫ

Экономика и политика России и государств ближнего зарубежья: аналит. обзор, апр. 2007 / Рос. акад. наук, Ин-т мировой экономики и междунар. отношений. — М.: ИМЭМО, 2007.

ПАТЕНТЫ

Патент РФ № 2000130511/28, 04.12.2000.

Еськов Д. Н., Бонштедт Б. Э., Корешев С. Н., Лебедева Г. И., Серегин А. Г. Оптико-электронный аппарат // Патент России № 2122745. 1998. Бюл. № 33.

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИЙ

Археология: история и перспективы: сб. ст. Первой межрегион. конф. — Ярославль, 2003.

Марьинских Д. М. Разработка ландшафтного плана как необходимое условие устойчивого развития города (на примере Тюмени) // Экология ландшафта и планирование землепользования: тезисы докл. Всерос. конф. (Иркутск, 11—12 сент. 2000 г.). — Новосибирск, 2000. С. 125—128.

ИНТЕРНЕТ-ДОКУМЕНТЫ

Официальные периодические издания: электронный путеводитель / Рос. нац. б-ка, Центр правовой информации. [СПб.], 2005—2007. URL: <http://www.nlr.ru/lawcenter/izd/index.html> (дата обращения: 18.01.2007).

Логинова Л. Г. Сущность результата дополнительного образования детей // Образование: исследовано в мире: междунар. науч. пед. интернет-журн. 2003.21.10. URL: <http://www.oim.ru/reader.asp?nomer=366> (дата обращения: 17.04.2007).

<http://www.nlr.ru/index.html> (дата обращения: 20.02.2007).

Рынок тренингов Новосибирска: своя игра. URL: <http://nsk.adme.ru/news/2006/07/03/2121.html> (дата обращения: 17.10.2008).

Литчфорд Е. У. С Белой Армией по Сибири // Восточный фронт Армии Генерала А. В. Колчака. URL: <http://east-front.narod.ru/memo/latchford.htm> (дата обращения: 23.08.2007).

**Московский государственный институт
международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации
(МГИМО МИД России)**

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПИСЬМО

8—9 декабря 2016 г. в МГИМО состоится юбилейный X Конвент Российской ассоциации международных исследований (РАМИ) на тему «25 лет внешней политике России». Право формирования списков докладчиков остается за модераторами секций. Все желающие принять участие в работе Конвента с докладом могут до 20 ноября (включительно) направить тезисы своего доклада модератору соответствующей секции. Прием текстов докладов будет завершён 15 января 2017 г.

Требования к оформлению тезисов докладов

1. Материалы должны быть представлены в формате Microsoft Word (.doc/.docx) на русском и/или английском языках.
2. Объем не должен превышать 3000 знаков (с пробелами).
3. Шрифт Times New Roman, кегль 14, интервал между строками 1,5.
4. Расположение заголовка — по центру, выравнивание основного текста — по ширине.
5. В левом верхнем углу на первой странице должны быть указаны следующие данные об авторе:
 - фамилия, имя, отчество (полностью);
 - место работы или учебы (наименование учреждения или вуза — полностью);
 - должность, ученая степень, ученое звание (если имеются);
 - контактная информация (адрес, телефон, факс, e-mail).

Списки докладчиков и тезисов будут публиковаться на интернет-странице мероприятия в разделе «Секции» (<http://www.risa.ru/ru/sections/x-sections>) с 21 по 28 ноября по мере направления их модераторами секций в адрес Организационного комитета Конвента.

Предполагается работа следующих секций.

• **Конференция «Россия и АСЕАН в АТР: динамика взаимодействия, региональные процессы и глобальный контекст (к итогам юбилейного года диалогового партнерства Россия — АСЕАН)»**

Контакты: e.koldunova@inno.mgimo.ru (в заголовке письма просьба указывать тему «РАМИ – конференция Россия-АСЕАН»)

Блок 1. Внешняя политика России в современном мире

• **Секция № 1. Россия среди ведущих мировых держав XXI века. Старые и новые форматы взаимодействия**

Модераторы: А. Д. Воскресенский, Т. А. Шаклеина

Контакты: shakleina-tania@yandex.ru (ставить в копию: e.koldunova@inno.mgimo.ru, в заголовке письма просьба указывать тему «РАМИ – название секции»)

• **Секция № 2. Внешняя политика России в условиях турбулентности современного мира**

Модератор: М. М. Лебедева

Контакты: mmlebedeva@gmail.com

• **Секция № 3. Поворот России к Азии и российский Дальний Восток: промежуточные итоги и перспективы**

Модератор: В. В. Панова (Дальневосточный федеральный университет)

Контакты: victoria.panova@gmail.com (ставить в копию: lukin.al@dvfu.ru (Артем Леонидович Лукин))

• **Секция № 4. Россия и Запад: 25 лет нового диалога с мировыми лидерами**

Модератор: В. О. Печатнов

Контакты: iskander2017@yandex.ru (Искандер Эдуардович Магадеев)

- **Секция № 5. Россия и современные интеграционные процессы**
Модератор: Н. Ю. Кавешников
Контакты: europa@mgimo.ru; nikandrrr@mail.ru
- **Секция № 6. Россия и страны Азии: актуальные проблемы двусторонних отношений**
Модератор: Д. В. Стрельцов
Контакты: a.kireeva@my.mgimo.ru (Анна Андреевна Киреева; в заголовке письма просьба указывать тему «РАМИ – название секции»)
- **Секция № 7. Внешняя энергетическая политика и дипломатия России**
Модератор: В. И. Салыгин
Контакты: mter@mgimo.ru, тел.: +7 (495) 434-92-27
- **Секция № 8. Мегaproекты – новый этап развития региональной интеграции. Вызовы для российской внешней политики**
Модератор: С. П. Глинкина (Институт экономики РАН)
Контакты: 319@transecon.ru, тел.: +7 (499) 128-67-80
- **Круглый стол «Трансрегионализм Евразии»**
Модератор: А. Д. Воскресенский
Контакты: e.koldunova@inno.mgimo.ru (в заголовке письма просьба указывать тему «РАМИ – название секции»)
- **Круглый стол «Внешняя политика России в зеркале СМИ»**
Модератор: Я. Л. Скворцов
Контакты: y.skvortsov@inno.mgimo.ru (ставить в копию: masumova@mail.ru (Нигяр Рагимовна Масумова))

Блок 2. 25 лет внешней политике России: региональное измерение

- **Секция № 1. Россия – Иberoамерика: опыт взаимодействия**
Подсекция 1. Латинская Америка.
Модератор: Л. С. Окунева (совместно с ИЛА РАН)
Контакты: liudmila31@yandex.ru
Подсекция 2. Испания
Модератор: С. М. Хенкин
Контакты: sergkhenkin@mail.ru
- **Секция № 2. Отношения Российской Федерации с объединенной Германией: от партнерства к недопониманию. Что впереди?**
Модераторы: А. В. Кузнецов (ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН)
Контакты: kuznetsov@imemo.ru
- **Секция № 3. Балканы и внешняя политика России. 1991-2016 гг.**
Модераторы: А. Н. Сквозников; Е. Г. Пономарева
Контакты: skvoznikov2003@mail.ru (в копию ставить: nastya304@mail.ru)
- **Секция № 4. Приоритеты российской внешней политики на Ближнем Востоке. 1991—2016 гг.**
Модератор: В. М. Морозов
Контакты: morozov_v_m@mgimo.ru
- **Секция № 5. Сотрудничество vs соперничество в Балтийском регионе и Россия. 1991—2016 гг.**
Модератор: В. В. Воротников
Контакты: vorotnikov.vladislav@gmail.com
- **Секция № 6. Кавказ в международных отношениях и внешняя политика России в 1991—2016 гг.**
Модераторы: М. А. Волхонский, В. М. Муханов
Контакты: caucas@inno.mgimo.ru

Блок 3. Российская дипломатия и дипломатическая служба

- **Секция № 1. Роль современной дипломатии в урегулировании глобальных и региональных проблем**
Модератор: А. Н. Панов
Контакты: Panov.Taishi@yandex.ru

- **Секция № 2. Эффективность сетевой дипломатии в решении актуальных международных проблем**
Модератор: В. В. Панова
Контакты: victoria.panova@gmail.com
- **Секция № 3. Публичная дипломатия и политические коммуникации в мировой практике**
Модераторы: А. А. Великая (Фонд поддержки публичной дипломатии им. А. М. Горчакова),
О. В. Лебедева
Контакты: velikaya@gorchakovfund.ru, o.lebedeva@mgimo.ru
- **Секция № 4. Публичная дипломатия как фактор преодоления международной блокады Крыма**
Модераторы: Г. Л. Мурадов, Т. А. Сенюшкина (Крымский федеральный университет)
Контакты: tsenyushkina@yandex.com
- **Секция № 5. Спортивная дипломатия: проблемы и перспективы интеграции России в мировое спортивное сообщество**
Модератор: Е. А. Пономарева
Контакты: rudaya.mgimo@gmail.com
- **Семинар «„Мягкая сила” как фактор международной политики: теория и современные реалии»**
Модератор: А. Г. Глинчикова
Контакты: alla.glinchikova@gmail.com

Блок 4. Транзитология

- **Секция № 1. Опыт политического и социально-экономического транзита в странах ЦВЕ и Балтии**
Модератор: А. В. Мальгин
Контакты: a.habarta@inno.mgimo.ru (Анджей Артурович Габарта)
- **Секция № 2. Независимая Украина и внешний мир: смыслы, интерпретации, тенденции в развитии отношений**
Модератор: Г. М. Лесная (совместно с Российской ассоциацией украинистов)
Контакты: glesnaya@mail.ru

Блок 5. История и теория международных исследований

- **Секция № 1. История международных отношений в современной отечественной литературе: историография и методология**
Модератор: А. В. Ревякин
Контакты: a.reviakin@mail.ru
- **Секция № 2. Актуальные проблемы ТМО и политической теории**
Модератор: Т. А. Алексеева
Контакты: political.theory@mgimo.ru, ataleks@mail.ru
- **Секция № 3. Проблемы эффективности внешней политики: компаративный ракурс**
Модератор: О. В. Гаман-Голутвина
Контакты: ogaman@mail.ru
- **Секция № 4. Результаты и перспективы международных исследований в решении проблем природопользования и экологии**
Модератор: Р. А. Алиев
Контакты: ecology@inno.mgimo.ru (в копию ставить: jileyka90@gmail.com)
- **Секция № 5. Ценности, интеграция и конфликт**
Модератор: М. И. Рыхтик
Контакты: mrykhtik@yandex.ru
- **Секция № 6. Ценностные проекты будущего: конкуренция внешнеполитических дискурсов и стратегий**
Модератор: М. М. Мчедлова (РУДН, ИС РАН); Каролин Дюфи (Sciences Po Bordeaux)
Контакты: mchedlova_mm@pfur.ru

Блок 6. Оборонная политика и проблемы безопасности

- **Секция № 1. Международные конфликты: политика государств и международных организаций**
 Модератор: А. И. Никитин (совместно с Российским Пагуошским Комитетом при Президиуме РАН)
 Контакты: centercpis@gmail.com (ставить в копию: an@inno.mgimo.ru, sktse@mail.ru)
- **Секция № 2. Борьба с международным терроризмом: глобальные и региональные аспекты**
 Модератор: А. А. Казанцев
 Контакты: andrka@mail.ru
- **Секция № 3. Система государственного управления и новые вызовы национальной безопасности: проблемы построения эффективного механизма реагирования на национальном уровне**
 Модераторы: В. И. Добросоцкий, М. Ю. Мاستушкин
 Контакты: mastushkin@rambler.ru

Блок 7. Мировая экономика и международные экономические отношения

- **Секция № 1. Россия в мировой экономике**
 Модератор: И. Н. Платонова
 Контакты: ier@inno.mgimo.ru, irplato56@mail.ru
- **Секция № 2. Итоги, проблемы и перспективы экономической глобализации в мире**
 Модератор: А. С. Булатов
 Контакты: mirec@mgimo.ru
- **Секция № 3. Россия в системе содействия международному развитию**
 Модератор: А. В. Абрамова
 Контакты: anna.vl.abramova@gmail.com
- **Секция № 4. Корпоративная социальная ответственность как инструмент «мягкой силы» бизнеса в международных экономических отношениях**
 Модератор: Е. Б. Завьялова
 Контакты: e.zavyalova@inno.mgimo.ru

Блок 8. Социально-гуманитарные аспекты международных отношений

- **Секция № 1. Межкультурная коммуникация и внешняя политика России**
 Модераторы: А. В. Шестопап, М. В. Силантьева
 Контакты: silvari@mail.ru
- **Секция № 2. Психолого-педагогические и лингвистические аспекты подготовки специалистов международного профиля**
 Модераторы: Е. В. Пономаренко, Е. В. Воевода, Л. П. Костикова
 Контакты: 1pev2009@mail.ru, elenavoevoda@yandex.ru, kost@post.rzn.ru
- **Секция № 3. Профессионализм международника: вызовы современности и образовательные перспективы**
 Модераторы: И. А. Мазаева, К. Г. Чикнаверова
 Контакты: chiknaverova@mail.ru

Блок 9. Сравнительное правоведение и международное право

- **Секция № 1. Сравнительное правоведение**
 Модератор: Г. П. Толстопятенко
 Контакты: decanatmp@mgimo.ru
- **Секция № 2. Состязательность в международном праве**
 Модераторы: А. Н. Вылегжанин, А. Я. Капустин
 Контакты: ilc48@mail.ru, Vylegjanin@mgimo.ru
- **Секция № 3. Современное взаимодействие международного права и внешней политики России в сфере миграции населения**
 Модератор: Д. В. Иванов
 Контакты: prof.ivanovdv@gmail.com

Блок 10. Масс-медиа и дискурс

- **Секция № 1. 25 лет политической лингвистике в России**
Модератор: П. Б. Паршин
Контакты: pparshin@mail.ru
- **Секция № 2. Коммуникативный трек международной политики: старые и новые практики и их концептуализация**
Модератор: В. М. Сергеев
Контакты: laris-pulena@rambler.ru
- **Секция № 3. Проблемы и перспективы развития современного политического дискурса в массмедиа**
Модераторы: М. Р. Желтухина, Н. А. Чес
Контакты: zzmrg@mail.ru, natches@yandex.ru

С требованиями к оформлению текста доклада/статьи и другой информацией можно ознакомиться на интернет-страницах, посвященных Конвенту:

<http://www.risa.ru/ru/section>

<http://www.risa.ru/ru/>

Там же можно зарегистрироваться для участия в мероприятии.

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА
2016. ВЫПУСК 5 (59)

Адрес редакции:

620017, Екатеринбург, пр-т. Космонавтов 26, Уральский государственный педагогический университет, кафедра риторики и межкультурной коммуникации (каб. 285).

Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-34838 от 25.12.2008.

Подписано в печать 28.06.2016. Формат 60x84/8.

Бумага для множительных аппаратов. Печать на ризографе.

Уч.-изд. л. — 23,0. Усл. печ. л. — 23,6. Тираж 500 экз. Заказ 4752.

Оригинал-макет отпечатан в отделе множительной техники

Уральского государственного педагогического университета

620017 Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26

E-mail: uspu@uspu.ru